

О. В. ХАВАНОВА

The background features a historical painting of a city, likely Vienna, with a river in the foreground and a man in 18th-century attire on the right. The man is wearing a blue coat with black buttons and a red sash. The city is depicted with various buildings, including a large dome and a spire, and a river with a bridge. The sky is a mix of blue and white clouds.

ЗАСЛУГИ ОТЦОВ И ТАЛАНТЫ СЫНОВЕЙ

венгерские дворяне
в учебных заведениях
монархии Габсбургов
1746–1784

Алетейя

inslav

Серия
«STUDIA HUNGARICA»

основана в 2005 году

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Редколлегия серии

Золтан С. Биро
Татьяна Гусарова
Илона Киш
Наталия Куренная
Дюла Свак
Игорь Светлов
Акош Силади
Александр Стыкалин
Марта Фонт
Ольга Хаванова

Российская академия наук
Институт славяноведения

О. В. ХАВАНОВА

ЗАСЛУГИ ОТЦОВ
И ТАЛАНТЫ
СЫНОВЕЙ

венгерские дворяне
в учебных заведениях
монархии Габсбургов
1746-1784

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2006

УДК 37.01(439)
ББК 74.03(0)
X12

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И. С. Достян*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Т. П. Гусарова*
доктор исторических наук *Т. М. Исламов*

Хаванова О. В.

X12 Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746–1784 / О. В. Хаванова ; отв. ред. И. С. Достян. — СПб. : Алетейя, 2006. — 439 с. ; ил. — (Серия «Studia Hungarica»).

ISBN 5-89329-827-7

В монографии, основанной на впервые вводимых в научный оборот материалах венгерских, австрийских, словацких архивов, рассматривается политика австрийского просвещенного абсолютизма в сфере образования дворянского сословия во второй половине XVIII столетия в Венгрии. Описывается деятельность стипендиальных фондов, социальный состав соискателей и требования, предъявляемые властями к стипендиатам. Показывается, как образование повышало социальную мобильность и становилось необходимым условием сохранения привилегированного статуса для феодальных элит монархии. Устанавливается роль образования в формировании сложной взаимосвязи между принадлежностью к политической нации и зарождением современных национальных сообществ.

На обложке: Бернардо Белотто, *Вид Вены со стороны Бельведера, 1758/61* (Фото: Художественно-исторический музей, Вена); *Эскиз униформы воспитанников будайской Терезианской дворянской академии, утвержденный Марией Терезией* (Фото: Венгерский национальный архив, Будапешт: MOL. A 39. 2895/1777. Fol. 109); *Неизвестный мастер, Императрица Мария Терезия* (Фото: Архиепископский дворец, Прага)

На форзацах: *Золотая булла Марии Терезии* (Фото: Magyarország történeti emlékei az 1896. évi ezredéves országos kiállításon. Budapest, 1897–1901)

ISBN 5-89329-827-7

© Институт славяноведения РАН, 2006
© О. В. Хаванова, 2006
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2006
© «Алетейя. Историческая книга», 2006

*Моим родителям, Елене Ильиничне
и Владимиру Александровичу Хавановым*

ОТ АВТОРА

Эта книга начала создаваться задолго до появления замысла о ней. В 1992 г. профессор Эва Балаж посоветовала мне обратить внимание на значение венской Терезианской академии в истории Венгрии XVIII столетия. Роль данного учебного заведения, где обучались сыновья влиятельных аристократов и заслуженных дворян, в воспитании прогабсбургской элиты монархии была общеизвестна, однако специальных исследований о социальном составе венгерских воспитанников или их вкладе в политику и культуру страны не велось, ибо архив академии был фактически уничтожен в годы Второй мировой войны. Тема увлекала именно отсутствием простых решений. Пришлось потратить немало времени, чтобы найти в Венгрии источники, прямо или косвенно относившиеся к истории этого учебного заведения.

Постепенно из бумаг правительственных ведомств и частной корреспонденции начали вырисовываться контуры сложного механизма отбора кандидатов на королевские стипендии. Биографические данные о выпускниках, приведенные в обобщающих или специальных исследованиях, дополнялись неизвестными прежде подробностями времен их ранней юности. Сквозь призму отдельных судеб венгерское дворянство как сословие предстало во всей сложности корпоративных и индивидуальных интересов, всем многообразии межличностных и семейных связей. Этих столь непохожих друг на друга людей объединяло стремление дать своим детям достойное образование и тем самым обеспечить им лучшее будущее. Со временем стало очевидно, что Терезианум был лишь частью разветвленной системы привилегированных учебных заведений, и оценить его место в венгерской культуре можно, только вписав в более широкий контекст социальной и культурной политики австрийского

просвещенного абсолютизма и семейных образовательных стратегий различных слоев венгерского дворянства. Такая попытка предпринята в настоящей книге.

Любой исследовательский процесс предполагает живой научный диалог с учеными — специалистами в области связанного с темой монографии круга проблем. Без советов, деятельной помощи, критических замечаний моих российских, венгерских, австрийских коллег невозможно было бы добиться тех результатов, которые представлены на суд читателя. Я искренне признательна своей вдохновительнице Эве Балаж за идею книги, неоценимые советы по методике архивных изысканий, компетентные суждения по мельчайшим деталям проекта и веру в его научную значимость. Глубокой благодарности заслуживает мой австрийский консультант Грете Клингенштайн — ведущий специалист по истории монархии Габсбургов в XVIII в., у которой я постоянно учусь умению сочетать методологическую новизну с doskonaльным знанием эпохи.

Без преувеличения можно сказать, что книга творилась в архивах, и в многотрудном процессе поиска необходимых источников меня заботливо сопровождали сотрудники Венгерского национального архива — им я благодарна за их высокий профессионализм и компетентность, доброжелательность и постоянную готовность прийти на помощь. Я признательна также и сотрудникам Австрийского государственного архива, Словацкого национального архива и Областного архива Братиславы.

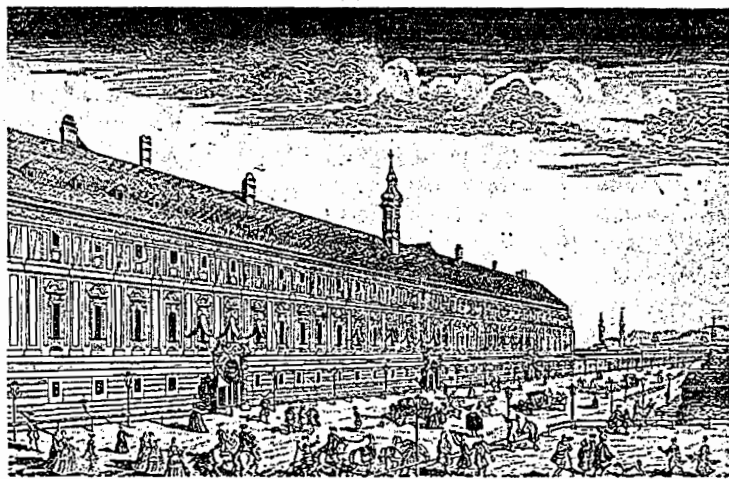
Подобный замысел было бы невозможно осуществить без соответствующей организационной и финансовой поддержки, позволившей плодотворно работать в архивах и библиотеках Венгрии, Австрии, Словакии. В 1997–2004 гг., т. е. в период работы над монографией, мне посчастливилось получить исследовательские стипендии для своих научных изысканий от фонда *Domus Hungarica* Венгерской академии наук, Исторической комиссии Австрийской академии наук, Словацкой академии наук, программы *Research Support Scheme* Института «Открытое общество» (1997–1998 гг.), Международного института *Collegium Budapest — Institute for Advanced Study* (2001–2002 гг.) и венгерского Института исследований Габсбургской эпохи (2004 г.). Выражаю благодарность руководству этих научных учреждений и программ, всем их сотрудникам, с которыми мне довелось общаться.

Мне особенно приятно, что моими рецензентами стали Татьяна Павловна Гусарова и Тофик Муслимович Исламов. Эти

известные в России и ценимые в Венгрии историки-унгаристы, в прошлом руководившие моими, соответственно, дипломной работой и кандидатской диссертацией, своими советами и критическими замечаниями немало поспособствовали улучшению окончательного текста монографии.

Отдельная благодарность Институту славяноведения РАН за признание научной значимости темы и содействие в издании монографии, а также всем коллегам, и в особенности моему ответственному редактору Ирине Степановне Достян, участвовавшим в обсуждении и доработке рукописи, ее подготовке к печати.

Словами бесконечной благодарности моим родителям начинается эта книга.

Летняя императорская резиденция Фаворита.
Начало XVIII века.

ВВЕДЕНИЕ

М. ван Мейтенс. Мария Терезия

*В общество мало-помалу проникало сознание —
не пользы науки, а неизбежности ее.*
Н. Г. Помяловский. «Очерки бурсы»

Учиться — всегда пригодится...

«Уж если нас окружает столько простолюдинов, которые снискали великие почести благодаря своей учености, то нам следует признать, что науки людям всякого состояния не только полезны, но и необходимы, посему среди прочих смертных дворяне должны еще упорнее стремиться к знаниям, поскольку оттого лишь приумножится их слава и все проникнутся к ним еще большим уважением», — записал 2 июня 1823 г. венгерский гимназист Антал Тольнаи в своей ученической тетради¹. Сочинения о том, почему дворянам следует устремляться за знаниями, к началу XIX в. давно стали одной из обязательных тем на занятиях по латинской риторике и были частью воспитания в молодых дворянах гражданской доблести, подготовки к исполнению их главной обязанности — участию в управлении государством. Однако так было далеко не всегда.

Свидетельства конца XVI — начала XVII в. говорят скорее в пользу равнодушия к учебе, наблюдавшегося у родовитого дворянства Европы, чья социальная роль заключалась в том, чтобы воевать, а не молиться, учить или заседать в суде. «Я клянусь телом Христовым, — цитировал слова некоего джентльмена эпохи Тюдоров английский историк Л. Стоун, — что скорее увижу моего сына повешенным, чем постигающим грамоту. Дворянскому сыну пристало красиво трубить в рог, ловко и изящно охотиться, умело держать в руке ястреба. Грамота пусть остается уделом деревенщины»². Американский историк Д. М. Смит приводит слова французских нотаблей, которые на Генеральных штатах 1627 г. потребовали, чтобы те, кто был слишком образован, лишились королевских должностей, поскольку «такие люди, проведя свою молодость в безделье учебы, стали по большей части совершенно неспособны к несению службы»³. Как и почему дворянство, чей привилегированный статус был освящен

традицией и прочно закреплен современным законодательством, решило сесть за школьную скамью?

Потребность в образовании, сходится во мнении большинство историков, возникла в дворянской среде в ответ на все возрастающее число представителей третьего сословия. Последним университетский диплом открывал путь к королевской (княжеской) службе⁴. Государи — в пику сословиям, от которых зависели финансово и с кем вели изнурительные споры по вопросам о размерах налогов, правах конфессий или сферах своей компетенции, — охотно нанимали высокообразованных простолюдинов, чьи знания и опыт находили применение в органах управления, системе судопроизводства и армии. В ответ на эту вынужденную конкуренцию дворянство выработало во многом уникальный стиль образования, позволявший им, получая необходимые знания «не для школы, а для жизни», держаться обособленно и оставаться недосыгаемыми для массы простолюдинов с университетскими дипломами. Американский историк М. Мотли, автор монографии о французской аристократии раннего Нового времени, называет элитарное образование компромиссом между верой в дворянство как особое наследуемое качество и конкретными требованиями политического, социального, культурного и профессионального контекста, определявшего аристократическое превосходство в ту эпоху и включавшего в себя наследственные титулы, земельную собственность, карьеру при дворе, в армии и высшем духовенстве и т. п.⁵

Символом особой дороги к знаниям, что, правда, мог позволить себе не каждый дворянин, стал так называемый *grand tour* или «большое путешествие», которое с XIX в. в немецкой историографии было известно как «*Kavalierstour*» («путешествие молодого дворянина») ⁶. Хотя пути юных аристократов пролегли через крупные университетские центры, их конечной целью было, по мнению современников, развитие имманентно присутствующих благородному сословию способностей к мудрости, смелости, утонченному вкусу — всего, что позволяло в будущем верой и правдой служить своему государю. Во время *grand tour* молодые дворяне нередко посещали иностранные дворы, где оттачивали изысканные манеры и заводили важные знакомства. Через несколько месяцев, а порой и через пару лет, они возвращались домой с неопределимым культурным капиталом, необходимым для дальнейшей успешной карьеры.

Но даже те, кому скромные средства позволяли всего лишь записаться на один-два семестра в ближайший университет, не

желали смешиваться с основной массой студентов — детьми местных бюргеров. Этот процесс, удачно названный немецким ученым Р. А. Мюллером «аристократизацией учебы», заключался в том, что в течение XVII в. дворянство, включив в число непрременных условий привилегированного статуса базовое гимназическое и поверхностное университетское образование на, как правило, юридическом факультете, тем самым фактически блокировало пути социального роста для талантливых выходцев из третьего сословия. Однако, не желая, чтобы приобщение к знаниям протекало для дворянских детей так же, как и для сыновей сельских священников или городских лавочников, дворяне придали учебе «аристократический» характер. Молодые люди жили на широкую ногу, были освобождены от уплаты обязательных для «неблагородного» юношества городских налогов, отказывались носить непремную для студийусов многих немецких университетов сутану⁷. Наконец, они питали непреодолимое отвращение к экзаменам и дипломам, поскольку в отличие от простолюдинов им не нужно было документально подтверждать то, что полагалось им по праву рождения⁸.

Закономерно, что, стремясь избежать участия в уравнительной конкурентной борьбе с образованным бюргерством, дворянство в конце концов возвело барьер между собой и талантливыми простолюдинами в виде особых привилегированных учебных заведений — рыцарских академий (Ritterakademie). Эти элитарные школы для подготовки дворянского юношества к военной и государственной службе получили в конце XVI — XVII в. распространение во Франции и в особенности в Германии. Формально, чтобы соответствовать статусу рыцарской академии, в учебном заведении по единому плану должны были преподаваться языки и основы истории, географии, физики, математики и т. д., в сочетании с неизменными «дворянскими упражнениями» — фехтованием, верховой ездой и танцами. «Полезные» науки и искусства позволяли дворянам грамотно руководить подчиненными — образованными выходцами из третьего сословия, а упражнения готовили к появлению при дворе, где необходимо было демонстрировать грациозное владение собственным телом и твердую волю в управлении своими эмоциями. Так сословие, защищенное старыми привилегиями как элита по рождению, спасало свой оказавшийся в опасности в меняющемся обществе социальный и экономический статус через монополизацию особенного пути образования⁹.

Рыцарские академии и иные привилегированные учебные заведения возникали, как правило, при королевских и княжеских дворах и служили важным связующим звеном между новыми поколениями феодальной элиты и сувереном. Образование для дворянского сословия, как и вообще школьное дело, в раннее Новое время находилось в исключительном ведении церкви. Даже в первой половине XVIII в. в любом из больших или малых государств Европы верховный правитель, пожелай он улучшить систему образования, был бы вынужден ограничиться теми (зачастую немногочисленными) школами, которые сам основал. Характерно, что начало попыток усовершенствовать эту систему, поставить ее под государственный контроль и заставить служить нуждам государства наблюдалось не в экономически и социально более развитых Англии или Франции, но на «европейской периферии»: в Речи Посполитой¹⁰, Пруссии¹¹, владениях Габсбургского дома, и было тесно связано с решением крупномасштабных задач реформирования экономики, общественных отношений, политических институтов, культурной инфраструктуры. Наиболее впечатляющих успехов в данной области добилась Австрия, где в середине 70-х годов XVIII в. государство (пусть отчасти в качестве оставшегося на бумаге принципа) провозгласило образование сферой своей исключительной компетенции и взяло на себя ответственность за организацию учебного процесса для подданных всех сословий и вероисповеданий¹².

В контексте постановки и решения столь сложных задач создание системы публичного воспитания и образования для дворянского сословия в монархии Габсбургов во второй половине XVIII в. представляет особый интерес по ряду причин.

Во-первых, открытие дворянских школ, сравнимых по престижу и качеству образования с немецкими рыцарскими академиями, началось во владениях Габсбургского дома со значительным опозданием, лишь в середине XVIII в., когда в Германии задачу профессиональной подготовки дворянства к исполнению им своих социальных функций уже успешно выполняли реформированные университеты Галле или Гёттингена. Именно ввиду более позднего возникновения привилегированным учебным заведениям монархии досталась сложнейшая задача подготовки новых поколений элиты, готовых поддержать программу преобразований венского двора и способных стать ее проводниками на всех властных уровнях. По замыслу идеологов Просвещения и теоретиков педагогики учебные заведения, от на-

чальной школы до университета, должны были воспитывать новый тип граждан (Mitbürger), чей сознательный выбор заключался в служении общественному благу и принесении пользы обществу. Говоря словами Й. Зонненфельса, «любовь к Отечеству проявляется через деятельную к нему привязанность, источником которой является прочное и неразрывное соединение блага индивида с процветанием родной страны»¹³.

Во-вторых, необходимость коренных изменений в обществе, его экономической и политической системе (их в исторической литературе традиционно именуют «модернизацией») сделала требование единообразного образования, содержание которого определялось государственными нуждами, залогом успеха реформаторской деятельности центральных властей. В трудах крупнейшего австрийского специалиста по истории XVIII столетия Г. Клингенштайн убедительно показано, как постепенное введение жестких, диктуемых государством стандартов университетского образования (содержание и длительность обучения, обязательность квалификационных экзаменов и пр.) и, как следствие, подготовка обладающего сходными знаниями и навыками, а также до известной степени взглядами и убеждениями бюрократического аппарата (в том числе судейских, муниципальных и других служащих) готовило почву для фактической гомогенизации владений Габсбургского дома¹⁴. Она же справедливо заметила, что «функциональная бесполезность» дворянства в обществе, где для занятия руководящих должностей все настоятельнее требовались знания и профессиональная подготовка, предопределила повышенную озабоченность венского двора состоянием системы образования в целом¹⁵. Интересно, какое место отводилось специальным школам для привилегированного сословия и насколько успешно они справлялись с возложенными на них задачами, если учесть, что в землях и провинциях монархии дворянское сословие по-прежнему удерживало ведущие позиции в органах управления и суде. Не менее важно, возможно ли проследить, в какой мере директивные указания властей соблюдались на практике при приеме на службу.

В-третьих, институциональное и содержательное усовершенствование обучения дворянских детей проходило одновременно с реформой всех ступеней образования, оба процесса были взаимообусловлены. Привилегированные учебные заведения развивались в тесной связи с находившимися в процессе реформирования университетами, приглашая для своих воспитанни-

ков лучших профессоров по дисциплинам, которые не преподавались более нигде в монархии, будь то естественное или имперское право, камеральные науки (*Kameralwissenschaften*)¹⁶, современная история и ньютоновская физика. С другой стороны, можно с уверенностью говорить как о качественном усложнении (по сравнению с началом XVIII в.) требований к образованному дворянину, избравшему чиновничью или военную карьеру, так и об известном влиянии методик, применявшихся в дворянских учебных заведениях, на складывавшуюся национальную систему образования. Достаточно упомянуть, что ряд учебных пособий, в том числе по истории и географии, написанных в 80-е годы XVIII в. бывшим ректором Савойской рыцарской академии Грацианом Марксом, при всей той критике, которую традиционно обрушивают на них современные историки педагогики¹⁷, с незначительными изменениями использовались в Австрийской империи вплоть до 1848 г. Иными словами, дворянские учебные заведения нередко становились своеобразным экспериментальным полем для поиска оптимальных организационных форм, выгодных схем финансирования, отвечавших современным требованиям учебных программ.

Прежде чем перейти к описанию исследовательских задач книги и методов, с помощью которых эти задачи будут решаться, необходимо кратко остановиться на терминах, характеризующих рассматриваемую эпоху. Тем более что некоторые из них неоднократно подвергались пересмотру. Это в первую очередь касается понятия «просвещенный абсолютизм».

Термин «абсолютизм» появился лишь в начале XIX в. и использовался в политической и публицистической литературе в качестве антонима либеральным конституционным формам государственности. Началом научного осмысления того, что есть «абсолютизм», принято считать выход в свет в 1847 г. статьи немецкого политэконома В. Рошера «Очерк естественного учения о трех государственных формах». В ней он разделил историю раннего Нового времени на эпохи абсолютизма «конфессионального» (XVI в.), «придворного» (XVII в.) и «просвещенного» (XVIII в.)¹⁸. Долгое время ученые сходились во мнении, что в централизованных государствах раннего Нового времени, прежде всего во Франции эпохи Людовика XIV и в имитировавших французскую модель европейских монархиях, власть короля была «абсолютной», а сословия в результате ожесточенной борьбы с центральной властью сошли с политической сцены как самостоятельная и влиятельная политическая сила.

Повышенный интерес историков XIX — начала XX в. к феномену абсолютизма объяснялся не в последнюю очередь тем, что в политике абсолютных монархов по созданию внутреннего рынка, централизованной администрации, регулярной армии, единых стандартов народного образования и пр. ученые стремились усмотреть истоки современного государства XIX в. с его четкой, как машина, бюрократией, отлаженной финансовой и налоговой политикой, эффективной дипломатией. Однако чисто этатистская концепция абсолютизма не могла ответить на ряд вопросов о структуре и принципах функционирования общества раннего Нового времени. Как справедливо отметил Дж. В. Х. Мелтон, историки абсолютизма нередко представляют поразительно одностороннюю картину своего объекта исследования, сводя содержание политики XVIII в. к относительно узкому миру правителей и их бюрократических аппаратов¹⁹.

Начиная с 60-х годов XX в. историки стали уделять все больше внимания не абсолютистской системе управления как таковой, но структурным предпосылкам ее возникновения и механизмам действия. Особый интерес неизменно вызывают труды Г. Эстрайха, в которых тот искал суть и содержание эволюции европейского общества с XV по XIX в. и обнаруживал их в системе социального контроля или «дисциплинирования» (*Disziplinierung*) населения. Историк полагал, что правители эпохи позднего Ренессанса начинали регулировать самые разные стороны общественной жизни, пытаясь таким образом справиться с появлением новых форм производства и потребления или ранее не существовавших социальных и профессиональных групп, с усложнением систем коммуникации. Однако в интеллектуальной среде, питаемой реформационными, неогуманистическими идеями и идеалами неостоицизма, дисциплина и самодисциплина индивида постепенно превратились из регулирующей в созидательную силу, и камералисты, например, уже не только системно упорядочивали жизнь общества, но стремились к его созидательному преобразованию²⁰. Оригинальное развитие теории социального контроля получили в трудах французского философа М. Фуко, который связывал процесс подчинения общества дисциплинирующим нормам с философским, прежде всего просвещенческим дискурсом XVIII в., а также с социальными институтами: школой, тюрьмой, казармой, больницей, фабрикой²¹.

Австрийский историк Карл Воцелка в книге «Блеск и закат придворного общества: Репрезентация, реформа и реакция в

полиэтничном Габсбургском государстве» представил читателю современное состояние изучения австрийской истории XVIII в. Монография вышла в свет в многотомном проекте «Австрийская история» под редакцией Х. Вольфрама и охватывает период с 1699 по 1815 г. В ней автор предлагает в качестве методологического ориентира выбрать понятие «социальное дисциплинирование» или «социальный контроль», восходящее к Эстрайху и Фуко. По мнению Воцелки, «социальное дисциплинирование» наиболее точно описывает суть процессов, прежде обозначавшихся термином «абсолютизм», и цели (пусть побочные), которые преследовали австрийские власти, проводя военную, правовую или, что в данном контексте особенно важно, школьную реформу²².

Историки также все чаще делали акцент не на принципиальной новизне абсолютизма как формы правления и организации общества, но подчеркивали относительный характер «абсолютизации» верховной власти, повсеместную живучесть сословных институтов и непосредственное участие сословий в сборе налогов, комплектовании армии, центральном и местном управлении, судопроизводстве²³. Английский историк Н. Хеншолл в блестящей и остроумной книге «Миф абсолютизма», сравнив британскую и французскую монархии, пришел к выводу, что абсолютизм в своей идеальной форме, с монополией верховного правителя на власть, высокой степенью бюрократизации и юридической монополией короны, никогда не существовал²⁴. Конструктивным и полемичным ответом Хеншоллу стал сборник статей под редакцией Г. Аша и Х. Духхардта «Абсолютизм — это миф?», в котором рассматривались предпосылки усиления центральной власти в европейских монархиях раннего Нового времени, социальные слои и группы, как поддерживавшие инициативы монархов, так и противостоявшие им, формы компромисса короны с сословно-феодальными элитами в центре и на местах²⁵. В настоящее время большинство историков согласны с тем, что термином «абсолютизм» описывается период европейской истории, когда структурный кризис сословных монархий преодолевался через поиск новой системы властных отношений и их идеологического оформления²⁶.

Эпитет «просвещенный» — его удостоился ряд европейских монархов, правивших во второй половине XVIII в. (прежде всего король Пруссии Фридрих II (1740–1786), император Священной Римской империи Иосиф II (1780–1790) и российская императрица Екатерина II (1762–1790)) — также не раз подвер-

гался пересмотру²⁷. Это было время, когда находившееся в стадии формирования современное государство расширяло число подконтрольных ему вопросов и включало в круг своих интересов те направления человеческой деятельности, которые прежде контролировали церковь или сословные институты. Монархи в соответствии с идеалами политической философии Просвещения поощряли развитие экономики, совершенствовали государственную администрацию, улучшали правовую и финансовую системы, впервые в истории ставили вопрос о социальной ответственности власти перед обществом и т. п.²⁸ Упомянутый выше В. Рошер (он впервые назвал абсолютизм второй половины XVIII в. «просвещенным») искренне верил в положительную роль государства и рассматривал эпоху прежде всего в контексте усиления государственной власти во имя успешной внешней политики. Теория Рошера описывала главным образом развитие немецкоязычных территорий (в особенности политику прусского короля Фридриха Великого) и не получила распространения вне немецкой историографии.

На появление англоязычной историографической традиции о «просвещенном абсолютизме» или «просвещенном деспотизме» повлияла работа Международной комиссии по историческим наукам, в рамках которой в период между двумя мировыми войнами историки из разных стран, помимо прочего, изучали и этот феномен истории Европы Нового времени. Под влиянием видного французского историка М. л'Эретье французская общественная мысль, и прежде всего экономические доктрины физиократов, оказались в трудах Комиссии едва ли не единственными источниками вдохновения для политики европейских государей и их правительств²⁹. Однако Комиссия так и не смогла объяснить, как идеи влияли на конкретную политику, и придала слишком большое значение французским философам. Это привело к тому, что во второй половине XX в. от концепции л'Эретье повсеместно отказались. Крайний скептицизм характеризовал вышедший в свет в 1961 г. под редакцией М. С. Андерсона учебник «Европа в XVIII веке, 1713–1783», где утверждалось, что концепция «просвещенного абсолютизма» практически бессмысленна и теоретически несостоятельна³⁰. Неудивительно, что к 70-м годам XX в. этот термин на время вышел из употребления.

Возрождение интереса к просвещенному абсолютизму в последней трети XX в. исследователи объясняют тем, что при более пристальном изучении истории второй половины XVIII в.

становилось все труднее отрицать следующее: ряд важных реформ — административных, правовых, религиозных, аграрных — на самом деле был проведен под влиянием господствовавших в ту эпоху идейных течений. Определенную сложность представляет и то, что просвещенный абсолютизм нигде и никогда не был единственным движущим мотивом политики правительства: Просвещение скорее давало широкий интеллектуальный контекст, в рамках которого протекали реформы, а не служило прямым источником для конкретных начинаний. Прагматическое стремление к экономическому процветанию, социальному миру, прочным позициям на международной арене вынуждало европейских правителей искать новые, ранее не использовавшиеся методы во внутренней политике. Так, Семилетняя война (1756–1763 гг.), принеся Габсбургской монархии колоссальные человеческие жертвы и финансовые затраты, заставила задуматься о других путях восстановления людских и материальных ресурсов, принципиально иных формах организации управления, налогообложения, социальной защиты населения, воспитания новых поколений подданных³¹. То есть на первый план выходили не критическая ситуация и связанные с нею проблемы, а поведение в сложившихся обстоятельствах политических элит.

Представление о монолитном, зародившемся во Франции и распространившемся по Европе Просвещении уступило место видению данного феномена как целого спектра интеллектуальных течений, обладавших национальными особенностями и вписанными в местный культурный контекст³². В связи с этим для монархии Габсбургов едва ли не большую роль, чем французская политическая мысль, играл немецкий камерализм. Его теоретики в Германии, разоренной в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), искали пути увеличения производительных сил общества и максимизации вклада индивида в богатство и процветание страны. Полагая, что залогом сильного государства является счастье подданных, камералисты видели достижение такого идеала в требовании детальной регламентации всех сторон общественной жизни. В монархии Габсбургов попытка применить камералистские теории на практике связана с именем министра Фридриха Вильгельма Хаугвица (Гаугвица). В 1749 г. он объединил финансовое и административное управление Австрийским герцогством и Чешским королевством (они составляли наряду с сохранявшей автономию Венгрией основу владений Габсбургского дома) в центральном прави-

тельственным органе — Директории по делам управления и финансов (*Directorium in publicis et cameralibus*). Очень скоро в ее ведении оказались промышленность и торговля, культура и образование³³.

Для пополнения пустой казны Хаугвиц обязал привилегированные сословия Наследственных провинций (*Erblande*), как все чаще в противовес Венгрии называли Австро-Чешские земли, платить налог (правда, весьма умеренный) и существенно увеличил сумму годового налога, уплачиваемого коронными землями в центральную казну, который, как и прежде, подлежал вотировать на сословных ландтагах. В исторической литературе долгое время господствовало мнение, что после реформ Хаугвица сословия Наследственных земель потеряли административную и финансовую самостоятельность, однако основу подобных выводов составляют скорее принятые на веру декреты и распоряжения центрального правительства, чем анализ того, в какой мере сословия в рамках сохранившихся у них привилегий и властных механизмов защищали свои корпоративные интересы перед лицом двора³⁴.

Другим важным идейно-теоретическим источником австрийского просвещенного абсолютизма стало немецкое естественное право, и прежде всего труды Самуэля Пуфендорфа (1631–1694), Христиана Томазиуса (1655–1728) и Христиана Вольфа (1679–1754)³⁵, в которых развивалась идея общественного договора между сувереном и подданными, обещающими хранить верность и выказывать покорность государю в обмен на его обязательство оберегать их интересы и неустанно заботиться об общем благе. Государство, согласно теориям названных авторов, не только имело право, но было обязано контролировать все аспекты общественной жизни. Во имя социального мира ему полагалось следить за приростом населения, единообразным отправлением правосудия, возведением школ и церквей, соблюдением религиозного мира и сохранением добрых нравов. Из этого следовало требование все возрастающего вмешательства абсолютистского государства в мельчайшие детали не только общественной, но и частной жизни, поскольку подданные, которых, правда, все чаще именовали «гражданами», в глазах власти оставались «несовершеннолетними», не способными без подсказки или опеки сверху делать грамотный выбор или совершать правильные поступки. Одновременно государь проникался верой в то, что правит от имени и в интересах всех

подданных, и преисполнялся, пусть преимущественно в официальной риторике, чувством ответственности перед своим народом³⁶.

Государственная философия Х. Вольфа, соединенная с современными идеями западногерманского Просвещения, ориентированного на практические вопросы управления, была превращена австрийскими идеологами просвещенного абсолютизма — Иоганном Генрихом Готлобом Юсти (1720–1771)³⁷ и Йозефом Зонненфельсом (1732–1817)³⁸ — в теоретическое обоснование своей реформаторской политики. В их эклектичных, компилятивных концепциях оказались суммированы основные принципы взаимоотношений власти и общества. На первом месте для них стояла идея «государства всеобщего благоденствия» (*Wohlfahrtsstaat*), заботящегося об «общем благе» (*salus publica*). Профессор камеральных наук Юсти, считающийся первым систематизатором науки о «полиции» или «полицейском праве» (*Polizeiwissenschaft*), т. е. учения о способах управления и осуществления целей государства, определял «общее благо» как конечную цель и, в отличие от Вольфа, полагал, что ради этой цели монарх обязан поступаться частью своих прерогатив и интересов.

Не меньшую известность как теоретик просвещенного абсолютизма получил Й. Зонненфельс, трактовавший «науку о полиции» как учение о всеобщей безопасности и требовавший от государства во имя обеспечения «общего блага» подавлять партикулярные интересы отдельных граждан и сословий, подчинять их коллективным интересам. Важное место во взглядах Зонненфельса также занимали теории народонаселения (его прирост ученый считал залогом процветания государства), ибо от численности населения в то время зависела обороноспособность страны, развитие ремесел и торговли, наконец, внутренняя безопасность. Деятельность идеологов австрийского просвещенного абсолютизма И. Г. Г. Юсти и Й. Зонненфельса была, кстати, тесно связана с Венским университетом и самой престижной школой для дворян — венским Терезианумом, а их труды и учебные пособия получили широкое распространение в монархии Габсбургов.

В отношении монархии Габсбургов в историографии по праву закрепилось мнение, что до 1765 г. политика и идеология венских властей лишь условно подпадала под определение «просвещенный абсолютизм» и только со вступлением на престол Священной Римской империи Иосифа II — страстного приверженца философии Просвещения и восторженного поклонника

Фридриха II (в нем традиционно видели едва ли не самого последовательного просвещенного монарха Европы) — молодой император, по-прежнему остававшийся в тени великой матери³⁹, получил ограниченное влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Справедливо утверждение, что Мария Терезия (1740–1780), свято верившая в божественное происхождение верховной власти и не желавшая слышать о естественном праве, была государем-реформатором, но никак не просвещенным монархом⁴⁰. Американский историк Ч. Инграо, называя ее последним барочным правителем монархии, полагает, что великой Марию Терезию сделали исключительные обстоятельства противостояния с Пруссией, потребовавшие неимоверной концентрации усилий и проведения коренных преобразований во имя выживания государства⁴¹.

В то же время правы и те, кто утверждает, что благодаря удивительному политическому чутью и несомненно присущему ей прагматизму уже в начале своего правления императрица сумела окружить себя советниками, которые верили в договорную природу общества, исповедовали принципы камерализма в экономике и выступали за секуляризацию публичных и частных сфер общественной жизни. Учитывая, что исследователи все чаще склонны подчеркивать — при всех внутренних разногласиях и порой полной противоположности методов — преемственность по целому ряду направлений внутренней политики между Марией Терезией и Иосифом II, термин «просвещенный абсолютизм» далее характеризует политику венского двора как центра преобразовывавших общество инициатив и тех ключевых фигур в окружении государя, чьи представления о государственном устройстве определяли внутреннюю политику в монархии Габсбургов, в частности в сфере образования во второй половине XVIII столетия.

³⁹ В исследованиях последних десятилетий подчеркивается, что неправомерно сводить идейные основы австрийского просвещенного абсолютизма к камералистскому эвдемонизму «хорошо организованного полицейского государства», если воспользоваться удачным определением М. Раеффа⁴². В отличие от других германских государств, считает канадский историк Ф. Сабо, один из ведущих специалистов по истории монархии Габсбургов в XVIII в., эвдемонистские идеалы в реформах австрийского просвещенного абсолютизма проявились несравненно ярче и обрели очевидную самостоятельную ценность. Идеологи и проводники экономических, социальных, политических

и культурных реформ ставили перед собой великую цель: освободить людей от оков, некогда наложенных на их предков, будь то власть церкви или сословное неполноправие, мечтали придать обществу новую, более совершенную форму и наделить соответствующей этой форме системой ценностей. Уникальность модели австрийского просвещенного абсолютизма заключается в том, что за очень короткий промежуток времени реформы переросли рамки традиционных камералистских преобразований и привели в движение силы, которые расширили круг областей, нуждавшихся в реформировании⁴³.

Выход за пределы устаревшего камерализма и формулирование новых задач связаны с именем выдающегося австрийского дипломата и политического деятеля XVIII в., государственного канцлера Венцеля Антона Кауница-Ритберга (1711–1794), с начала 60-х годов во многом определявшего стратегическое направление реформ. Понимание того, что лишь высвобождение творческих сил индивида даст государству возможность поставить последние на службу «общему благу», вело к созданию таких условий, когда труд крестьянина на земле или ремесленника в мастерской приносил достаток ему и доход государству, а феодальные привилегии господствующего класса отменялись или сохранялись исключительно в обмен на полезную обществу деятельность. Отсюда растянувшееся на годы составление земельного кадастра и законодательное регулирование крестьянских повинностей, зафиксированных в так называемых урбариальных книгах, поощрение новых методов хозяйствования, внедрения новых сельскохозяйственных культур. Отсюда и всемерная поддержка молодой австро-чешской промышленности, отмена цеховых ограничений, введение протекционистских пошлин, призванных защитить экономически наиболее развитые области монархии от конкуренции извне и даже от товаров из более отсталых регионов монархии, таких как Венгерское королевство. Отсюда — в духе учения итальянского юриста Чезаре Беккариа (1738–1794) — смягчение наказаний, запрет на пытки, улучшение условий содержания в заключении. Отсюда требование распространить грамотность на все слои общества и попытка создать общенациональную школьную систему с преемственностью ступеней («Общий школьный устав» 1774 г. в Наследственных провинциях и «Система воспитания и образования», также известная как «Ratio educationis» 1777 г., в Венгрии).

В своих стараниях коммутировать трудовые повинности, ограничить массовые миграции, усилить промышленность или построить школы, справедливо полагает последователь Эстрайха и Фуко, историк Дж. В. Х. Мелтон, австрийский просвещенный абсолютизм стремился упрочить нравственные основания власти, усовершенствовать механизмы ее осуществления. В центре этого усовершенствования стоял сдвиг в технологии социальной дисциплины, в ходе которого точка принуждения должна была переместиться внутрь индивида. Возможно, суть австрийского просвещенного абсолютизма можно определить как намерение заложить рациональные основания для социальной справедливости и создать прагматическую заинтересованность граждан в общественном прогрессе. Осуществление столь масштабной задачи было под силу только современному государству, и именно по этой причине оно в рассматриваемый период стремительно расширяло свое присутствие во все новых областях.

Однако государство, не как метафизическая сущность, а как группа людей, выступающих от его имени, в ту эпоху воплощалось в бюрократии всех уровней, от советников Государственного совета (совещательного органа при монархе, созданного в 1761 г. по инициативе В. А. Кауница) до мелких служащих провинциальных органов дворянского (само)управления. По мере того как ряды бюрократии в центре и на местах пополняли выпускники лучших школ монархии, воспитанные на просвещенческих идеалах служения общему благу, власти все более четко осознавали насущную потребность реформирования экономических, социально-политических, культурных структур и практик. Численный рост, равно как и повышение образовательного уровня данной группы придавали реформам динамизм и необратимость.

Откуда в осознававшей свою относительную отсталость от передовых держав Европы монархии, вынужденной то одновременно, то попеременно воевать и проводить основополагающие реформы, возникла такая особая социальная группа, обладавшая специфическим взглядом на природу государства и общества и необходимыми познаниями для его реформирования? Ответ на поставленный вопрос кроется в реформах в области воспитания и образования, прежде всего в создании новой образовательной инфраструктуры для политической элиты, повышении требований к профессиональной подготовке тех, кто претендовал на руководящие посты в государстве. Едва ли не

впервые в истории власть поняла, что решение все усложнявшихся задач в области экономики и управления, судопроизводства и военного дела требует качественно иного типа личности и более углубленной профессиональной подготовки. Это объясняет особое внимание венского двора к образованию как важнейшему инструменту формирования грамотного, ответственного и общественно полезного индивида, способного стать участником процесса преобразований. Не желая и далее замыкать на семье и уступать церкви дело воспитания подрастающего поколения, идеологи просвещенного абсолютизма уже в 50-е годы XVIII в. начинают борьбу за перевод вопросов, связанных с воспитанием и образованием (сначала высшим, в перспективе — средним и начальным), в разряд «политических», т. е., с одной стороны, не подконтрольных церкви, а с другой — касающихся благоденствия и процветания населения в целом. Отсюда год от года усиливавшийся верховный надзор за состоянием учебных заведений, их учебными планами, социальным составом учащихся, их соответствием формальным критериям получаемого образования. С этим связано и постепенное повышение внимания к таланту как средству материализовать, наполнить конкретным содержанием стремление личности внести свою лепту в общее благо.

Педагогический аспект реформ австрийского просвещенного абсолютизма в сфере воспитания и образования изучен весьма детально и имеет внушительную историографию. (Речь о ней пойдет ниже.) Вместе с тем учёный, далекий от узких, специфических проблем истории учебных заведений или педагогической мысли, испытывает острый недостаток в трудах, посвященных сложной, многоплановой связи школы и общества. Не секрет, что культурные и образовательные возможности и потребности общества не всегда совпадают с проектами политиков-реформаторов и педагогов-теоретиков. Концентрируя свое внимание на сочинениях идеологов, выражавших интересы тех или иных общественных групп, историк рискует принять пожелания и настроения социально активных и нередко политически ангажированных авторов за коллективную волю того сословия, от имени которого они говорили. Изучая педагогические трактаты в отрыве от результата применения их постулатов на практике, учёный не в состоянии установить обратную связь между практикой и теорией. Наконец, труды по истории отдельных учебных заведений строятся, как правило, вокруг неглавных для социальной истории вопросов педагогического

состава, учебных программ, внутренних реорганизаций и т. п., оставляя за скобками детальный анализ социального состава учащихся, престижа такого рода образования в обществе или карьеры выпускников.

Итак, если считать образование не специфическим предметом исследования, зарезервированным для историков педагогики, но явлением общественной жизни, сотнями нитей соединенным с историей отдельных семейств и судьбами целых социальных групп и категорий населения, государственной политикой и повседневной жизнью, коллективным и индивидуальным сознанием, то перед историком открывается широкое поле для исследования, результаты которого значимы для понимания изменений в структуре и идеологии общества на протяжении поколений. В настоящей книге предпринята попытка на примере реформы образования для дворянского сословия в Венгрии второй половины XVIII в. рассмотреть механизмы превращения образования в инструмент социальной политики просвещенного абсолютизма.

Такая постановка проблемы интересна по ряду причин.

Вторая половина XVIII в. стала для Венгерского королевства временем важных социальных и культурных изменений. В начале XVIII в. Венгрия — это мятежная страна, ответившая на усиление габсбургского абсолютизма широкомасштабным восстанием — освободительной войной под предводительством Ференца II Ракоци (1703–1711 гг.). Она же в сентябре 1741 г., после 30 лет поисков компромисса между сословиями и династией, оказала Марии Терезии военную и финансовую помощь в критический для Габсбургов момент Войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.), когда против них объединились Франция, Пруссия, Бавария и восставшая Чехия. Императрица, буквально спасенная венграми, сохранила к нации благодарность и особую приязнь. В годы терезианского правления удалось укрепить лояльную династии аристократию и показать мелкому дворянству преимущества мирного сосуществования с Венной. Образование послужило в полном смысле слова инструментом, с помощью которого Габсбурги, сначала интуитивно, а со временем все более осознанно, пытались в ходе растянувшегося на десятилетия эксперимента изменить во многом еще феодальный облик королевства и его политической элиты.

Преимущественное внимание к дворянству как основному объекту исследования объясняется прежде всего тем, что в отличие от многих стран Европы венгерский господствующий

класс оставался многочисленным (уступая только Речи Посполитой), политически четко структурированным и обладавшим ярко выраженным коллективным самосознанием⁴⁴. Вполне обоснованно утверждать, что судьбы реформ просвещенного абсолютизма в Венгрии, где дворянство с его бдительно охраняемым налоговым иммунитетом, равными с королем правами в сфере законодательства, не претерпевшей существенных изменений практикой вотировать суммы налогов и число рекрутов на Государственном собрании, наконец, местным управлением, находившимся целиком и полностью в руках провинциального дворянства, напрямую зависели от того, удастся ли превратить привилегированные школы в инструмент социального контроля над дворянским сословием, чтобы еще на ученической скамье привить венгерским дворянам необходимые венскому двору нравственные принципы и политические идеалы, завербовать сторонников и сознательных исполнителей программы преобразований.

В связи с этим именно Венгрия, будучи страной, в которой традиции сотрудничества с династией еще не имели глубоких корней и воспринимались частью общества как поведение, не совместимое с убеждениями патриота, представляет исключительную важность. Габсбургам предстояло заинтересовать дворян получением современного, востребованного в обществе образования, чтобы тем самым открыть перед ними путь в свободное от пережитков «средневекового варварства» будущее, внушить их сыновьям веру в социальный прогресс и понимание своей новой функции и связанной с ней ответственности в обществе, где личные заслуги ценятся выше дворянской грамоты, а достоинство измеряется знаниями и умениями, а не доблестью предков. Какой выбор делало дворянское сословие в целом и отдельные его представители, чтобы примирить верность стране с верностью просвещенным идеалам, и приходилось ли им такой выбор делать? Ответ на этот вопрос может дать сопоставительный анализ биографий выпускников престижных дворянских школ, круга их общения, наконец, политический выбор в поворотные моменты истории.

Книга посвящена собственно стипендиальной политике австрийских и венгерских властей в привилегированных учебных заведениях, возникших во второй половине XVIII столетия в Вене и Венгрии. Если старые стипендиальные фонды, созданные во времена Контрреформации (во второй половине XVI — XVII в.), находились под патронатом церкви или принадлежа-

ли частным лицам, то в 1751 г. был основан первый собственно государственный фонд, т. е. такой, в котором государство через свои центральные и местные органы управления контролировало распределение стипендий и, соответственно, оказывало непосредственное влияние на доступ тех или иных семей, социальных и региональных групп к образованию. Так, частный вопрос о выделении стипендий тем или иным соискателям позволяет приблизиться к пониманию более общих вопросов взаимодействия государства и общества в процессе реформ — использование доступа к образованию в качестве инструмента социальной политики, меняющей конфигурацию и культурный уровень политической элиты; готовность различных слоев дворянства принять новые условия сохранения привилегированного статуса или улучшения общественного положения путем образования; роль устойчивых связей между патронами-аристократами и их клиентелой из среды королевского чиновничества или провинциальных (комитатских) элит. В западной историографии последних десятилетий изучение патроната — не прямой формы власти, когда «патрон» влияет на поведение зависящих от него «клиентов», вознаграждая за верность или лишая благоволения за неблагодарность, — получило широкое распространение. (Речь об этом пойдет подробнее в главе «Покровители и благодетели».) Исследований же, написанных на венгерском материале, на сегодняшний день практически нет¹⁵.

Для получения ответа на поставленные вопросы необходимо проведение комплексного анализа различных категорий источников. Поскольку королевские стипендии из фондов выделялись соискателям по представлению правительственных ведомств и утверждались лично императрицей (императором), в архивах этих властных структур сохранились обширные, разнообразные по характеру и, как правило, не изученные материалы: заявления родителей о приеме их детей в учебные заведения, рекомендательные письма комитатов в поддержку отдельных просителей, представления на высочайшее имя уполномоченных ведомств с именами отобранных для утверждения дворянских недорослей, дебаты по поводу кандидатур и пр. Из них можно реконструировать социальный состав удачливых и менее удачливых ходатаев, типичную аргументацию и наиболее характерные риторические и стилистические приемы документов, критерии отбора, цели и задачи образования дворянских детей за государственный счет. Перечисленные сведения позволяют составить представление об образовательной политике

австрийских и венгерских властей (иногда действовавших согласованно, иногда вступавших в непримиримые противоречия) в отношении дворянского сословия и о культурно-образовательных запросах тех или иных групп внутри господствующего класса, претендовавших на стипендии.

Для более детального рассмотрения выбраны пять дворянских школ, открытых в эпоху правления Марии Терезии, а именно: две в Вене — Терезианский коллегийум Общества Иисуса (1746–1784 гг., в 1773 г. переименован в Терезианскую академию) и Лёвенбургский конвикт¹⁶ (1748–1782 гг.); и три в Венгрии — политико-экономический коллегийум в Сенце¹⁷ (1763–1780 гг., в 1776 г. переведен в город Тата), Терезианский коллегийум в Ваце (1767–1784 гг.) и Терезианская академия в Буде (1777–1784 гг.). При них были созданы государственные или, точнее, королевские стипендиальные фонды, из средств которых воспитанники на полном пансионе получали образование, жилье, пропитание, одежду. История названных учебных заведений, основанных в разное время и для разных социальных групп внутри господствующего класса, позволяет проследить развитие и эволюцию системы привилегированного образования в монархии Габсбургов в целом и в особенности в Венгрии, в терезианскую и йозефинскую эпоху. Общая для ряда этих школ дата закрытия — 1784 год — связана с кардинальным пересмотром принципов организации народного образования в период правления Иосифа II. Сохранение сословной исключительности в обществе, где талант и профессионализм становились мерилем социальной состоятельности личности, превращалось в анахронизм, и решение, принятое знаменитым своим радикализмом императором, заключалось в упразднении элитарных школ и создании общенациональной системы с единообразным и централизованным финансированием.

Настоящая монография названа «Заслуги отцов и таланты сыновей» не случайно. Представляется, что именно в переоценке смыслового наполнения понятия «заслуги» и в придании первостепенного значения понятию «талант» состояла суть постепенных изменений в общественном сознании, которые были вызваны не в последнюю очередь реформами второй половины XVIII в., в том числе в сфере образования, хотя последствия преобразований в этой области особенно трудно проследить, ибо первые плоды они приносят порой спустя десятилетия. Школы для молодых дворян, служившие решению задачи инкор-

порации феодальной политической элиты в бюрократическую среду, сочетали в себе черты старого и нового, в них отдавали предпочтение родовым заслугам, но постепенно на первый план все чаще выходили индивидуальные дарования и склонности. Подобная перспектива позволяет рассмотреть образование и происходившие в нем (и с ним) изменения не только как институциональную историю отдельных школ, но как важный компонент общественного сознания и сословной дворянской культуры.

Одновременно открывается уникальная возможность включить в круг рассматриваемых проблем такие взаимосвязанные вопросы, как политика венского двора, направленная на привитие молодым дворянам, обучавшимся в лучших учебных заведениях, стремления к знаниям как залогом будущей успешной карьеры; преимущества и недостатки статской и военной службы с точки зрения различных групп дворянского сословия; учеба в привилегированном учебном заведении как средство закрепления в новом, более высоком социальном статусе для детей возведенных в дворянское достоинство разночинцев или последствия допуска в дворянские школы сыновей недворян; внутренний мир ученика привилегированной школы, раскрываемый через его письма; наконец, взаимосвязь, зачастую далеко не прямая, между принадлежностью к политической нации и формированием национальных сообществ.

Однако подобная постановка проблемы накладывает и неизбежные ограничения на круг рассматриваемых проблем. Так, преимущественное внимание к образованию как инструменту социальной политики, форме вознаграждения за прошлые заслуги и поощрения верности в новых поколениях королевских и комитатских служащих, заставляет оставить вне поля зрения такой немаловажный аспект, как образование и воспитание девочек, чья подготовка к взрослой жизни, несомненно, играла важную роль в эпоху Просвещения, но лишь отдаленно может быть связана с системой учебных заведений, готовивших бюрократическую элиту разных уровней¹⁸. То же самое можно сказать и об учебных заведениях для протестантов. Поскольку в эпоху Марии Терезии хранившие верность некаатолическим конфессиям по-прежнему не допускались к несению государственной службы, судьбы протестантских школ в эпоху просвещенного абсолютизма представляются самостоятельной темой, требующей иных источников и методологии исследования.

Рукописи горят

Ученые, изучающие социально-политическую историю монархии Габсбургов XVIII в., лишились в XX столетии ценнейших коллекций архивных документов. В 1927 г., в дни политических беспорядков в Вене, вспыхнул пожар во Дворце правосудия (Justizpalast), где хранился архив министерства внутренних дел. В огне погибли десятки томов и тысячи листов из фондов Австрийской (Чешско-Австрийской) канцелярии и Директории по делам управления и финансов — центральных органов исполнительной власти в эпоху правления Марии Терезии, определявших содержание внутренней политики, в том числе в сфере образования. В настоящее время австрийскими архивистами реставрирована малая толика того, что удалось тогда спасти. Порой это лишь клочки обгоревшей по краям бумаги с едва читаемыми обрывками текста. Можно лишь догадываться, какие ценнейшие для историков сведения содержались в сгоревших документах, включая протоколы заседаний канцелярии, посвященных вопросам, связанным с дворянскими учебными заведениями.

Вторая потеря — это исчезновение архива венской Терезианской академии, вывезенного в годы Второй мировой войны в Берлин. Там вместе с иными административными, хозяйственными и прочими документами пропали матрикулы — книги, куда записывались имя, дата и место рождения, сведения о родителях поступающего. Отчасти утрату компенсирует «Альбом Терезианской академии», выпущенный в 1913 г. М. фон Геммель-Флишбахом, который, основываясь на тогда еще доступных матрикулах, опубликовал список всех выпускников Терезианума с указанием дат жизни, лет учебы и, там где это было известно, краткими биографическими данными⁴⁹. Правда, важные матрикулярные сведения о государственной принадлежности или именах родителей в «Альбоме» отсутствуют, но и в таком виде список Геммель-Флишбаха, несмотря на вкрапившиеся ошибки, остается уникальным источником. Что касается архива академии, то сейчас в нем хранится лишь небольшая коллекция декретов, рескриптов, жалованных грамот и иных подобного рода официальных документов XVIII в., содержание которых достаточно хорошо изучено, и более того, они в многочисленных копиях представлены в фондах австрийских архивов.

Исследователи долгое время не видели дальнейших перспектив изучения истории Терезианской академии. Казалось, со-

временным ученым нечего добавить к тому, что уже содержалось в трудах историков конца XIX — начала XX в., досконально изучивших институциональную историю академии. Однако часть не изучавшихся ранее материалов, имеющих непосредственное отношение к политике австрийского просвещенного абсолютизма в области воспитания дворянского сословия, все-таки уцелела. После распада в 1918 г. двуединой монархии по государственному договору Австрия передала Венгерскому национальному архиву (Magyar Országos Levéltár) ряд фондов, в том числе Венгерской королевской канцелярии. Поскольку именно располагавшаяся в Вене Венгерская канцелярия служила связующим звеном между страной и монархом, в ее, пусть ограниченную, компетенцию входило курирование вопросов образования.

До сих пор материалы из фондов Венгерской канцелярии, имеющие отношение к венским и венгерским учебным заведениям, не подвергались систематическому анализу⁵⁰. И это неслучайно. В XVIII в., до того как архив канцелярии в 1770 г. претерпел коренную реорганизацию, существовало пять фондов — по ним были рассредоточены взаимосвязанные документы. Обнаружить их и соотнести друг с другом можно только путем кропотливого изучения и сопоставления. Оригиналы представлений на высочайшее имя находятся отдельно от сопутствующих документов, например ходатайств родителей о зачислении их ребенка в пансионеры, а переписка с венскими властями в 60-е годы XVIII в. выделена в два небольших фонда. В 1770 г. принцип работы канцелярского архива был изменен: все фонды экспедиции объединили в один, в котором бумаги регистрировались, протоколировались, рассылались и хранились централизованно.

Бесценным источником, обнаруженным в недрах архивов центральных венгерских и австрийских ведомств, являются петиции и ходатайства родителей, близких и дальних родственников, опекунов о зачислении их сыновей и воспитанников в пансионеры тех или иных королевских фондов. Поскольку назначение королевской стипендии было формально подчинено официально сформулированным и доведенным до сведения дворянской общественности принципам, подобные документы составлялись как с указанием максимально точных биографических данных о семействе, так и с более или менее подробным описанием тех оснований, что позволяли ходатаю рассчитывать на удовлетворение его просьбы⁵¹. Подробнее этот тип источника будет рассмотрен в главе «Искусство просить», здесь же отметим,

что содержательный анализ подобных петиций и их критическое сопоставление с протоколами заседаний соответствующих ведомств и императорско-королевскими резолюциями до сих пор не проводились в венгерской историографии. Изучение особенностей вербального моделирования личности и восприятия таких идеологических конструкций позволяет проследить закономерности в политике австрийских властей в сфере образования, равно как степень готовности и меру способности венгерского привилегированного сословия адаптироваться к культурным инициативам двора.

Если распределением стипендий за пределами Венгерского королевства ведала расположенная в Вене королевская канцелярия, то сложная, многоуровневая система учебных заведений в Венгрии подчинялась королевскому Наместническому совету, в рамках которого действовала специальная, состоявшая главным образом из клириков Комиссия по делам благотворительных фондов. Она надзидала за распределением королевских стипендий в школах всех ступеней, а члены комиссии регулярно инспектировали коллегииумы и конвикты, предоставляя руководству официальные отчеты об уровне преподавания, успеваемости учеников, состоянии материальной базы учебного заведения и пр. На смену ей в 1773 г. пришла Учебная комиссия, куда вошли представители духовенства и светских чиновников, имевших опыт решения вопросов, связанных с системой образования. Комиссии предстояло осуществить передачу собственности распущенного ордена иезуитов вновь созданному Учебному фонду и провести школьную реформу 1777 г.⁵² В эпоху решения практических задач создания системы народного образования для всех народов и конфессий королевства доля проблем конкретных учебных заведений для дворянского сословия в деятельности комиссии была относительно скромной, однако именно это обстоятельство позволяет реально оценить место и значение привилегированных школ в общенациональном масштабе, проследить, как постепенно выработывались новые механизмы стипендиальной политики.

Дополнительные сведения по истории стипендиальных фондов и о тех, кто обращался в них за вспомоществованием, могут быть почерпнуты из фондов Архива венской Придворной казенной палаты (Hofkammerarchiv) — центрального финансового органа монархии (ему в XVIII в. были приданы довольно широкие административные полномочия). Собранные в фондах архива расходные книги за 1749–1759 и 1774–1781 гг. содержат сведения о тратах Марии Терезии из Тайной казначейской

кассы (Geheimes Kameralzahlamt) и иных финансовых источников, в том числе сведения о безвозмездных ссудах для оплаты учебы детей габсбургских подданных в различных учебных заведениях монархии. В результате неоднократных реорганизаций архивных служб расходные книги за 1763–1769 гг. были переданы в Государственный архив (Haus-, Hof und Staatsarchiv). Хотя информация в них нередко отрывочна и не охватывает всего изучаемого периода, они позволяют судить, какие категории дворянских подданных пользовались особой благосклонностью двора. К тому же данные книги до сих пор практически не использовались в таком контексте ни австрийскими, ни венгерскими исследователями⁵³.

Другая обширная группа источников, хранящихся в этом архиве, объединена под грифом «Стипендиальные фонды», где находятся документы, относящиеся к тем учебным заведениям на территории Венгерского королевства, в которых существовали специальные квоты для так называемых камеральных служащих, т. е. чиновников Венгерской придворной казенной палаты и подчиненных ей ведомств — соляных контор, таможен, почтамтов и пр. Прошения родителей, сопроводительные документы (в том числе аттестаты об успеваемости), представления на кандидатов от венгерских властей, протоколы заседаний, резолюции австрийских властей и тому подобные материалы подобраны в хронологическом порядке и удобны для изучения, хотя до сих пор так и не введены в полный объем в научный оборот. Таким образом, сведения о политико-экономическом коллегииуме в Сенце, Терезианском коллегииуме в Ваце, Терезианской академии в Буде, содержащиеся в венгерских архивах, дополняются австрийскими материалами исключительно по камеральным стипендиям.

Архивы Венгерской канцелярии, Наместнического совета или венской Придворной казенной палаты не позволяют ответить на все вопросы о том, кто, как и почему попадал в число воспитанников привилегированных венских школ. Однако на основе сопоставительного анализа отдельных случаев, рассматривавшихся этими ведомствами в рамках своих компетенций, можно составить представление о принципах распределения королевских стипендий. Отчасти восполнить пробелы могли бы фонды семейных архивов. Могли бы, но, к сожалению, немногие родители сохраняли письма, получаемые от детей из коллегииумов и конвиктов, или хотя бы счета об уплате за обучение. Главное место в семейных архивах традиционно занимали документы на право собственности, бумаги, относящиеся к

судебным тяжбам, или хозяйственные отчеты из имений. В тех же случаях, когда частная переписка сохранялась современниками, семейные фонды, прежде чем попасть в государственные архивы, страдали от пожаров, переездов, войн, революций.

Тем удивительнее дошедшие до нас коллекции писем к родителям юного Иштвана Дежёфи или маленького графа Йожефа Каройи, написанные из, соответственно, венского Терезианума в 1750-е годы и Терезианского коллегияума в Ваце в 1770-е. Основные законы и принципы эпистолярного жанра изучались в ту эпоху в рамках латинской риторики. Во многих учебных заведениях написание писем родителям было еженедельной обязанностью воспитанников, и за тем, как она исполнялась, бдительно следили классные наставники⁵⁴. Обычно письма были на латыни и венгерском, но также, с целью упражнения грамматики и стиля, мальчики писали на немецком, французском или итальянском языках. Нередко в первоначальный, написанный самим ребенком текст учитель вносил необходимые исправления: прежде всего грамматического свойства, но, возможно, подправлял содержание. После всего сказанного трудно ожидать, чтобы послания воспитанников домой адекватно отражали их внутренний мир, переживания, страхи и надежды, и тем не менее — это порой единственные личные свидетельства о жизни в учебном заведении, пусть и подвергнувшиеся (само)цензуре.

Письма Йожефа Каройи менее персонифицированы, в них послушный и усидчивый сын чаще выказывает похвальное почтение родителям и отчитывается об успехах в учебе, чем дает волю чувствам. Послания Иштвана Дежёфи — ленивого ученика средних способностей — напротив, написаны в более свободной манере, полны просьб и жалоб, мечтательных рассуждений и обещаний хорошо учиться. Длительное пребывание детей вдали от родного дома не могло не заботить родителей, поэтому те старались нанять личного гофмейстера или префекта, который бы жил вместе с подопечным, заботился о его здоровье, помогал в учебе и сообщал родителям обо всем, что происходит с их чадом. Удачным дополнением к письмам Каройи-младшего служат еженедельные отчеты родителям приставленного к мальчику префекта, члена ордена пиаристов Винце Хенеи. При Иштване Дежёфи не было такого наставника, зато молодого человека опекал проживавший в Вене чиновник Венгерской канцелярии, охотно бравшийся за поручения проводивших большую часть времени в своих поместьях аристократов, по имени Михай Ваш. Уникальную подборку писем воспитанников и их опекунов дополняют отдельные эпистолярные источники, принадлежащие

другим венгерским дворянам из венского Терезианума: Яношу Фекете, Анталу Брунsvику-младшему, Анталу Мадочани, Йозефу Фештетичу.

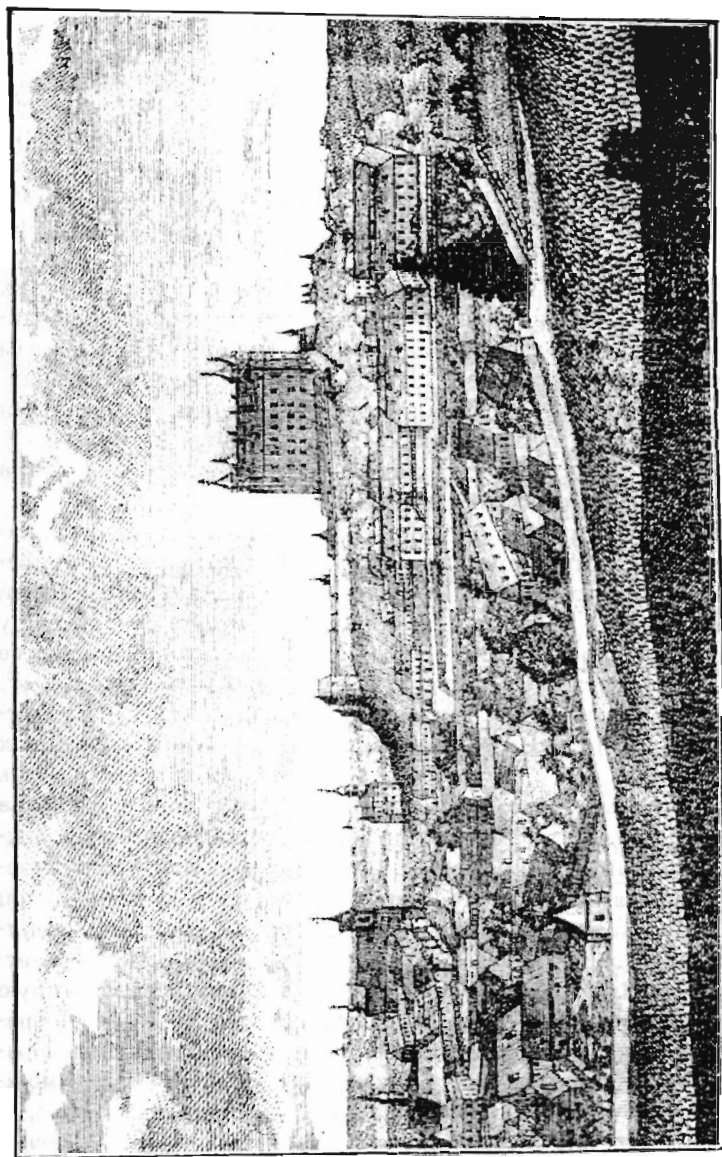
Богатые коллекции писем в семейных архивах влиятельных государственных деятелей второй половины XVIII в. интересны с точки зрения темы настоящей книги и по другой причине. Такие сюжеты, как получение заветной королевской стипендии в привилегированном учебном заведении или денег, порой безвозмездно, на оплату учебы одного или нескольких сыновей, постоянно фигурируют в переписке аристократов с их клиентами — мелкими дворянами (чиновниками или армейскими офицерами). Комитатские служащие, на протяжении не одного поколения связанные с местными аристократическими семьями вассальными отношениями, чиновники центральных органов власти, военная служба, видевшие во владельце своего полка естественного заступника и радетеля, — все они, как правило, были обязаны продвижением по службе своим всемогущим начальникам. Эти родители прекрасно понимали, что годы, проведенные в дворянском коллегииуме или конвикте, позволяли их сыновьям не только усвоить необходимую для успешной карьеры сумму знаний, но и обзавестись полезными связями и знакомствами. В книге использована корреспонденция из семейных архивов Балашша, Баттяни, Брунsvиков, Каройи, Надашди, Халлеров, на основании которой в главе «Покровители и благодетели» реконструируются и сравниваются клиенты отдельных аристократов, выясняется роль патрона в карьере зависимых от него семейств.

В получении королевской стипендии в одном из дворянских учебных заведений важную роль мог сыграть комитат, откуда происходил соискатель. Именно дворянское комитатское собрание обращалось к Наместническому совету с просьбой принять участие в судьбе того или иного молодого дворянина. В книге использованы материалы архива комитата Пресбург⁵⁵, хранящиеся в Областном архиве Братиславы (Štátny Oblastný Archiv v Bratislave) в Словакии. Северные и северо-западные области королевства, к которым принадлежал комитат, во второй половине XVIII в. были одними из наиболее густонаселенных, экономически развитых, обладавших разветвленной культурной инфраструктурой. Многочисленное и социально активное дворянство этих территорий, избежавших османского владычества, сумело сохранить органы самоуправления, регулярно созывало собрания, где обсуждались и решались важнейшие вопросы из жизни дворянского сообщества. Нахождение на территории

комитата вольного и королевского города Пресбург — тогдашней административной столицы Венгерского королевства, в которой действовали Наместнический совет и Венгерская казенная палата, позволяло комитатскому дворянству быть в курсе едва ли не всех инициатив властей, в том числе касавшихся реформирования системы образования. Протоколы заседаний дворянских собраний в совокупности с материалами центральных правительственных ведомств позволяют проследить, как кандидатуры тех или иных соискателей рассматривались на местном уровне, затем попадали в списки Наместнического совета или канцелярии и далее утверждались или отклонялись.

Наиболее изученным источником по истории дворянских учебных заведений второй половины XVIII в. остаются брошюры с уставами, правилами внутреннего распорядка, условиями приема и пр. венского Терезианума. На основании данных источников ученые с конца XIX в. и по настоящее время делают выводы о том, как и на каких принципах функционировала эта рыцарская академия. Однако историками практически не использовался другой не менее интересный источник — речи воспитанников дворянских академий, коллегиеумов, конвиктов, опубликованные в качестве приложения к книгам, презентации которых происходили во время публичных экзаменов в названных учебных заведениях. В тех же книгах нередко публиковались и списки вопросов к этим экзаменам⁵⁶. Другим источником, где обнаруживаются речи воспитанников столичных привилегированных школ, является официальная газета венских придворных кругов «Wienerisches Diarium» («Венский дневник»). Не вызывает сомнений, что большинство речей было написано по стандартным образцам (им молодых дворян обучали в стенах коллегиеумов и академий⁵⁷) и под руководством профессоров, если не самими профессорами. Но и в таком случае идейная направленность речей отражает принципы верности государю и стремления к знаниям, которые педагоги старались внушить своим юным воспитанникам.

Сочетание разных по типу и содержанию источников позволяет рассмотреть взаимоотношение властей и дворянского общества по поводу доступа к образованию и как идеальные представления создателей привилегированных учебных заведений, и как реальную политику правительственных ведомств различного уровня по отношению к соискателям различного социального происхождения, и, наконец, как реакцию общества на официальную политику в сфере образования и вызванные ею изменения.

Вид на Пресбург. Гравюра XVIII века

Образование — зеркало эпохи?

Первые серьезные шаги по обобщению материала по истории учебных заведений для дворян и осмыслению социального и культурного значения этих школ в жизни современного общества относятся ко второй половине XIX в. Большая часть подобных исследований выполнена в традициях *historiae domus* и главным образом с использованием архивов соответствующих коллегий, конвиктов, академий. В них подробно рассказывается об обстоятельствах создания заведения, финансировании и управлении, учебных планах, наиболее ярких событиях в их истории, о кураторах, педагогах, прославившихся воспитанниках. Нередко такие издания приурочивались к юбилейным датам в истории заведений⁵⁸. В целом историография Терезианской академии и в XX в. ограничивается трудами, основанными на опубликованных источниках и на тех немногочисленных сохранившихся документах официального характера, которые на сегодняшний день составляют ядро архива академии⁵⁹.

Одна группа работ по истории учебных заведений была написана светскими историками XIX в., нередко педагогами, преподававшими в этих школах. Общей чертой данных сочинений можно назвать попытку установить преемственность между реформами просвещенного абсолютизма во второй половине XVIII в. и политикой современных либеральных правительств⁶⁰. Наиболее характерным примером могут служить труды австрийского историка Иоганна Шварца, автора фундаментальных работ по истории Терезианской и Савойской академий. Суть преобразований в школьном деле, согласно Шварцу, состояла в борьбе государства, заботившегося об общем благе всех подданных, с партикулярными интересами сословий и католической церкви в лице ее учительствующих орденов. Именно Шварц неоднократно выносил в качестве эпиграфа к своим сочинениям фразу «Образование — это то зеркало, в котором отражается эпоха». При этом, похоже, он разделял веру, свойственную как просветителям XVIII в., так и либералам XIX в., что образование может служить действенным инструментом преобразования общества и по состоянию школьного дела в стране можно судить о степени социального и культурного прогресса⁶¹.

Другую группу составляют сочинения, написанные с точки зрения истории религиозных учительствующих орденов, зачастую самими членами ордена. В задачу авторов, как правило,

входило доказать, что Общество Иисуса или орден пиаристов успешно справлялись с миссией воспитания благородного юношества, и показать значительный вклад представителей ордена в развитие национальной школьной системы⁶². Эта традиция имела продолжение и в XX в. Так, история политико-экономического колледжиума в Сенце известна нам главным образом благодаря подвижнической деятельности Ференца Хеди, который обработал богатейший архив ордена пиаристов в Венгрии (его систематическое описание было первейшей задачей членов ордена) и отчасти привлек материалы Венгерского национального архива⁶³. В целом для подобного рода работ, выполненных как в XIX, так и в XX столетиях, свойственна некоторая идеализация вклада учительствующих орденов в реформу образования, однако высокий профессионализм историков, их уважение к источникам и стремление документально обосновать свои выводы делают их труды неопределимыми для современных ученых.

В венгерской историографии конца XIX в. особое место занимают фундаментальные исследования Эрнё Финаци по истории образования XVIII в. Этот ученый в главном своем двухтомном труде «История образования в Венгрии в эпоху Марии Терезии», который стал продолжением работы, выполненной его предшественником Аладаром Мольнаром на материале первой половины XVIII в.⁶⁴, сумел выйти за узкие рамки чисто педагогической проблематики и на богатом архивном материале показал магистральное направление развития общества и школы во второй половине столетия — превращение образования в политический, т. е. находящийся в ведении государства, а не церкви, вопрос. Финаци последовательно рассмотрел эволюцию политики австрийских и венгерских властей в сфере образования от строгого соблюдения принципов Контрреформации в 50-е годы XVIII в. до торжества идей Просвещения в 70-е годы. Историк показал, как католическая церковь постепенно устранялась от определения целей и задач образования, а государственный контроль за содержанием учебного процесса, в том числе для не католических конфессий, напротив, расширялся. Он дал подробнейшую характеристику основных учебных заведений всех ступеней в Венгрии, исчерпывающе проанализировал обсуждавшиеся в правящих кругах программы реформ, рассмотрел последствия введения в 1777 г. новой школьной системы⁶⁵.

В период между двумя мировыми войнами в Венгрии вышли в свет четыре самостоятельных тома, каждый из которых был

посвящен истории одного из факультетов (философского, юридического, теологического и медицинского) Будапештского университета, носившего в то время имя известнейшего деятеля Контрреформации архиепископа Петера Пазманя. Авторы не были обязаны придерживаться какого-либо единого плана или методики изложения материала. По этой причине всякий раз, когда повествование касалось межфакультетских сюжетов, возникали неизбежные повторы. С другой стороны, творческая свобода позволила им максимально полно реализовать замысел: выйти за узкие рамки институциональной истории, описать историю факультета и преподававших на нем профессоров в контексте культурных процессов в монархии Габсбургов и в непосредственной связи с развитием данной науки. С точки зрения интересующей нас темы особый интерес представляют тома, посвященные юридическому и философскому факультетам, написанные историком права Ф. Экхартом⁶⁶ и историком-обществоведом И. Сентпетери⁶⁷.

В тот период в Венгрии было весьма заметно влияние немецкой историографической школы «история духа» (*Geistesgeschichte*), представлявшей историю как цепь проявлений человеческой души и отрицавшей влияние объективных законов на историческое и социальное развитие. Наиболее известным трудом, написанным в русле этого направления, стала многотомная «Венгерская история» историка-медиевиста и политического деятеля Балинта Хомана и ученого, изучавшего историю Нового времени, Дюлы Секфю. Для последнего XVIII век — век барокко — был временем восстановления разрушенной и опустошенной в прошлом веке страны, эпохой социального мира и культурного расцвета⁶⁸. Воплощением эпохи стала императрица Мария Терезия, которая в своих умеренных преобразованиях, считал Секфю, руководствовалась не какой-нибудь рационалистической программой, а католической верой, человеколюбием, наконец, материнским инстинктом по отношению к своим подданным. И если в Западной Европе эпоха барокко прошла под знаком набиравшего силу абсолютизма, то национальной особенностью венгерского барокко стало равноправное единение сословий (что для историка тождественно нации) и королевской власти⁶⁹.

В рамках методологии «истории духа» была написана одна из наиболее самобытных работ, филигранно вписывающих историю идей, в том числе педагогических, в социальный и культурный контекст эпохи, — книга Дюлы Корниша «Идеалы вен-

герской культуры, 1777–1848 гг.»⁷⁰. Автор видел в школе институт, воплощающий в жизнь определенные «идеалы» и поддерживающий преемственность в национальной культуре, поэтому от организационных форм и содержания образования не в последнюю очередь зависит жизнеспособность нации, ее умение противостоять разрушительным влияниям извне. Диалектика Просвещения заключалась, по мнению историка, в том, что, с одной стороны, новая модель образования (в том числе замена латыни немецким языком) способствовала разрыву между поколениями отцов эпохи барокко и детьми Просвещения, но, с другой стороны, расширение интеллектуальных горизонтов помогло венграм осознать свое культурное своеобразие и необходимость национальной консолидации⁷¹.

Вообще, то обстоятельство, что приобщение к общеевропейским духовным процессам проходило при посредничестве имперской столицы и ее культурных и образовательных институтов, вело к двойственной оценке венгерскими историками политики венского двора. Корниш оценивал инициативы, исходившие из Вены, исключительно как направленные на денационализацию венгерского общества и лишение господствующего класса чувства патриотического долга. Даже те, кто был принципиальным оппонентом «историков духа», например один из лучших венгерских историков XX в. Элемер Маюс, все-таки были склонны рассматривать политику Марии Терезии и в особенности Иосифа II в сфере образования прежде всего как форму культурной ассимиляции и германизации венгерской нации⁷².

Реформы просвещенного абсолютизма в сфере образования по-прежнему находятся в центре внимания австрийских историков педагогики и педагогической мысли. Много томный труд Хельмута Энгельбрехта «История австрийского образования, воспитания и преподавания в землях Австрии» является лучшей на сегодняшний день работой обобщающего характера, в которой последовательно изложены важнейшие педагогические теории эпохи, рассказано об их наиболее ярких выразителях, анализируется содержание институциональных реформ на всех ступенях образования⁷³. Из новейших публикаций заслуживает упоминания книга В. Брезинки «Педагогика в Австрии. История дисциплины в университетах с XVIII-го до конца XX в.» Первый том, посвященный истории Венского университета, содержит богатый фактографический и иллюстративный материал, ценную подборку источников, однако читателю не хватает аналитического осмысления и теоретического обобщения⁷⁴.

В современной венгерской науке история воспитания и образования наиболее полно представлена в трудах историка педагогики Иштвана Месароша. Он создал национальную историю школьного дела с подробной характеристикой содержания учебного процесса и его организационных форм в разные эпохи, его перу принадлежит комментированная хронология истории венгерской школы, в переводе и под редакцией Месароша вышел в свет текст «Системы воспитания и образования» терезианской эпохи — «Ratio educationis»⁷⁵.

В числе недавних проблемно-теоретических публикаций интересны две работы немецкого историка Г. Гримма. В первой из них — своей докторской диссертации «Школьная реформа Марии Терезии, 1747–1775: австрийские гимназии между сословной школой и общеобразовательным учебным заведением в силовом поле учительствующих орденов, терезианского реформаторского абсолютизма и просвещенческой педагогики» — он исчерпывающе подробно охарактеризовал источники реформы и взгляды ее идеологов, показал, через какие этапы она прошла и в чем ее сильные и слабые стороны. Скорее историк педагогики, чем ученый, анализирующий социальные и культурные условия тех или иных преобразований, Гримм с известной долей максимализма судит о нежелании и неспособности австрийских властей поддержать подлинно новаторские планы, такие как проект гимназической реформы Игнаца Хесса. Сохранение сословного характера средней школы в монархии Габсбургов для него признак своеобразного оппортунизма венских властей⁷⁶, а не вынужденная мера, вызванная отсутствием необходимых материальных и людских ресурсов. Свои взгляды Гримм развил во второй книге — «Элитарное образование или “гражданская школа”? Австрийская гимназия между традицией и инновацией, 1773–1819»⁷⁷. Внимание ученого привлекло то обстоятельство, что если начальное образование в ходе реформ 70-х годов XVIII в. стало максимально доступным при наличии широкой сети школ и бесплатного характера предоставляемого в них образования, то поступление в гимназии для юношей «низкого происхождения» ограничивали десятки предписаний и четко отлаженный бюрократический механизм, защищавший имущие и привилегированные сословия от равноправной конкуренции за доступ к знаниям на основе умений и способностей.

Эта черта австрийской школьной системы ранее нашла отражение в трудах Дж. В. Х. Мелтона, писавшего в книге «Аб-

солютизм и истоки обязательного начального образования в XVIII в. в Пруссии и Австрии» о парадоксальном сосуществовании принципов обязательности образования с требованием образовательной исключительности⁷⁸. Причины историк видел в основополагающем для политики австрийского просвещенного абсолютизма принципе социального контроля, нежелании нарушать баланс между отдельными сословиями и категориями населения, открывая перед бедняками возможность восхождения по социальной лестнице за счет полученного образования. Тема «карьеры, открытой таланту», стоит в центре интересного междисциплинарного исследования американского историка Энтони Ла-Вопы «Благодать, талант и достоинства: бедные студенты, церковные карьеры и профессиональная идеология в Германии XVIII в.»⁷⁹, посвященного социальной мобильности и ее неизбежным в сословном обществе ограничениям на примере бедных студентов из низшего духовенства, мелкого бюргерства и зажиточного крестьянства в лютеранских семинариях.

С нашей точки зрения особый интерес представляют исследования, авторы которых стремятся установить сложную взаимосвязь между обществом и существующей в нем системой образования. Начиная с 1970-х годов ученые стали все чаще обращаться к вопросам социального состава воспитанников и студентов тех или иных учебных заведений; соотношения между требованиями, предъявляемыми государством, и школьными программами; мотиваций получить образование, господствующих в различных слоях общества⁸⁰. Старая историография, называя образование зеркалом эпохи, описывала историю тех или иных учебных заведений «изнутри», не стремясь вписать школу в современное ей общество, установить взаимосвязь между господствующими моделями образования и культурными запросами элит или обнаружить сложные механизмы превращения педагогических идей в социальные практики. В работах последних десятилетий школа предстала институтом, зависящим от изменений в демографической ситуации и экономике, в социальной структуре и политической системе, наконец, в представлениях о природе и назначении человеческой жизни. Одновременно ученые сходятся во мнении, что образование не только зависело от перечисленных факторов, но и само, прямо и косвенно, влияло на них.

В австрийской историографии методологически важную роль сыграли труды Грете Клингенштайн и прежде всего ее

монография «Расцвет дома Кауницев: Исследование о происхождении и образовании государственного канцлера Венцеля Антона»⁸¹. В ней историк на примере восхождения к вершинам власти этого моравского дворянского рода рассмотрела одну из важных и широко обсуждавшихся в немецкой историографии проблем изменения социальной роли феодального дворянства при европейских дворах раннего Нового времени. Клингенштайн проследила, как повышение образовательного уровня господствующего класса стало инструментом сохранения социальной исключительности и монополии на власть, когда усложнение задач, сопряженных с военной и гражданской службой, заставляло феодальные элиты монархии Габсбургов вступать в неравное соперничество с образованными иностранцами на императорской службе или предприимчивыми и удачливыми недворянами. В статьях об истоках терезианских реформ в период правления Карла VI (1711–1740), кризисе образования во второй половине XVIII в., сопоставительном анализе немецких и австрийских университетов эпохи Просвещения историк, основываясь на широкой источниковой базе с использованием сравнительных методов исследования, показала, как и почему в монархии Габсбургов раннего Нового времени образование попало в сферу первоочередных интересов государства, а реформы в этой области были поставлены на службу государственным нуждам⁸².

В то время как в австрийской историографии проблемы дворянского образования в 1980–1990-е годы оставались маргинальными, являясь лишь темами преимущественно дипломных работ и докторских диссертаций⁸³, в немецкой исторической науке появился ряд основополагающих работ, исследовавших рыцарские академии раннего Нового времени в качестве важнейшего института приспособления дворянства к менявшимся социально-политическим и культурным реалиям. Интересна работа К. Блека, посвященная, казалось бы, частному вопросу — истории рыцарской академии в Люнебурге. Однако два века существования этой привилегированной школы послужили для ученого поводом рассмотреть предпосылки возникновения этого типа учебных заведений в Германии, их роль в воспитании придворного дворянства, достоинства и недостатки учебных программ, их соотношение с социальными функциями элит⁸⁴. Особого упоминания заслуживает фундаментальное и ставшее классическим исследование Н. Конрадса «Рыцарские академии раннего Нового времени. Образование как сословная привиле-

гия в XVI–XVII вв.»⁸⁵. Автор на основе сопоставительного анализа учредительных документов и характера деятельности отдельных учебных заведений убедительно доказал: возможно реконструировать генетическую связь между рыцарскими академиями — от первых, ранних попыток, предпринятых во Франции в XVI в., через академии протестантской Германии, Швеции и Италии, вплоть до академии в Вольфенбютеле в конце XVII в. При этом историк констатировал, что рыцарские академии как форма коллективного воспитания оставались в конце XX в. заброшенной темой и в истории образования, и в социальной истории. основополагающие вопросы — содержание учебного процесса, посещаемость академий, социальное и географическое происхождение дворянских воспитанников — по-прежнему нуждались в достоверных ответах.

В венгерской историографии второй половины XX в. вопросы связи школы и общества, австрийского просвещенного абсолютизма и формирования венгерской нации получили дальнейшее развитие в трудах виднейших ученых — специалистов по истории XVIII столетия. Домокош Кошари в обобщающем труде «Культура в Венгрии в XVIII веке» обозначил три направления в венгерском Просвещении: дворянство было разделено на тех, кто безоговорочно поддерживал реформы просвещенного абсолютизма, и тех, кто желал проводить реформы самостоятельно, без вмешательства венского двора, а немногочисленные антифеодальные реформаторы искали поддержки своим радикальным проектам то у первой, то у второй группы. Историк сдержанно оценивает реформистский потенциал венгерских сословий и склонен акцентировать социально-экономическую отсталость страны, засилье сословно-феодальных институтов, тормозивших ход прогрессивных реформ. В то же время успех и сама возможность экономических, социально-политических, культурных преобразований зависели от состояния школьного дела, поэтому ученый уделил особое внимание процессам в сфере образования. Обобщая обширную литературу по истории вопроса, он воссоздал эволюцию разветвленной по конфессиональному и этнонациональному признаку многоступенчатой системы образования от института, находившегося в начале века в ведении церкви (церквей), до подконтрольной абсолютистскому государству структуры, объективно выполняющей задачи как государственной централизации, так и национальной консолидации⁸⁶.

Эва Балаж прежде всего рассматривает просвещенный абсолютизм как общеевропейское явление в контексте международных отношений и духовной жизни второй половины XVIII в. Реформы социально-экономических отношений и системы государственного управления стали, по образному выражению Балаж, «последним экспериментом старого порядка в Старом Свете». Она анализирует теоретические основы экономических и политических реформ австрийского просвещенного абсолютизма, уделяя особое внимание трудам философов Просвещения, в том числе учениям немецких камералистов и французских физиократов. Балаж не игнорирует и не преуменьшает реакционную роль сословий, но, полемизируя с Кошари, считает куда более важным подчеркнуть, что в изучаемый период в Венгрии существовали прогрессивные силы, которые ставили задачу преодоления относительной отсталости, но не могли безоговорочно принять программу реформ, выработанную Веней. К прогрессивным силам она относит представителей самых разных социальных групп, от аристократии до служилой интеллигенции, которые исповедовали просвещенные идеалы, но не принимали экономической и культурной политики Габсбургов в Венгерском королевстве. В своих трудах о политических и культурных взаимодействиях Венгрии и имперского центра, основанных на доскональном знании архивных источников, она традиционно призывает к более пристальному изучению проблемы влияния венских учебно-воспитательных инициатив и институтов, социальных последствий политики просвещенного абсолютизма на интеллектуальную жизнь в королевстве⁸⁷.

С точки зрения темы монографии несомненный интерес представляют работы Иштвана Дёрдя Тота, историка широчайшей научной эрудиции и признанного знатока истории Венгрии раннего Нового времени. В работах по социальной и культурной истории венгерского дворянства в XVII–XVIII вв. он на микро- и макроисторическом уровне показывает качественные изменения в социальном статусе и степени социальной мобильности, в образе жизни и культурных запросах аристократии и провинциального дворянства⁸⁸. Свое концентрированное выражение взгляды ученого на социокультурные процессы в венгерском обществе XVIII в. нашли в монографии «“Потому что сам не умеешь писать...” Распространение грамотности в культуре Венгрии в раннее Новое время»⁸⁹. Выбрав в качестве главного критерия для определения количественных параметров грамотности собственноручную подпись завещателя на тексте

завещания, он сравнивает соответствующую динамику в среде аристократии и мелкого и среднего дворянства в нескольких венгерских комитетах. Написанная на документальном материале центральных и местных архивов и изобилующая интересными подробностями из общественной жизни и культурных практик эпохи, книга рисует постепенные качественные сдвиги в образовательном уровне различных слоев общества. Выбор преимущественно католических комитатов оставляет вне поля зрения историка протестантское население королевства, а один, но не единственный из возможных критериев несколько сужает набор показателей, на которых основываются выводы автора, но тем не менее исследование представляет несомненный, пусть порой и полемический, интерес для ученых, изучающих историю XVIII в.

Для изучения образовательных стратегий дворянского сословия, роли образования в повышении социальной мобильности различных слоев и групп общества важны труды по архонтологии и истории венгерского чиновничества раннего Нового времени. Из работ первой половины XX в. следует упомянуть классическое исследование Дёзе Эмбера, посвященное институциональной истории Наместнического совета, дополненное списком всех чиновников с 1724-го по 1848 г.⁹⁰ Многие годы историей венгерской бюрократии и центральных органов управления плодотворно занимается Золтан Фалленбюхль. Им опубликованы списки главных должностных лиц Венгерского королевства и Трансильванского княжества⁹¹, фёйшпанов⁹² венгерских и трансильванских комитатов⁹³, чиновников Казенной палаты⁹⁴ и т. п. В монографии «Венгерское чиновничество Марии Терезии» автор нарисовал социальный портрет бюрократии XVIII столетия в Венгрии, в том числе проанализировал и сопоставил со странами Западной Европы основные вехи реформирования управленческого аппарата, социальное происхождение чиновников различных ведомств, их образовательный уровень, семейное положение, условия службы, уровень доходов⁹⁵. Остается лишь сожалеть, что книга невелика по объему и далеко не весь материал, накопленный автором за годы работы над темой, вошел в нее.

Бюрократический аппарат монархии Габсбургов, принципы его устройства и особенности функционирования наиболее полно описаны в трудах английского историка П. Диксона⁹⁶. Особенностью этого сложного государственного образования ученый считает то обстоятельство, что политическая централизация

осуществлялась через расширение контроля двора над финансами земель и провинций, а фискальная гомогенизация порой опережала политико-административную. Любые меры, направленные на более рациональную организацию управления, влекли за собой увеличение армии чиновников, призванных исполнять и контролировать проведение реформ. Если Диксона преимущественно интересует структура аппарата и анализ ее количественных характеристик, то австрийский историк В. Хайндль в монографии «Покорные бунтари: бюрократия и чиновники в Австрии с 1780 по 1848 г.» вписывает эту профессиональную группу в широкий контекст социальных реформ и культурных доминант эпохи⁹⁷. Оба историка отдают должное такому важному показателю, как образовательный уровень государственных служащих, признавая необходимость дальнейшего, более детального изучения подобного круга проблем.

Итак, при всем многообразии методологических подходов к изучению социальной и культурной истории XVIII в., политика австрийского просвещенного абсолютизма в сфере элитарного образования, включение фактора образованности в число характеристик дворянства и, как следствие, изменение его социального облика и расширения интеллектуальных горизонтов до сих пор не были в центре специального исследования, основанного на разнообразных по характеру, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот архивных источниках.

Примечания

¹ OSZKK. Quart. Lat. 2964. Exertitia correcta per diversos conscripta. Fol. 40.

² Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. Oxford, 1967. P. 305.

³ Smith J. M. The Culture of Merit. Nobility, Royal Service, and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996. P. 20.

⁴ Conrads N. Ritterakademien der frühen Neuzeit. Bildung als Standesprivileg im 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen, 1982. Той же точки зрения придерживается социолог К. Макхарди в книге, посвященной взаимоотношениям нижеавстрийских сословий с Габсбургской династией в эпоху Реформации. См.: MacHardy K. J. War, Religion and Court Patronage in Habsburg Austria. The Social and Cultural Dimensions of Political Interactions, 1521–1622. London, 2003.

⁵ *Motley M.* Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton (NJ), 1990. P. 7.

⁶ *Leibetseder M.* Die Kavaliertour. Adelige Erziehungsreisen im 17. und 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2004.

⁷ *Müller R. A.* Aristokratisierung des Studiums? Bemerkungen zur Adelsfrequenz an süddeutschen Universitäten im 17. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 1984. № 10. S. 31–46.

⁸ *MacHardy K. J.* Cultural Capital, Family Strategies and Noble Identity in Early Modern Habsburg Austria, 1579–1620 // Past and Present. 1999. № 163. P. 52.

⁹ *Conrads N.* Op. cit. S. 17.

¹⁰ *Liptak S.* Zur Praxis von Erziehung und Wissenschaft: Wandlungen im polnischen Schulwesen im 18. Jahrhundert // Formen der europäischen Aufklärung. Untersuchungen zur Situation von Christentum, Bildung und Wissenschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von F. Engel-Janosi, G. Klingenstein, H. Lutz. Wien, 1976. S. 96–125.

¹¹ *Jeismann K. E.* Friedrich der Große und das Bildungswesen im Staat des aufgeklärten Absolutismus // ZHF. 1987. Beiheft 4. S. 91–113.

¹² На русском языке см.: *Митрофанов П. П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907; *Кузьмин М. Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.). М., 1971.

¹³ *Sonnenfels J., von.* Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771. S. 13.

¹⁴ *Klingenstein G.* Despotismus und Wissenschaft. Zur Kritik norddeutscher Aufklärer an der österreichischen Universität 1750–1790 // Formen der europäischen Aufklärung... S. 126–157.

¹⁵ *Klingenstein G.* Vorstufen der thesianischen Studienreformen in der Regierungszeit Karls VI. // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 1968. Bd. 76. S. 354.

¹⁶ Камеральные науки (от позднелатинского *camera* — палата) — совокупность знаний, необходимых для надлежащего и успешного управления так называемыми камеральными или государственными имуществами. В европейских университетах XVII–XVIII вв. в рамках камеральных наук изучали экономику (сельское хозяйство, горное дело, торговлю) и основы государственного управления.

¹⁷ См., например: *Grimm G.* Elitäre Bildungsinstitution oder «Bürgerschule»? Das österreichische Gymnasium zwischen Tradition und Innovation, 1773–1819. Frankfurt a. M. etc., 1995.

¹⁸ *Roscher W.* Umriss zur Naturlehre der drei Staatsformen // Allgemeine Zeitschrift für Geschichte. 1847. № 7. S. 79–88; *Idem.*

Geschichte der National-Ökonomik in Deutschland. München, 1874.

¹⁹ *Melton J. V. H. Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria.* Cambridge, 1988. P. XVII.

²⁰ См.: *Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Ausgewählte Aufsätze.* Berlin, 1969; *Idem. Strukturprobleme der frühen Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze.* Berlin, 1980. О критическом анализе концепции Эстрайха см.: *Schulze W. Gerhard Oestreichs Begriff «Sozialdisziplinierung in der frühen Neuzeit» // ZHF. 1987. Bd. 14. Heft 1/4. S. 265–302; Lottes G. Disziplin und Emanzipation. Das Sozialdisziplinierungskonzept und die Interpretation der frühneuzeitlichen Geschichte // Westfälische Forschungen. 1992. Bd. 42. S. 63–74.*

²¹ См., например: *Foucault M. Discipline and Punish. The Birth of the Prison.* London, 1977. В русском переводе см.: *Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы.* М., 1999.

²² *Vocelka K. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat.* Wien, 2001. S. 17, 284–294.

²³ О дискуссиях последних десятилетий во французской историографии см.: *Swann J. Provincial Power and Absolute Monarchy: The Estates General of Burgundy 1661–1790.* Cambridge, 2003. P. 1–25. Из публикаций этого периода см. также: *Vogler G. Absolutische Herrschaft und ständische Gesellschaft. Reich und Territorien von 1648 bis 1790.* Stuttgart, 1996; *Wilson P. H. Absolutism in Central Europe.* London; New York, 2000. На русском языке см.: *Медушевский А. Н. Абсолютизм XVII–XVIII вв. в современной западной историографии // Новая и новейшая история. 1991. № 3.*

²⁴ *Henshall N. The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy.* London; New York, 1992.

²⁵ *Der Absolutismus — ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1500–1700) / Hrsg. von R. G. Asch, H. Duchhardt.* Köln; Weimar; Wien, 1996.

²⁶ Широкий круг теоретических проблем, связанных с понятием «абсолютизм» в Европе, освещен в: *Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus.* München, 1998. Новейшие критические исследования см.: *Hinrichs E. Fürsten und Mächte. Zum Problem des europäischen Absolutismus.* Göttingen, 2001.

²⁷ *Scott H. Enlightened Despotism // Encyclopaedia of the Enlightenment / Ed. by A. Ch. Kors.* Oxford, 2003. Vol. 1. P. 415–418; Обзор немецкой историографической традиции о просвещенном абсолютизме см.: *Ingrao Ch. The Problem of «Enlight-*

tened Absolutism» and the German States // *The Journal of Modern History*. 1986. Vol. 58 (Supplement). P. 161–180.

²⁸ *Koselleck R.* Kritik und Krise. Ein Beitrag zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. Freiburg, 1959; *Der aufgeklärte Absolutismus* / Hrsg. von K. O. von Aretin. Köln, 1974. S. 18; *Weis E.* Absolute Monarchie und Reform in Deutschland des späten 18. und des frühen 19. Jahrhunderts // *Geschichte in der Gesellschaft: Festschrift für Karl Bosl*. Stuttgart, 1974. S. 438–443; *Vierhaus R.* Deutschland im 18. Jahrhundert // *Aufklärung, Absolutismus und Bürgertum in Deutschland* / Hrsg. von F. Kupitsch. München, 1976. S. 182–183.

²⁹ См., например: *Bulletin of the International Committee of Historical Sciences*. 1926–1929. № 1; 1930. № 2; 1931. № 3; 1933. № 5; 1936. № 8; 1937. № 9.

³⁰ *Europe in the Eighteenth Century 1713–1783* / Ed. by M. S. Anderson. London, 1961. P. 121–129.

³¹ О войнах, которые в XVIII в. вела монархия Габсбургов, см.: *Hochedlinger M.* Austria's Wars of Emergence: War, State and Society in the Habsburg Monarchy, 1683–1797. London; New York, 2003.

³² См., например, ставшую классической работу по истории итальянского Просвещения: *Venturi F.* Italy and the Enlightenment: Studies in a Cosmopolitan Century. London, 1972.

³³ Подробнее об экономической политике в эпоху Марии Терезии см. фундаментальный труд: *Dickson P. G. M.* Finance and Government under Maria Theresa 1740–1780. Oxford, 1987. 2 Vols.

³⁴ См., например: *Mueller Ch. L.* The Estates of Styria, 1740–1848. A Century of Transition. Charlottesville (Va), 1980.

³⁵ На русском языке см., например: *Пуфендорф С.* О должностях человека и гражданина. СПб., 1724; *Вольф Х.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб., 1765. См. также: *Staatsdenker im 17. und 18. Jahrhundert* / Hrsg. von M. Stolleis. Frankfurt a. M., 1977.

³⁶ *Wolf E.* Das Problem der Naturrechtslehre. Karlsruhe, 1964; *Brückner J.* Staatswissenschaften, Kameralismus und Naturrecht. Ein Beitrag zur Geschichte der Politischen Wissenschaft im Deutschland des späten 17. und frühen 18. Jahrhunderts. München, 1977.

³⁷ *Justi J. H. G., von.* Staatswirtschaft oder systematische Abhandlung aller ökonomischen und Kameralwissenschaften die zur Regierung eines Landes erfordert werden. Leipzig, 1758. Т. 1–2. Труды И. Г. Г. Юсти были хорошо известны в России конца XVIII —

начала XIX в. в русских переводах. См., например: *Юсти И. Г. Г. Торгующее дворянство* / Пер. Д. Фонвизина. СПб., 1766; *Он же. Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов* / Пер. А. С. Волкова. СПб., 1770; *Он же. Основные силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния* / Пер. И. Богаевского. СПб., 1772–1778.

³⁸ *Sonnenfels J., von. Grundsätze der Policey, Handlung und Finanzwissenschaft*. Wien, 1765. См. также: *Osterloh K. H. Joseph von Sonnenfels und die österreichische Reformbewegung im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus*. Lübeck; Hamburg, 1970.

³⁹ См.: *Enlightened Absolutism. Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe* / Ed. by H. Scott. London, 1990; *Beales D. Joseph II: In the Shadow of Maria Theresa*. Cambridge, 1987.

⁴⁰ См., например: *Österreich im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus* / Hrsg. von E. Zöllner. Wien, 1983. S. 4. К. Воцелка, принимая все оговорки, мешающие признанию Марии Терезии просвещенной государыней, тем не менее настаивает, что ее правление составляет целостный период вместе с правлением ее сына Иосифа II. См.: *Vocelka K. Op. cit.* S. 19–20.

⁴¹ *Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618–1815*. Cambridge, 2000. P. 169.

⁴² *Raeff M. The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven; London, 1983.

⁴³ *Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780*. Cambridge, 1994. P. 5–6.

⁴⁴ К сожалению, несмотря на определяющую роль, которую дворянство играло в Венгрии в Новое время, до сих пор не создано отвечающего требованиям и потребностям современной исторической науки комплексного исследования по истории венгерского господствующего класса. Наряду со ставшим классическим обобщающим трудом (*Magyarország története 1686–1790* / Szerk. Ember Gy., Heckenast G. Bp., 1989), читателю можно порекомендовать статью крупнейшего эксперта по истории монархии Габсбургов в раннее Новое время, английского историка Роберта Эванса (См.: *Evans R. J. W. Der Adel Ungarns in der Habsburgermonarchie im 18. Jahrhundert // Der europäische Adel im Ancien Régime. Von der Krise der ständischen Monarchien bis Revolution (ca. 1600–1789)* / Hrsg. von R. G. Asch. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 345–362), а также статью П. Шимерта в двухтомнике, посвященном европейскому дворянству, под редакцией Х. Скотта (См.: *Schimert P. The Hungarian Nobility in*

the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by H. Scott. London, 1995. Vol. 2. P. 144–182.

⁴⁵ *Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. Oxford; New York, 1986. О критическом анализе современной историографии см.: *Droste H. Patronage in der Frühen Neuzeit — Institution und Kulturform // ZHF*. 2003. № 30. S. 555–590. На русском языке также см.: *Кром М. М. Историческая антропология*. СПб., 2004. С. 97.

⁴⁶ Конвикт (от лат. *convivere* — совместно проживать) — тип закрытого учебного заведения, в котором воспитанники жили вместе, пользуясь всем готовым — помещением, столом и т. д.

⁴⁷ Сенц — совр. Сенец в Словакии.

⁴⁸ Из числа общих работ, посвященных женскому воспитанию и образованию, см.: *Kleinau E., Opitz C. Geschichte der Mädchen- und Frauenbildung*. Bd. 1. Vom Mittelalter bis zur Aufklärung. Frankfurt a. M.; New York, 1996. Об истории школы Нотр-Дам в Пресбурге см.: *Vávrová-Štibraná I. A pozsonyi Notre Dame-zárda nemesi növendékeinek portréi a 18. század harmadik negyedéből // Művészettörténeti Értesítő*. 2001. LI. 1–2. sz. 51–68. old.

⁴⁹ *Gemell-Flischbach M., von. Album der k. k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Verzeichnis sämtlicher Angehörigen der k. k. Theresianischen Akademie (ehemals k. k. Theresianische Ritterakademie)... mit kurzen biographischen Daten*. Wien, 1913 (далее — Album).

⁵⁰ Одним из немногих с бумагами Венгерской канцелярии работал венгерский историк второй половины XIX в. Э. Финаци. См. его фундаментальный труд: *Fináczy E. A magyarországi közköztatás története Mária Terézia korában*. Вр., 1899. 1–2. köt.

⁵¹ Ср. с результатами исследований, посвященных сходным по типу источникам более раннего периода: *Bräuer H. Persönliche Bittschriften als sozial- und mentalitätsgeschichtliche Quellen. Beobachtungen aus frühneuzeitlichen Städten Obersachsens // Tradition und Wandel. Beiträge zur Kirchen-, Gesellschafts- und Kulturgeschichte / Hrsg. von G. Ammerer et al.* Wien; München, 2001. S. 294–304.

⁵² О деятельности упомянутых комиссий при королевском Наместническом совете см.: *Felhő I., Vörös A. A helytartótanácsi levéltár*. Вр., 1961. 123–126., 262–275. old.

⁵³ Австрийский историк Ханс Вагнер выборочно работал с расходными книгами Придворной казенной палаты, пытаясь обнаружить закономерности при назначении пенсий и пособий.

См.: *Wagner H. Royal Graces and Legal Claims: the Pension Payments of Maria Theresa and Their Withdrawal by Joseph II // Intellectual and Social Developments in the Habsburg Empire from Maria Theresa to World War I / Ed. by S. B. Winters, J. Held. London; New York, 1975.*

⁵⁴ Например, австрийские графы Йозеф и Франц Зальм, обучавшиеся в 80-е годы XVIII в. в одном из коллежей Брюсселя, еженедельно под руководством гофмейстера писали родителям, заимствуя образцы стиля из знаменитого сборника писем маркизы де Севинье. См.: *Wunderlich H. Studienjahre der Grafen Salm-Reifferscheidt (1780–1791). Ein Beitrag zur Adelserziehung am Ende des Ancien Régime. Heidelberg, 1984. S. 81.*

⁵⁵ Современная столица Словакии — Братислава — в средние века по-немецки называлась Пресбург (*Pressburg*), от чего впоследствии образовалось словацкое название города — Прешпорок (*Prešporok*), на латыни имя города звучало как Позоний (*Posonium*), по-венгерски, соответственно, Пожонь (*Pozsony*). В российской историографической традиции XIX в. город был известен прежде всего как Пресбург, что отразилось в названии мирных договоров, неоднократно заключававшихся в этом городе, поэтому в книге используется его немецкое название.

⁵⁶ Список опубликованных диссертаций выпускников венского Терезианума см.: *Igálffy-Igály L. Gedruckte Dissertationen, Prüfungsfragen, wissenschaftliche Abhandlungen von Absolventen der k. k. Theresianischen Ritterakademie aus der Zeit von 1752 bis 1864 wie auch einigen Absolventen der Savoyischen Ritterakademie. 1972 (рукопись).*

⁵⁷ Специально для венского Терезианума И. Г. Г. Юсти в 1755 г. написал учебник, затем переизданный в 1774 г. См.: *Justi J. H. G., von. Anweisung zu einer guten deutschen Schreibart und allen in den Geschäften und Rechtsachen vorfallenden schriftlichen Ausarbeitungen zu welchen Ende allenthalben wohlausgearbeitete Proben und Beyspiele beygefüget werden. Wien, 1774.*

⁵⁸ См. классическое сочинение по истории венского Терезианума, написанное в духе официальной истории: *Guglia E. Das Theresianum in Wien. Wien, 1912. В 1996 г., к 250-й годовщине со дня основания Терезианума, директор библиотеки Р. Ташнер переиздал этот труд с дополнениями, см.: *Guglia E. Das Theresianum in Wien: Vergangenheit und Gegenwart / Bearbeitet und ergänzt von R. Taschner. Wien; Köln; Weimar, 1996. См. также труды по истории дворянских школ Моравии: *Dittrich C.-F., Weingartner L., Schwippel C. Geschichte des deutschen Staats-Ober-Gymnasiums in Brünn von der Gründung desselben im Jahre***

1578 bis zum Jahre 1878. Festschrift zur Jubel-Feier seines 300-jährigen Bestandes. Brünn, 1878; *Wallner J.* Geschichte des Convictes in Olmütz von der Gründung bis zur Vereinigung mit der k. k. Theresianischen Akademie in Wien, 1566–1782. Brünn, 1903; *Idem.* Geschichte des k. k. Gymnasiums zu Iglau. Iglau, 1879; *Reichenbach C.* Geschichte des Gymnasiums zu Iglau. III. Teil. Gesch. d. Gymn. von seiner Übernahme in die Staatsverwaltung 1773 bis zur Reorganisation 1848. Iglau, 1901–1903.

⁵⁹ См., например: Jahresbericht 1979/80 im Gedenkjahr unserer Stifterin Kaiserin Maria Theresia. Wien, 1980; *Igálffy-Igály L.* Das Theresianum — seine Wandlungen zu Lebzeiten seiner Stifterin // Maria Theresia und ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todestages / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980.

⁶⁰ *Cicalek Th.* Beiträge zur Geschichte des Theresianums. Wien, 1872.

⁶¹ *Schwarz J.* Geschichte der k. k. Theresianischen Akademie von ihrer Gründung bis zum Curatorium Sr Excellenz Anton Ritter von Schmerling, 1746–1865. Wien, 1890; *Idem.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie in Wien vom Jahre 1746 bis 1778. Wien, 1897; *Idem.* Die niederen und höheren Studien an der k. k. Theresianischen Akademie in Wien. Teil I–II // Jahresbericht über das Gymnasium an der k. k. Theresianischen Akademie. Wien, 1903–1904.

⁶² Об истории ордена иезуитов в Австрии см.: *Kelle J.* Die Jesuiten-Gymnasien in Oesterreich. München, 1876; *Idem.* Die Jesuiten-Gymnasien in Österreich. Vom Anfange des vorigen Jh. bis auf die Gegenwart. Prag, 1873. Избранную библиографию по истории учебных заведений Общества Иисуса в Венгрии см.: *Staud G.* A magyarországi jezsuita iskolai szinjátékok forrásai. I. köt. 1561–1773. Fontes ludorum scenicorum in scholis S. J. Hungariae. Pars Prima. Вр., 1984. 56–61. old.; Об истории ордена пиаристов в Австрии см.: *Brendler A.* Das Wirken P. P. Piaristen seit Ansiedelung in Wien im Collegium in der Josefstadt, zu St. Thekla auf der Wieden und im Löwenburg'schen Convicte. Wien, 1896. Об истории пиаристов в Моравии см.: *Stöckl J.* Zur Geschichte der Stadt und des Piaristengymnasiums in Kremsier. Festschrift aus Anlass des 200-jährigen Bestandes des Gymnasiums. Kremsier, 1887. Об истории учебных заведений пиаристов в Венгрии см.: *Takáts S.* A főváros alapította Budapesti piarista kollégium története. Вр., 1895; *Kisparti J.* A váci Theresianum története. Vác, 1914. *Balanyi Gy., Bíró I., Bíró V., Tomek V.* A magyar piarista rendtartomány története. Вр., 1943. Избранную библиографию о деятельности пиаристов в Венгрии см.: Magyarországi piarista

iskolai színjátszás forrásai és irodalma 1799-ig / Sajtó alá rendezte és szerkesztette Kilián I. Bp., 1994. 28–34. old.

⁶³ *Hegyí F.* A szenci piarista közgazdasági főiskola (1763–1776) // A Magyar Kegyestánítórend Debreceni Calasanci Szent József Intézete Kereskedelmi Középiszkolájának Évikönyve. 1941. 3–9. old.; *Idem.* A Szenci Collegium Oeconomicum, 1763–1776–1780 // Irodalmi Szemle. Pozsony, 1983. 26. sz. 531–554. old.; *Idem.* A szenci piarista Collegium Oeconomicum könyvtára // Magyar Könyvszemle. 1978. 167–176. old.; *Idem.* Új adatok a Tatai Piarista Kollégium XVIII. századi történetéhez // Piaristák Magyarországon 1642–1992. Rendtörténeti tanulmányok / Szerk. Holl B. Bp., 1992. 89–164. old.

⁶⁴ *Molnár A.* A közoktatás története Magyarországon a 18. században. Bp., 1881.

⁶⁵ *Fináczy E.* A magyarországi közoktatás története...; *Idem.* Az újkori nevelés története (1600–1800). Vezérfonal egyetemi előadásokhoz. Bp., 1927.

⁶⁶ *Eckhart F.* A jog- és államtudományi kar története, 1667–1935. Bp., 1936.

⁶⁷ *Szentpétery I.* A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935.

⁶⁸ *Hóman B., Szekfü Gy.* Magyar történet. Bp., 1935. 4. köt. 366. old.

⁶⁹ *Ibid.* 5. köt. 133–134. old.

⁷⁰ *Kornis Gy.* A magyar művelődés eszményei, 1777–1848. Bp., 1927. 1. köt. XIV. old.

⁷¹ *Ibid.* 90. old.

⁷² *Mályusz E.* Magyarország története a felvilágosodás korában. Bp., 2002. 39–40. old.

⁷³ *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984.

⁷⁴ *Brezinka W.* Pädagogik in Österreich. Die Geschichte des Faches an den Universitäten vom 18. bis zum Ende des 20. Jahrhunderts. Bd. 1. Einleitung. Schulwesen, Universitäten und Pädagogik im Habsburger-Reich und in der Republik. Pädagogik an der Universität Wien. Wien, 2000.

⁷⁵ См., например: *Mészáros I.* Az iskolaügy története Magyarországon 996–1777 között. Bp., 1981; *Idem.* Magyarország iskolatípusok, 996–1990. Bp., 1995; Ratio educationis. Az 1777-i és az 1806-i kiadás magyar nyelvű fordítása / Fordította, jegyzetekkel és mutatókkal ellátta Mészáros I. Bp., 1981.

⁷⁶ *Grimm G.* Die Schulreform Maria Theresias, 1747–1775. Das österreichische Gymnasium zwischen Standesschule und allge-

meinbildender Lehranstalt im Spannungsfeld von Ordensschulwesen, thesesianischem Reformabsolutismus und Aufklärungspädagogik. Frankfurt a. M. etc., 1987. S. 432.

⁷⁷ *Grimm G.* Elitäre Bildungsinstitution oder «Bürgerschule»...

⁷⁸ *Melton J. V. H.* Op. cit. P. 214.

⁷⁹ *La Vopa A.* Grace, Talent and Merit: Poor Students, Clerical Careers and Professional Ideology in Eighteenth-Century Germany. Cambridge, 1988.

⁸⁰ См. обзор публикаций по различным аспектам взаимодействия общества и школы: *Talbot J. E.* The History of Education // *Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences.* 1971 (Winter). Vol. 100. № 1. P. 133–147.

⁸¹ *Klingenstein G.* Der Aufstieg des Hauses Kaunitz. Studien zur Herkunft und Bildung des Staatskanzlers Wenzel Anton. Göttingen, 1975.

⁸² *Klingenstein G.* Vorstufen der thesesianischen Studienreformen...; *Eadem.* Despotismus und Wissenschaft... S. 126–157; *Eadem.* Bildungskrise: Gymnasien und Universitäten im Spannungsfeld thesesianischer Aufklärung // *Maria Theresia und ihre Zeit...* Wien, 1980. S. 213–221.

⁸³ См., например: *Kail O.* Ritterakademien im Rahmen adeliger Standeserziehung. Ein Aufriß ihrer Entwicklungs- und Bildungsgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der benediktinischen Ritterakademie im Stift Kremsmünster. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg. 1990 (рукопись); *Ortner M. T.* Die Jesuiten in ihrer Bedeutung für das österreichische Bildungswesen vor und nach der Aufhebung des Ordens im Jahre 1773. Dipl.-Arb. 1994 (рукопись); *Hengl M.* Das Schul- und Studienwesen Österreichs im Aufgeklärten Absolutismus. Studienhofkommission — Schulwirklichkeit — Schulbauten. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Geistes- und Kulturwissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. 2001 (рукопись).

⁸⁴ *Bleek K.* Adelserziehung auf deutschen Ritterakademien. Die Lüneburger Adelsschulen, 1655–1850. Frankfurt a. M., 1977. T. 1–2.

⁸⁵ *Conrads N.* Op. cit.

⁸⁶ *Kosáry D.* Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. Bp., 1980; *Idem.* Aufgeklärter Absolutismus — aufgeklärte Ständepolitik: Zur Geschichte Ungarns im 18. Jahrhundert // *Südost-Forschungen.* 1980. Vol. XXXIX.

⁸⁷ *Balázs É.* Freimaurer, Reformpolitiker, Girondisten // *Be-förderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Ge-*

sellschaften, Clubs / Hrsg. von É. Balázs, L. Hammermayer et al. Berlin, 1979; *Eadem*. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: an Experiment in Enlightened Absolutism. Bp., 1997.

⁸⁸ *Tóth I. Gy.* Der wechselnde Spielraum des ungarischen Adels im 17./18. Jahrhundert // Ständefreiheit und Staatsgestaltung in Ostmitteleuropa. Übernationale Gemeinsamkeiten in der politischen Kultur vom 16.–18. Jahrhundert / Hrsg. von J. Bahlcke, H.-J. Böhmberg, N. Kersken, Leipzig, 1996; *Idem*. Bildung und adelige Hofhaltung in Westtransdanubien im 17. und 18. Jahrhundert // Adelige Hofhaltung im Österreichisch-Ungarischen Grenzraum (vom Ende des 16. bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts). Eisenstadt, 1998.

⁸⁹ *Tóth I. Gy.* «Mivelhogy magad írást nem tudsz...» Az írás térhódítása a művelődésben a kora újkori Magyarországon. Bp., 1996.

⁹⁰ *Ember Gy.* A M. Kir. Helytartótanács ügyintézésének története, 1724–1848. Bp., 1940.

⁹¹ *Fallenbüchl Z.* Magyarország főméltóságai, 1526–1848. Bp., 1988.

⁹² Фейшпан (по-венгерски — főispán, на латыни — supremus comes, по-немецки — Obergespan) — избираемый дворянским собранием комитата или наследственный глава комитатской администрации. На русский язык иногда не вполне точно переводится как «губернатор».

⁹³ *Fallenbüchl Z.* Magyarország főispánjai, 1526–1848. Bp., 1994.

⁹⁴ *Fallenbüchl Z.* A Szepesi Kamara tisztviselői XVII–XVIII. században // LK. 1968. 38. évf. 2 sz. 193–236. old.; *Idem*. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században // Ibid. 1970. 41. évf. 259–336. old.; *Idem*. A Magyar Kamara tisztviselői II. Józseftől a polgári forradalomig. 1780–1848 // Ibid. 1972. 43. évf.; *Idem*. A sóügyi hivatalnoksága Magyarországon a XVIII. században // Ibid. 1979. 2. sz. 327–395. old.

⁹⁵ *Fallenbüchl Z.* Mária Terézia magyar hivatalnokai. Bp., 1989.

⁹⁶ *Dickson P. G. M.* Finance and Government under Maria Theresa...; *Idem*. Monarchy and Bureaucracy in Late Eighteenth-Century Austria // English Historical Review. 1995. April. P. 323–367.

⁹⁷ *Heindl W.* Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991.

Часть I
ВСЯКОЕ НАЧАЛО ТРУДНО

Граф Иоганн Йозеф Кевенхюллер,
первый куратор венского Терезианума (1746–1754 гг.)

Более ж всего старались, чтобы научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматике... танцовать и фехтовать в торжественных собраниях при случае экзаменов, что сделало питомцев хотя в науках неискусными, однако же доставило людскость и некоторую розвязь в обращении.

Г. Р. Державин. «Записки»

Что стоит создать рыцарскую академию

Повсеместно в Европе раннего Нового времени дворянство, занимавшее ключевые позиции в армии, государственном аппарате и церкви, не считало, что с высокими и ответственными должностями сопряжены повышенные требования к собственному образовательному уровню. Если оставить за скобками бедных или безземельных дворян, вынужденных зарабатывать на жизнь, поступая на военную или гражданскую службу, а для этого наравне с простолюдинами посещать всеобщие средние школы и университеты, то аристократические и состоятельные дворянские семьи предпочитали нанимать своим детям домашних учителей: одни обучали грамоте, письму и счету, другие — верховой езде, фехтованию, танцам. Молодого дворянина могли на пару лет отправить в коллегийум (коллеж, колледж), но не для занятий книжной ученостью, а для социализации в кругу сверстников, среди которых аристократы находили себе преданных клиентов, а мелкие дворяне — влиятельных патронов. Глубина и направленность образования были довольно жестко увязаны с социальными функциями дворянства: латынь преимущественно изучали младшие сыновья, готовившиеся стать священниками, математику и рисование усердно штудировали будущие офицеры, античной историей и риторикой занимались те, кому предстояло блистать красноречием и слыть ценителем искусств при дворе¹.

Как отмечалось выше, специальные учебные заведения для дворянского сословия возникли в XVI в. как ответ на специфические потребности, удовлетворить которые не были способны ни домашние учителя, ни всеобщие школы. Нанимая своим

детям наставников, родители были вынуждены полагаться на их знания и опыт, поэтому ошибки в воспитании и пробелы в образовании могли обнаружиться лишь спустя годы. Университет с его культом чистой науки не только претил дворянской спеси некоторых родителей, но и не готовил молодых дворян к придворному церемониалу. Француз Франсуа де Ла-Ну в 1587 г. одним из первых сформулировал требование сочетать обучение на родном языке наукам, необходимым воину и государственному мужу, с физическими упражнениями, которые укрепляли бы тело и формировали изящество, необходимое придворному². Первая дворянская академия была основана в Париже в 1594 г. Антуаном Плювинелем, и эту модель вскоре начали имитировать в самых разных частях Франции, а затем и в протестантской Германии — Тюбингене и Касселе.

В XVI в. повсеместно во владениях Габсбургского дома воспитание дворян находилось в частно-семейной сфере, а публичные образовательные институты, так называемые провинциальные (земельные) сословные школы (*Landschaftschulen*), основанные протестантами, и латинские школы (*Lateinische Schulen*) ордена иезуитов находились на стадии формирования. Сопоставляя образовательные стратегии католиков и протестантов, К. Макхарди пришла к выводу, что цели и структура среднего и высшего образования были удивительно похожи: обе группы стремились и привить профессиональные навыки, и передать символы дворянской культуры. Основная разница заключалась в изучении религиозной догматики и обретении определенной конфессиональной идентичности в сочетании с религиозными практиками и ценностями³.

В эпоху не имевшего скорого разрешения политического и религиозного конфликта между Габсбургами и протестантскими сословиями последние нуждались в собственном грамотном чиновничьем аппарате (прежде всего, чтобы защищать собственные интересы перед лицом короны) и потому проявляли заинтересованность в дворянских учебных заведениях, где давалась бы достаточно глубокая и ориентированная на практические нужды подготовка в юриспруденции и военном деле. Как говорилось в руководстве для нижеавстрийских начальных школ XVI в., «почти все должности связаны с юридическими вопросами, и невозможно занимать их без знания латыни»⁴. Ученики также получали базовую подготовку по другим языкам и предметам, включая историю, риторику, геометрию, музыку и философию (т. е. изучались логика, метафизика, математика).

Задачей большинства этих школ было последующее поступление их выпускников в университеты, а в некоторых из них на последнем году обучения даже преподавалась юриспруденция.

Наряду со школами протестантских сословий во второй половине XVI в. Габсбургами была предпринята первая попытка создать католическую школу для дворянских юношей: между 1560 и 1565 г. в Вене по инициативе императора Фердинанда I (1556–1564) открылась Нижнеавстрийская провинциальная школа и дворянский коллегиум (Niederösterreichische Landschafschule und adeliges Kollegium), где преподавание было поручено ордену доминиканцев. Ученики были разделены на четыре класса: с четвертого (самого младшего) до первого. Для упражнений в языке переводили Цицерона на немецкий, лучшие же ученики сочиняли стихи. По пятницам переводили немецкие упражнения на латинский язык, и в этот день разрешалось говорить только на латыни. В старших классах изучали греческий. Однако мало кто из воспитанников проводил в школе все четыре года, в частности по причине дороговизны образования. Из Венгрии в школу прежде всего попадали сыновья мелких дворян и офицеров приграничных крепостей, сумевших получить финансовую поддержку у военного руководства или Венгерской казенной палаты.

По подсчетам венгерского историка Л. Гечени, в период с 1564 по 1580 г. выходцы из Венгрии в школе по численности занимали второе место, уступая только немцам и далеко опережая чехов. Это обстоятельство историк объясняет, с одной стороны, стремлением провинциального венгерского дворянства, в том числе офицерства, поместить ребенка поближе ко двору, где тот скорее мог обрести могущественных покровителей и влиятельных друзей, и тем самым обеспечить ему лучшее будущее, а с другой — желанием венского двора открыть перед венгерским дворянством дополнительные возможности по интеграции в придворные бюрократические и имперские армейские круги. Важно подчеркнуть, что сам Гечени говорит о цели пребывания в Вене не только как о приобретении знаний, умений и навыков, необходимых для взрослой профессиональной деятельности, но и об усвоении хороших манер и поиске лучших возможностей для начала карьеры. Хотя нет достоверных статистических данных о том, как сложились судьбы венгерских воспитанников школы, можно с определенной уверенностью утверждать, пишет историк, что, проучившись полгода, год или более в Вене, юноши из Венгрии, которые еще недавно

изучали латынь и греческий, возвращались в родные места и чаще всего по примеру отцов поступали на военную службу в отдаленных пограничных гарнизонах⁵.

Австрийские историки также констатируют, что в целом судьба школы сложилась неудачно, она не выполнила возложенных на нее задач и не смогла удовлетворить культурно-образовательных потребностей сословий. Расположенное в столице, в непосредственной близости от двора учебное заведение так и не привлекло достаточного числа учеников из провинции, поскольку протестантское в большинстве своем дворянство испытывало недоверие и проявляло подозрительность по отношению к столичной католической школе. В 1578 г. власти были вынуждены принять решение зачислять наряду с дворянами также и недворян. Значительную часть воспитанников во все годы существования школы составляли сыновья придворных и проживавших в Вене чиновников⁶. Австрийский историк Т. Винкельбауэр в биографии австро-чешского аристократа Гундакера Лихтенштайна⁷ упоминает о проекте превращения Нижнеавстрийской провинциальной школы в полноценную дворянскую академию, с которым тот в 1612 г. обратился к императору Матиасу I (1612–1619), однако двор не проявил должного интереса к замыслу вельможи. В связи с этим историк делает оригинальное допущение: будь идея князя претворена в жизнь, австрийская столица обладала бы приоритетом создания первой дворянской академии в католической Германии⁸.

Более успешной оказалась судьба Пажеского корпуса (Edelknabenschule), созданного в 1593 г. при венском дворе по образцу немецких рыцарских академий и пажеского корпуса Людовика XIV. Число воспитанников в нем не превышало 15–20 мальчиков, которые обучались верховой езде, фехтованию, танцам, игре на бильярде, а также получали наставление в философии, истории, праве, инженерном деле. Зачислением в корпус ведал обершталмейстер⁹. Правом поступления обладали те, у кого отцы носили чин камергера, а матери происходили из дворянских родов. От соискателей требовались свидетельства об успеваемости и прилежании. Для многих дворян образование, полученное в годы пажеской службы при дворе, становилось залогом удачной карьеры, как для Иоганна Антона Пергена, будущего дипломата и государственного деятеля, в том числе принимавшего в 70-е годы XVIII в. участие в реформе образования в монархии¹⁰. Корпус просуществовал вплоть до 1767 г., когда Мария Терезия перевела 15 его воспитанников в Савойскую академию.

Однако корпус так и не превратился в престижную школу с высоким уровнем преподавания¹¹.

С ослаблением сословной оппозиции и началом гонений на протестантизм в Австрийских землях в конце XVI в. уже сложившаяся школьная система сословий была уничтожена, а инициативы дворянства по созданию системы образования прервались на целое столетие. По политическим и конфессиональным причинам Габсбурги помогли Обществу Иисуса получить монополию в сфере образования. Иезуитские конвикты и коллегии (устроенные по образцу коллежей при Парижском университете), отмечает Г. Клингэнштайн, были творением эпохи Контрреформации, символом восстановленного единства светской и духовной власти. В так называемом цикле *humaniora* они предлагали дворянству образование, занимавшее промежуточное место между начатками грамотности, полученными, как правило, дома, и посещением университета, входившим в «большое путешествие». Семьям, сохранившим верность католицизму или недавно перешедшим в католичество, такое воспитание прокладывало дорогу ко двору католического государя. Габсбурги, со своей стороны, укрепляли тем самым духовно-церковный характер системы образования¹².

Иезуиты по праву считались лучшими учителями в католической Европе. Их педагогическую деятельность жестко регламентировал идеально сбалансированный план «*Ratio atque institutio studiorum Societatis Jesu*», утвержденный в 1599 г. Его главной целью было религиозно-нравственное воспитание католического юношества, а основное содержание составляло изучение латыни и латинской риторики по Цицерону, философии по Аристотелю, догматики по Фоме Аквинскому. В ходе трехгодичного обучения в классе грамматики и годичного пребывания в классе синтаксиса воспитанники учились в совершенстве говорить и писать на латыни, упражнялись в переводах. Два года в цикле *humaniora* (классы поэзии и риторики) ученики сочиняли изящные латинские письма, слагали стихи по лучшим античным образцам. На все вместе взятые «вспомогательные» дисциплины — арифметику, историю, географию отводилось ничтожно мало времени. В коллегиях, позволявших себе философскую ступень, слушателям читали логику, физику и метафизику¹³. Юриспруденция в монархии Габсбургов преподавалась далеко не везде и, как правило, в объеме канонического права. Дворянские упражнения считались «светскими забавами». План был обязателен для всех учебных заведений

иезуитов во всех странах мира и впервые претерпел изменения лишь в 1830–1832 гг., когда особой папской буллой было допущено более полное изучение естественнонаучных и точных дисциплин, национальных языков и литератур.

Наряду с «*Ratio studiorum*» для каждой отдельной провинции разрабатывалось специальное, адаптированное к местным реалиям методическое руководство, известное в Австрийской провинции как «*Turus*» (1735), которое давало детальное описание учебного процесса и рекомендации для преподавателей¹⁴. Идеалом иезуитов была повсеместная униформизация и синхронизация учебного процесса, так что если посетитель входил в одну из иезуитских гимназий во время урока, он мог быть уверен, что во всех прочих гимназиях ученики этого класса изучали тот же самый материал. Содержание учебников строго распределялось по классам, полугодиям, неделям и даже дням на мелкие единицы, сопровождавшиеся многочисленными примерами и детальными планами уроков, образцами письменных работ, практическими рекомендациями по отбору материала, вопросами для экзаменов. Учебный год иезуитов делился ровно на 180 рабочих дней. На 135 будних дней приходилось 134 темы, излагавшиеся на уроках в точном соответствии с подробнейшими наставлениями. В оставшиеся сорок пять суббот полагалось повторять пройденный материал. Установленный порядок соблюдался неукоснительно¹⁵.

В XVII в. в имперской столице дворяне из Австрийского герцогства, земель Чешской короны, Венгерского королевства посещали иезуитскую гимназию св. Барбары (так называемый Барбареум), а также всеобщий Венский университет. В 1623 г. для венгерских дворян, готовившихся стать священнослужителями, распахнула двери католическая семинария, основанная Петером Пазманем и со временем получившая его имя — Пазманеум¹⁶; для дворян из Хорватии-Славонии был создан Венский хорватский коллегийум. Число венгерских студентов в университете было относительно невелико, большинство из них посещало философский факультет. Многие поступали в университет по окончании учебы в Пазманеуме. Мелкое дворянство численно превалировало над аристократами, многие студенты были этническими немцами из рядов городского патрициата¹⁷. Венгерский историк Г. Палфи, анализируя пути интеграции венгерского дворянства в XVI–XVII вв. в политические структуры и социокультурную среду имперской столицы, отмечает, что даже кратковременная учеба в одном из столич-

ных учебных заведений расширяла круг профессионально значимых знакомств и существенно повышала карьерную мобильность¹⁸.

Количество иезуитских школ в Венгрии росло год от года: если в 1688 г. в королевстве насчитывалось 16 гимназий и три дворянских конвикта (в Трнаве¹⁹, Кашше²⁰ и Шопроне), то в 1716 г. гимназий было 28, а число конвиктов удвоилось²¹. Лучшим учебным заведением Венгерского королевства вскоре стал основанный Пазманем в 1635 г. университет в Трнаве. Два его факультета — философский и теологический — дополняла существовавшая при университете гимназия, которая именовалась факультетом языков²². На первом курсе философского факультета, как в любом иезуитском университете, изучали логику, на втором — физику и математику, на третьем — этику и метафизику. Через два года присваивалась степень бакалавра, после третьего года — магистра свободных искусств и философии.

В 1667 г. был торжественно открыт третий факультет — юридический, финансовую основу которого заложили венгерские примасы Имре Лоши и Дёрдь Липпай, завещавшие на эти цели капитал в размере 30 тыс. фт.²³ Факультет состоял из трех кафедр: канонического, римского и венгерского права. Правда, из-за финансовых затруднений венгерское право начали регулярно преподавать только с 1680 г.²⁴ Учебниками служили Свод венгерских законов (*Corpus juris Hungarici*), впервые изданный в конце XVI в., и «Трипартитум», или «Троекнижие обычного права королевства Венгрии» (*Tripartitum iuris consuetudinarii Regni Hungari*) — частная кодификация, составленная Иштваном Вербёци и со временем приобретающая силу закона. В отсутствие учебных пособий профессора были вынуждены методично диктовать тексты своих лекций, которые студенты записывали и заучивали к экзаменам. В XVIII в. появится трехтомник Иштвана Хусти «Практическая юриспруденция, или Новый комментарий по венгерскому праву»²⁵. В 1776 г. молодой граф Йозеф Фештетич, только что прибыв в Трнаву, писал родителям, что уже приобрел книгу Хусти для занятий юриспруденцией²⁶.

Орден иезуитов по праву гордился тем, что его гимназии, конвикты и университеты, пусть всего один-два семестра, посещали отпрыски знатнейших родов королевства. Венгерский историк И. Сентпетери, автор исследования по истории философского факультета, подсчитал, что с момента основания Трнавского университета и до середины XVIII в. там обучались 26 баронов и графов Эстерхази, столько же баронов и графов Реван,

а также графы Эрдеди, Надашди, Шерени, Зичи, Кеглевичи, бароны Амаде, Кохари, Берени, Форгачи²⁷. Эти имена еще не раз появятся на страницах книги в связи с историей самой престижной школы монархии Габсбургов во второй половине XVIII в. — венского Терезианума. Однако основную массу студентов составляли все-таки мелкие и средние дворяне, многие из которых впоследствии занимали должности в королевской или комитатской администрации.

В Австро-Чешских наследственных провинциях на рубеже XVII—XVIII вв. недостаточность образования, которое давали иезуиты, становилась все очевиднее, а потребность дворянства в политико-юридических и военно-инженерных знаниях для успешной гражданской или армейской службы ощущалась все острее. В то время как крупные аристократические фамилии, владевшие обширными территориями, лишь укрепляли свое могущество путем обращения собственных поместий в майораты, мелкое дворянство нищало. Рентабельность их небольших хозяйств понижалась, изменения в приемах ведения войны требовали все более специализированной подготовки, наконец, они становились объектом репрессивной политики государства по отношению к протестантам, проявившим неповиновение в годы Тридцатилетней войны. Секретарь венской Придворной казенной палаты Христиан Юлиус Ширль фон Ширендорф, разработавший в начале XVIII в. проект академии, где преподавались бы математика, физика, право и политические науки, жаловался, что в стране существует избыточное количество благотворительных фондов, на средства которых обучаются те, кто решил стать приходским священником или монахом. Тем же, кто помышляет о гражданском поприще, сетовал он, приходится отправляться в чужие земли, поскольку иезуитские школы не годятся для передачи мелкому дворянству знаний, необходимых для профессиональной деятельности в центральных или местных органах управления, суде или армии²⁸.

Однако попытки сословий раздвинуть рамки иезуитской практики воспитания и образования наталкивались на непонимание со стороны императора и сопротивление руководства ордена. Например, моравские сословия выделили деньги для того, чтобы в столице коронной земли, Брюнне²⁹, гимназия, руководимая иезуитами, была превращена в рыцарскую академию: в 1688 г. был нанят учитель танцев, в 1697 г. — фехтования, в первые годы XVIII в. появилась школа верховой езды. В главном же — учреждении должности профессора права, как

в иезуитской гимназии соседнего Ольмюца³⁰, — им было отказано. В 1724 г. гимназию в Ольмюце формально преобразовали в рыцарскую академию, но качество даваемого там образования мало соответствовало подлинным нуждам дворянского сословия, поскольку ученикам просто не оставляли времени на юриспруденцию и дворянские упражнения. Специальные, ориентированные на «профессию» знания и навыки приходилось по-прежнему приобретать в семье, под наблюдением гофмейстеров или частных учителей, а затем в заграничных рыцарских академиях и университетах во время *grand tour*. Такое образование было столь дорогостоящим, что оплатить его могли лишь самые богатые семейства. В результате при венском дворе и в центральных правительственных ведомствах становилось все больше иностранцев, которым, естественно, отдавалось предпочтение перед отечественным, плохо подготовленным к несению государственной службы дворянством³¹.

Ближе всего к идеалу рыцарской академии приблизилась Провинциальная академия нижнеавстрийских сословий в Вене (в литературе известна как сословная академия), но все равно как далека она была от него. В 1663 г. принимается решение об открытии в имперской столице рыцарской академии, но из-за нехватки средств и войны с османами заведение открылось лишь в 1685 г., за стенами венского Бурга, на Альзер-штрассе, в комплексе зданий, к которому была пристроена конюшня, крытая и открытая школа верховой езды. Большая обеденная зала одновременно служила местом проведения уроков фехтования и танцев. Предполагалось принимать 20 аристократов, 20 дворян и 10 бюргеров, при этом бюргерские дети должны были прислуживать своим высокородным одноклассникам. По расчетам, затраты на академию окупались в том случае, если число воспитанников было не менее 40, однако такого большого количества учеников в академии никогда не числилось. Прежде всего, никто из бюргеров не пожелал отдать своих сыновей в дорогостоящее учебное заведение. Если в 1695 г. академию посещали 27 дворянских сыновей, то к началу нового столетия их число сократилось до 10, а в первые десятилетия XVIII в. здание временно пустовало. В 1706 г. попечители приняли решение учредить девять стипендий для бедных дворян, чтобы до некоторой степени поддержать посещаемость академии определенным числом воспитанников³².

Учебная программа была построена с преимущественным вниманием к физическим упражнениям. Каждый учебный день

начинался с двухчасового урока верховой езды, который так изматывал юношей, что им потом нелегко давалась наука. В академии изучали математику, геометрию, военную и гражданскую архитектуру, разбивку лагеря и защиту укреплений, отводилось место географии, истории, равно как и публичному и частному праву и праву наследственных земель монархии. Предлагалась возможность выучить испанский, итальянский, французский языки. Прохождение полного курса обучения требовало три года, но большинство учеников покидало академию гораздо раньше, порой уже через несколько месяцев. Экзамены появились лишь на поздней стадии существования академии, аттестаты как подтверждение знаний так и не были введены. Можно сказать, что, несмотря на большие средства, затраченные на нее сословиями, академия не достигла своей цели — сделать дворянство способным к государственной и военной службе. На первом месте, сетовал австрийский историк XIX в. И. Шварц, оставались рыцарские упражнения, а преподаватель-офицер и по рангу, и по жалованию стоял выше профессора³³.

Интересен опыт рыцарской академии в силезском Лигнице³⁴, созданной в 1708 г. по распоряжению императора Иосифа I (1705–1711) на основе компромисса между католическим и протестантским дворянством провинции. В академии было всего 12 учебных мест — 5 для католиков и 7 для протестантов, которых, наряду с риторикой, математикой, историей, юриспруденцией, военной и гражданской архитектурой, учили современным иностранным языкам, верховой езде, фехтованию и игре на музыкальных инструментах. Ректором академии поочередно назначался католик и протестант. В 1726 г. в число обязательных предметов были включены эпистолография (искусство писать письма и составлять деловые бумаги), политика, генеалогия, геральдика, механика³⁵. Учебный план Лигница обнаруживал немало общих черт с планом венской сословной академии, и их проблемы были одинаковыми: молодые люди, имевшие минимальные навыки письма и счета, на короткое время вырывались из военной службы и попадали на школьную скамью, чтобы как можно скорее вернуться к привычной и более желанной армейской жизни.

Венгерские сословия также были озабочены тем, что дворянское юношество ни в пределах страны, ни в рамках монархии Габсбургов не имело учебного заведения, отвечавшего самым современным требованиям. Несколько венгерских дворян, воспитанников венской сословной академии, вряд ли могли изме-

нить ситуацию. Страна, которую всего полвека назад освободили от полуторавекового османского владычества и где прообраз правительства — Наместнический совет — был создан не далее как в 1723 г., нуждалась в грамотной элите, способной творить законы, управлять финансами, работать в центральном и местном административном аппарате, командовать армией. Еще в 1548 г., когда на большей части страны господствовали османы, а Габсбурги только что завершили Шмальканденскую войну (1546–1547 гг.), Государственное собрание Королевской Венгрии приняло закон «О необходимости использования оставшейся без владельца церковной земельной собственности для поддержания проповедников и открытия школ» (ст. 12 от 1548 г.), в частности гласивший: «Помимо прочего, доходы с оставшейся без владельца церковной и монастырской земельной собственности... необходимо обратить и использовать на содержание грамотных приходских священников и искренне несущих слово Божие проповедников, которые стремятся удержать народ в древней, неподдельной, подлинной католической вере и религии, а тех, кто от нее отошел, в нее вернуть, далее на создание и обустройство школ и последующее их содержание, чтобы занимались богоугодными науками и таким образом добрые и ученые мужи получили бы содержание и покровительство»³⁶. Эта норма неоднократно подтверждалась Государственными собраниями 1550, 1723, 1729 и 1741 гг.³⁷, однако до ее применения на практике дело не доходило.

Всё усложнявшиеся задачи в сфере управления, правосудия, финансов, военного строительства в условиях сохранения монополии дворянства на ведущие посты в государстве требовали воспитания «универсального» чиновника, способного справляться с самыми разнообразными задачами. Умение решать дифференциальные уравнения, разбираться в основах механики и гидравлики могли ему потребоваться при руководстве ирригационными работами; знания по физической географии или минералогии — на службе в горнопромышленных районах; без понимания особенностей правовых систем отдельных земель монархии трудно представить карьеру в администрации или суде; сведения из политической географии и истории, не говоря уже о владении несколькими иностранными языками, были нужны дипломату. Совершенствование в дворянских упражнениях напоминало о том, что дворянство получило привилегии за военную службу, а одной из почетных обязанностей оставалось куртуазное поведение при дворе.

Между тем не следует смешивать универсальность образования с его университетской глубиной. Обратившись к русской истории, можно обнаружить, что сходную проблему решали российские власти, когда в начале XIX в. разрабатывали план Царскосельского лицея. Граф А. К. Разумовский, сочтя первый вариант учебного плана, предложенный для рассмотрения и утверждения, слишком усложненным, высказался в том духе, что химия, астрономия, иные отвлеченные части математики вряд ли понадобятся министру, судье, дипломату или другим состояниям обычной гражданской службы. Чиновник полагал, что излишне преподавать такого рода юношеству историю философских мнений, которые «не озаряют ума полезными истинами, но помрачают заблуждениями и недоумениями». Талантам, кои обнаружатся среди воспитанников, заключал Разумовский, надлежало открыть дорогу в университеты, где науки преподаются во всей обширности³⁸. Пожалуй, именно эта задача стояла перед австрийскими и венгерскими авторами проектов привилегированных школ в XVIII в. Не становясь ни физиком, ни биологом, ни профессором права, ни военным инженером, молодой дворянин должен был превратиться в гармонично развитого, просвещенного индивида и галантного кавалера, овладевшего универсальной суммой знаний, полезных на службе государю и отечеству.

Школьное дело в любой стране во все времена было делом энтузиастов и подвижников. За благородную работу по созданию рыцарской академии для венгерского и австрийского юношества в начале 40-х годов XVIII в. взялся аббат-бенедиктинец Оддо Коптик. В годы Войны за австрийское наследство Габсбургская монархия оказалась во враждебном окружении, дворянству пришлось отказаться от традиционных поездок в академии баварского Этала и французского Сан-Жюльена, Лигниц был захвачен Пруссией. Венская сословная академия едва справлялась с 17–18 воспитанниками. Именно в этот момент Коптик выступил с идеей создания академии, в которой молодые люди из Венгрии и Австро-Чешских наследственных провинций в процессе совместного обучения лучше узнавали бы друг друга. Деятельный аббат сумел привлечь на свою сторону Наместнический совет. Последний обратился с соответствующим предложением к императрице. «Среди образованных народов Европы, — говорилось в нем, — нет ни одного, у которого не было бы “универсальной академии”». Только в нашей стране, утвер-

ждали чиновники Совета, дети столь несчастны, что не могут получить образования в более благородных науках, или же если хотят этого добиться, то получают его только за границей, неся немалые расходы; те же дворянские дети, у кого нет достаточных средств, не могут позволить себе учебу за границей, и, оставаясь дома, нередко недоюжинные таланты не используют по назначению, но хоронят их четырех стенах, пребывая в праздности или занимаясь хозяйством, от чего происходит немалый ущерб отечеству³⁹.

Для создания рыцарской академии было необходимо ответить на следующие принципиальные вопросы: где заведение будет располагаться, на какие средства содержаться и под чьим руководством находиться. Время показало, что ни по одному из этих вопросов венгерским сословиям и имперским властям не удалось прийти к согласию. Сначала Коптик, которому удалось заручиться поддержкой богатых цистерцианских аббатств Австрии, в качестве возможной резиденции для академии рассматривал австрийские замки Маннерсдорф и Оберсдорф, но венграм хотелось видеть академию на венгерской земле. Тогда Коптик предложил отдать под эти цели замок Фелторонь⁴⁰ в комитате Мошон, в непосредственной близости от австрийской границы. Замок находился на балансе казны и служил летней резиденцией двора. Однако двор не захотел отдать одну из любимых резиденций императрицы дворянским недорослям. Неутомимый Коптик отправился в соседний Мадяровар. Там был вполне пригодный для открытия академии замок, в котором располагалась тюрьма, но ни казна, ни кто-либо другой не пожелал взять на себя расходы по ее переводу в другое место и обустройство в бывшей тюрьме учебного заведения. Было, правда, еще здание зернохранилища, но денег на постройку нового также не было. Коптик последовательно предлагал открыть академию в Мадярбеле, Ваце, Эстергом, Дёре, Паннонхальме, но все было тщетно.

Для финансирования академии сословия хотели воспользоваться той самой статьёй закона, которая позволяла государю направлять доходы с церковных бенефициев на нужды образования. Наместнический совет надеялся, что имперские власти уступят аббатство Фёльдвар, принадлежавшее аугсбургскому епископу, но последовал ответ, что у аббатства есть владелец⁴¹. Коптик предложил до той поры, пока не будет создан постоянный фонд, содержать академию на средства, вырученные от

ежегодного экспорта 500 бочек венгерского вина, причем, чтобы австрийские власти скорее одобрили этот вариант, особо оговаривалось, что вино будет экспортироваться лишь в те земли, куда не поставляются австрийские вина. Однако ни это предложение, ни обещание помощи от бенедиктинцев и цистерцианцев не сдвинули дело с мертвой точки.

Наконец, камнем преткновения оставался вопрос о руководстве академией. Потенциальные спонсоры-цистерцианцы полагали, что первым директором по праву должен стать Оддо Коптик, но после его смерти академия переходит в ведение их ордена. Сословия не менее справедливо возражали, что если в будущем финансовой основой академии станет выделенный государством бенефиций, то и верховное управление должно принадлежать представителям государства. Двор хранил молчание, что в данном случае было скорее знаком несогласия.

Итак, план создания академии оказался погребен под грудой бумаг, и после 1743 г. к нему больше не возвращались. Трудно поверить, что при наличии доброй воли со стороны придворных кругов все перечисленные выше преграды не могли бы быть преодолены. На самом деле, и об этом в 1884 г. писал в исследовании, посвященном проекту создания академии, А. Каройи, главная причина неудачи коренилась во враждебности австрийских властей самой идее создания на венгерской земле современного учебного заведения для дворян. Двор никак не соглашался, чтобы контроль над академией перешел к венгерским сословиям, и не желал передавать престижную школу в ведение цистерцианского ордена. Государственный канцлер граф Корфиц Антон Ульфельд писал: «Сильно сомневаюсь, что венгерские монахи разбираются в дворянском воспитании, а опыт учит, что расцвет и упадок таких заведений зависит от личности руководителя»⁴².

Австрийские же бенедиктинцы уже в следующем, 1744 году добились права открыть при своем монастыре в Кремсмюнстере (Верхняя Австрия) дворянскую академию наподобие той, что функционировала в баварском Этале, где обучение делилось на две ступени: низшую, или гимназическую, и высшую, собственно академическую⁴³. Качество образования, которое давали бенедиктинцы, снискало заслуженную славу за пределами провинции, и академия в Кремсмюнстере просуществовала вплоть до 1784 г., пока не была закрыта по приказу Иосифа II вместе с другими привилегированными школами монархии. Однако она вряд ли могла претендовать на звание главного и образцового

учебного заведения монархии в силу своей удаленности от Вены как средоточия властных институтов, влиятельных сановников и блестящего двора, а также по той причине, что государство практически не участвовало в учебном процессе и формально не имело никаких оснований вмешиваться во внутренние дела академии.

В конце концов право основать первую дворянскую академию в монархии досталось ордену иезуитов, которые долго добивались этого права, притом что едва ли не безраздельно господствовали на «рынке образовательных услуг» столицы, монополизировав Венский университет и Барбареум. Их вечным соперникам пиаристам только в конце XVII в. разрешили открыть свою первую школу в пригороде Вены. Начав буквально с нуля, те полвека по крупицам собирали средства для возведения здания школы, конвикта, в котором жили дворянские воспитанники, и церкви, прежде чем смогли распахнуть двери для первых воспитанников. Иезуитам же повезло стать избранными для высокой миссии, и это принесло им заслуженную славу и неизбежные трудности.

Венский Терезианум — поле для эксперимента

С началом Войны за австрийское наследство Мария Терезия издала специальный декрет, предписывавший всем дворянским юношам, желающим отправиться на учебу за границу, испрашивать на то личное дозволение государыни. Иезуиты решили, что пришло время действовать, и в 1743 г. обратились с просьбой разрешить им открыть в столице дворянскую семинарию и продать им для этих целей любимую летнюю резиденцию Карла VI — дворец Фаворита-ауф-дер-Виден. Предложение иезуитов было рассмотрено Конференцией при высочайшем дворе, и государственные мужи признали насущную необходимость создания школы, в которой молодых дворян учили бы с одинаковой легкостью владеть пером и шпагой. Министры ссылались на пример вечного соперника Габсбургов — Франции, где при Кольбере, по их мнению, затраты государства на науки и искусства едва ли не сравнялись с военными расходами. В то же время Конференция считала нецелесообразным ограничиваться семинарией и посоветовала императрице согласиться

на продажу Фавориты при условии, что государство будет участвовать в управлении этим учебным заведением путем делегирования в руководство будущей дворянской академии какого-нибудь опытного министра. Сделка с иезуитами стала окончательно возможной, когда наступил перелом в войне и позиции Габсбургов в Европе были упрочены.

После смерти баварского курфюрста Карла Альбрехта Виттельсбаха, ставшего в начале Войны за австрийское наследство императором Священной Римской империи под именем Карла VII (1742–1745), супруг Марии Терезии — Франц Стефан Лотарингский — 13 сентября 1745 г. был избран новым императором, и древняя германская корона вернулась в руки Габсбургов. Конец войне во владениях Габсбургского дома положил заключенный в Дрездене 25 декабря того же года мирный договор. Воспользовавшись передышкой, императрица приняла принципиально важное решение — благословить Общество Иисуса на создание дворянского коллегіума, и по договору от 24 февраля 1746 г. продала иезуитам Фавориту за 30 тыс. гульденов¹⁴. Поскольку дворцовый комплекс, временно превращенный в арсенал и казарму, тогда пребывал в печальном запустении, ремонт зданий и благоустройство территории требовали колоссальных затрат. Вырученные же от продажи Фавориты средства были немедленно переданы военному ведомству, и в том числе на эти деньги Габсбурги еще три года воевали за австрийское наследство в Италии и Нидерландах.

Мария Терезия, носившая титулы австрийской эрцгерцогини и правительницы Нижней Австрии и города Вены, освободила дворец и прилегающие к нему строения по левой стороне Ландштрассе ото всех налогов и сборов на недвижимость в пользу суверена. Иезуитам позволялось беспошлинно ввозить любые товары, необходимые для устройства академии, будь то строительные материалы, продукты, фураж, дрова или книги. Будущее учебное заведение получило право бесплатного снабжения солью из государевых солеварен. Императрица брала на себя обязательство оплачивать труд ряда преподавателей. Заботиться о здоровье воспитанников и педагогов должны были лейб-медик и лейб-хирург¹⁵.

Проведя в беспрецедентно короткий срок ремонтно-восстановительные работы и наделав еще до открытия академии долгов на 18 тыс. гульденов, иезуиты в июне 1746 г. разослали по землям монархии циркуляр об открытии в имперской столице Терезианского дворянского коллегіума (*Collegium Nobilium*

Theresianum Societatis Jesu), которому его высочайшая покровительница милостиво присвоила свое имя. С началом учебного года в ноябре 1746 г. порог нового образовательного заведения переступили 24 юноши. Мало кто смог тогда разглядеть в этом рядовом событии начало масштабной реформы дворянского образования в монархии и явление миру в будущем славнейшей школы, попасть в которую будут считать для себя за честь аристократы и дворяне из всех владений Габсбургского дома. Австрийский историк К. Воцелка называет в числе причин, побудивших венский двор создать рыцарскую академию, нехватку высокообразованных, владеющих иностранными языками дипломатов для проведения восточной политики⁴⁶. Однако эту функцию вскоре возьмет на себя Восточная академия. В Терезиануме же турецкий или фарси не преподавались вовсе. Скорее всего, автор спроецировал более позднюю славу академии как питомника австрийской дипломатии на первые годы существования школы, которая виделась ее основателям и патронам в первую очередь как центр подготовки императорско-королевских служащих.

К Терезианскому коллегииуму во многих смыслах применимо слово «впервые». Впервые в непосредственной близости от двора и центральных государственных учреждений была создана рыцарская академия (пусть под именем иезуитского коллегииума) исключительно для дворянских юношей из различных земель и провинций Габсбургской монархии со сбалансированным учебным планом, включавшим «полезные науки» и дворянские упражнения, причем как на начальной, гимназической, так и на высшей, академической, ступени. Впервые государство в лице центральной власти, а не сословий отдельных земель, начинало активно финансировать подобное учебное заведение и столь же настойчиво вмешиваться в учебный процесс, будь то прием новых воспитанников или утверждение учебного плана. Таким образом, Терезианум стал полем для постоянных экспериментов, и те из них, которые после проб и ошибок венчались успехом, становились образцом для подражания в прочих владениях монархии⁴⁷.

Сотрудничество государства с орденом иезуитов было во многом вынужденным, поскольку обе стороны преследовали разные, если не сказать взаимоисключающие цели. Иезуиты мечтали о пышном, дорогостоящем заведении и не задумываясь увязали во все новых долгах, не жалея средств ни на ремонт, ни на роскошные празднества, ни на жалование администрации и

педагогам. В окружении Марии Терезии было немало советников, которые убеждали ее в том, что религиозные ордена вообще и иезуиты в особенности не знают счета деньгам, а вверенные им благочестивые фонды и заведения управляются крайне неэффективно, их финансовая отчетность запутана и требует тщательной ревизии, если не передачи под государственный контроль. В вину иезуитам будут ставить дорогостоящие подарки за счет заведения августейшим особам к дням рождения и тезоименитств или обычай заказывать «на память» рисунок с фамильным гербом каждого выпускника. Все, что придавало коллегияму блеск, свидетельствовало о его исключительности, иезуиты относили на счет своеобразных «представительских» расходов, в то время как камералисты записывали это в напрасные траты.

Хотя иезуиты по праву считались лучшими учителями в католической Европе, их педагогическую деятельность в середине XVIII в. по-прежнему жестко регламентировал с каждым годом все больше отстававший от потребностей реальной жизни план «Ratio studiorum». Чтобы обеспечить конструктивное взаимодействие между двором и Обществом Иисуса, императрица предусмотрительно назначила куратором коллегияума графа Иоганна Йозефа Кевенхюллера — дипломата и государственного деятеля, едва ли не единственного друга иезуитов в ближнем окружении Марии Терезии. В результате политика императрицы свелась к тому, что она до поры до времени покрывала из государственной казны расходы, которые считала необходимыми и неизбежными с точки зрения государственных интересов, тем самым поставив иезуитов в финансовую зависимость от государства.

В «Проекте королевского Терезианского коллегияума» говорилось, что «в этой школе во все времена будут воспитываться мужи, отличающиеся верностью и любовью к государю и отечеству, а также неизменной богобоязнью, добродетелью и знанием приличествующих их положению наук»⁴⁸. В коллегияум принимали детей не младше восьми лет, умеющих читать, писать и считать на латыни, гимназическая ступень включала в себя три класса грамматики, два класса humaniora и два класса философии. Помимо неременной латыни учебным планом предусматривалось изучение истории с необходимыми сведениями по географии, хронологии и геральдике, немецкого и иностранных языков, основ физики и математики, в рамках которой изучалась гражданская и военная архитектура.

Уже в первые годы существования коллегиума при нем открылся физико-математический музей, в котором по обычным дням воспитанники в рамках учебной программы ставили различные опыты и проводили эксперименты, а в дни публичных лекций и демонстрационных показов музей был открыт для всех желающих. В июне 1750 г. официальная газета венского двора «Wienerisches Diarium» писала: «В физико-математическом музее давали разъяснение и представление сложных опытов по гидравлике, гидростатике, аэрометрии и аэростатике, каковые сопровождалась экспериментами на новейших машинах и физико-математическими комментариями, которые предлагали вниманию присутствующих господа кавалеры»⁴⁹.

Для тех, кто закончил класс философии, добавлялись три года в классе юриспруденции, в течение которых воспитанникам предлагались лекции по международному праву (*jus gentium*), читалось римское право, а также по желанию самих учащихся немецкое и имперское право, законодательство Австрийских земель, Чехии, Венгрии. Лекции по теории сочетались с практическими занятиями, по примеру Германии, где воспитанники на специальных уроках изучали деловой стиль и практиковались в составлении официальных документов. Одновременно с учебным процессом проходили уроки танцев, хороших манер, а начиная с класса философии — фехтования и верховой езды⁵⁰.

Поскольку у ордена иезуитов не было средств, чтобы оплатить преподавателей светских предметов и содержать школу верховой езды, эти расходы покрывались за счет двора. Начиная с 1747 г. гражданское право читал известный профессор Иоганн Баптист Пикер, публичное и феодальное право — советник правительства Нижней Австрии Христиан Бек. В 1750 г. для чтения немецкой риторики и камеральных наук был приглашен авторитетный экономист И. Г. Г. Юсти. За казенный счет юношей также учили танцам и фехтованию. В 1748 г. императрица передала коллегиуму роскошную библиотеку лейб-медика Карла VI, Пия Николая Гарелли. На основе этого уникального собрания книг преподавалось большинство светских предметов, за исключением, пожалуй, греческого языка. Три дня в неделю библиотека была в полном распоряжении воспитанников, которые проводили там часы после занятий, читая книги по собственному выбору под наблюдением библиотекаря. В остальные дни, согласно воле Гарелли, она была доступна для публики. В 1750 г. у коллегиума появилась конюшня с

20 лошадьми, и были выделены 3 тыс. гульденов на ее ежегодное содержание и жалование конюхам (но не инструкторам верховой езды)⁵¹.

Венский Терезианум открылся раньше, чем лейб-медик и ближайший советник императрицы голландец Герард ван Свитен (1700–1772) в 1749 г. приступил к коренной реорганизации медицинского факультета, а в 1752 г. инициировал преобразования на философском факультете Венского университета, что традиционно считается началом реформ системы образования в монархии Габсбургов. Преподавание на обоих факультетах было переориентировано на практические нужды и современные общественные потребности при одновременном повышении формальных требований к учащимся. Управление университетом было отделено от учебного процесса: профессора полностью посвящали себя педагогической деятельности, она отныне оплачивалась казной (капитал университетских фондов, созданных еще на заре Контрреформации, к тому времени практически обесценился). Административные функции передавались специально созданным при факультетах дирекциям, куда назначались высокообразованные чиновники, способные руководить учебным заведением и понимать его нужды. Таким образом, «монополия иезуитов» в Венском университете была если не уничтожена, то существенно ограничена. Годовые и выпускные экзамены, подтверждающие уровень и качество знаний студента, становились обязательными. Если раньше получение докторской степени после многолетней учебы, длительность которой определял сам студент, документировало не столько его компетентность, сколько принадлежность к профессиональной группе, то отныне вводились жестко фиксированные требования к уровню и качеству знаний. Прежняя неформальная, основанная на семейных и корпоративных связях практика найма (в том числе) государственных должностей по замыслу реформаторов должна была уступить место обезличенному подходу, когда едва ли не единственным критерием становился документ об окончании учебного заведения⁵².

С первого дня существования статус Терезианума отличала известная двойственность: с одной стороны, коллегийум был звеном в гигантской образовательной машине Общества Иисуса, с другой — полем для педагогических, административных, финансовых экспериментов венского двора. Можно предположить, что имя императрицы, предусмотрительно дарованное учебному заведению, использовалось для оправдания постоянного вмеша-

тельства в дела бдительно охранявших свою автономию иезуитов. Так, в результате университетской реформы воспитанники коллегиума стали изучать право и камеральные науки практически в рамках университетской программы под руководством светских профессоров, одновременно преподававших на юридическом факультете. Финансовая независимость коллегиума превращалась в фикцию, пожелай императрица предъявить к оплате его непомерные долги. Специфика австрийской реформы образования, в свое время отмеченная Г. Клингенштайн, а именно: несравнимо более высокая, чем в германских университетах, доля регламентирующего вмешательства государства, диктовавшего учебные планы, вторгавшегося в организационные вопросы или произвольно перераспределявшего финансы⁵³, в полной мере распространялась и на привилегированные учебные заведения.

Власти рассчитывали, что со временем Терезианум превратится в центральную школу монархии, в своеобразный «плавильный котел», где будущие канцлеры и губернаторы, казначеи и генералы с ранних лет воспитывались бы для службы августейшему дому в единой Габсбургской монархии. Однако далеко не все дворянские и аристократические семьи имели финансовые возможности оплатить учебу в Терезиануме, где один только год стоил 400–500 гульденов — за обучение, проживание, питание, прислугу, врача и аптекаря, притом что расходы на одежду, книги и пр. покрывались родителями отдельно. Совмещая оказание материальной поддержки достойным, но обедневшим семьям с задачей пропорционального представительства «наций», т. е. дворянства различных коронных земель монархии, императрица приступила к созданию в рамках Терезианского коллегиума специальных стипендиальных фондов. В 1749 г. в качестве временной меры, до создания фонда с постоянным источником доходов, Мария Терезия учредила 10 стипендий для талантливых юношей, которых согласно специальной программе по юридическим и камеральным дисциплинам готовили к государственной службе⁵⁴.

Ректор Терезианума отец Людвиг Дебиль, озабоченный притоком в коллегиум новых воспитанников, также был заинтересован в появлении стипендиальных фондов: из них на полный пансион принимались бы талантливые малообеспеченные юноши. Не в последнюю очередь его волновали и успехи конкурентов — пиаристов, открывших в 1748 г. дворянский конвикт в Йозефштадте, названный по имени основателя Лёвенбургов-

ским. В следующем, 1749 году герцогиня Мария Терезия Фелицитас Савойская (урожденная княгиня Лихтенштайн) доверила пиаристам организацию учебного процесса во вновь открытой Савойской рыцарской академии (иначе именуемой Эмануэлум в память о ее покойном супруге герцоге Эммануиле), где, как и в Терезиануме, дисциплины гимназического цикла и юридического факультета университета были последовательно интегрированы в единый план⁵⁵.

В 1750 г. ректор Дебиль обратился к императрице с меморандумом, в котором перечислил возможные источники финансирования.

Во-первых, в 1715 г. супружеская чета Шеленбург, проживавшая в Лайбахе⁵⁶, создала фонд для попечения о военных инвалидах, вдовах и сиротах герцогства Крайна. За полвека в результате умелого управления капитал фонда возрос со 100 до 140 тыс. гульденов, но использование средств так и не началось. Декретом от 1 ноября 1750 г. Мария Терезия повелела на процентъс 80 тыс. содержать в венском Терезиануме шесть (впоследствии восемь) краинских дворян, которых стали называть шеленбургскими пансионерами. При этом право распределения стипендий закреплялось за сословиями Крайны, а право утверждения — за государем⁵⁷.

Во-вторых, в распоряжении нижеавстрийских сословий находился так называемый Кирхбергский фонд. Он был основан в 1710 г. Франциской Поликсеной Шаленберг баронессой Кирхберг для содержания и обучения в столице двух дворянских юношей из Нижней Австрии — на доходы с имения Хаугсдорф и сдачи внаем домов в пригороде Вены Шпиттельберге. Рачительное управление фондом позволило к 1720 г. увеличить число пансионеров до шести, причем из суммы стипендии юношам оплачивались съемное жилье, префект и двое слуг⁵⁸. Инкорпорируя капитал фонда в Терезианский коллегиум, Мария Терезия получала возможность довести число пансионеров до восьми, так как отныне воспитанники могли проживать в стенах Фавориты и иметь наставников и слуг из штата коллегиума⁵⁹.

В-третьих, Дебиль вспомнил о том, как некий Оддо Коптик безуспешно пытался испросить у австрийских властей венгерское аббатство Фёльдвар. Ректор не рекомендовал императрице создавать отдельную академию для Венгрии, но предлагал передать аббатство коллегиуму, чтобы в нем могли учиться бедные венгерские дворяне, при этом доходов богатого аббатства хватило бы как минимум на десятерых пансионеров. У Фёльдвара по-прежнему был хозяин, но в 1750 г. умер кардинал Сигизмунд

Колонич, венский архиепископ и печский епископ, в связи с чем освободились церковные бенефиции — аббатство св. Михаила Архангела в Батасеке (комитат Тольна) в южной Венгрии, а также аббатство Цветль и приходы Эгенсбург и Гросс-Русбах в Нижней Австрии. Их совокупный годовой доход исчислялся 17,6 тыс. гульденов. На эти деньги можно было не только создать стипендиальный фонд, но открыть и содержать школу верховой езды, а также платить жалование светским учителям и профессорам. Разрешение папы римского на передачу этих церковных бенефициев Терезиануму было получено 3 января 1751 г. Оставалось только законодательно закрепить финансовую независимость коллегиума.

Императрица утвердила предложенный Венгерской канцелярией текст жалованной грамоты 13 сентября 1751 г., и по заведенному порядку информация о новом стипендиальном фонде в форме многократно размноженной так называемой милостивой резолюции (*benigna resolutio*) 17 сентября была разослана во все комитаты. Одновременно Наместнический совет и Венгерская казенная палата были уведомлены о том, что аббатство Батасек поступает в исключительное ведение Терезианского коллегиума⁶⁰. Нота Директории по делам управления и финансов от 8 октября формулировала условия инкорпорации аббатства еще более жестко: «Все поступления от аббатства Батасек не смешиваются с другими доходами Венгерской казенной палаты, но управляются и исчисляются совершенно отдельно»⁶¹.

В Австрии, Чехии, Венгрии, других землях и провинциях монархии Габсбургов и прежде было немало мелких и крупных фондов, учредителями которых выступал сам король (эрцгерцог), архиепископ или епископ, в конце концов, частный завещатель. Большинство подобных стипендиальных фондов возникли в эпоху Контрреформации, служили делу воспитания новых поколений истых католиков и, повинувшись христианскому долгу, предоставляли помощь тем, кто особенно нуждался в сострадании. В Венгрии вплоть до 1773 г. верховный надзор за их деятельностью находился в исключительном ведении Комиссии по делам благочестивых фондов при Наместническом совете. Во второй половине XVIII в. эти фонды переживут не одну реорганизацию, однако принципы их деятельности мало изменятся под шквалом критики со стороны австрийских камералистов. В эпоху просвещенного абсолютизма, как и сто лет назад, их руководство будет отдавать предпочтение конвертитам⁶², сиротам и отпрыскам заслуженных, но обедневших дворянских родов.

Мария Терезия, которая по своему обыкновению предпочитала сначала создать нечто новое и только потом разрушить отжившее старое, не тронула сложившуюся систему благотворительных стипендиальных фондов под патронатом церкви и решила опробовать и отработать принципы взаимоотношения государства и общества в сфере образования во вновь созданном, находящемся под контролем двора Батасекском фонде. Несмотря на то что сиротство, обращение в католичество и стесненное материальное положение, в котором мог оказаться как мелкий дворянин, так и аристократ, по-прежнему служили вескими основаниями для монаршей милости, власти, как мы увидим ниже, все более настойчиво начнут предоставлять стипендии в зависимости от «общественной полезности», поощряя тех отцов, чья карьера могла быть примером беззаветного служения «общему благу».

Итак, согласно жалованной императорско-королевской грамоте, изданной 30 октября 1751 г., бюджет Терезианского коллегия утверждался в размере 21,6 тыс. гульденов в год, в том числе ежегодные отчисления из Батасека — 8 тыс., из Цветля и Гросс-Русбаха — по 3,3 тыс., из Эгенбурга — 3 тыс. и, наконец, 4 тыс. гульденов — проценты с капитала в 80 тыс. гульденов, размещенного в Городском банке Вены. Из этой суммы 4 тыс. гульденов причитались иезуитам, 8 тыс. предназначались для 10 стипендий австрийским и венгерским пенсионерам (вместо тех 10 стипендий, которые временно выплачивались из средств Придворной казенной палаты), 5 тыс. — на содержание трех светских профессоров, 2 тыс. шли на жалование медику, хирургу, аптекарю, а также учителям танцев и фехтования. Самых больших затрат, естественно, требовала школа верховой езды — 5,6 тыс. гульденов⁶³.

Таким образом, на первом этапе своего существования Терезианум обрел финансовую самостоятельность и учебный план, который более или менее соответствовал требованиям, предъявляемым к дворянским академиям. Подобно тому, как его основательница и покровительница Мария Терезия всю жизнь сочетала созвучный духу времени прагматизм с сентиментальной приверженностью отживающим традициям, так и носящая ее имя школа одновременно смотрела в будущее и не спешила порвать с прошлым.

Тем не менее к 1753 г. стало ясно, что Терезианский коллегия так и не превратился в полноценную рыцарскую академию: воспитывая юношество для церкви, а не для государства,

иезуиты не уделяли должного внимания правовым дисциплинам и противились увеличению часов на дворянские упражнения. Раздутый штат и, как следствие, новые долги и рост платы за обучение при ухудшающихся бытовых условиях пребывания в коллегиуме — все это не могло укрыться от взоров ближайшего окружения императрицы. Иезуиты взяли многочисленные кредиты у Придворной казенной палаты для выплаты жалования, затеяли масштабное строительство в правом крыле Фавориты и при этом не были в состоянии оплачивать мелкие счета своих подрядчиков. Декретом Директории по делам управления и финансов от 10 августа 1754 г. у ректора Терезианума было отнято право верховного надзора над школой верховой езды и классом юриспруденции, долги коллегиума передавались казне, а доходы, за исключением трех верхнеавстрийских приходов, должны были поступать в Генеральную кассу, в ведение специально назначенного казначея.

Вскоре выяснилось, что таких мер было недостаточно. Императрице приходилось выдавать аванс за авансом, чтобы ликвидировать все новые долги коллегиума. В течение одного только 1755 г. казна потратила на эти цели 70 тыс. гульденов. Тем временем, наблюдая печальное положение дел во вверенном ему заведении, граф Й. Й. Кевенхюллер добровольно сложил с себя полномочия куратора. Вместо него ведать делами, касающимися учебы, был назначен венский архиепископ Иоганн Йозеф Траутсон. Дворянские упражнения и административное управление передавались Директории по делам управления и финансов. По предложению вновь назначенного казначея был изменен порядок уплаты за обучение. Если ранее учеба, проживание и питание обходились родителям в 400 гульденов в год, а за все остальное, в частности одежду, им приходилось доплачивать отдельно, то с 1 мая 1755 г. предлагалось увеличить годичный взнос до 800 гульденов, включив в эту сумму одежду, белье, книги и пр., а сверх того установить оплату за школу верховой езды в размере 100 гульденов⁶⁴.

Постепенно у императрицы окрепла уверенность, что Терезианум перестанет походить на дворянский конвикт, только если будет изъят из рук иезуитов. Поэтому новым декретом от 22 марта 1755 г. она повелела учредить Терезианскую рыцарскую академию, полностью отделенную от коллегиума. Старая часть Фавориты оставалась за иезуитами, в то время как новый, только что пристроенный к ней флигель вместе со школой верховой езды и частью сада передавались вновь созданной академии.

Чтобы разделение было полным, все проходы из одного здания в другое должны были быть замурованы. Библиотекой могли безвозмездно пользоваться воспитанники обоих заведений.

Директором рыцарской академии был назначен граф Карл Зальм, известный своим государственным мышлением и служебным рвением, а после его скоропостижной кончины в июле 1755 г. — граф Антон Бальтазар Виндишгрец. Он подчинялся непосредственно императрице и регулярно докладывал ей обо всем, что происходило в академии. По примеру дворянских учебных заведений Рима и Парижа для надзора за воспитанниками назначались префекты из мирян. Ежегодная плата за обучение составляла 600 гульденов, к тому же для особо одаренных и обладавших талантами и склонностями, необходимыми для государственной службы, молодых людей учреждались 8 стипендий, на которые принимали только после строгого экзамена. За 300 гульденов в год в академию отдельно принимали всех желающих совершенствоваться только в дворянских упражнениях. Таким образом, ученики гимназической ступени оставались в иезуитском коллегииуме, в то время как поступить в рыцарскую академию можно было только по окончании класса философии.

Государственно-правовые дисциплины в академии преподавали лучшие профессора реформированного юридического факультета Венского университета. Всеобщее государственное право и германское государственное право по Гуго Гроцию преподавал известный юрист Пауль Йозеф Ригер, естественное право — знаменитый Карл Антон Мартини, наставник наследника престола эрцгерцога Иосифа и его младших братьев; римское право было поручено профессору Иоганну Петеру Банице⁶⁵. Помимо юридических дисциплин воспитанники изучали всеобщую историю и историю Священной Римской империи, французский и итальянский языки, совершенствовались в красноречии и усердно занимались дворянскими упражнениями⁶⁶. Однако, судя по малочисленному набору во вновь созданную рыцарскую академию, затея с учреждением самостоятельного учебного заведения потерпела неудачу. Родителей было трудно убедить платить 600 гульденов, так как за 300 гульденов в Савойской рыцарской академии можно было прослушать едва ли не тот же самый курс юриспруденции у тех же профессоров. Выяснилось, что бюджет рыцарской академии, даже если из него исключить все «роскошества и излишества», отягощен такими расходами, справиться с которыми не позволяют ни высокая плата за обучение, ни постоянные дотации из казны.

Не в последнюю очередь неудачу начинания императрицы предопределила Семилетняя война. Молодые дворяне в эти годы предпочитали поступать на военную службу, как из патриотического долга, так и в надежде на быстрое продвижение по службе, тем более что, по распоряжению Марии Терезии, если воспитанник шел в армию, ему немедленно присваивался офицерский чин и выдавались деньги на полную экипировку за государственный счет. После того как в 1757 г. в академии по спискам осталось всего 12 юношей, а в следующем году их число сократилось до девяти, был издан указ о роспуске Терезианской рыцарской академии и переводе оставшихся в академии воспитанников в Эмануэлум. Освободившееся здание императрица подарила венскому архиепископу, и в 1759 г. иезуиты выкупили его за 30 тыс. гульденов⁶⁷. Теперь перед орденом, который вновь стал единственным обладателем всего дворцового комплекса Фавориты, открывалась возможность, учитывая горький опыт разногласий с властями по поводу целей и содержания учебного процесса, придать желанный блеск и ауру исключительности коллегииуму, по-прежнему носившему имя августейшей государыни.

Самые первые

В числе первых 24 воспитанников, принятых в коллегииум в ноябре 1746 г., наряду с сыновьями австрийской аристократии и высшего чиновничества — детьми покойного канцлера графа Фердинанда Кинского, обер-шталмейстера графа Ауэрсперга, кабинет-секретаря императрицы Игнаца Коха, лейб-медика Герарда ван Свитена — было двое венгров: граф Андраш Берени⁶⁸ и дворянин⁶⁹ Йозеф Ницки. Остается только гадать, почему названные юноши удостоились такой чести. Возможно, причина была в том, что их родители вовремя узнали о вновь открывшемся учебном заведении. Придворные круги официально и конфиденциально давали понять лояльной венгерской элите, что их детей ждут в Вене, более того, при необходимости готовы оказать их родителям материальное содействие. Кабинет-секретарь И. Кох в октябре 1746 г. писал барону Анталу Грашалковичу, королевскому персоналию⁷⁰, о больших надеждах, которые государыня связывала с коллегииумом ее имени, рассчитывая, что из него выйдут многочисленные военные и государственные деятели, и потому ее желание состояло в том,

чтобы и венгерское дворянство направляло туда своих сыновей. Императрица была готова оказать помощь тем, кто недостаточно богат, и господин барон порадует ее величество, заключал Кох, если поспособствует поиску достойных кандидатов⁷¹.

Поскольку нет достоверных сведений, по чьей протекции в коллегииум были приняты именно Берени и Ницки, предположим, что выбор на этих юношей пал по стечению обстоятельств и на их месте могли оказаться десятки других, не менее достойных молодых венгров. Даже в таком случае молодые люди были типичными представителями лояльной аристократии и дворянства, без конструктивного сотрудничества с которыми политика венского двора в Венгрии вряд ли могла быть успешной. Первый — из старинного дворянского рода, обласканного Габсбургами: предки Берени в 1642 г. получили баронский титул, а в 1700 г. дед Андраша был возведен в графское достоинство. Его отец, граф Тамаш Берени, в юности обучался в Трнаве, Вене и Нидерландах, с 1734 г. занимал должность фёйшпана комитата Земплен, кроме того председательствовал в Септемвиральной судебной палате (иначе называемой «Суд семи»), неоднократно исполнял важные поручения в должности правительственного комиссара — то регулировал течение реки Тисы, то проводил пограничное размежевание с Моравией. Ницки были родовитыми дворянами, которые получили дворянскую грамоту в 1221 г. Отец Йозефа также служил в системе судопроизводства — возглавлял окружную судебную палату в Кёсеге. Не исключено, что, принимая в коллегииум двух сыновей высоких судебных чиновников, власти рассчитывали, таким образом, на продолжение семейных традиций.

Кто оплачивал учебу Берени и Ницки, установить не удалось, зато доподлинно известно, что деньги за семнадцатилетнего Иштвана Ваи, принятого в коллегииум в следующем, 1747 году, распорядилась внести из Тайной казначейской кассы лично Мария Терезия. В XVII в. Ваи исповедовали кальвинизм: дед юноши, Адам, участвовал в восстании Имре Тёкёли (военные действия велись с перерывами с 1678 по 1685 г.), был пленен и лишился всех имений. В 1700 г. император Леопольд I (1658–1705) помиловал Адама Ваи и вернул ему отнятую собственность, но с началом освободительной войны под руководством Ференца II Ракоци тот вновь примкнул к повстанцам, войдя в число видных генералов мятежного князя. После подавления восстания Ваи бежал в Речь Посполитую, где вскоре скончался. Отец Иштвана, также Адам Ваи, вернулся в Венгрию, пере-

шел в католичество и при содействии своего покровителя эгерского епископа получил должность вице-ишпана в комитате Хевеш. В 1742 г. он возглавил королевскую судебную палату и вернул часть родительской собственности.

Мария Терезия, как и многие христианские государи, охотно соглашалась быть крестной матерью детей своих подданных. Нередко этому предшествовали долгие уговоры, но если государыня давала согласие, а в случае с новообращенными католиками добиться его было несравненно проще, такое счастье и для родителей, и для младенца, как писал австрийский историк Х. Вагнер, было равносильно выигрышу в лотерею. По его подсчетам, к концу правления Марии Терезии ее 115 крестникам ежегодно выплачивалось примерно 22 350 гульденов⁷². Правда, императрицу на крестинах нередко «замещала» одна из придворных дам, но от этого «выигрыш» крестника ничуть не обесценивался. Сына Адама Ваи нарекли Иштваном, что одновременно напоминало о первом венгерском короле Иштване I Святом (1000–1038) и супруге императрицы Франце Стефане Лотарингском. Как говорилось выше, финансовая помощь могла маскироваться под разные формы выплат и проходить по разным ведомствам венской Придворной казенной палаты, по крайней мере, из расходных книг Тайной казначейской кассы известно, что за учебу Иштвана Ваи в венском Терезиануме коллегиуму перечислялись соответствующие суммы в 1749–1752 гг.⁷³

За первые шесть лет в Терезианум поступили 17 дворян из Венгрии (не считая дворян из Трансильвании, о которых речь пойдет ниже). Многие из них провели в коллегиуме всего год-полтора (Иштван Андраши — с 1747-го по 1748 г., барон Йозеф Шандор, графы Янош Кеглевич и Имре Чаки, — с 1748-го по 1749 г.), поэтому барон Имре Перени, который проучился в коллегиуме шесть лет (1748–1754), был скорее исключением. В 1747 г. в Терезианум были приняты четыре брата Колонич, родственники того самого венского архиепископа Сигизмунда Колонича, имевшие венгерские корни, но матрикулированные как австрийские дворяне. Из них Карл (Жарой) проучился три года, Зигмунд — пять, а Йозеф (Йожеф) и Ладислаус (Ласло) долгие восемь лет.

В первые годы поступление в коллегиум венгерских дворян формально никак не зависело от властей: родители мальчиков обращались непосредственно к отцам-иезуитам и, если подготовка ребенка была удовлетворительной, платили деньги в кассу

Терезианума. Если же у родителей не было искомой суммы, оставалось надеяться, что императрица, снизойдя к их бедственному положению, окажет семье финансовое вспомоществование. Все изменилось в 1751 г., после того, как австрийские власти приписали к Терезианскому коллегиуму систему стипендиальных фондов и в качестве одного из церковных бенефициев утвердили венгерское аббатство Батасек.

Летом 1751 г. в Венгерской канцелярии кипела работа: нужно было составить и согласовать текст жалованной грамоты об учреждении Батасекского стипендиального фонда, сформулировать его цели и задачи и представить на утверждение императрице. В преамбуле говорилось: «Наконец-то наступили столь желанные для всех мир и спокойствие, когда всю нашу заботу и опеку мы употребляем на по Божьей воле вверенную нам обязанность — вознести подвластные нам королевства, страны и провинции на ту ступень счастья и процветания, какую только можно желать и достижению которой, помимо прочего, особенно способствует добротное и правильное воспитание и образование юношества, из чего, собственно, и проистекает все благо в государственных делах». Посему государыня объявляла: «Мы намереваемся передать его (аббатство Батасек. — О. Х.) вышепоименованному нашему Терезианскому коллегиуму в качестве постоянного фонда вместе со всем имуществом, правами, замками, местечками, владениями, всей прочей собственностью, поступлениями и доходами из всех комитатов Венгерского королевства, причитающихся этому аббатству по закону или с древнейших времен соблюдаемому обычаю, так, чтобы сей коллегиум имел возможность оным аббатством со всеми его поступлениями владеть, пользоваться и получать с него доходы». Далее разъяснялось: «Отцы из Общества Иисуса, чьим заботам и управлению, как и предписано, мы вверяем сей наш коллегиум, должны содержать, обеспечивать одеждой, питанием и всем необходимым для учебы десятирех воспитанников, в числе которых, как минимум, пятерых сыновей венгерских магнатов и дворян, из доходов аббатства, переданного описанным выше образом Терезианскому коллегиуму». Желавшие получить стипендию должны были письменно обращаться в Венгерскую канцелярию — ей вменялось в обязанность предлагать достойнейших государю. Имена счастливых, чьи кандидатуры утверждал император, публиковались в императорско-королевских резолюциях. В заключении грамоты была сформулирована главная цель этого фонда, а именно: чтобы дворянские юноши

«стали пригодными и способными для несения службы в плаще воина и мантии государственного мужа⁷⁴, а также полезными подданными короля и гражданами Отечества»⁷⁵.

С тех пор как циркуляр с текстом грамоты об учреждении Батасекского фонда был направлен во все венгерские комитаты, должно было пройти некоторое время, прежде чем его получили комитатские власти и зачитали на дворянском собрании и прежде чем тот или иной дворянин составил ходатайство и направил его в Вену, в Венгерскую канцелярию. Несомненно, многие узнавали об открывавшейся возможности от своих более информированных знакомых, тех же чиновников канцелярии или от курирующих венгерские учебные заведения духовных лиц. В то же время закономерно, что менее чем через неделю первые прошения были получены от трех чиновников той самой Венгерской канцелярии, которая и готовила текст жалованной грамоты, — венгерского королевского канцлера графа Липота Надашди и советников Кароя Недецки и Якаба Светича. Прощение канцлера не сохранилось, но из представления канцелярии известно, что просил он за сироту графа Миклоша Драшковича, в чьей судьбе принимал живейшее опекуновское участие. Поскольку «этому несчастному юноше не досталось по наследству почти ничего, кроме древнего имени», канцлер спрашивал для него, выпускника класса поэзии, одну из стипендий в венский Терезианум, чтобы «со временем, повинувшись своему верноподданническому долгу, он мог успешно нести высочайшую службу»⁷⁶. Формально Надашди выступал как один из ходатаев, но нет сомнений, что частная просьба канцлера, под чьим руководством только что была успешно осуществлена инкорпорация аббатства Батасек в Терезианский коллегийум, не могла не быть удовлетворена.

Искусный бюрократ знает, что в вопросе порой заключен ответ, а в грамоте об учреждении Батасекского фонда могла содержаться подсказка, как сформулировать прошение, чтобы оно не было отклонено. Карой Недецки начал ходатайство с упоминания о своем послужном списке: «Вот уже двадцать восемь лет как я верно и непрерывно служу Вашему Священнейшему Величеству в королевском Наместническом совете и в сей Королевской венгерской канцелярии». Он был из тех чиновников, кто шаг за шагом восходил по служебной лестнице: начинал делопроизводителем в регистратуре Наместнического совета (1724–1730 гг.); в 1732 г., после двухлетнего перерыва (у нас нет сведений о том, чем он был занят в эти годы) мы вновь

встречаем Недецки, на этот раз в должности секретаря (1732–1734 гг.), а затем советника (1734–1739 гг.). Осенью 1739 г. он перешел на службу в Венгерскую канцелярию также в ранге советника. Помимо того, что послужной список Недецки был безупречен, он происходил из древнего, славного и весьма разветвленного верхневенгерского дворянского рода. «Я могу это доказать грамотой от 1384 года, — писал он, — пожалованной королевой Марией, дочерью венгерского короля Людовика I⁷⁷, на имение Недеце, где я до сих пор владею причитающейся мне долей». Следом Недецки рассказал о своих детях: «Господь наградил меня семерыми ныне здравствующими детьми, из них трое — мальчики, для образования которых у меня нет необходимых средств и каковы в настоящее время в Венгрии под руководством дражайшего моего брата Ласло Недецки из Общества Иисуса... в Трнавском конвикте посещают занятия отца-регента, притом двое старших скоро окончат класс humaniora, их-то я и хочу перевести сюда, в Вену, и здесь позаботиться о том, чтобы они постигли науки, которые у нас, в Венгрии, пока не преподают, чтобы они могли стать в будущем пригодными к несению верной службы августейшему Австрийскому дому»⁷⁸. Похоже, он надеялся пристроить в Батасекский фонд обоих сыновей, при этом не уточнял ни их возраста, ни имен.

Якаб Светич трудился в Венгерской канцелярии чуть более года, придя на должность советника из Венгерской казенной палаты, а еще раньше служил в системе судопроизводства. Его предки уже около века занимали различные административные должности в комитате Ваш. Сам Светич в 1734 г. представлял родной комитат на Государственном собрании. Его ходатайство было составлено в более витиеватом стиле: «С молодых ногтей все свои силы и усердие я прилагал к тому, чтобы всемилостивейшему ГОСПОДУ, а также королю и государю своему быть не только верным, но и полезным подданным, я не жалел ни сил, ни усердия, чтобы на различных, какие занимал, государственных должностях, в том числе на том посту, который в настоящий момент занимаю из милости и щедрости Вашего Священнейшего Величества, стараться выказывать ревность, свидетельствующую о моей верности». В отличие от Недецки, у Светича в живых оставался один-единственный сын (имени которого тот также не сообщает), ученик класса риторики. Удачно вплетая в текст ходатайства отдельные фразы и выражения из жалованной грамоты, Светич заключал: «В глубокой покорности молю о том, чтобы Вы из материнского сострадания ко

мне, своему заслуженному и верному подданному, соблаговолили явить свою щедрость и благосклонность и милосердно повелеть, чтобы мой сын, будучи принятым в упомянутый фонд, смог насладиться этой привилегией»⁷⁹.

К 23 сентября канцелярия подготовила представление на высочайшее имя с кратким изложением содержания двух ходатайств и своего мнения, что «советник Карой Недецки, рекомендуемый за свою многолетнюю верную службу, обнаружит в том явную Вашего Священнейшего Величества милость и будет за это чрезвычайно признателен, если Ваше Священнейшее Величество одного из его трех сыновей соизволит милостиво принять в указанный фонд»⁸⁰. Вероятно, сыграла свою роль корпоративная солидарность: предпочтение было отдано тому из советников, который уже прослужил в канцелярии 12 лет. Одновременно выяснилось, что обоих мальчиков Недецки пристроить в фонд не удастся, но и в этом письме еще не было названо имя ребенка. Полная ясность наступила тогда, когда венгерский канцлер Липот Надашди сделал в письме к императрице уточнение, что стипендию присудили именно Недецки, «учитывая его длительную службу и ревностное исполнение возложенных на него обязанностей во время последнего Государственного собрания»⁸¹. Иными словами, обучение сына за счет казны в престижном учебном заведении было не столько поощрением способного ребенка, хотя никто не утверждает, что у мальчика не было способностей, сколько вознаграждением для отца. Теперь, когда пришло время наложить императорско-королевскую резолюцию, о счастливце стало известно все. «Предлагаю его среднего сына, — писал канцлер, — по имени Адальберт Недецки, мальчика четырнадцати лет, который уже окончил класс синтаксиса, за что означенный надворный советник не преминет и далее ревностно исполнять свою службу и оказанную ему исключительную высочайшую милость всеми силами отблагодарит».

Мария Терезия одобрила выбор канцелярии, оговорив: «Светича же вознагражу в свое время по-иному». В связи с назначением первых пансионеров императрица сделала дополнительные разъяснения, как следовало понимать общие формулировки жалованной грамоты об учреждении Батасекского фонда. «Мое намерение состоит в том, — гласила резолюция, — чтобы по большей части собрать здесь субъектов, *происходящих из Верхней Венгрии* (здесь и далее курсив мой. — О. Х.), дабы с ранних лет юношество, рожденное в оных краях, впитало бы

более здоровые принципы и нравы; пусть ввиду этого канцелярия предложит на пока свободные стипендии троих либо из магнатов, либо из древних дворянских родов, и пусть постоянно следит в своих предложениях и сейчас, и в дальнейшем, чтобы в качестве кандидатов выдвигались выходцы из семей, которые служили мне и моему дому в мантии государственного мужа или плаще воина, если у них нет средств для получения достойного образования»⁸².

Так Мария Терезия сформулировала важное программное заявление, которое необходимо рассматривать в контексте отношения к венгерскому дворянству идеологов австрийского просвещенного абсолютизма, водивших в данном случае рукою императрицы. Их недоверие к еще совсем недавно мятежной стране было безграничным, а список претензий довольно длинным и включал требования обложить дворянство справедливыми налогами, ограничить компетенцию сословного представительства в сфере законотворчества и управления финансами, изменить поземельные отношения — от вмешательства в них центральная власть традиционно воздерживалась на протяжении веков. Чтобы осуществить эти и многие другие не терпящие отлагательства преобразования в сфере экономики, права, общественных отношений, государство нуждалось в грамотных и лояльных служащих, готовых претворять в жизнь программу реформ. По их замыслу Верхняя Венгрия могла стать источником необходимых людских ресурсов.

Что представляла собой Верхняя Венгрия (*Hungaria superior*)? Обособлению этой области не в последнюю очередь способствовала османская экспансия в Среднем Подунавье, избрание на венгерский престол в 1526 г. Фердинанда I Габсбурга и последовавшая за тем более тесная экономическая, политическая, культурная интеграция Королевской Венгрии с Габсбургской монархией. Верхняя и Нижняя Венгрия составляли в ней два крупнейших военных округа, на которые была возложена задача оборонять Королевскую Венгрию и Габсбургские владения от вторжения османов, границы же округов неоднократно менялись, отражая переменчивые успехи Вены в борьбе с Оттоманской Портой. Например, в учебнике, по которому начиная с 1785 г. преподавали географию во всей Габсбургской монархии, говорилось, что Верхняя Венгрия располагается по обоим берегам Тисы: 13 комитатов на правом, 11 — на левом, не считая нескольких округов и территорий, обладающих особой юрисдикцией⁸³. Включение в монархию Габсбургов не только

избавило эти территории от бед и разрушений войны, но в значительной мере позволило сохранить социальную структуру и преемственность со средневековыми политическими институтами, где ведущую роль играло комитатское дворянство. Историк К. Вёрёш писал: «Это верхневенгерское дворянство в XVII–XVIII вв. оформилось в своеобразную, особняком стоящую группу, да такой и осталось. Среди высоких гор, куда не ступала нога турка, в деревушках, пожалованных еще в Средние века и с тех пор не менявших хозяев, жили древние семейства с вековым прошлым... Эти дворянчики, кичившиеся прошлым своих родов, ревностно охраняли свои свободы как от центральной власти, так и от презиравшей их крупной земельной аристократии, жившей в своих замках на вершинах гор»⁸⁴.

Однако вхождение в состав монархии Габсбургов несло с собой как неоспоримые, в первую очередь военно-стратегические, преимущества, так и неизбежные недостатки, главным из которых было ограничение государственно-правового суверенитета. Более полутора веков продолжалась борьба внутри венгерского общества между сторонниками и противниками габсбургского владычества. В конце XVII — начале XVIII в. Верхняя Венгрия превратилась в арену борьбы сословий под предводительством Имре Тёкёли и Ференца II Ракоци (трансильванского князя, обширные владения которого находились как раз в Верхней Венгрии) против усиливавшихся абсолютистских тенденций в методах управления королевством. Сатмарский⁸⁵ мир 1711 г., заключенный генералом армии повстанцев Шандором Каройи (в отсутствие Ракоци) с эмиссарами императора, положил конец десятилетиям кровопролитных, по сути гражданских, войн, и страна прекратила вооруженное сопротивление в обмен на обещание Карла VI отказаться от жестких, насильственных форм инкорпорации Венгрии в конгломерат владений Габсбургского дома⁸⁶. Сам Ракоци, посчитав сепаратный, с его точки зрения, мирный договор предательством, эмигрировал в Турцию, за ним последовали самые верные из его сторонников. Однако не меньше оказалось тех, кто поспешил перейти на сторону Габсбургов, благо всем добровольно сложившим оружие полагалась амнистия и открывалась возможность получить от императора должности, звания, чины. Да и многие скитальцы, как отец упоминавшегося Иштвана Ваи, спустя некоторое время предпочли вернуться на родину и явиться ко двору.

И в XVII, и в XVIII столетиях объективно Верхняя и Нижняя Венгрия, хотя после изгнания османов из Среднего Подунавья это деление утерало свой смысл, оставались основными

поставщиками квалифицированных кадров для бюрократических структур разных уровней. Причина заключалась как в разветвленной образовательной инфраструктуре, так и в значительной доле дворянства в структуре населения (а для занятия целого ряда должностей по-прежнему требовалась дворянская грамота), источники же для существования были для них ограничены. К. Вёрёш справедливо отмечал: «Большая часть этого дворянства могла обеспечить себе скромную материальную базу из символической оплаты, полагавшейся в комитатах для должностей, считавшихся дворянскими (*nobile officium*). Те, у кого были какие-никакие имения, дававшие престиж и известную степень независимости (к тому же служившие финансовым подспорьем), занимали ведущие позиции: более бедным доставались посты поскромнее. Но поскольку число таких должностей было ограничено, эти дворяне все чаще начинают покидать родные края: идут в армию, поступают на королевскую службу (нередко в других областях королевства), становятся адвокатами»⁸⁷. Таким образом, Габсбургам в их социальной политике приходилось делать ставку на регион, в котором бок о бок проживали как сторонники, так и противники их власти.

Мария Терезия и ее советники понимали, что в стране, менее полувека назад отказавшейся от вооруженного сопротивления, всяческого поощрения требовали те, кто демонстрировал верность династии, и сфера образования оказывалась здесь лишь частным случаем более общей установки. Например, в начале 40-х годов XVIII в. венгерский дворянин Михай Чернович обратился в Австрийскую канцелярию с прошением о присвоении ему звания австрийского советника, мотивируя тем, что во время «недавних беспорядков» в Верхней Венгрии не только не принимал в них никакого участия, но и выставил против повстанцев отряды ополчения. Канцелярия сочла было просьбу неуместной, поскольку подданные из Венгерского королевства могли рассчитывать лишь на звание венгерского советника, но доводы иного рода одержали верх: подобный милостивый жест королевы⁸⁸ мог не только усилить служебное рвение самого Черновича, но стать достойным подражания примером для его соотечественников⁸⁹. Именно на таких давних или недавних верных слуг династии, будь это древние роды или «разночинцы», возведенные в дворянское достоинство за компетентность и служебное рвение, двор делал ставку как на союзников в проведении реформ, и целенаправленное воспитание их детей для осуществления политики Вены должно было стать частью далеко

идушего плана по интеграции Венгрии во владения Габсбургского дома.

Однако в дальнейшем отнюдь не все соискатели окажутся «типичными верхневенгерскими дворянами», к каковым можно причислить, например, Кароя Недечки. При всей возможной централизации принятия решений по кандидатурам соискателей, зачисление на престижные стипендии оставалось результатом действия разнонаправленных векторов, иными словами, приближенные ко двору венгерские сановники (будь то венгерский канцлер, вице-канцлер, верховный судья (*ország-bíró*) или, например, дёрский епископ) начнут, не согласуясь друг с другом, продвигать своих клиентов, и императрица, принимая во внимание их, как правило, весомые доводы, станет награждать отцов в лице сыновей, не уточняя, из какой части страны те родом. И все-таки намерение «напитать» более здоровыми принципами и нравами выходцев из недавно мятежных комитатов можно считать попыткой через доступ к образованию гарантировать социальный мир и получить высококвалифицированных и лояльных королевских служащих.

Что касается дальнейшего распределения батасекских стипендий, третьим пансионером стал юный барон Ференц Балашша, за которого своевременно похлопотал его дальний родственник, находившийся в фаворе при венском дворе. Балашша были старинным дворянским родом, к которому принадлежал и выдающийся венгерский поэт эпохи Ренессанса Балинт Балашши. Как это нередко бывало, большие семейства не только судились за дедовское наследство, но и приходили друг другу на выручку, а при возвышении не забывали о менее удачливой родне. Однако в данном случае речь идет не только о верности кровным узам, но, возможно, и о давней и крепкой дружбе: в 1718 г. Пал и Ференц Балашша были матрикулированы как студенты философского факультета Венского университета⁹⁰. Теперь же, в 1751 г., граф Пал Балашша, советник Наместнического совета и фёйшпан комитата Гёмёр, ходатайствуя о сыне своего троюродного племянника и друга, писал: «Барон Ференц Балашша не столько по своей вине, сколько из-за несправедливостей, произошедших с ним за минувшие годы, скатился до такой степени бедности, что оставшееся у него имущество отягощено долгами, которые не позволяют ему поддерживать образ жизни, соответствующий его положению». Сын барона Ференца Балашша, тоже Ференц, учился в классе риторики и, по

мнению титулованного родственника, «вместе со своим родителем никогда не прекратит приносить пользу вернейшей своей службой»⁹¹. Удивительно, как случай вмешивался в судьбы отдельных людей. Талантливый и честолюбивый молодой человек, возможно, нашел бы иные пути восхождения к вершинам власти, но учеба в имперской столице, в Терезианском коллегииуме, где открывались уникальные возможности изучения языков, экономики и права, близость ко двору и сильным мира сего ускорили превращение бедного барона в сиятельного графа, который будет занимать виднейшие посты в королевстве и станет едва ли не самым преданным венгерским слугой династии, последовательным сторонником и активным проводником реформ просвещенного абсолютизма, в том числе в сфере образования (подробнее о нем в главе «Покровители и благодетели»).

К началу декабря, по сообщению Венгерской канцелярии, ею было получено еще четыре ходатайства от двух магнатов и двух дворян. Рассмотрев эти прошения, канцелярия составила иерархический список соискателей, расположив их в порядке убывания, от более к менее достойным: первым шел сын председателя окружного суда в Эперьеше⁹² Жигмонда Добаи, вторым — сын покойного советника Наместнического совета Габора Фаи, третьим — сын графа Йозефа Кеглевича, наконец, четвертым — сын фёйшпана комитата Унг графа Имре Стараи. Характерно, что на первое место были поставлены простые дворяне, в то время как магнаты, пусть и испытывавшие финансовые затруднения, отодвинуты на последние места. Несомненно, что при рассмотрении кандидатуры юного Добаи была принята во внимание рекомендация эгерского епископа, а также принадлежность к служилому дворянству из той самой Верхней Венгрии и тем более судейская должность его отца.

За сироту Криштофа Фаи ходатайствовали одиннадцать детей покойного советника. Они подробнейшим образом описали, как их покойный отец (кстати, протестант, вернувшийся в католичество) страдал от того, что не мог дать всем детям приличествующее их дворянскому статусу образование, каково их нынешнее бедственное материальное положение после утери кормильца, не забыли упомянуть и о том, какие расходы понесла семья в связи с замужеством сестры (ее выдали за дворянина Имре Фоглара), но в пространным прошении не нашлось места для указания, в каком классе учится маленький Криштоф и сколько ему лет. Впоследствии чиновникам канцелярии

пришлось спешно уточнять и приписывать на полях, что он «ученик класса поэзии пятнадцати лет от роду»⁹³. Возможно, кандидатура Фаи отпала потому, что в Терезиануме уже обучался один из его братьев, Габор, за которого платила казна по личному распоряжению императрицы (через год мальчик скончается еще во время пребывания в коллегииуме). Власти, похоже, сознательно стремились при распределении государственных стипендий по-своему соблюдать принцип справедливости: не выделять одной семье одновременно более одной стипендии.

Императрица разделила мнение канцелярии и эгерского епископа, утвердив стипендию для сына Жигмонда Добаи, также носившего имя Жигмонд. Что же касается последней, пятой батасекской вакансии, то она досталась дворянину Палу Золтану Чепейскому. Поскольку ходатайство его отца в материалах канцелярии не сохранилось (и неизвестно, каким образом возникла данная кандидатура), нельзя сказать, почему императрица отдала предпочтение сыну вице-ишпана верхневенгерского комитата Сабольч, отказав при этом фёйшпану соседнего комитата, Унг, графу Стараи. Возможно, за Золтана замолвил слово фёйшпан комитата, где жили и служили Золтаны, граф Ференц Каройи. Так или иначе, выбор оказался правильным: по окончании учебы Пал Золтан вернется в родной комитат и «унаследует» отцовскую должность вице-ишпана. Его переписка 1780-х годов с фёйшпаном графом Анталом Каройи свидетельствует о том, с каким тщанием и ответственностью он относился к хозяйственным вопросам, будь то сбор налогов, ирригация или дорожное строительство⁹⁴.

В подшивке прошений, поступивших в адрес Венгерской канцелярии до 3 декабря 1751 г., содержится еще одно ходатайство от делопроизводителя Наместнического совета Яноша Леонарда Еленфи — о нем по неизвестной причине канцелярия не упомянула в своем представлении. Возможно, на самом деле ходатайство было подано позже, а, может быть, советники канцелярии не сочли его заслуживающим внимания. Тем не менее достойна внимания педантичность просителя, который, скорее всего желая придать больше весомости своему прошению, присовокупил к собственно письму с просьбой принять его старшего сына Яноша в Терезианскую академию или Лёвенбургский конвикт также аттестат, выданный пресбургской иезуитской гимназией об успеваемости и справку от Наместнического совета о том, что Я. Еленфи действительно трудится в данном

учреждении с 1731 г.⁹⁵ Нет сомнений, что ни один из перечисленных выше просителей не прилагал аттестатов об успеваемости своих детей (в ходатайстве полагалось упоминать все сопутствующие документы, присваивая им буквенные индексы «А», «В», «С» и т. д., поэтому даже если сами аттестаты со временем терялись, об их наличии всегда можно догадаться по тексту прошения), поскольку в то время государство (пока еще) не брало на себя функцию проверки успеваемости заявителей. Получилось: именно тот, кто предоставил наиболее полную и объективную информацию о себе и, что более важно, о ребенке, не удостоился даже упоминания в представлении на высочайшее имя⁹⁶.

Все сказанное лишней раз подтверждает, что хотя власти брали курс на поощрение мелкого служилого дворянства, для рядового дворянина вероятность попадания в престижное учебное заведение за казенный счет была равна, продолжая сравнение Х. Вагнера, выигрышу в лотерею. К сожалению, современный историк в ряде случаев может лишь гадать о причинах, по которым тому или иному соискателю удавалось поймать удачу.

«Недоросль»

Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения.

А. С. Пушкин. «Дельвиг»

Каково было родителям отпускать своих детей из дома в имперскую столицу? Венгерские аристократы если не постоянно жили или служили в Вене, то регулярно появлялись при дворе. Так, в 1764 г., накануне экзамена по философии у юного графа Михая Надашди, сына отставного венгерского канцлера, двоюродный брат мальчика, хорватский бан (королевский наместник) Ференц Надашди писал его матери и своей тетке о том, как идет подготовка к экзаменам и кто ожидается в числе оппонентов⁹⁷. Дворяне, если они не были чиновниками расположенной в Вене Венгерской канцелярии или же служащими Наместнического совета и Казенной палаты находившихся в соседнем Пресбурге, могли проживать на расстоянии пяти, семи, десяти дней пути от столицы. Узнав о том, что его сын

Граф Иштван Дежёфи

Граф Йозеф Каройи

принят в пансионеры Батасекского фонда, Жигмонд Добай поспешил испросить у императрицы разрешения то ли на отпуск, то ли на служебную командировку (собираясь по пути заехать по казенной надобности в Пешт), чтобы самолечно сопроводить юного Жигмонда к месту его учебы — в венский Терезианум. Государыня, сама заботливая мать, дала высочайшее дозволение, оговорив, чтобы за дни его краткой отлучки дела в судебной палате в Эперьеше не пострадали⁹⁸.

Каково было детям, оторванным от родного дома и любящих родителей, в девять, одиннадцать, пятнадцать лет оказаться среди чужих людей, жить под непрерывным наблюдением отцов-префектов, бойко отвечать уроки на иностранном языке, заводить новых друзей, переносить болезни? В Терезиануме, как и в любой другой привилегированной школе, едва ли не каждый шаг воспитанников строго контролировался руководством, жесткий регламент оставлял время для общения с родными и близкими только в отведенные часы. Что происходило за стенами Фавориты, чем жил и о чем думал юный воспитанник, можно попытаться понять из писем к родителям Иштвана Дежёфи, сына фёишпана комитата Шарош, который в 1754 г. (скорее всего) в возрасте 18 лет⁹⁹ поступил в коллегиум как простой дворянин и, проучившись три года (на них пришелся пик описанного выше конфликта императрицы с орденом иезуитов), покинул стены заведения уже бароном, получив титул вместе с отцом в 1756 г. Ему, как отпрыску лояльного Габсбургам дворянского рода, была уготована карьера, основы которой должны были быть заложены в престижной школе.

О том, с кем довелось вместе учиться дворянскому сыну Дежёфи, записанному в класс философии, мы узнаем из отпечатанного типографским способом информационного листка, сохранившегося в семейном архиве. В нем содержались имена воспитанников, распределенных по классам, с указанием «национальности» (венгр, тиролец, богемец, зальцбуржец, силезец и т. п.) на январь 1755 г. Из 135 молодых дворян 25 «значились» венграми, в том числе двое немцев (Иоганн фон Хаген и Йозеф фон Вульфен), формально обладавших венгерским дворянством (индигенатом). В это время в Терезиануме уже учились дети славнейших фамилий Венгрии — сыновья судьи Септемвирального суда графа Имре Баттяни — Игнац и Йозеф, дети императорско-королевского советника Яноша Зичи — Янош и Жигмонд, сыновья боевого генерала барона Габора Шплени — Янош, Михай и Йозеф, сын королевского персонала барона

Дёрдя Фекете — Янош, пять уже знакомых читателю пансионеров Батасекского фонда и некоторые другие. Наряду с уже перечисленными следует назвать двух аристократов из Трансильвании — Михая Корниша и Жигмонда Микеша. На высочайшей аудиенции при дворе в марте 1755 г. по случаю именин эрцгерцога Иосифа граф Карой Йозеф Баттяни, стоявший подле наследника престола — своего воспитанника, обратил внимание на юного Дежёфи и спросил у ректора, кто этот венгр. На что Иосиф тут же заметил, что «в коллегииуме много венгров»¹⁰⁰.

По заведенному в Терезиануме порядку, чтобы ни на минуточку не упускать из виду воспитанников, знать о каждом их шаге, они были разбиты на группы по десять человек, которые проживали в одной комнате (камераде) вместе с приставленным к ним префектом, наблюдавшим за поведением, помогавшим выполнять домашние задания, сопровождавшим юношей на прогулках. Для того чтобы молодые дворяне из разных земель и провинций с ранних лет лучше узнали друг друга (ведь как писал классик венгерской литературы К. Миксат, «совместные школьные проделки сближают людей больше, чем вместе совершенные исторические деяния»), их распределяли по камерадам без учета «национальности». Так, Иштван Дежёфи очутился в кампании венгра графа Яноша Зичи, австрийца Перегрина Фрайтага, двух моравских (точнее, австро-моравских) дворян — графа Генриха Альтана и Франца Шубица, двух итальянцев — графа Джованни Франческо Кристиани и маркиза Галеацио Фьяски, дворянина из Тироля Игнаца Прато и вестфальского графа Франца Плеттенберга. (Обращает на себя внимание та закономерность, что если в одной камераде соседствовали два представителя одной «нации», то один был аристократом, другой — простым дворянином.)

Поскольку именно с этими юношами Иштвану приходилось проводить большую часть времени, он замечает в письме к отцу: «Дружбу вожу именно с ними». Завтрак в коллегииуме подавали очень скромный, кофе, печенье и фрукты оплачивали сами воспитанники, и Иштван неоднократно угощал своих товарищей по камераде кофе¹⁰¹. Особенно близкими друзьями он считал братьев Кристиани, Плеттенберга и Зичи, а из воспитанников, распределенных по другим камерадам, общался «с графом Ауэрспергом сыном князя Ауэрсперга» (скорее всего речь идет о Франце, ученике класса риторики, потому что с его братом Иоганном Баптистом у Иштвана была слишком большая раз-

ница в возрасте), графами Венцелем Коллоредо и Фердинандом Кевенхюллером (сыном куратора Терезианума), бароном Хоринским, а из венгров — с трансильванскими графами Микешем и Корнишем, баронами братьями Шплени и бароном Габором Дёри¹⁰². Большинство названных дворян обучалось с ним в одном классе философии или же младших классах — риторики и поэзии. Среди венгерских батасекских пансионеров у юного Дежёфи был лишь один приятель — «господин братец Добай», с каковым он состоял в дальнем родстве. Трудно сказать, действительно ли перечисленные выше сыновья сиятельных князей, графов и баронов снисходили до дружбы с венгерским дворянином, или он всего лишь искал их благорасположения, а возможно, пытался представить себя в более выгодном свете в глазах отца. Почему в письмах нет упоминаний об одноклассниках — графе Липоте Эрдеди, Адальберте Недечки или сыне советника Наместнического совета — Ласло Баринай?

Состоятельные и именитые родители могли себе позволить оплатить для сына отдельную камеру и нанять собственного префекта и слугу. Иштван с оттенком зависти пишет о «сыне персоналия Фекете» — Яноше, у которого была своя комната, его личный префект и слуга¹⁰³. Вообще, об этом юноше и его выдающемся отце Дёрде Фекете следует сказать особо. Карьеру Фекете-старшего (1711–1788) можно отнести к разряду ярчайших в истории Венгрии второй половины XVIII в. В юности он окончил Венский университет, где изучал право и в совершенстве овладел немецким языком. Благодаря женитьбе на единственной дочери Дёрдя Ницки, Анне, Фекете стал одним из богатейших землевладельцев Венгрии. На момент поступления сына в венский Терезианум он числился королевским советником, занимал должность королевского персоналия (с 1748 г.) и с 1751 г. носил баронский титул. В будущем Дёрдь Фекете получит графский титул, станет венгерским вице-канцлером, обер-гофмейстером, верховным судьей и, что немаловажно с точки зрения нашей темы, председателем Учебной комиссии при Наместническом совете¹⁰⁴. Отдавая ребенка в престижную венскую школу, Фекете-старший целенаправленно хотел подготовить сына к государственной службе, дать ему лучшее в монархии образование по истории венгерского и германского государства и права¹⁰⁵. Еще до поступления в Терезианум Янош получил прекрасное домашнее воспитание, всерьез увлекался древней латинской и современной французской поэзией, что впоследствии дало о себе знать: став армейским офицером, он

прославился скорее как поэт, сочинявший рапсодии на французском и состоявший в переписке с Вольтером.

Вероятно, не вполне корректно сравнивать отношение к учебе Иштвана Дежёфи, находившегося в венском Терезиануме в 1750-е годы, и графа Йозефа Каройи — воспитанника Терезианского коллегиума в Ваце на рубеже 80-х годов XVIII в. Причина не только в том, что за прошедшую четверть века — вследствие распространения идей и идеалов Просвещения, а также в результате социальной и культурной политики двора — образованность становилась одной из неперенных черт дворянина, но и в главных семейных традициях графов Каройи (о них речь пойдет ниже), высокообразованных, щедрых покровителей начальных и средних школ и ценителей подлинной учености. Однако на сегодняшний день в нашем распоряжении нет другой такой коллекции писем к родителям, которая охватывала бы все годы пребывания в учебном заведении и позволяла бы составить представление о личности воспитанника, круге его учебных интересов и повседневных забот. Назвать Иштвана Дежёфи типичным дворянином, а Йозефа Каройи — типичным аристократом будет несомненным преувеличением. В то же время можно допустить, что первый воплощал многие типичные черты бездарного и ленивого воспитанника, а второй, по крайней мере по письмам, может служить примером усердного ученика и послушного сына. Особенности их поведения и мировосприятия, несомненно, имели личную природу и определялись складом характера и воспитания, полученного в семье. Между тем некоторые темы и мотивы в их письмах иллюстрируют многообразие реакций на сходные обстоятельства, сопровождавшие пребывание юношей в закрытом привилегированном учебном заведении.

Итак, судя по всему, Иштван Дежёфи не отличался ни талантами, ни усердием, ни даже честолюбием, которое порой приводит среднего ученика к заметным успехам. Во всяком случае, информация об уроках и экзаменах занимает в его письмах довольно скромное место: «На этой неделе ожидается экзамен по логике, математике и истории, но верю и надеюсь, что они пройдут для меня хорошо, и сделаю все, чтобы прошли хорошо»¹⁰⁶. Или: «Сегодня вновь был экзамен в присутствии архиепископа и князя-куратора коллегиума (И. Й. Траутсона. — О. Х.), и, слава Богу, все прошло нормально»¹⁰⁷. Напротив, Йозефу Каройи с детства прививали усидчивость и стремление к знаниям. В восьмилетнем возрасте ему полагалось читать гла-

вы библейской истории, толковать основы христианской веры, знать принципы деления дня на часы и часа на минуты, уметь объяснить, как и почему латынь стала языком европейской учености, разбираться в политической структуре и географическом делении Венгерского королевства¹⁰⁸. Вот что писал тринадцатилетний Пеппи Каройи (как его называли родные и близкие) в апреле 1781 г.: «Прошлого месяца 4-го дня я счастливо сдал полугодовой экзамен. Держал ответ на те вопросы (их я осмеливаюсь направить Вам отдельным списком), которые по воле Господа собственноручно вытянул или получил в качестве дополнительных». В пространным списке содержатся вопросы по Закону Божьему, латинской риторике, античной и венгерской истории, географии, математике. На обратной стороне рукой ректора коллегиума было приписано, что граф сдал экзамен на «отлично», чем снискал заслуженную похвалу¹⁰⁹.

На фоне целеустремленного Пеппи Каройи молодой Дежэфи предстает ленивым и хитроватым мечтателем, который с готовностью списывал на внешние обстоятельства все свои трудности и неудачи. Так, ему казалось, что, будь у него собственный префект, в совершенстве владеющий немецким, латинским и французским языками, а также говорящий по-французски слуга, его дела в коллегиуме заметно бы поправились: товарищи по камераде, пишет Иштван, неохотно пользовались французским, предпочитая латинский и немецкий, на котором молодой человек благодаря этому обычаю говорил, по собственному признанию, довольно прилично¹¹⁰. В отчаянии он пишет: «В наш век, кто не знает языков, тому не велика цена, или, прямо скажем, мала»¹¹¹. Оправдываясь перед отцом, Иштван восклицал: «По-немецки я и сам буду стараться, чтобы знать его хорошо и фундаментально, но по-французски, будь я здесь целых шесть лет, даже не имея своей комнаты, префекта и слуги, или если бы они не говорили по-французски, то я сам со всей силой и старанием налег бы на этот язык, а так, если не будет такого отца-префекта и слуги, то соблаговолите сделать так, сударь мой батюшка, чтобы не платить таких денег, но выучить этот язык, знания которого Вы от меня со всей строгостью требуете»¹¹². Зато Пеппи Каройи регулярно радовал отца записочками на венгерском и латинском, а для упражнения в иностранных языках время от времени писал по-немецки, по-французски или по-итальянски. Сохранились черновики писем, в которых стилистические и грамматические ошибки были исправлены твердой рукой наставника¹¹³.

Вообще, с каждым новым десятилетием повсюду в Европе свободное владение несколькими живыми иностранными языками все чаще упоминалось в ряду необходимых знаний для дворянина, намеревающегося поступить на государственную службу. Вот что писал в 1816 г. будущий российский министр иностранных дел А. М. Горчаков, уже в Царскосельском лицее избравший карьеру дипломата, своему дяде А. Н. Пещурову: «Заблаговременно теперь стараюсь запастись языками, что, кажется, составляет нужнейшее по этой части, русский, французский и немецкий я довольно хорошо знаю; в английском сделал хорошие начала, и надеюсь в нынешнее лето усовершенствоваться в оном. Кроме того, может, займусь еще итальянским, потому что открылся случай. Латинский только никак в голову не идет. Главное дело было приобрести практические знания, что в лицее сделать нельзя»¹¹⁴.

Шло время, но ни префекта, ни отдельной комнаты у Дежёфи так и не появилось. Отец рассчитывал, что Иштван мог бы делить комнату с еще одним юношей и иметь только к ним приписанного префекта и слугу, так как на этом можно было существенно сэкономить. Однако те аристократы, которые хотели жить отдельно, уже заняли все имевшиеся в коллегии малые комнаты, остальные или ждали своей очереди, или даже не помышляли о таких тратах. Ректор неоднократно обещал Иштвану отдельную комнату, но письма умалчивают о том, было ли выполнено обещание.

У графа Пеппи Каройи, как у большинства аристократических отпрысков, был собственный префект, тщательно подобранный для него по поручению отца провинциалом (начальником провинции) ордена пиаристов: сначала капеллан Агоштон Казмер, а после его кончины капеллан Винце Хенеи. От них отец мальчика по несколько раз в неделю получал детальные отчеты о здоровье и учебе сына. Но даже те, кто не имел возможности приставить к своему сыну денно и ночно заботящегося о нем опекуна, искали возможность не оставлять сыновей одних в чужом городе. Отправляя сына в далекую Вену, Дежёфи-старший позаботился и о том, чтобы мальчик был под надзором и опекой верного человека. На такую роль он выбрал мелкого чиновника Венгерской канцелярии Михая Ваша — личность интересную во всех отношениях.

Происходил Ваш из комитата Хевеш, где его предки несли службу в комитатской администрации на мелких должностях, не требовавших дворянского титула. К сожалению, не удалось

установить, где этот несомненно талантливый и честолюбивый человек получил образование. В 1734 г. он поступил на службу в Венгерскую королевскую канцелярию, а в 1741 г. за примерную службу, выдающуюся ученость и глубокие познания в политических науках, как гласила королевская грамота¹¹⁵, был возведен в дворянское достоинство. Ищущий расположения сильных мира сего, безотказный и неутомимый при выполнении поручений своих патронов, он быстро превратился в ценный источник информации и полезного агента целого ряда дворян и аристократов, основное время проводивших вдалеке от Вены. С Дежёфи его связывали отношения кумовства. Возможно, тот крестил одного из его многочисленных (и в большинстве своем умерших в младенчестве) детей. В семейных архивах Баттяни, Брунsvиков, Халлеров, Каройи, Дежёфи хранятся письма остроумного и наблюдательного, заискивающего и угодливого Михая Ваша, который с одинаковой охотой и мастерством служил и услаживал¹¹⁶.

Одной из главных забот родителей оставалось здоровье их сына. Традиционное начало письма о том, что он пребывает в добром здравии, не просто вежливая формула, но жизненно важная для их душевного спокойствия информация¹¹⁷. Не в последнюю очередь за регулярными визитами опекунов и доверенных стояло желание убедиться, что с юношей все в порядке. Михай Ваш не упускал случая отписать Дежёфи-старшему в: «Благодарение Господу, барич находится в добром здравии и выглядит хорошо»¹¹⁸, или: «Что же до моего милого барича, то с божьей помощью он в добром здравии»¹¹⁹. В ту эпоху младенческая и детская смертность была высока, и случаи смерти в коллегиумах не были редкостью. Только в 1755 г. Иштван Дежёфи написал родителям о двух летальных исходах. В феврале он сообщил: «Один из здешних кавалеров-юристов по имени Михель Лухсенфельд 1-го февраля в 2 часа пополудни ушел из этого мира и на следующий день был похоронен в 5 часов пополудни здесь, в коллегиуме». Данная новость помещена между вопросом о самочувствии папеньки и маменьки, которые долго не пишут и, быть может, изволят гневаться, и уведомлением, что высланное отцом в адрес коллегиума вино до сих пор не прибыло. Складывается впечатление, что эта смерть — событие для Иштвана обыденное и даже служит средством эмоционального воздействия на родителей: если те не будут ему долго писать, им тоже однажды сообщат, что их сынок скончался и похоронен. По поводу второй смерти Иштван написал в марте

того же года: «Новостей, о которых мог бы сообщить, нет, вот только граф Хардег, воспитанник-юрист из коллегіума, у которого была отдельная комната (похоже, Иштван рассчитывал ее занять. — О. Х.), в четвертое воскресенье поста неожиданно упал, разбив лоб... и 10 марта около 10 часов покинул этот мир, и вообще сейчас многие болеют в коллегіуме»¹²⁰.

Юный Дежёфи был натурой ипохондрической и прислушивался к своему собственному организму весьма внимательно. Обо всех недугах и недомоганиях он подробно писал родителям. В январе 1755 г. Иштван жаловался на желудочные колики: «Слава Богу, я теперь здоров, потому что у меня часто бывают боли в животе, последний раз на этой неделе, что доставило мне много неудобств, но Бог дал, колики прошли». Нежный желудок юноши не принимал австрийских вин¹²¹, поэтому приходилось дожидаться, когда из дома пришлют венгерских. В заискивающем тоне он пишет в сентябре 1755 г. отцу: «Желаю сударю батюшке от всего сердца, чтобы уродился добрый виноград, чтобы Бог дал не двести бочек, но четыреста бочек, из которых и мне сударь батюшка пришлет малую толику»¹²². Для улучшения пищеварения Иштван позволял себе кофе после обеда: «Иногда после обеда пью кофе, ибо если бы не пил, то чувствовал себя бы очень плохо, и раз вина я не пью, так пускай хотя бы кофе доставит удовольствие желудку»¹²³. Интересно, что в случае с Пепи Каройи о состоянии здоровья маленького графа — как тому удалили разболевшийся зуб или как лечили от желудочных колик — писал именно капеллан Хенеп¹²⁴. Мальчик же мужественно сообщал: «До 15-го сего месяца мог похвастаться добрым здравием, но в тот день произошли изменения в моем состоянии, когда меня одолела какая-то, впрочем несерьезная, напасть с болями в горле и кашлем. Но, слава Богу, я уже в полном порядке»¹²⁵.

Иштван Дежёфи не упускал случая вызвать к себе жалость отца жалобами на плохое самочувствие. В августе 1755 г. он сокрушался: «Что касается верховой езды, то здоровье, слава Богу, пока позволяет, хотя у меня то ноют зубы, то без всякой причины болит голова, часто бывают и колики, а порой ни с того с сего находит на меня меланхолия, так что места себе не нахожу, уж я и читаю, и разговоры говорю, уж я и хожу, и беру в руки какую-нибудь немецкую или французскую книжку, но ничего не помогает; могу по три-четыре дня ничего в рот не брать, не ем и не пью, но, думаю, это все оттого, что мы редко

бываем на улице, уж больно деликатная у меня камерада, поэтому даже выйти на улицу не хотят, и вот я вынужден вместе с ними томиться дома; если бы не было частых уроков верховой езды, я давно бы уже заболел из-за отсутствия моциона»¹²⁶.

Впрочем, в июле следующего, 1756 года он снова жаловался: «Что же касается моего здоровья, то оно мне плохо служит, вот уже прошло четыре недели, как чувствую боли в левом боку, и все тело болит и развился кашель, теперь, правда, кашель на время прошел, но не хочу никому говорить о недомогании, думаю, может и так обойдется, уж больно я боюсь леченья, до тех пор пока можно терпеть, лучше потерплю. Впрочем, чему удивляться, моя камерада и префект редко выходят на прогулки, чаще сидим дома, даже когда другие камерады выходят, мы чаще остаемся»¹²⁷. И позднее, во взрослой жизни Дежёфи остался натурой впечатлительной, чутко прислушивающейся к своему внутреннему состоянию и придающей колоссальное значение любым проблемам со здоровьем. В 1768 г., будучи уже тридцатидвухлетним, он по привычке жаловался отцу в письме из Кашши: «Я чувствую себя не особенно хорошо, у меня сильный насморк, катар и головные боли»¹²⁸.

Если и было что-то на свете, чему молодой человек уделял в письмах больше внимания, чем своему самочувствию, так это одежда. Вообще, XVIII век — время повышенного внимания мужчин к костюму и своему внешнему виду. В письмах аристократов и дворян той эпохи целые страницы могли быть посвящены детальному описанию материи и фасона камзола или шляпы. Иштван Дежёфи — провинциальный дворянский сын, попавший в Вену и оказавшийся в непосредственной близости от двора, не стал исключением из правила. Но даже в таком понятном и объяснимом увлечении своим внешним видом проявилась его эгоцентричная и прихотливая натура и отразилось окружение, в котором он жил. Уже в первый год пребывания в коллегииуме в письме к матери Иштван просил: «Покорно прошу, найдите такую возможность и соблагovolите сюда прислать мне несколько пар манжет, уж больно быстро они пачкаются, не так, как рубашки, и эти манжеты пришиты прямо к рубашке, так что не снимешь, даже если захочешь, и не помешало бы, чтобы оборки были чуть-чуть длиннее, потому что мои коротковаты»¹²⁹.

В начале февраля 1755 г. он обратился к отцу с просьбой: «Тот камзол, который я носил на каждый день, пришел в негодность, и его нельзя больше носить, настолько он обветшал,

потому каждый день мне придется носить черный бархатный, а тот, что подбит красным бархатом, тоже немного поизносился изнутри, и, значит, у меня нет праздничного камзола, есть беленький камзол, но если начну надевать его по праздничным дням, тут же запачкаю, и не хочу носить на каждый день тот камзол, который мне почтенный сударь батюшка заказал в Пресбурге, потому что он у меня для гала¹³⁰ или когда нас принимают при дворе»¹³¹. Меньше чем через две недели Иштван развил свою мысль: «Сейчас мне нужны два или даже три камзола, один на каждый день, второй на праздничные дни, потому что, как я уже писал почтенному сударю батюшке, у меня остался один только белый камзол, который теперь, зимой, я думаю, неловко носить, здесь никто из кавалеров такого не носит, а камзол, который был у меня на каждый день, пришел в негодность, так что и носить его нет никакой возможности, а камзол из черного бархата так короток, что и надеть его не могу...»¹³² В тот же день Михай Ваш отчитывался в письме к отцу юноши: «Поскольку нужен ему камзол, я нашел портного, чтобы сшил один камзол на каждый день и другой для выходных и праздничных дней»¹³³. От пошива третьего камзола Иштвана удалось отговорить, но уже в апреле он заказал себе новую шляпу: «На день св. Анны мы обычно ходим в Шёнбрунн желать счастья эрцгерцогине Анне, и всем полагается быть в летнем платье для гала, к каковому положена шляпа, а поскольку у меня есть только одна, с белым пером, а черная в таких дырах, что стесняюсь в ней появляться на людях, ибо сразу же засмеют, и я подарил ее своему слуге»¹³⁴.

В мае, в ожидании начала школы верховой езды и аудиенций при дворе, он обратился к отцу с новыми просьбами: «Соблаговолите, почтенный сударь батюшка, справиться мне платье для верховой езды или дать какое другое распоряжение... Что касается летнего платья, то господин Ваш, видя мою в том нужду, заказал мне два платья на каждый день и на праздничные дни, а для гала пока не заказывал, потому что сказал, чтобы я написал почтенному сударю батюшке, дабы получить распоряжения, должно ли оно быть украшено серебром, золотом или позументом, и уж очень оно мне нужно, потому как летом нас поведут ко двору, и всем следует быть в летнем, а мое синее, которое ношу на каждый день, пришло в совершеннейшую негодность...»¹³⁵ И вся печальная история об изношенных камзолах пересказывалась вновь во всех деталях. К сентябрю Иштван стал обладателем двух камзолов, пары штанов для верхо-

вой езды, заказанных отцом-министром (заместителем ректора), потому что старые стали ему коротки, и новой шляпы. Предстояло уговорить родителя оплатить два зимних платья и камзол для гала, потому что приближались аудиенции при дворе по случаю именин императора (день св. Стефана) и императрицы (день св. Терезы).

Молодой человек постоянно ощущал необходимость соответствовать высоким стандартам, задаваемым в коллегиуме аристократической молодежью. Официально тогда в Терезиануме не было униформы, как в военных академиях и кадетских корпусах¹³⁶. В то же время куратор коллегиума граф Й. Й. Кевенхюллер в своем дневнике писал, что все воспитанники появлялись при дворе в черных камзолах, а венгерские дворяне — в серых, отделанных серебром¹³⁷. Так или иначе, но необходимость регулярных появлений при дворе и посещение коллегиума царственными особами заставляли предъявлять к одежде повышенные требования. Дежёфи-младший, друживший, по его словам, с благороднейшими юношами из числа воспитанников, старался, по-видимому, ни в чем от них не отставать. «У меня уже есть ментик на зимней подкладке, в нем я буду ходить каждый день, но надевать его для верховой езды не смогу, потому что во время скачек разгорячаешься... придется упражняться в том креповом, который у меня здесь, с собой, потому что я хочу выглядеть достойно и элегантно, ведь посмотреть на то, как мы скачем, специально из города приезжает немало господ графов»¹³⁸, — писал он домой.

Йожеф Каройи, наследник знатнейшего и богатейшего рода королевства, по понятным причинам не испытывал недостатка ни в деньгах (хотя ими, скорее всего, распоряжался не он сам, а префект Хенеи), ни в нарядах. В его письмах не содержится просьб, подобных тем, которыми допекал своего отца Иштван Дежёфи. Возможно, это объясняется более юным возрастом графа Пепи: в отличие от двадцатилетнего Дежёфи, подростка (сына, внука и правнука боевых генералов) больше волновали лошади и уроки верховой езды¹³⁹, чем рубашки и камзолы. Тем более что по сравнению с блестящей Веной, где Дежёфи мог и вправду стыдиться своей провинциальности, Вац был всего лишь епископской резиденцией. При этом сам епископ — граф Кристоф Мигацци (1714–1803) — регулярно приглашал мальчика обедать за своим столом как родного (тот называл его в письмах «mein wise PAPA»), а в церквях города возносились мо-

литвы за здоровье отца Пеппи — ревностного католика и щедрого покровителя ордена пиаристов графа Антала Каройи¹⁴⁰.

Деньги на карманные расходы были другой, тесно связанной с желанием ни в чем не отставать от знатных кавалеров душевной болью для Иштвана¹⁴¹. Он постоянно напоминает отцу, что иные родители ссужают своим сыновьям на разные мелочи до 3 золотых в месяц¹⁴². Это не считая того, что венгерским вином или кофе его регулярно снабжал «любезный господин Ваш». Заботливый и услужливый опекун охотно потакал просьбам «барича», давая ему, не спросив отца, деньги на текущие расходы. Получив наличные, Иштван тут же все беззаботно растрачивал: на столик, за которым собирался заниматься, на чернильницу из кости, на сласти, на серебряную ложку взамен потерянной незадачливым слугой¹⁴³.

Давать отчет родителям обо всех расходах было общепринятым правилом в дворянских семьях. Я. Фекете педантично, в особой табличке, перечислял, сколько стоило изготовление костюма для участия в маскараде, и радовался, что, как того и желал отец, потратил меньше, чем предполагал¹⁴⁴. Молодой венгерский дворянин Йозеф Фештетич, впервые покинув родительский дом, чтобы прослушать курс юриспруденции в Трнаве, в письме к отцу и матери скрупулезно отчитывался за все свои, даже самые незначительные, покупки, вплоть до плитки шоколада и нюхательного табака, прося вернуть ему эту импровизированную ведомость и отметить звездочкой траты, с точки зрения родителей необдуманные и чрезмерные¹⁴⁵. У Иштвана же траты всегда были больше той суммы, которую ему выделял «почтенный сударь батюшка».

Когда летом 1755 г. Ваш был отправлен в Славонию — проводить расследование после подавления масштабного крестьянского волнения в крае, Иштван не на шутку приуныл. Вместо того, чтобы, как обещал Ваш, поехать в его имение в расположенном неподалеку от Вены Нежидере¹⁴⁶, юноша изнывал от тоски в коллегииуме: «У нас, философов (учеников класса философии. — О. Х.), 6 сентября начались каникулы... и другие отдыхают, развлекаются, часто совершают променады, а мне приходится сидеть дома одному, потому что у меня нет денег, все только и спрашивают, отчего-де я сижу дома, и если б узнали, что причина в отсутствии денег, от души бы посмеялись и поглумились бы надо мной... 17 сентября все разъедутся, а мне придется грустить и предаваться меланхолии, того и гляди я

заболею оттого, что у меня нет денег, таких плохих каникул у меня еще не было и не будет»¹⁴⁷.

Иштвану Дежёфи, как и Яношу Фекете, «не повезло» попасть в коллегиум именно в то время, когда императрица задумала без помощи иезуитов создать свою собственную Терезианскую рыцарскую академию. Узнав о новых условиях оплаты и порядке пребывания в коллегиуме, многие отнеслись к реформам скептически. Михай Ваш писал Шамуэлю Дежёфи в 1755 г.: «С 1 мая тут все изменится, и кто знает, в какую сторону; может, из этой затеи, о которой я упоминал, и не выйдет ничего, поскольку немногие готовы выложить такую сумму, а многие переводят детей в Лихтенштайновский коллегиум (т. е. Савойскую академию. — О. Х.)»¹⁴⁸. Еще в конце июля 1756 г. пребывавший в неведении Иштван спрашивал у отца: «Соблаговолите меня известить, останусь ли я здесь или пойду в Эмануэлум в класс юриспруденции, или же останусь здесь еще на год для повторения математики, против чего возражать не стану, если так угодно почтенному сударю батюшке»¹⁴⁹. Ш. Дежёфи (как, впрочем, и Д. Фекете¹⁵⁰), взвесив доводы «за» и «против», оставил сына у иезуитов и затем, в 1757 г., перевел его в класс юриспруденции в Савойскую академию, в которой тот проучился еще один год.

Йожеф Каройи, окончив учебу в Терезианском коллегиуме в Ваце и прослушав несколько семестров в Венском университете, в 1787 г. совершил «большое путешествие» по Моравии, Чехии и Саксонии¹⁵¹, а после смерти Антала Каройи в 1793 г. вступил в наследственную должность фёйшпана комитата Сатмар. Йожеф Каройи может по праву служить примером того, как в аристократических семьях второй половины XVIII в. детей с самого раннего возраста воспитывали гармонично развитыми и высокообразованными индивидами, слугами династии и патриотами родной страны. Заслуживает упоминания случай, пересказанный префектом Хенеи. Когда на уроке, посвященном венгерской государственности, некий дворянин Мюллер не смог объяснить, почему должен изучать этот предмет, если не является венгром или венгерским дворянином, граф Пеппи в патриотическом запале возразил, что тот, обучаясь в Ваце, вкушает хлеб венгерской королевы Марии Терезии (I)¹⁵².

Письма маленького графа, в которых тоска по отчужденному дому и милым родителям отчаянно прорывается сквозь скупые, стоические строчки эпистолярных формул о собственном добром здравии и благополучии, свидетельствуют об императиве самодис-

циплины, составлявшей основу поведения дворянина в свете и при дворе. Пребывание вне дома, даже во внимательном, дружеском окружении, с первых дней готовило мальчика к будущей роли придворного и государственного мужа. Остается лишь сожалеть, что ранняя смерть в 1803 г. в возрасте 35 лет не позволила раскрыться всем талантам и склонностям графа Йозефа Каройи, заложенным в него родителями и учителями.

Из Иштвана Дежёфи, напротив, не вышло ни политического деятеля, ни военачальника, ни поэта. По окончании академии он не поступил на службу, а, полюбив жить в праздности и сорить деньгами, наделал долгов на 300 тыс. фт. С такой репутацией трудно было надеяться получить какую бы то ни было должность. В 1775 г. он попросил было верховного судью Дёрдя Фекете, отца своего однокашника Яноша, назначить его администратором 16-ти Сепешских городов¹⁵³, но безуспешно¹⁵⁴. В 1778 г. на имения графа Иштвана Дежёфи (титул дарован в 1775 г. его отцу) был наложен секвестр, семья оказалась практически разорена, двое сыновей остались без средств к существованию. В 1782 г., после смерти первой жены Анны Марии Вечеи, Иштван передал опеку над сыновьями Шамуэлем и Йозефом сестре Кларе (в замужестве Сирмаи), которая, не щадя ни сил, ни времени, старалась сделать так, чтобы ее племянники ни в чем не ощущали недостатка¹⁵⁵. Пережив в детстве и ранней юности лишения и страдания, молодые люди вернули доброе имя своей семье. Особую славу снискал младший, Йозеф, армейский офицер, ставший известным писателем и политическим деятелем «эпохи реформ» (1825–1848 гг.) в Венгрии.

Принятый в привилегированный Терезианум благодаря заслугам отца и доброму имени своей семьи, дворянский сын Иштван Дежёфи не вошел в число выдающихся выпускников учебного заведения, но современному исследователю молодой человек интересен не только скупыми свидетельствами о жизни в коллегии, но и своей заурядностью, инфантильностью, слабостями и пороками — в них, пусть в утрированной форме, отразились мечты и страхи, образ мысли и поведенческие реакции дворянского юноши той эпохи. Таких воспитанников в Терезиануме было немало, и их пребывание в учебном заведении, которое готовило к государственной службе, представляется неизбежным, поскольку целью коллегии оставалась не только передача знаний, но и инкорпорация в придворную среду детей заслуженных родителей.

Сыны «другого отечества»

«Другим отечеством» в Венгрии конца XVIII в. нередко называли Трансильванское княжество. До мохачской катастрофы 1526 г.¹⁵⁶ оно было составной частью королевства, но в результате османского завоевания Центральной и Юго-Восточной Европы обрело собственную государственность и довольно широкую автономию, правда, ценой признания вассальной зависимости от Порты. После того как в конце XVII в. войска Габсбургов и их союзников освободили Трансильванию, в Вене приняли решение не объединять княжество с Венгерским королевством, но управлять им отдельно, непосредственно из имперской столицы. Если в период своей (пусть во многом иллюзорной) независимости княжество служило форпостом протестантизма, а свобода вероисповедания была в нем законодательно закреплена еще в 1568 г., то включение Трансильвании в состав владений Габсбургского дома повлекло за собой рекактолизацию господствующего класса и, как следствие, частичную смену политической элиты. В княжестве, некогда знаменитом своими традициями протестантского образования и широко распространенной практикой обучения в лучших западноевропейских духовных семинариях и университетах¹⁵⁷, теперь предстояло выстроить школьную систему в рамках доктрины Римско-католической церкви.

К моменту открытия в имперской столице Терезианского коллегиума некогда мятежное княжество, которое в прошлом вело антигабсбургские войны за воссоздание домохачской Венгрии, находилось в составе монархии Габсбургов уже около полувека. У власти стояло второе, третье поколение лояльно настроенной элиты, и австрийские власти были заинтересованы в укреплении позиций Вены в княжестве. Этой цели могло и должно было служить обучение детей трансильванского дворянства в имперской столице, где они с юных лет инкорпорировались в придворную среду и, в более широком смысле, в политическую элиту монархии. Одновременно, принимая в Терезианум молодых людей из Трансильвании, Габсбурги создавали еще одну точку соприкосновения, еще одно поле для взаимодействия между привилегированными сословиями двух разделенных венгерских отечеств.

Несмотря на то что Габсбурги отказались объединить Трансильванию с Венгрией, дворянство продолжало поддерживать

родственные связи, чувствовало свою культурную общность и настойчиво добивалось воссоединения. Многие семьи сохраняли земельные владения и участвовали в политической жизни по обе стороны границы. Если венский Пазманеум был местом встречи венгерских и трансильванских дворян, желавших получить духовное образование (хотя далеко не все принимали сан), а Венский университет открывал свои двери не только дворянам, но и представителям непривилегированных сословий, то Терезианум стал тем «плавильным котлом», в котором отпрысков знатнейших родов Венгрии и Трансильвании вместе с элитами других земель монархии готовили к тому, чтобы занять высшие посты в своих странах.

За первые десять лет существования академии, с 1746 по 1756 г., в Терезиануме училось всего пять трансильванских аристократов: братья Иштван (1748–1750 гг.) и Жигмонд (1753–1753 гг.) Микеш — сыновья фёйшпана комитата Фейер; Антал Халлер (1750–1752 гг.), Михай Корниш (1753–1755 гг.), отец которого служил провинциальным комиссаром и в годы учебы сына был назначен губернским советником, а также сын другого губернского советника — барон Жигмонд Хентер (1749–1751 гг.)¹⁵⁸. Все они были выходцами из древних и знатных трансильванских родов, связанных между собой теснейшими родственными узами. Перечисленные семьи перешли на сторону Габсбургов после освобождения княжества от турок, их представители сразу же заняли ключевые должности в управлении Трансильванией. В числе трансильванских воспитанников значился также дворянин Матиас фон Бекерс¹⁵⁹, возможно, он принадлежал к роду Бекерсов, выходцев из Вестфалии, в середине XVIII в. носивших титул имперских баронов и обладавших венгерским индигенатом. Учеба Бекерса (а он провел в коллегии 12 лет) в течение семи лет, с 1752 по 1759 г., оплачивалась императрицей из Тайной казначейской кассы¹⁶⁰. К сожалению, трудно судить об источниках, из которых финансировалось обучение других. Возможно, родители изыскивали необходимые средства самостоятельно. По крайней мере, из более позднего документа — прошения графини Жофии Халлер, ходатайствовавшей в 1781 г. о зачислении ее внука Имре Корниша в венский Терезианум — известно, что семейство Корнишей никогда не прибегало к помощи государства при плате за обучение своих членов¹⁶¹.

Перед властями остро стояла проблема создания в княжестве стипендиального фонда — из него можно было бы оплачи-

вать образование отпрысков тех родов, которые Габсбурги хотели вознаградить за верную и полезную службу. Но схема Батасекского фонда, т. е. создание стипендиальных квот из доходов католического аббатства, не могла быть применена в Трансильвании. Католическая церковь в княжестве (которое все еще оставалось по преимуществу протестантским) не располагала такими материальными богатствами по сравнению с другими землями монархии Габсбургов. Трансильванское же дворянство в массе своей на фоне дворянства венгерского было гораздо более бедным. В годы независимости княжества лишь сам трансильванский князь мог соперничать в богатстве с венгерскими аристократами. Богатейшие же трансильванские аристократы, за исключением рода Банфи и перебравшегося в XVII в. в Венгрию семейства Чаки, не могли сравниться в доходах с венгерскими графами и баронами¹⁶².

Решение, найденное трансильванскими и австрийскими властями к началу 1756 г., было зафиксировано в резолюции от 5 января и заключалось в том, что директору Терезианума за обучение двух трансильванских аристократов ежегодно перечислялось 1 200 гульденов из созданной в 1754 г. так называемой кассы жалований (*Cassa Salariorum*) — своеобразного накопительного счета, куда перечислялись суммы, эквивалентные жалованию на вакантных в данное время должностях, а также по 3 % со всех выплачиваемых в государственном аппарате княжества жалований¹⁶³. На деньги, поступавшие в кассу, предстояло обучать знатнейших сынов княжества, как говорилось в тексте документа, «высоким наукам (*sublimiores scientiae*) и дворянским упражнениям». Возможно, так лишний раз подчеркивался исключительный статус заведения, где преподавались дисциплины, которые больше нигде в монархии изучать было нельзя.

В отличие от жалованной грамоты Батасекскому фонду, в резолюции особо оговаривалось, что кандидаты должны происходить из магнатского сословия, т. е. быть баронами или графами¹⁶⁴. Однако в Трансильвании не было аристократии, подобной той, что сложилась в Венгрии при Габсбургах. Наследственным аристократическим титулом в XVII в. обладали только упоминавшиеся Банфи и Чаки, остальные получали их от трансильванского князя без права передачи по наследству. Иными словами, если в Венгрии знаменитая формула «единое и неделимое дворянство» давно стала фикцией, то в Трансильвании вплоть до последних лет независимости княжества этот

принцип продолжал действовать. Установив свое господство, Габсбурги начали подтверждать баронские и графские титулы лояльно настроенной элиты специальными грамотами, как они делали это в Венгрии. Возможно, ссылка в тексте рескрипта на принадлежность соискателей стипендий к магнатскому сословию была попыткой ограничить круг заявителей теми семьями, чья верность Габсбургскому дому имела документальное подтверждение.

Одновременно той же самой резолюцией учреждались две стипендии для дворян в коллегииуме под патронатом ордена пиаристов в городе Медеш¹⁶⁵, где пансионеры, получая кров, пропитание и одежду, должны были овладевать латинским и немецким языками. На эти цели ежегодно перечислялось 5% с капитала 4 тыс. фт., уплаченных монетному двору. В XVIII в. в Коложваре¹⁶⁶ действовала иезуитская гимназия, из которой в конце 30-х годов выделился дворянский коллегииум, но со второй половины 50-х годов XVIII в. повсюду в монархии австрийские власти все чаще предпочитали поручать организацию новых, современных школ с углубленным преподаванием математики, экономики, финансов именно ордену пиаристов.

Немаловажно, что право утверждать кандидатуры как в венский Терезианум, так и в медешский коллегииум императрица оставляла за собой. Создание стипендий для аристократов и мелких дворян, несмотря на скромные масштабы нововведений, свидетельствует не только о намерении улучшить условия образования для католического дворянства Трансильвании, но и о стремлении австрийских властей поставить этот вопрос, как и в Венгрии, под свой непосредственный контроль. В отличие от батасекской грамоты (она предписывала выделять стипендии отпрыскам семей, на протяжении поколений верой и правдой служивших Габсбургскому дому) в случае с Трансильванским княжеством такая формулировка вряд ли была уместна. Поэтому на словах предпочтение следовало отдавать сыновьям родителей, не способных оплатить достойное образование своих детей, и сиротам без средств к существованию. На деле, даже отбирая для венских стипендий сирот или детей попавших в затруднительное материальное положение аристократов, австрийские власти будут прежде всего и главным образом поощрять те семьи, что доказали свою лояльность Вене.

Незадолго до учреждения двух трансильванских стипендий в Терезиануме рескриптом от 18 октября 1755 г. Мария Тере-

зия разрешила не католическому дворянству поступать в иезуитский Терезианский коллегиум, Терезианскую рыцарскую академию и Терезианскую военную академию в Винер-Нойштадте¹⁶⁷. Это решение нередко объясняют стремлением увеличить приток слушателей в условиях все ужесточавшейся конкуренции с пиаристами, но прежде всего в этом прослеживается стремление теснее привязать к династии протестантские элиты Священной Римской империи и Трансильванского княжества. К сожалению, в дошедших до наших дней списках воспитанников венского Терезианума нет указаний на их вероисповедание. Однако есть все основания утверждать, что в отношении трансильванских дворян этот прогрессивный для своего времени принцип не сработал. Практически все воспитанники, происходившие из княжества, были католиками или конвертитам, чьи семьи вернулись в католичество после присоединения Трансильвании к владениям Габсбургского дома.

В соответствии с требованиями, закрепленными в цитированной выше резолюции, летом 1756 г. Трансильванская канцелярия отобрала и венские власти утвердили двух пансионеров. Ими стали барон Иштван Балинтит и граф Ференц Телеки. В представлении канцелярии на Балинтита говорилось, что мальчик — сирота, и его мать, надеясь обеспечить будущее сына, отдала его в военную академию (скорее всего имеется в виду Терезианская военная академия в Винер-Нойштадте), но передумала и под предлогом, что Иштван пока слишком юн, попросила принять его в венский Терезианум. Вторая стипендия поначалу предназначалась для другого сироты, семилетнего графа Яноша Телеки. Однако на семейном совете родня решила, что мальчику пока рано учиться в таком престижном учебном заведении, где особо важные и нужные дисциплины преподавались в старших классах. Брат покойного отца, граф Пал Телеки, недавно избранный фёйшпаном комитата Добока, официально взял на себя расходы по обучению племянника в иезуитском коллегиуме в Коложваре, и только на этом условии императрица согласилась, чтобы вторая стипендия была передана сыну самого Пала Телеки, пятнадцатилетнему Ференцу¹⁶⁸.

В своем письме граф жаловался, что из-за постоянных разделов семейного имущества он практически разорен и не в состоянии дать своему сыну достойное образование. Телеки особо отмечал, что Ференц учится в классе риторики и прекрасно владеет немецким языком¹⁶⁹. Однако свою роль, по-видимому,

сыграли не только успехи мальчика, но и заслуги отца, а возможно, и опасение, как бы ребенок не проникся кальвинистской верой по примеру деда с бабкой по материнской линии. Многие ветви большого старинного рода Телеки в XVIII в. сохраняли верность протестантизму, но как раз Пал Телеки принадлежал к католической части этого семейства. Его супруга, урожденная Борбала Халлер, была дочерью знаменитой графини Каты Бетлен, писательницы и поэтессы, чье творчество стало образцом изысканного венгерского слога рубежа XVII–XVIII вв. Девочку до 11 лет воспитывали в кальвинистской вере, а после смерти отца и повторного замужества матери она была обращена в католицизм, хотя, как писал в своих мемуарах трансильванский дворянин Дёрдь Реттеги, «бедная женщина не верила многому из того, о чем говорили паписты»¹⁷⁰. Уже в 1758 г. (тогда Ференц Телеки благополучно окончил курс обучения в Терезиануме) в коллегииум был зачислен его подросткий кузен Янош, который проучился в Вене целых девять лет¹⁷¹.

В 1763 г., когда И. Балинтит покинул академию, на вакантное место был принят граф Денеш Банфи — отпрыск самого богатого и знатного рода в Трансильвании. К тому времени в коллегииуме уже восьмой год в качестве платного воспитанника обучался его старший брат Дёрдь¹⁷². В XVII в. неписанным правилом в семействе Банфи было невмешательство в политику, тем более что их несметные богатства обеспечивали им известную степень независимости, в том числе и от самого князя. С подобной практикой порвал прапрадед мальчиков, барон Денеш Банфи, который путем тайных дипломатических переговоров пытался сохранить политическую самостоятельность княжества, балансируя между двумя грозными соперниками — Османской империей и монархией Габсбургов. Однако он пал жертвой заговора и в 1674 г. был казнен по обвинению в государственной измене. Его сын Дёрдь, прадед братьев, после того как освобожденная от турок Трансильвания была включена в состав владений Габсбургского дома, получил от императора Леопольда I графский титул и в 30 лет стал губернатором княжества. Отец братьев Банфи носил титул камергера и в разное время занимал должность фёншпана в нескольких трансильванских комитатах. Он славился своим тонким вкусом, ученостью, при нем родовой замок был перестроен в барочном стиле, да и сам он слыл воплощением аристократа эпохи барокко. В 1755 г. семья приняла католичество, так что оба мальчика прибыли в Вену уже правоверными католиками.

После окончания коллегиума братьев Банфи ждало разное будущее. Младший, Денеш, проучился в Терезиануме до 1770 г., но его слабое здоровье, дававшее о себе знать во время пребывания в Вене, по возвращении домой еще более ухудшилось. В 1773 г. юноша заболел плевритом в тяжелой форме и, несмотря на все усилия заботливой матери, приглашавшей к нему лучших фельдшеров и хирургов, вскоре скончался. В связи с этой смертью мемуарист Д. Реттеги даже сделал предположение, что в роду Банфи имя Денеш было несчастливым, многие из тех, кто носил его, умирали в юности или кончали жизнь на плахе¹⁷³. Зато старший, Дёрдь, как и его прадед, стал губернатором Трансильвании и правил княжеством в течение 35 лет.

На основании приведенных выше примеров можно сделать некоторые предварительные выводы о принципах и практике распределения стипендий для трансильванских дворян. В сравнении с богатой ресурсами Венгрией (которой была отведена роль спонсора элит Наследственных провинций) Трансильванское княжество могло оплачивать обучение не более чем двух своих аристократов. Католическая прослойка была несравненно тоньше католического большинства в Венгрии. Возможно, именно поэтому австрийские власти, заинтересованные в воспроизводстве и расширении своей социальной базы в Трансильвании, не видели оснований вмешиваться в распределение всего двух стипендий, которые оплачивало само княжество, в отличие от Венгрии, где время от времени будут то разгораться, то затихать скандалы, связанные с передачей венгерских стипендиальных квот иноземцам.

За стенами Терезианума

Учреждение Терезианского коллегиума стало первой удачной попыткой создать в монархии учебное заведение, соответствовавшее высоким стандартам рыцарской академии. Несомненно, успеху способствовало то, что, будучи учебным заведением под патронатом иезуитов, Терезианум с первых дней своего существования находился в сфере пристального внимания и под особым контролем венского двора, не скупившегося на субвенции, поскольку императрица была уверена в своем если еще не формальном, то фактическом праве вмешиваться в деятельность школы, носящей ее имя. То же самое можно ска-

зять и об основанной несколькими годами спустя Савойской академии. Между тем в Вене существовали иные учебные заведения, ставившие перед собой сходные задачи воспитания юношества для императорско-королевской военной и гражданской службы, роль которых в приобщении к новым знаниям венгерских дворян заслуживает особого рассмотрения.

Сироты и кадеты Хаосовского фонда

В 1664 г. по завещанию Иоганна Рихтхаузена, носившего титул барона Хаоса¹⁷⁴ и служившего обер-берг-графом в Шельмецбане¹⁷⁵, в Вене был открыт приют для сирот и подкидышей, в который также принимали ограниченное число детей бедных дворян и зажиточных бюргеров. Последних обучали не только традиционному письму, чтению и счету, но и латинскому языку, музыке, рисованию. В 1735 г., в соответствии с завещанием канцеляриста Венской придворной казенной палаты Георга Франца фон Гринера, при Хаосовском фонде (как стали называть заведение) был создан специальный фонд с капиталом 20 тыс. гульденов, чтобы на проценты с него 50 усердных и одаренных детей (сыновья бедных родителей или сироты) получали наставление в военно-инженерных науках. Так под сенью сиротского приюта возникло самостоятельное учебное заведение под патронатом нижнеавстрийских сословий, воспитанники которого по специально составленной программе готовились к поступлению на военную службу¹⁷⁶.

Осенью 1739 г. прошли первые публичные выпускные экзамены, включавшие в себя историю, географию, военную и гражданскую архитектуру, военное дело. Тогдашний глава Хаосовского фонда — нижнеавстрийский ланд-маршал Карл фон Мозер — произнес торжественную речь, обращенную к императору Карлу VI. В ней в числе главных задач заведения он назвал совершенствование юношей в военных и гражданских науках, с тем чтобы из них «со временем выросли люди, способные принести пользу обществу». В особенности это касалось «выходцев из тех обедневших, но славных дворянских родов, представители которых пожертвовали во имя государя имуществом и самой жизнью и тем самым невольно ввергли свое потомство в нищету»¹⁷⁷. После открытия Савойской академии, находившейся в соседнем с фондом здании на Штифт-гассе, Мозер добился разрешения, чтобы питомцы вверенного его заботам заведения могли посещать лекции по военной и гражданской архитектуре.

Однако это вызвало резкое неудовольствие герцогини Савойской: она усмотрела в этом шаге стремление сословий вмешаться в дела управления лично ей подчиненной академией. Герцогиня начала чинить Мозеру всяческие препоны, вплоть до возведения стены, отделяющей академию от помещения фонда, так что хаосовские воспитанники были вынуждены приходить и уходить по специально выделенному для них проходу, никак не смешиваясь с кавалерами Эмануэлума¹⁷⁸.

Осенью 1752 г., одновременно с основанием Терезианской военной академии в Винер-Нойштадте¹⁷⁹, куда принимали сто дворянских сыновей и сто сыновей офицеров-недворян по достижении 14 лет, императрица создала при Хаосовском фонде подобие кадетского корпуса (Pflanz-Schule) — в нее зачислялись офицерские дети, в том числе и недворянского происхождения, в возрасте 8–14 лет. Между тем 1 января 1755 г. в рамках все того же Хаосовского фонда было открыто еще одно учебное заведение — Дворянская военная академия. Сведений о ее деятельности сохранилось крайне мало, а принадлежность к организационно все более усложнявшемуся фонду затрудняет поиск достоверных сведений. Некоторые австрийские историки XIX в. были даже склонны полагать, что академия существовала только на бумаге¹⁸⁰. Немецкий историк XIX в. Б. Потен, изучив выявленные (правда, весьма скудные) данные из венского Военного архива, установил, что академия была вполне реальным учебным заведением, представлявшим собой по набору преподававшихся предметов, распорядку дня, составу воспитанников уменьшенную копию винер-нойштадтского Терезианума. Ради этой цели сиротский приют, некогда положивший начало фонду Хаоса, был переведен в другое здание. Дворянская военная академия просуществовала до 1769 г., пока, как и вышеназванный кадетский корпус, не слилась с академией в Винер-Нойштадте, из названия которой в том году убрали приставку «дворянская»¹⁸¹.

Инфраструктуру Хаосовского фонда венский двор попытался использовать для уже упоминавшейся цели более тесной инкорпорации венгерского дворянства в общие для всей монархии структуры. Сразу после создания кадетской школы через венгерский Наместнический совет комитаты королевства были уведолены о наборе 12 дворянских сыновей в возрасте от 8 до 12 лет в венский Хаосовский фонд. Осенью 1752 г. императрица зачислила в академию шестерых венгров¹⁸²: в апреле Германа

Филиппа Митицки и Ласло Куна, а в октябре — Криштофа Мороца, Иштвана Велецки, Андраша Хорвата и «сына вице-ишпана комитата Шарош — Мерше Синейского»¹⁸³. Если судить по материалам, хранящимся в фондах Венгерской канцелярии, то в 1754 г. для окончательного утверждения было отобрано более 20 прошений, а многие были отклонены еще на стадии переписки комитатов с Наместническим советом. Желание определить своего сына на учебу в Вену было так велико, что некоторые родители ходатайствовали о сыновьях, которым давно уже исполнилось 18 и даже 20 лет. Другие получали отказ по причине недостаточной подготовки, поскольку непременным условием зачисления было выдвинуто наличие школьного аттестата¹⁸¹. Возможно, это было следствием плохой информированности родителей. В Венгрии никто толком не знал, чему и как учат в фонде: с одной стороны, о приеме в него своих детей ходатайствовали служащие комитатских администраций, с другой — поскольку речь, прежде всего, шла о кадетском корпусе, где преподавались военно-инженерные дисциплины, власти побуждали направлять туда детей армейских офицеров. Получалось: одни родители просили зачислить их детей в Хаосовский фонд, другие же, например вдова лейтенанта Ласло Тота, в кадетский корпус¹⁸⁵.

В числе удачливых ходатаев был Игнац Битто, ассессор комитата Пресбург и отец четверых детей, который не только исправно исполнял свои служебные обязанности, но и участвовал в «прусской кампании» в чине лейтенанта дворянского ополчения («прусской» в первой половине 50-х годов XVIII в. называли Войну за австрийское наследство, не подозревая, что в 1756 г. начнется другая прусская война — Семилетняя) и даже провел пять месяцев в плену¹⁸⁶. Власти также удовлетворили прошения вице-ишпана комитата Бараня Сигизмунда (Жигмонда) Хершинга, исправника¹⁸⁷ комитата Хевеш Пала Шубича, нотариуса комитата Боршод Дёрдя Бодо, ассессора судебной палаты комитата Шарош Яноша Печи и др. Советник Венгерской канцелярии Пал Шомшич, бывший вице-ишпан комитата Шомодь, пристроил в фонд своего крестника — сироту Антала Мадараса. Вообще, чиновники канцелярии нередко служили источником информации для своих родственников и даже могли составлять для них ходатайства. По крайней мере, такое впечатление складывается при сопоставлении стилистики и лексики прошений Берната Кончека-старшего из комитата Туроц и Берната Кончека из Венгерской канцелярии¹⁸⁸. Второй был, по всей вероят-

ности, племянником первого и помог дяде в 1754 г. направить одного из младших сыновей в Хаосовский фонд, а в 1755 г. вновь, теперь уже под своим именем, ходатайствовал за своего двоюродного племянника, внука Кончека-старшего¹⁸⁹.

Содержание воспитанников, обучавшихся в Хаосовском фонде по специальной программе, оплачивалось из Тайной казначейской кассы. Расходная книга за 1753 г., в которой с точностью до крейцера записано, сколько денег было выделено на каждого юношу в течение года, позволяет проследить, как венгры один за другим прибывали в имперскую столицу и зачислялись на довольствие: в июне братья Ласло и Шандор Надь, в июле — Дёрдь Бодо, Йозеф Кончек и Антал Мадарас, в августе — Имре Хомоки, в октябре — Имре Печи и Константин Битто, в ноябре — Сигизмунд Хершинг и Ласло Тот. Последним, двенадцатым венгерским кадетом стал, скорее всего, зачисленный в октябре Янош Дедович¹⁹⁰. Среди тех, кто так и не был принят в Хаосовский фонд, был, например, сын делопроизводителя Наместнического совета Шандора Кайдачи¹⁹¹. Резолюция на представлении Венгерской канцелярии от 2 мая 1755 г. гласила: «Поинтересоваться у Хаугвица, есть ли место»¹⁹², а в конце того же года удрученный отец писал венгерскому палатину¹⁹³ графу Лайошу Баттяни: «Я не имею никакой возможности следить за появлением вакансий в означенном фонде, заполнение которых не может происходить без воли и согласия на то вашего высокографского сиятельства, посему молю о ценнейшем покровительстве: соблаговолите милостиво принять во внимание моего сына в случае появления той или иной возможности»¹⁹⁴.

К сожалению, в силу целого ряда обстоятельств специальная программа подготовки венгерских дворян в рамках фонда Хаоса вскоре была свернута. Во-первых, заведение не выдерживало конкуренции с военной академией в Винер-Нойштадте, которую двор видел главной школой по подготовке офицерских кадров для всех земель монархии, и именно там следовало сосредоточить имевшиеся в его распоряжении финансовые ресурсы. Другой причиной, несомненно, стало нежелание самой Марии Терезии оставлять в руках сословий учебное заведение с частичным финансированием из средств казны и даже ее личных средств. В период, когда императрица, прекрасно осведомленная о растущем государственном долге, была вынуждена вести бесконечные изнурительные переговоры с сословиями о предоставлении займов или покрытии ими тех или иных расходов

разрешить им параллельно с прямо или косвенно патронируемыми ею заведениями содержать подобие кадетского корпуса было бы непопозволительной роскошью.

В апреле 1755 г. воспитанники кадетской школы при Хаосовском фонде, в том числе двенадцать венгерских дворян, были переведены в Инженерную академию¹⁹⁵. Из нее в 1757 г. Имре Хомаки отправился в Лёвенбургский конвикт, о чем речь пойдет ниже. Константин Битто и Иштван Секей попали в королевско-архиепископский конвикт в Трнаву¹⁹⁶. Шла Семилетняя война, и воспитанники Инженерной академии покидали студенческую скамью, чтобы отправиться на фронт: в феврале 1758 г. Имре Печи поступил кадетом в пехотный полк Адама Баттяни, а через месяц Пал Суньоги был зачислен кадетом в кавалерийский полк Надашди¹⁹⁷. В дальнейшем в Инженерной академии регулярно обучались венгры, в том числе дворянского происхождения, однако их зачисление в учебное заведение не было предметом квотирования. Настойчивое желание дать своим детям образование в Вене, продемонстрированное венгерским служилым дворянством и младшим офицерством, свидетельствует о том, как внимательно ловили каждое слово, исходившее из придворных кругов в тех социальных слоях, которые австрийские власти пытались поставить на службу просвещенному абсолютизму. Родители, со своей стороны, всего лишь искали для своих детей лучшей доли. Год, проведенный не в самом престижном столичном учебном заведении, скорее имел значение для личной судьбы каждого из воспитанников, нежели качественно менял групповой портрет венгерских чиновников дворянского происхождения.

При рассмотрении инициатив по привлечению венгерского провинциального дворянства на учебу в имперскую столицу не следует упускать из виду ни крупномасштабных, ни краткосрочных проектов. Венский двор эмпирически искал формы интеграции венгерского провинциального дворянства в постепенно формировавшуюся прогабсбургскую политическую элиту (точнее — элиты) монархии. С этой точки зрения недолговечная программа финансирования юных выходцев из Венгрии при Хаосовском фонде не менее важна, чем Терезианский коллегийум, успешно функционировавший не одно десятилетие. Интерес, проявляемый венгерским дворянством к любой инициативе властей, будь то рыцарская академия, дворянский коллегийум или кадетский корпус, свидетельствовал о необходимости и возможности использования школы как эффективного

инструмента социального контроля. В этом нас далее убеждает история Лёвенбургского конвикта, где для венгров было зарезервировано всего две стипендии, и судьба венгерской дворянской лейб-гвардии, позволившей 70 дворянским юношам служить и повышать свой образовательный уровень в непосредственной близости от двора.

Как завещал граф Лёвенбург

Если Общество Иисуса основал Игнатий Лойола, то другой испанский дворянин, Иосиф Калазанца, в 1607 г. создал монашеский орден пиаристов, ставший главным конкурентом иезуитов на ниве народного просвещения. Его члены, которых по-русски в прошлом именовали «пиары» или «отцы благочестивых школ» (*patres scholarum piarum*), принимали обет безвозмездного обучения юношества. Первые пиаристы пришли в Венгрию из Польши, основав в 1666 г. в Привидье¹⁹⁸ начальную школу, к ней со временем добавилась гимназическая ступень (в 1676 г. появился класс философии)¹⁹⁹. Поначалу Венгрия входила в польскую провинцию ордена, а после 1695 г. вошла в австрийскую. В 1715 г. орден был натурализован на территории Венгерского королевства, и к началу правления Марии Терезии число их школ и гимназий возросло до 18, включая начальную школу в Кишсебене²⁰⁰, на открытие которой в 1739 г. родной дядя известного нам Иштвана Дежёфи, тоже Иштван, пожертвовал капитал в 10 тыс. фт.²⁰¹

С одной стороны, пиаристы находились под несомненным влиянием иезуитов с их «*Ratio studiorum*». Эта система, писал Э. Финаци, была создана столь удачно, ее составные части были подогнаны друг к другу столь тщательно, а сам метод преподавания настолько отточен многолетней практикой, что когда пиаристы пожелали выйти за рамки начальной школы, они не смогли сделать ничего нового, кроме как перенять традиционные форму и содержание учебного процесса иезуитов²⁰². С другой стороны, если в жестко централизованном ордене иезуитов допускались лишь незначительные отклонения от единого для всей католической Европы учебного плана, то большая степень свободы, которой обладали пиаристы, в сочетании с пониманием, что одностороннее совершенствование в латинской грамматике и риторике не может определять интересы современного человека, вели к увеличению доли так называемых реальных наук (прежде всего физики и математики), отечественной истории, к более широкому использованию в преподавании местных языков и даже диалектов.

В пригороде австрийской столицы Йозефштадте в 1697 г. была открыта школа, которую пиаристы хотели дополнить дворянским конвиктом, но за неимением средств на строительство вместительного и представительного здания вынужденно дожидались лучших времен. Необходимый начальный капитал появился совершенно неожиданно: в 1732 г. австрийский аристократ граф Иоганн Якоб Лёвенбург завещал австрийской провинции ордена пиаристов 12 тыс. гульденов, а в случае, если его дочь Алоизия умрет, не оставив законного наследника, к пиаристам отходило все его состояние. Граф Лёвенбург происходил из силезского дворянского рода Ловоровских, которому в 1683 г. был присвоен баронский титул, а в 1691 г. — графский. Карьера Иоганна Якоба была тесно связана с Венгрией, где он с 1688-го по 1694 г. занимал должность советника при Венгерской казенной палате, в 1715 г. был назначен фёйшпаном комитата Бекеш, в 1723 г. получил венгерское дворянство. Еще при жизни, в 1727 г., граф Лёвенбург на доходы с двух имений (20 тыс. фт.) основал в венгерском Рожахеде²⁰³ начальную школу с двумя классами грамматики — в ней пиаристы бесплатно учили окрестную молодежь.

Если 12 тыс. гульденов хватило бы разве что для еще одной провинциальной гимназии, то вся находящаяся в Австрии собственность графа Лёвенбурга давала возможность создать в Йозефштадте достойный дворянский конвикт. Между тем в 1734 г. Алоизия Лёвенбург вышла замуж за графа Антона Гайсрука и молодожены рассчитывали, что долгожданный наследник позволит сохранить права на отцовскую собственность. Однако вскоре выяснилось, что из-за проблем со здоровьем женщина не сможет иметь детей, и тогда супруг Алоизии и ее мать (их не устраивала возможность лишиться немалого состояния) прибегли к процессуальной хитрости. Алоизия оформила завещание, в котором назначила мужа своим законным наследником. Поэтому, хотя она вскоре умерла, овдовевший граф Гайсрук как «законный наследник» своей покойной жены предъявил права на спорную собственность тестя. Пиаристы, не сомневавшиеся в однозначном толковании завещания графа Лёвенбурга, обратились в суд, и в 1736 г. было вынесено решение, призванное удовлетворить обе стороны: орден получал две трети наследства, а семья — одну треть. В денежном эквиваленте сумма, причитавшаяся пиаристам (вместе с начисленными на нее процентами), составила 84 375 гульденов, включая те 12 тысяч, которые невозможно было оспорить²⁰⁴.

Если иезуитам посчастливилось удачно купить дворец Фаворита, то пиаристам предстояло возвести скромное по затратам, но вместительное и удобное здание будущего конвикта с нуля. На это ушло долгих 12 лет, при этом вскоре выяснилось, что для завершения строительства потребуются новые займы, возвращать которые придется из взносов за будущих платных учеников. В 1748 г., еще до окончательного завершения строительства, дворянский конвикт, получивший имя своего основателя, принял первых воспитанников, а в 1749 г., с открытием Савойской академии, популярность пиаристов еще больше возросла.

Уже современники признавали, что образование, которое давали отцы-пиаристы, более отвечало нуждам и требованиям времени. Особую славу орден снискал за углубленное изучение математики. В учебном плане конвикта большое внимание наряду с немецким уделялось преподаванию французского и итальянского языков. Отличительной чертой преподавательской методики пиаристов были регулярные занятия по каллиграфии, и можно сказать, что дошедшие до нас автографы свидетельствуют о четком и красивом почерке многих выпускников Лёвенбургского конвикта²⁰⁵. На исключительный, дворянский статус заведения указывали занятия фехтованием со специально приглашенным педагогом, а также уроки рисования и музыки²⁰⁶.

Императрица согласилась, чтобы обучение целого ряда воспитанников конвикта оплачивалось из ее личной кассы. По образцу Терезианума при конвикте вскоре начали появляться стипендиальные фонды. Первым из них в 1752 г. стал Кальмюнцеровский, названный по имени основательницы Марии Терезии фон Кальмюнцер, которая в завещании распорядилась, чтобы на средства фонда четыре мальчика из числа ее родственников или родственников мужа принимались в пансионеры с правом проживания в здании конвикта и получали наставление в науках, воспитание, питание и одежду, равные с прочими воспитанниками²⁰⁷.

Между тем завещание графа Лёвенбурга, чья карьера теснейшим образом была связана с Венгрией, обязывало пиаристов создать стипендиальный фонд, на средства которого во все времена в конвикте должно было содержаться одинаковое число австрийских и венгерских пансионеров²⁰⁸. Соглашение руководства конвикта с австрийскими властями от 1752 г. устанавливало это соотношение как два к двум²⁰⁹, но, если верить ноте

венгерского канцлера, вплоть до 1755 г. ни один из венгерских дворян не переступал порога Лёвенбургского конвикта²¹⁰. Вникнув в суть конфликта, императрица выразила желание увеличить общее число пансионеров до шести и не только оставила за собой право их поименного назначения, но и потребовала, чтобы отныне венгерские дворяне составляли две трети пансионеров. О том, как соблюдалось это распоряжение, будет подробно рассказано ниже, пока же важно отметить, что имперские власти не упускали возможности привлечь отпрысков венгерского служилого дворянства на учебу в Вену, и дворяне немедленно откликались на любой призыв.

В 1755 г. Венгерской канцелярии впервые позволили отобрать достойных кандидатов в конвикт Лёвенбурга из пяти ходатаев, в числе которых вдова барона Петера Вайса просила за сына, вдова барона Шандора Реваи — за внука, упомянутый выше Бернат Кончек — за племянника, дворянин Йозеф Бардоши — за сына, секретарь Венгерской канцелярии Ласло Батта — за младшего брата. Чести быть принятыми в пансионеры удостоились внук Каты Реваи — Пал Будаи и дворянин Йозеф Бардоши.

Прошение вдовы Реваи (в девичестве Околичани) позволяет по достоинству оценить роль матерей, бабок, теток в судьбе своих детей и внуков. Реваи, как и Околичани, были старинными уважаемыми дворянскими семействами. Ветвь, к которой принадлежал покойный супруг Каты, проживала в комитате Туроц. Судьба распорядилась так, что женщина не только пережила своего супруга, но и на склоне лет лишилась единственного сына: молодой офицер Лайош Реваи, едва женившись, пал смертью храбрых в прусскую кампанию. Ката сосредоточила всю свою любовь на внуке, сыне дочери Магдольны, бывшей замужем за дворянином Ференцем Будаи, служащим марамарошской соляной конторы. Она не только за свой счет отправила Пала к пиаристам в Нитру, где орден содержал одну из своих лучших в Венгрии гимназий, но и обратилась к венгерским властям с прошением о стипендии для единственного внука.

Письмо Каты Реваи может служить образцом изысканного слога и высокого латинского стиля, что, по всей вероятности, следует отнести к заслугам того искусного стряпчего, к которому она, как и большинство просителей, обратилась за помощью. Какое сердце не тронули бы такие слова: «Преклоняя колени перед высоким, покоящимся на справедливости Вашего Священнейшего Величества троном и испрашивая краткими

мольбами императорско-королевскую милость, позвольте мне, глотая слезы, изложить Вашему Священнейшему Величеству — добрейшей матери вдов и сирот, горчайшие превратности моей жизни и судьбы». Баронесса как мать героически погибшего офицера имперской армии верно полагала, что династия в долгу перед ее семьей и ее ходатайство окажет на власти большее эмоциональное воздействие, нежели самое что ни на есть грамотно составленное ходатайство зятя. «Сын мой, Лайош Реваи, — писала она, — побуждаемый вассальной преданностью по отношению к Вашему Священнейшему Величеству и благу всего Отечества и обязательствами перед отцом и предками, не щадя своей крови и самой жизни, совершив славный поступок, принес себя в жертву во имя славы и счастья Вашего Величества». Поэтому в качестве утешения мать и бабушка просила, чтобы внук ее «был благосклонно принят в священный венский школьный фонд для продолжения курса наук»²¹¹.

Возможно, именно от нитранских пиаристов Ката Реваи узнала о том, что в Вене есть дворянский конвикт, где предусмотрены стипендии для венгерских дворян, но поскольку фонд имени графа Лёвенбурга появился на свет совсем недавно, она не знала точного его названия. Не исключен и тот вариант, что такая туманная формулировка позволяла попытать удачу в Терезианском коллегииуме. Собственно, Пал Будаи, пусть теоретически, был близок к тому, чтобы оказаться учеником отцов-иезуитов. В Венгерской канцелярии было подготовлено представление на высочайшее имя, в нем предлагалось принять племянника героически погибшего офицера и внука почтенной вдовы в Терезианум, но бумага так и не была отправлена (на ней сохранилась помета «non exmissa»)²¹². В результате юноша отправился в Вену к отцам-пиаристам, у которых и проучился два года — обычное время пребывания в этом конвикте венгерских пансионеров. Кстати, косвенным свидетельством того, что на юношу смотрели именно как на члена семейства Реваи, а не сына Ф. Будаи, служит описка в проекте резолюции: там он означен как Реваи.

При распределении второй вакансии венгерский канцлер Липот Надашди фактически вновь воспользовался своим служебным положением. Прошение отца Бардоши найти не удалось, в официальном же представлении канцелярии на высочайшее имя говорилось следующее: «Дворянин Йозеф Бардоши, сын родителя, имеющего многочисленное потомство и лишеного необходимых средств для их должного воспитания, который

в течение долгого времени оказывал услуги моему сыну и демонстрирует прекрасные врожденные свойства и прилежание, притом есть все основания надеяться, что он достигнет многого, чье нижайшее прошение я смиренно предлагаю Вашему Священнейшему Величеству». Хотя даже при максимально точном переводе сложно уследить, где речь идет об отце, а где о сыне, ясно одно: воспользовавшись своими прерогативами, канцлер вознаградил за преданность и исполнительность одного из своих клиентов. Удивителен не сам факт благодеяния по отношению к прикормленному всесильным аристократом мелкому дворянину, а неприкрытое возведение услуг, оказанных сыну канцлера, в уважительную причину для выделения стипендии.

Впрочем, порой даже наличие влиятельного покровителя не помогало, о чем свидетельствует история дворянского семейства Хёдеси из комитата Ваш. Его глава — отец пятерых детей, ассессор окружной судебной палаты в Кёсеге Андраш Хёдеси в 1757 г. подал прошение о приеме в пансионеры Лёвенбурговского конвикта старшего сына Антала. Свою просьбу ассессор мотивировал тем, что в XVII в. предки его храбро сражались с османами, но прадед попал в турецкий плен, и семье пришлось продать и заложить все имущество, которое потомки смогли вернуть лишь колоссальным напряжением сил²¹³. В иерархическом списке, составленном канцелярией, кандидатура Антала Хёдеси была поставлена на первое место, — оказавшись впереди и Пала Марковицки, чей родитель, участвуя во время Войны за австрийское наследство в дворянском ополчении, полгода провел в прусском плену, и Тамаша Будаи, младшего внука все той же Каты Реваи. Канцелярия высказалась за выделение стипендии Анталу Хёдеси, но императрица, прислушавшись в последний момент к кому-то из своих советников, утвердила пансионером Имре Хомоки — юношу из комитата Унг, в 1754 г. зачисленного, как мы помним, в Хаосовский фонд²¹⁴. Однако не прошло и полугодия, как Антал Хёдеси был принят в Лёвенбурговский конвикт на место Йозефа Бардоши²¹⁵.

В сентябре 1760 г., когда Антал Хёдеси покинул стены конвикта, его отец обратился с ходатайством о принятии в пансионеры младшего сына Шандора. До сих пор канцелярия пыталась избегать предоставления двух стипендий подряд членам одного и того же семейства, и на этот раз в «мнении» канцелярии говорилось: «Андраш Хёдеси по милости Вашего Священнейшего Величества уже насладился этой щедростью в отношении своего старшего сына, а такую милость полагается оказы-

вать не одному, но многим, чтобы учрежденным во благо всей нации [фондом] могло воспользоваться как можно большее число достойных». Поэтому пансионером был утвержден Пал Рошти — сын Ференца Рошти, вице-ишпана комитата Ваш²¹⁶. Это семейство давно занимало прочные позиции в комитате: двоюродный дед мальчика, Иштван Рошти, в свое время также был комитатским вице-ишпаном, другой двоюродный дед, Жигмонд, — судьей в городе Кёсег, а дед Ласло Рошти служил в комитате главным исправником. В 1764 г. отец мальчика будет избран послом от комитата Ваш на Государственное собрание королевства. Благодаря своей должности Ференц Рошти был тесно связан с семейством Баттяни, представители которого носили титул наследственных фёйшпанов комитата. В одном из писем к жене Рошти-старший упоминает, что обедал с его сиятельством палатином графом Баттяни²¹⁷. Таким образом, Баттяни пришлось выбирать между сыновьями двух лояльных ему дворянских семейств, Хёдеси и Рошти, и по известной только ему причине предпочтение было отдано Рошти.

О том, что предпринял потерпевший неудачу Хёдеси, мы узнаем из его собственного прошения, поданного венгерским властям в 1762 г. «В ноябре 1760 года его высокографское сиятельство господин палатин Лайош Баттяни, — писал Хёдеси, — на прошение и мольбы мои о принятии моего сына, ныне обучающегося в классе риторики в Кёсеге, в венский Лёвенбургский дворянский конвикт испросил у Вашего Священнейшего Величества соответствующее решение с последовавшей затем императорско-королевской милостью и щедростью, чтобы при освобождении первой же вакансии в сей конвикт был принят мой сын». Будучи уверен, что к слову палатина в Вене непременно прислушаются, Хёдеси продолжал: «Ныне молю Ваше Священнейшее Величество... великодушно подтвердить свою милостивую резолюцию, изданную в позапрошлом 1760 году при участии и посредничестве господина палатина графа Баттяни, и своей Венгерской канцелярии милостиво повелеть, чтобы если не сейчас, то по крайней мере в конце нынешнего учебного года, когда неизбежно возникнет вакансия... мой сын Шандор прежде всех иных [кандидатов] был принят в упомянутый конвикт»²¹⁸.

Поскольку в 1762 г. в Лёвенбургском фонде образовалось сразу две вакансии, Венгерская канцелярия получила пять ходатайств. Трое — полковник барон Габор Балашша (дядя уже известного читателю батасекского королевского пансионера

Ференца Балашша), офицер венгерской лейб-гвардии Иштван Надь и дворянин Лайош Борош — просили за своих братьев; младший исправник из комитата Шопрон, отец семерых детей Дёрдь Бачмедеи — за одного из троих сыновей; наконец, Андраш Хёдеси не оставлял надежды пристроить в конвикт своего младшего сына. Представление канцелярии на высочайшее имя за 1762 г. — редкий случай, когда в такого рода документе оказались отражены разногласия по поводу того, кто из просителей достоин императорско-королевской милости.

Кандидатура Бачмедеи была принята единогласно, учитывая послужной список, бедность, количество детей и древность рода. Что же касается второй стипендии, то большинство вместе с самим канцлером отказалось принять во внимание рекомендацию палатина, повторно заявив, что «сей Хёдеси уже имел счастье насладиться щедростью этого фонда, где его старший сын обучался не один год, и необходимо, чтобы и другие семейства, прежде всего обедневшие (к каковым, полагают, указанный Хёдеси вряд ли может быть отнесен), также получили означенную милость». Не прислушалась канцелярия и к мнению советника барона Франца (Ференца) Коллера, рекомендовавшего зачислить в конвикт сына секретаря Ферлера — этнического немца, чей сын родился на территории Венгрии и на этом основании, доказывая Коллер, мог претендовать на стипендиальное место, закрепленное за венгерскими дворянами²¹⁹. Меньшинству пришлось согласиться с тем, что вторым пансионером стал барон Шандор Балашша, «лишенный как родителей, так и материальной поддержки»²²⁰. И все-таки упорный Хёдеси-старший сумел добиться своего: в 1763 г. его младший сын Шандор был принят в Лёвенбургский конвикт, где проучился два года.

Таким образом, за первое десятилетие своего существования фонд графа Лёвенбурга занял скромное, но достойное место в спектре учебных заведений, о которых знали и в которые всеми силами стремились попасть венгерские дворяне. Как и великолепный Терезианум, Лёвенбургский конвикт привлекал провинциальное дворянство не только качеством образования (и в особенности преподаванием на немецком языке), но и самой возможностью обучиться в имперской столице, где распределялись монаршие милости и предоставлялся шанс найти покровителя из числа сильных мира сего. Отношения «клиент — патрон» насквозь пронизывали венгерское общество, и само зачисление в престижную школу нередко зависело от сановных

покровителей, с которыми семья была связана традиционными, порой вековыми, узами личной преданности. Если родителям не удавалось пристроить сына в ту или иную престижную дворянскую школу, именно при посредничестве патрона молодой человек вступал во взрослую жизнь и начинал восхождение по служебной лестнице. Так, судьба братьев Хёдеси свидетельствует, что карьера мелкого дворянина была сопряжена с постоянным поиском покровителей. Старший, наверняка не без содействия отца, дослужившегося до должности председателя окружной судебной палаты, стал судейским чиновником в отцовском ведомстве²²¹, младший брат также занимал разные административные и судебные должности²²².

Можно с уверенностью констатировать, что для родителей учеба сыновей в Лёвенбургском конвикте, равно как и их зачисление в Терезианум, означали не меньшую удачу, чем для самих детей, ведь это был знак высочайшего расположения, подтверждения того, что служба отца, его верность, рвение и способности замечены на самом верху и сочтены достойными справедливого вознаграждения.

Желаемое и действительное

За первые десять-пятнадцать лет существования новых привилегированных учебных заведений в монархии Габсбургов произошли важные перемены во взаимоотношениях дворянского сообщества и государства по вопросам доступа к элитарному образованию, но и вскрылись проблемы, если не сказать просчеты, в недавно созданной системе.

Конкуренция за доступ к образованию

Прежде всего, стало очевидным желание венских кругов превратить стипендии и субсидии для обучения детей в лучших школах монархии в еще одну форму привлечения на свою сторону венгерского дворянства наряду с титулами, должностями и земельными пожалованиями. Одновременно австрийские власти сами создали парадоксальную ситуацию. С одной стороны, идеологи просвещенного абсолютизма считали, что основная масса венгерского дворянства малообразованна, чванлива, в глубине души нелояльна Вене, притом что органы центрального и местного управления едва ли не целиком находились в руках

представителей данного сословия. Обучение детей провинциальной элиты в имперской столице в духе личной преданности монарху и служения общему благу казалось наиболее простым способом заставить дворянство принять и выполнять программу реформ просвещенного абсолютизма. С другой стороны, австрийские власти без особого желания отдавали молодым венгерским дворянам государственные стипендии, ибо можно было бы наградить лояльного австрийского, чешского, итальянского придворного. В результате, начиная уже со второй половины 50-х годов XVIII в., Вена не упускала случая по своему усмотрению распорядиться стипендиями, которые по уставу предназначались венгерским дворянам.

Батасекские пансионеры, принятые в 1751 г., пробыли в Терезиануме вплоть до 1755 г., между тем число тех родителей, кого власти хотели поощрить, не уменьшалось. Оставалась Тайная казначейская касса. Из нее с 1752-го по 1755 г. оплачивалось, например, образование сына директора регистратуры Наместнического совета Ласло Баринаи (тоже Ласло²²³), который именно в те годы проводил реформу, призванную упростить и упорядочить работу этого ведомства²²⁴. В 1753 г. в коллегиум были приняты три брата Шплени — Янош, Михай и Йожеф (их старший брат Габор посещал Терезианум в 1751–1753 гг.) — сыновья и внуки видных военачальников, сражавшихся за династию во всех войнах конца XVII — первой половины XVIII в. Их дед Ласло Якаб Шплени в молодости освобождал Буду от османов (1686 г.), сражался под командованием Евгения Савойского на итальянском и германском фронтах в Войне за испанское наследство (1700–1713 гг.), в турецкую кампанию 1716–1718 гг. дошел до Белграда и Темешвара²²⁵. Сын Ласло Якаба и отец мальчиков — Габор Антал — в 16 лет поступил в отцовский полк, а во время Войны за польское наследство (1733–1735 гг.) на собственные средства снарядил гусарский полк (правда, это позволяли доходы с поместий, щедро пожалованных семейству Шплени благодарным императором Карлом VI). В 1735 г. Габору Анталу не только за личные заслуги, но и с учетом военных подвигов отца был пожалован баронский титул. Он умер в 1762 г. в возрасте 72 лет, оставив после себя 14 детей. Неудивительно, что Мария Терезия, благоволившая венгерскому дворянству, спасшему ей короны и земли в годы Войны за австрийское наследство, и в особенности таким венгерским военными династиями, как Шплени или Хадики, делала все, чтобы дети отцов, не на словах, а на деле не жалевших ни крови, ни

самой жизни за ее августейший дом, получили лучшее в монархии образование. Учеба братьев, судя по расходным казначейским книгам, оплачивалась из личных средств императрицы²²⁶.

К 1755 г. в ожидании батасекских вакансий образовалась своеобразная очередь из достойнейших претендентов. Так, высочайшая резолюция на представлении канцелярии от 22 июля 1754 г. гласила: «Во-первых — Баринаи, во-вторых — Реваи, в-третьих — Шплени, в-четвертых — Бобок»²²⁷. За время ожидания планы родителей, да и самого учащегося, могли радикально измениться. Например, когда в 1755 г. коллегииум покинул граф Миклош Драшкович и Мария Терезия дала соответствующие распоряжения Хаугвицу о приеме в Терезианум Ласло Баринаи, сам юноша, по примеру многих своих сверстников, уже решил посвятить себя военной карьере и на этом основании был переведен в Военную академию при Хаосовском фонде, где продолжил учебу за счет казны²²⁸.

Вскоре также выяснилось, что на место пятерых выпускников приняли всего четверых новых венгерских пансионеров, что прямо противоречило букве жалованной грамоты об учреждении Батасекского фонда. В их числе были братья Янош и Йожеф Шплени, бароны Зигберт Вечи (поступил в коллегииум в 1754 г.) и Ласло Реваи. Вечи ради армейской карьеры в 1756 г. оставил Терезианум, и его место было немедленно отдано сыну чиновника Наместнического совета Михая Бобока, тоже Михая. Последний дожидался этой милости три года. Еще в 1754 г. отец обратился в канцелярию с ходатайством. В нем, ссылаясь на «длительную верную службу», которую он августейшему величеству и ее священнейшему дому нес «с самой юности, вот уже сорок первый год с усердием и бескорытием», Бобок просил принять в венский Терезианский коллегииум младшего из пяти сыновей (а ведь у него было еще четыре дочери!), учащегося начальных классов незуитской гимназии в Пресбурге. Поскольку мальчик был еще слишком мал (ему было всего 11 лет), Бобок просил отсрочить его зачисление в коллегииум на три года, чтобы тот мог поступить в более старший класс, где преподавались юридические и экономические науки²²⁹. Это уникальный в своем роде случай, когда вознаграждение было отложено на столь долгий срок, но в конце концов Бобок-младший все-таки попал в престижную венскую школу.

Венгерская канцелярия, обеспокоенная тем, что у «венгерской нации» отняли одну по праву ей принадлежавшую стипендию, направила императрице тревожную ноту, в которой, в ча-

стности, говорилось: «Необходимо всего лишь, чтобы Ваше Священнейшее Величество соблаговолило приказать ректору означенного коллегиума предоставить Вашему Священнейшему Величеству сведения об именах и фамилиях венгерских юношей, откуда ясно следовало бы, на самом ли деле в поименованном фонде находится пятеро молодых венгров, как говорилось в милостивом распоряжении Вашего Священнейшего Величества, или вдруг появилось вакантное, причитающееся венгерской нации место»²³⁰.

С Лёвенбурговским конвиктом, открывшимся, напомним, в 1748 г., дела обстояли не лучше. Венгерские власти не имели никакого влияния на распределение стипендий, из которых половина законно причиталась их соотечественникам. Дошло до того, что на Государственном собрании 1751 г. в число жалоб «нации» государыне было включено требование отдавать половину стипендий в конvikте венгерским дворянам²³¹. В результате в свод законов Венгерского королевства была включена статья 21 от 1751 г., гласившая: «Ее Священнейшему Величеству, всем сердцем пекущейся о благе и процветании Венгрии, доставило особую радость, когда покойный граф Якаб Лёвенбург, желая позаботиться о воспитании учащейся молодежи и ее успехах в науках, для этих целей создал в Вене фонд и половину этого фонда предназначил для венгерского юношества, о чем выше поименованное Священнейшее Величество по праву верховного патроната будет заботиться, дабы намерение и воля основателя в точности соблюдались»²³².

В 1755 г. императрица особо распорядилась, чтобы две трети из шести тамошних стипендий выделялись венгерским дворянам, однако в 1757 г. в конvikте находилось лишь двое венгров — упомянутые выше П. Будаи и Й. Бардоши, а также некие Фромиллер и Велла. «Один родом из Каринтии, — говорилось в ноте, — другой — то ли итальянец, то ли испанец». В связи с лёвенбурговскими стипендиями канцелярия сходным образом просила: «Соблаговолите, по крайней мере, Ваше Священнейшее Величество, милостиво потребовать, чтобы в будущем месяце сентябре, когда, как сообщается, двое упомянутых юношей покинут стены поименованного заведения, на их место были приняты двое венгров и таким образом раз и навсегда, в соответствии с прилагаемой всемилостивейшей резолюцией, в фонде воспитывалось бы четверо молодых венгров, что точнее соответствовало бы замыслу основателя»²³³.

В ответ на эти ноты из Директории по делам управления и финансов последовал довольно равнодушный и не оставлявший надежды на простое решение проблемы ответ: «Что касается требования о приеме пятого пансионера от венгерской нации в Батасекский фонд, то от Венгерской канцелярии не могло укрыться, что в настоящее время в Терезианском коллегииуме нет никакого другого фонда, посему вакансии появятся не раньше конца учебного года»²³⁴. Но когда летом того же 1757 г. из коллегииума для поступления в армию (шла Семилетняя война) ушел 17-летний Михай Шплени и Венгерская канцелярия предложила австрийским властям на выбор сыновей барона Мозеша Реваи, ассессора окружной судебной палаты в Кёсеге, дворянина Яноша Сегеди или графа Гашпара Понграца, ни одна из кандидатур не была одобрена в Вене²³⁵.

В 1760 г. венгерский канцлер Миклош Палфи в связи с Терезианским коллегииумом и Лёвенбурговским конвиктом с грустью констатировал: «Ни я, ни всепокорнейшая сия канцелярия до сих пор не получили от поименованных ректоров точной информации, по которой мы могли бы доподлинно узнать, кто поименно в настоящее время содержится из средств двух выше-названных фондов, кто — как в том, так и в другом заведении — был принят и приступил к учебе, каковы их успехи и как долго они там еще будут находиться»²³⁶. Подобное отношение Вены к венгерским органам власти весьма показательным на фоне конфликта, обострившегося на заключительном этапе Семилетней войны. В это время Габсбурги особенно остро нуждались в деньгах, пишет Ф. Сабо, и если в начале войны прямой налог (контрибуция), ежегодно выплачиваемый Венгрией (4,3 млн гульденов), был сопоставим с долей Австрии (4,1 млн) и Чехии (5,9 млн) в общих расходах, то к началу 60-х годов в Австро-Чешских провинциях правительство стало все чаще прибегать к косвенным налогам и принудительным займам, в Венгрии же изменить сумму контрибуции без согласия Государственного собрания было невозможно. Именно тогда оппозиционно настроенный канцлер Липот Надашди был заменен на более лояльного Миклоша Палфи, при котором «добровольные кредиты» возросли в несколько раз²³⁷.

Возможно, напряженность во взаимоотношениях австрийских и венгерских властей по частному и довольно мелкому вопросу о стипендиальных квотах была отзвуком этого глобального и не имевшего в обозримом будущем компромиссного решения конфликта. Что касается низкой степени информированности

Венгерской канцелярии (находившейся, напомним, в имперской столице) о судьбе причитающихся «венгерской нации» стипендий, то это вновь представляется частным случаем общей тенденции, в особенности если экстраполировать на начало 60-х годов слова австрийского канцлера В. А. Кауница, сказанные в 1768 г., что Венгерскую канцелярию следует держать в неведении относительно всех важных направлений в политике, любых долгосрочных намерений двора, текущих стратегий и настроений вообще²³⁸.

Правда, в ответной ноте Директория заверила венгерские власти: «Что же касается обнаруженного неравенства пансионеров в Терезианском коллегииуме Общества Иисуса, субсидируемых из Батасекского фонда... то отцу ректору указанного коллегииума уже сообщено, что на место одного германского воспитанника, как только тот окончит курс наук, должен немедленно быть принят другой — от венгерской нации, а также в будущем на ректора возлагается обязанность ежегодно и своевременно в точности информировать господина венгерского королевского канцлера о численности венгерских пансионеров означенного Батасекского фонда, об их поведении и прилежании, о том, кто из них на будущий год покидает стены фонда»²³⁹. В 1761 г. на место австрийца Таубера в батасекские пансионеры был принят венгерский дворянин, сирота Антал Мадочани, прежде обучавшийся в Савойской академии. В ноябре того же года мальчик писал в письме к Ференцу Балашша, к тому времени уже преуспевающему чиновнику Наместнического совета, недавно возведенному в чин камергера: «Что же касается питания, скажу, что оно выше всяких похвал, обхождение и порядки — самые что ни на есть правильные, единственное, чего мне не хватает, усвоить их манеры и обычаи, и, наконец, я буду усердно заботиться о том, чтобы суметь оправдать ожидания и составленное обо мне мнение»²⁴⁰.

Не исключено, что Балашша, обласканный венскими придворными кругами еще в годы учебы, мог каким-то образом косвенно поспособствовать приему Антала в престижную школу. Сохранилось письмо от 11 октября 1759 г., в котором мальчик заверял, что его матушка «была бы глубочайше признательна, если бы могла встретиться со светлейшим господином бароном в Мотешнице, поскольку скопилось больше, чем нужно, дел, которые ей хотелось бы обсудить»²⁴¹. У Мадочани мог быть и другой покровитель — советник Наместнического совета Антал Брунsvик (подробнее об этом семействе речь пойдет в

Части II), который, по его собственным словам, с детских лет был дружен с покойным отцом мальчика²⁴².

Тем не менее при каждом удобном случае австрийские власти продолжали отдавать предназначенные венгерским дворянам стипендии чужеземцам, венгерским подданным иностранного происхождения (тем, что лишь недавно получили венгерский индигенат) и даже иноземцам на венгерской службе. В 1765 г. на освободившееся место из венгерской квоты в Лёвенбургском конвикте императрица распорядилась принять не рекомендованного канцелярией брата дворянина Иштвана Бороша, который уже третий год ждал подобной милости, но сироту Йозефа (Йожефа) Мора²⁴³, чей покойный отец — австрийский дворянин на венгерской службе по имени Феликс Мор — служил советником Венгерской казенной палаты²⁴⁴. Есть основания полагать, что за мальчика похлопотал его крестный отец — советник Венгерской канцелярии Антон (Антал) Котман, также этнический немец на венгерской службе, пользовавшийся расположением двора и высоким доверием канцлера Кауница²⁴⁵.

Не прошло и трех недель, как канцлер Ференц Эстерхази в довольно резкой ноте поставил венским властям на вид: не следует отдавать те немногочисленные стипендии, что зарезервированы для венгерских дворян, служащих венской (!) Придворной казенной палаты. Далее на том основании, что «сей Мор никак не является венгерским дворянином и уж тем более не имеет венгерского индигената», канцлер, во-первых, потребовал неукоснительного соблюдения установленной нормы: половина пансионеров должна быть венграми, а во-вторых, «венгерская нация» в качестве компенсации должна получить обратно одну лёвенбургскую вакансию. Мария Терезия, изучив документ, наложила как бы извиняющуюся резолюцию: «Согласна, хотя я думала, что этот Мор — венгр»²⁴⁶. В данном случае формально государыня была права, поскольку означенный чиновник действительно служил в венгерском правительственном органе, канцлер же мог ошибаться, считая его регистратором Придворной казенной палаты (находившейся в Вене, как и Венгерская канцелярия) Леопольдом Мором.

Венгерский историк З. Фалленбюхль настаивает на том, что этнические немцы и этнические венгры (при известной размытости этого понятия в раннее Новое время) мирно уживались и плодотворно сотрудничали в стенах Венгерской казенной палаты, поскольку большинство этих немцев скорее можно на-

звать венграми немецкого происхождения: они свободно владели венгерским, были тесно инкорпорированы в местные сословные институты, будь то дворянство или городской патрициат. Враждебность и отчуждение в венгерской среде зарождались в том случае, когда немцы оказывались ставленниками венских властей, проводниками интересов австрийского абсолютизма²⁴⁷. Возможно, сын покойного Феликса Мора, Йозеф, оказался жертвой предубеждений против тех, кто не успел, не сумел или не захотел обрести в Венгрии вторую родину и стать «своим» для венгерских коллег. Или же венгерский канцлер лучше знал чиновников, проживавших в Вене, чем тех, что служили в Пресбурге.

Не оспаривая справедливости выводов Фалленбюхля, отметим, что конфликт вокруг кандидатуры Йозефа Мора и тому подобные разногласия между венгерскими и австрийскими властями (или их представителями) показывают, что в тех случаях, когда венгры и немцы конкурировали за те или иные ресурсы, например доступ к образованию, этническая принадлежность, которой в повседневной жизни могло не придаваться значения, начинала играть решающую роль. Не случайно советники Венгерской канцелярии или Казенной палаты из числа этнических немцев, заручившись поддержкой двора, при каждом удобном случае продвигали на престижные стипендии кандидатов с немецкими именами, и в этом контексте негативная реакция венгерских властей может рассматриваться как попытка установить справедливые условия конкурентной борьбы. Конечно же, и после описанного случая нарушения продолжались (подробнее см. главу «Никаких особых заслуг перед Венгрией»). Одной из причин такой практики может быть то обстоятельство, что венскому двору было все-таки привычнее и проще вознаграждать за уже имеющиеся заслуги угодных себе, чем возвращать лояльных подданных из того самого венгерского дворянства, чьи нравы должны были рафинировать вновь создаваемые фонды.

Хотя разногласия между венгерскими и австрийскими властями по вопросу о распределении стипендий занимали маргинальное место во взаимоотношениях Венгерского королевства с Веней, они отразили некоторые особенности и закономерности формирования венгерского национального сознания. Что понимали чиновники канцелярии под «венгерской нацией» (*patio Hungarica*)? В данном контексте, несомненно, венгерский господствующий класс вне зависимости от его этнической при-

надлежности, поскольку, говоря о населении в целом, современники предпочитали термин «венгры» (*gens Hungara*). Такие представления принято называть донациональными, поскольку в них этнической категорией обозначались, по сути, социальные и территориальные общности. Но без долгой донациональной предыстории употребления понятия «нация» в контекстах, подобных описанным выше, венгерская буржуазная нация вряд ли овладела бы умением использовать букву закона для защиты своих интересов в австро-венгерских конфликтах XIX в.

Можно сказать, что в протестах чиновников венгерской канцелярии по достаточно второстепенному вопросу о стипендиальных квотах отразились представления политической элиты о патриотизме, суверенных правах нации и принципах взаимоотношений с имперским центром. Поскольку архив венгерской канцелярии был не складом ненужных бумаг, а своеобразной копилкой прецедентов, на которые ссылались последующие поколения чиновников, не возникает сомнений в том, что в XIX в. опыт прошлого был востребован.

Военные и статские

Нельзя ли будет найти случая втереться в штат которого-нибудь из главнокомандующих областных для письменных дел, и не можешь ли ты для меня это сделать? Я стал бы работать душой и телом. Впрочем, и во фронт идти не откажусь, если нужно будет идти, хотя за способности свои в этом случае не отвечаю.

Из письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу

Долго колебался я между родом службы, который бы мне избрать... Ваши советы решили сомнения мои, и я предоставляю другим срывать лавры на ратном [поприще] и решительно избираю статскую, как более сходную с моими способностями, образом мысли, здоровьем и состоянием, и надеюсь, что так могу быть более полезным.

Из письма А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову

Второй, непредвиденной (до известной степени) проблемой можно считать выбор жизненного пути выпускниками привилегированных школ. Их взращивали прежде всего для государственной, а уже потом для военной службы, о чем свидетельствует список предметов — камеральные науки, право, иностранные

языки. В учебнике делового стиля, который в 1751 г. специально для воспитанников Терезианума составил Й. Г. Г. Юсти, приводился пример ходатайства о зачислении выпускника в практиканты по финансовому ведомству. Там есть такие строки: «Имею довести до сведения Вашего императорско-королевского Величества, что я завершил курс наук в Терезианском коллегиуме, где достиг особого совершенства в экономических и камеральных науках». И далее: «Мое верноподданнейшее желание заключается в том, чтобы, будучи зачисленным в практиканты в одно из Ваших ведомств, суметь лучше подготовиться к службе Вашему Величеству и накопить необходимые для этого познания в делах»²⁴⁸.

Однако привлекательность чиновничьей карьеры, социальный престиж «статского» были пока несравнимы с ореолом, окружавшим армейскую службу. Офицерами стали первые венгерские воспитанники Терезианского коллегиума — Йозеф Ницки и Андраш Берени, в Военную академию при Хаосовском фонде перевелся сначала Адальберт Недецкий, а затем, как говорилось выше, Ласло Баринаи. По окончании коллегиума в армию, в кавалерийский полк Ференца Надашди, брата своего опекуна — венгерского канцлера, поступил граф Миклош Драшкович — отпрыск хорватско-венгерского рода, прославившегося в веках воинскими подвигами. Он погиб в Семилетнюю войну, а его однокласснику барону Зигберту Вечеи, который также в 1756 г. сменил гражданское платье на военную форму, посчастливилось выжить и дослужиться до генерал-лейтенанта. Офицерами стали Михай Бобок, Антал Мадочани²⁴⁹, Ференц Телеки²⁵⁰ и др. Случайность это или закономерность?

В многодетных аристократических и дворянских семьях сыновья выбирали (сами или по совету родителей) разные сферы приложения собственных талантов: один сын поступал на службу в армию, другой мог стать священником, третий — занимал тот или иной пост (в зависимости от знатности рода и семейных традиций) в администрации или суде. Из четырех братьев Колоничей трое (Карл Йозеф, Сигизмунд и Йозеф) дослужились в имперской армии до генерал-лейтенантов, четвертый же, Ладислаус, посвятил себя духовной карьере и со временем стал калочайским²⁵¹ архиепископом. Другой пример: из шестерых братьев Шплени трое — Ласло, Габор и Михай — пошли по стопам отца и деда. Ласло и Михай вышли в отставку в чине полковника. Наиболее впечатляющих успехов на армейском поприще добился Габор: проучившись два года в Терезиа-

нуме, он поступил в отцовский полк кадетом, отважно сражался на фронтах Семилетней войны, в 1765 г. был произведен в майоры, в 1768-м получил звание полковника, в 1785 г. — генерал-лейтенанта. Он участвовал в австро-русско-турецкой войне 1787–1790 гг., в годы наполеоновских войн командовал рейнским фронтом и, уйдя в отставку, умер в своем имении в 1818 г. в возрасте 84 лет.

Третий по старшинству брат, Ференц Шплени, вступил в Общество Иисуса, преподавал в венском Пазманеуме и Терезиануме, к моменту роспуска ордена возглавлял конгрегацию и королевский конвикт в Трнаве, в 1776 г. был назначен эстергомским каноником и окончил жизнь в сане вацского епископа. Четвертый брат, Янош, начинал как военный, но после смерти отца вышел в отставку в чине капитана. Он служил в администрации присоединенной к монархии Габсбургов после раздела Речи Посполитой (1772 г.) провинции Галиция, затем стал председателем окружной судебной палаты Затисского округа. Наконец, самый младший брат, Йозеф (он, кстати, проучился в Терезиануме дольше своих братьев, с 1753-го по 1764 г.), сделал успешную бюрократическую карьеру: служил советником в Венгерской казенной палате, горячо поддержал реформы Иосифа II, в период введения укрупненных административных округов получил должность королевского комиссара в Пече. Он сменил на этом посту другого выпускника Терезианума, графа Ференца Сечени, который счел для себя невозможным и далее демонстрировать явную лояльность двору в условиях углубляющегося конфликта между страной и императором. Одновременно с Йозефом Шплени окружными комиссарами были выпускники Терезианума разных лет — Йозеф Халлер, Ференц Балашша и Габор Дёри.

Другой характерный пример: барон Йозеф Вечи почти двадцать лет прослужил в казначейских ведомствах: с 1752-го по 1766 г. советником Сепешской казенной палаты, а с 1766-го до самой своей смерти, последовавшей в 1771 г., администратором казенных имений. В соответствии с корпоративной этикой и практикой того времени власти брали на себя заботы о сиротах покойного королевского служащего. В представлении вице-президента Венгерской казенной палаты графа Пала Фештетича от 11 декабря 1772 г. говорилось, что из четверых детей Йозефа Вечи «двое уже пристроены, а именно: один в духовное, другой — в военное сословие, а остальные двое — Ференц и Игнац, пока обучаются в дворянском конвикте в Трнаве»²⁵².

Мелкие дворянские роды старались по мере возможностей придерживаться той же стратегии. Так, в семействе Добаи старшего сына, Жигмонда (обучавшегося, напомним, в Терезиануме с 1752-го по 1755 г.), решили готовить к чиновничьей карьере, другого — Тамаша — к военной. В 1760 г., как только в Вене была создана венгерская дворянская лейб-гвардия, отец добился от родного комитата Шарош рекомендации о приеме юноши в гвардейцы. Однако через два года службы в имперской столице молодой человек, прихватив с собой амуницию, скрылся в неизвестном направлении. Поиски дезертира по всем комитатам не дали результатов, а через месяц пришло письмо, в котором тот обещал вернуть дорогостоящую гвардейскую форму и амуницию, однако, пишет автор биографического справочника по венгерским лейб-гвардейцам К. Хеллебронт, от него больше не поступило никаких известий²⁵³. О том, как сложились судьбы братьев Добаи, можно узнать из письма Жигмонда от 18 июля 1785 г. к своему бывшему однокашнику по Терезиануму, а теперь влиятельнейшему царедворцу графу Ференцу Балашша. Поздравляя его сиятельство с назначением хорватским баном, Добаи спешил сообщить, что вместе с Тамашем служит в гусарском полку, расквартированном в Пожеге, и просил принять во внимание бедственное финансовое положение брата²⁵⁴. То есть оба брата Добаи в конце концов нашли себя на воинском поприще.

Популярность военной службы в среде воспитанников привилегированных учебных заведений прежде всего объясняется неразрывной связью между дворянским статусом и ношением оружия. Не случайно в дворянских академиях раннего Нового времени, даже если они готовили благородное юношество к конкуренции с простолюдинами на чиновничьем или судебском поприще, особое место занимали именно дворянские упражнения. В памяти многих были свежи воспоминания о венской сословной академии, готовившей главным образом — и даже прежде всего — армейских офицеров. Как неоднократно говорилось выше, свою роль сыграла и Семилетняя война, ведь многие воспитанники уходили на фронт чуть ли не со школьной скамьи. Уместно в данном контексте вспомнить рассуждения лицеиста Горчакова в 1816 г.: «Без сомнения, если бы встретились обстоятельства, подобные тем, кои ознаменовали 12-й год, тогда, по крайней мере по моему мнению, каждый, чувствующий в себе хотя бы малую склонность к военной [службе], должен посвятить себя оной, и тогда бы, хотя и не без сожаления, променял перо на шпагу»²⁵⁵.

Для родителей отдать сына в армию становилось порой простым решением. Йозеф Бардоши, в свое время по протекции канцлера Липота Надашди зачисленный в Лёвенбургский конвикт, окончив учебу в Вене, поступил в услужение к брату канцлера — Ференцу. Граф владел кавалерийским полком, и юноша, привлеченный, как многие сверстники, красотой ли гусарской формы, жаждой ли свершения ратных подвигов, в 1758 г., в разгар Семилетней войны, записался в полк Надашди, чем немало взволновал родителей. В письме к генералу отец умолял не направлять новобранца на передовую, ведь у него нет никакого боевого опыта, тем более что в полку немало хорватов, и юноша даже не сможет понять команд старшего офицера. У четы Бардоши было всего два сына, причем один из них — священник. Теперь, сокрушался отец, если сын-офицер падет в бою, род Бардоши пресечется²⁵⁶.

И все-таки армейская карьера оставалась универсальным и приличествующим дворянину средством сопряженного с риском, но быстрого достижения успеха. Венгерский военный историк Й. Захар подсчитал, что с 1693 по 1815 г. страна находилась в состоянии войны 87 лет. В таких условиях армии постоянно требовались честолюбивые молодые люди, готовые идти в бой ради воинской славы и сопутствующего ей повышения по службе, тем более что габсбургская армия открывала невиданные в мирных профессиях возможности социального роста. В XVIII в. даже сыновья аристократов начинали службу прапорщиками, постепенно восходя к высшим офицерским званиям. По подсчетам Захара, в вышеназванный период из 1 289 полковников императорско-королевской армии 550 человек (42,67 %) были мелкими, преимущественно безземельными дворянами, для которых военная служба оказывалась едва ли не единственным доступным источником дохода. Недворяне в армии имели все шансы дослужиться до полковника и даже генерала, получив при этом дворянский, а в дальнейшем (не исключено) баронский и графский титул. Каждый пятый венгерский генерал, подсчитал историк, был недворянского происхождения²⁵⁷.

Наконец, карьера военного не закрывала возможности в любой момент выйти в отставку и попытаться найти себе применение в мирной жизни. В архиве хорватского бана Ференца Надашди сохранились письма от краинского графа Марии Непомука Энгельхауса, состоявшего с ним в отдаленном родстве по материнской линии. Младший сын, он не мог рассчитывать на долю в семейном майорате и искренне надеялся, что теоре-

тические и практические знания, полученные в венском Терезиануме, пригодятся ему при поступлении на службу. В надежде получить офицерскую должность молодой человек писал: «Чтобы быть адъютантом, я довольно прилично считаю и почерк у меня весьма беглый, а что касается юриспруденции, которую я изучал в течение трех лет и получал хорошие оценки, то дайте мне недели две, и я все освежу в памяти, так что и помощи никакой не понадобится»²³⁸. Однако граф не стал делать для юноши исключения и принял его на общих основаниях всего лишь прапорщиком. Напрасно граф Энгельхаус осыпал своего благодетеля слезными письмами, жалуясь, что который год ждет присвоения очередного воинского звания, что за это время он женился и у него родилась дочь, что расходы его непомерно возросли и скудное жалование никак их не покрывает. Последнее письмо от 2 февраля 1778 г. заканчивалось обещанием подать в отставку и попытать счастья на гражданском поприще. Судя по тому, что больше писем от Энгельхауса не поступало, так тот и сделал²³⁹.

Уникальная возможность сочетать военную службу с придворной жизнью открылась для венгерских дворян в 1760 г., когда в Вене была создана венгерская дворянская лейб-гвардия. Семьдесят дворянских юношей, рекомендованных родными комитатами и утвержденных лично императрицей, попадали в имперскую столицу, где им вверялась охрана и сопровождение государыни. В их число в первую очередь попадали дети комитатских вице-ишпанов, исправников, ассессоров и т. п. С одной стороны, такие семьи пользовались уважением и обладали влиянием на местах, а с другой, именно эту социальную группу австрийские власти надеялись напитать «более здоровыми принципами и нравами», чтобы через данный социальный слой попытаться повлиять на венгерскую политическую культуру в целом. Доступ в гвардию протестантам был открыт не только на бумаге (как это имело место и в случае Терезианума), но и на практике. Таким образом, в эпоху, когда принадлежность к католической церкви или обращение в католицизм были одним из условий успешной карьеры, молодым венгерским протестантам вверялась защита самой августейшей особы. Три-пять лет вблизи одного из блестящих европейских дворов должны были оказать положительное воздействие на сыновей провинциальной дворянской элиты. По истечении срока службы молодым людям предлагалось выбрать между военной службой в каком-нибудь венгерском полку в чине не ниже лейтенанта и

карьерой чиновника в органах или центральной, или местной власти²⁶⁰.

В свободное от караулов и разъездов время гвардейцам преподавались дворянские упражнения, военные науки, иностранные языки. Поначалу, пока для венгерской лейб-гвардии не возвели собственную казарму, юноши проживали неподалеку от Фавориты, и им не возбранялось посещать лекции в Терезианском коллегиуме. Споры о том, каким образом — и стоит ли — совмещать службу с учебой, велись постоянно. Венгерские власти резонно полагали, что пребывание в имперской столице молодые люди должны использовать для повышения своего образовательного уровня, чтобы по возвращении домой приносить пользу государю и отечеству. При дворе на подобные устремления смотрели порой с плохо скрываемым недоумением. На шестнадцатом году существования гвардии Й. Й. Кевенхюллер презрительно отзывался о намерении нанять юношам новых учителей: «Смехотворный проект про всех этих наставников был бы хорош в какой-нибудь академии, но для тех, кто ежемесячно выезжает в Пресбург, еженедельно — в Шёнбрунн и Лаксембург и ежедневно стоит на часах в Хофбурге, этот проект бессмыслен, не говоря уже о годящейся лишь для мальчишек манере преподавания... а мальчишкам не доверяют охранять ее величество»²⁶¹. Однако возобладали сторонники (по мере сил) гармоничного совмещения обязанностей солдата и студента. Можно сказать, что венгерская лейб-гвардия, не будучи тождественной ни пажескому корпусу, ни рыцарской академии, удачно сочетала лучшее, что было в этих институтах.

Историей лейб-гвардии в венгерской науке занимались, главным образом, военные историки и литературоведы. Первых закономерно интересовали обстоятельства ее создания, порядок функционирования, принципы финансирования, послужные списки гвардейских офицеров, связь между гвардией и действующей армией. Упомянутый выше биографический справочник К. Хеллебронта содержит краткие сведения обо всех гвардейцах и мог бы послужить уникальной базой данных для просопографических исследований, но, к сожалению, редко используется в трудах по социальной и культурной истории. В центре внимания литературоведов лейб-гвардия оказалась благодаря тому обстоятельству, что родоначальник венгерской литературы Нового времени Дёрдь Бешенеи начинал свою литературную деятельность, будучи гвардейцем. Более того, со своими единомышленниками он создал кружок, члены которого ставили себе

целью изучение и распространение на родине французской литературы, философии, культуры²⁶². Несмотря на то что деятельность кружка, казалось бы, опровергала утверждения о гвардии как инструменте приручения и германизации венгерского провинциального дворянства, подобные взгляды были нередки в исторической литературе второй половины XIX — первой половины XX в.²⁶³

Более взвешенной представляется точка зрения военного историка Я. Иллеша, называвшего венгерскую лейб-гвардию «высшей школой управления и утонченной культуры» и отмечавшего роль этого института в приобщении венгерского дворянства к достижениям западноевропейской учености и преодолении былого недоверия между страной и династией²⁶⁴. Подобно расположенным в имперской столице дворянским коллегиям, академиям, конвиктам, лейб-гвардия позволяла венгерским дворянам если не качественно изменить, то, по крайней мере, улучшить свой социальный статус. Похоже, родители не всегда видели разницу между гвардией и тем или иным школьным фондом. И то и другое давало возможность выбиться в люди на стороне или, вернувшись в родные края, претендовать на доходную и уважаемую должность. Сравнение списка венгров-пансионеров венских учебных заведений со списком венгерских лейб-гвардейцев дает ряд неслучайных совпадений.

В первые годы своего существования, когда социальный профиль и функции нового подразделения были не вполне ясны, некоторые аристократы поспешили (на всякий случай) записать туда своих сыновей, чтобы обеспечить им желанную близость ко двору. Например, в 1760 г. 19-летний граф Жигмонд Зичи, недавно окончивший учебу в венском Терезиануме, отправился в гвардейскую казарму. Три года из своей долгой воинской службы отдал лейб-гвардии выпускник Терезианума Михай Бобок²⁶⁵. Есть основания полагать, что по окончании Терезианума в гвардию поступил Антал Мадочани²⁶⁶. Один из младших сыновей Кароя Недечки, Игнац, также удостоился чести быть принятым в королевские гвардейцы²⁶⁷.

Не меньшей популярностью пользовалась гвардия среди выпускников Лёвенбурговского конвикта. Пал Будаи, прослужив четыре года кадетом в пехотном полку, был принят в гвардию и посвятил ей 10 лет жизни. Кстати, одновременно в гвардейцах числился его троюродный брат Ласло Будаи, который после выхода в отставку получил в 1769 г. должность главного исправника в комитате Бихар, а впоследствии стал вице-иш-

паном комитата Унг²⁶⁸. Удивительна судьба Пала Рошти из комитата Ваш. Прослужив в венгерской лейб-гвардии пять лет, молодой человек продолжил военную службу в кавалерийском полку в звании старшего лейтенанта. Через много лет после выхода в отставку, в 1791 г., Рошти был привлечен к суду по обвинению в причастности к заговору Игнаца Мартиновича (также известному как «заговор венгерских якобинцев») — при обыске у него обнаружили запрещенную литературу. Возможно, он получил ее от родного брата Яноша, монаха-бенедиктинца и члена общества Мартиновича. Проведя в тюрьме год, Пал вышел на свободу и позднее получил должность судьи в родном комитате²⁶⁹.

Новые учебные заведения, появившиеся в монархии Габсбургов в 50-е — начале 60-х годов XVIII в., не были частью продуманного плана, однако каждый шаг, связанный с созданием и управлением школами для дворян, во избежание ошибок обдумывался и взвешивался. Власти, по всей вероятности, не имели ясной стратегии, как воспитать дворянское юношество для полезной государю и государству службы, поэтому сделали ставку на богатый педагогический опыт обучающихся религиозных орденов — иезуитов и пиаристов. При открытии в 1746 г. первого учебного заведения, которому было присвоено имя Марии Терезии, ближнее окружение императрицы не могло дать уверенный прогноз, насколько удачным окажется это начинание; и первые полтора десятилетия показали, сколь противоречивы были цели ордена иезуитов (даже наиболее чуткой ко всему новому его части) и идеологов просвещенного абсолютизма. Пожалуй, суть конфликта можно было бы охарактеризовать так: «Ни с иезуитами, ни без иезуитов». Для рассмотренного выше периода еще вряд ли применим термин «новая система привилегированных учебных заведений», — блестящий Терезианум и скромный конвикт Лёвенбурга роднило прежде всего то, что они располагались в Вене.

В то же время уже вполне обоснованно можно говорить о системе требований, предъявлявшихся к сонскателям, формальных критериях отбора, объявленных властями, и стандартном наборе причин и мотивов, усвоенных самим дворянством. Стремление венского двора к социальному контролю над венгерской политической элитой путем регулирования доступа к бесплатному образованию ярко проявлялось в установлении прямой зависимости между верностью, полезными службами, с одной стороны, и императорско-королевскими милостями — с другой. К началу 1760-х годов стало очевидным, что прибли-

женная ко двору венгерская аристократия ее мелкодворянская клиентела чутко уловили новые тенденции и с завидным прагматизмом включились в борьбу за заветные королевские стипендии. Как уже отмечалось выше, множественность систем патроната (венгерский канцлер, влиятельные венгерские епископы, видные австрийские сановники и т. п.) приводила к тому, что в каждом конкретном случае присуждение стипендии нередко зависело от стечения обстоятельств. И все-таки мало кто из родителей получил означенную стипендию или вспомоществование для обучения своего сына по случайности, не имея на то формально никаких оснований.

Высокий конкурс между служилыми дворянами на стипендиальные места и имена представителей знатнейших семейств монархии в списках платных воспитанников свидетельствовали о том, что венские привилегированные школы ждало большое будущее. Приведенные выше примеры убеждают в том, что возможность дать своим детям образование за счет казны выпадала тем, кого таким образом в Вене рассчитывали вознаградить за многолетнюю верную службу. В то же время, понимая, какую роль в венгерских комитатах играют дворянские семейства, веками занимавшие ключевые должности в местной администрации, австрийские власти, по-видимому, надеялись, что, привив их детям новые, «правильные» взгляды на принципы государственного управления, получат со временем когорту просвещенных бюрократов в святая святых сопротивления реформам — среде мелкого и среднего провинциального дворянства.

Очевидно, что за риторическими рассуждениями большинства родителей о том, что они хотят «напитать своего сына полезными знаниями», стоял прагматический расчет: пусть ребенок окажется в столице, вблизи двора, а там будет видно. Сходным образом должны были рассуждать средневековые рыцари, отправляя детей в пажы к своим сюзеренам. Однако в этом смысле роль прежних дворянских школ как учебных центров оказывалась вторичной по отношению к функции социализации новых поколений политической элиты. Теперь же властям предстояло добиться, чтобы частные устремления каждого отдельного родителя, помноженные на все ужесточившиеся требования к уровню профессиональной подготовки претендентов на должности в аппарате управления, дали в результате новую систему воспитания и образования дворянского сословия. Систему, в которой свидетельство об окончании специаль-

ного учебного заведения станет не достаточным, но необходимым условием успешной карьеры. Эти цели были отчасти реализованы в 60-е — начале 70-х годов XVIII в.

Примечания

¹ *Motley M.* Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton (NJ), 1990. P. 68–122.

² *Conrads N.* Ritterakademien der frühen Neuzeit. Bildung als Standesprivileg im 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen, 1982. S. 22–39.

³ *MacHardy K. J.* Cultural Capital, Family Strategies and Noble Identity in Early Modern Habsburg Austria, 1579–1620 // Past and Present. 1999. № 163. P. 67.

⁴ Цит. по: *MacHardy K. J.* Op. cit. P. 44.

⁵ *Gecsényi L.* Magyar diákok a bécsi tartományi iskolában a 16. század második felében // TSz. 1992. 34. évf. 1–2. sz. 95–106. old.

⁶ *Klingenstein G.* Der Aufstieg des Hauses Kaunitz. Studien zur Herkunft und Bildung des Staatskanzlers Wenzel Anton. Göttingen, 1975. S. 141.

⁷ *Heiss G.* Standeserziehung und Schulunterricht. Zur Bildung des niederösterreichischen Adelligen in der frühen Neuzeit // «Der ganzen Welt ein Lob und Spiegel»: Das Fürstenhaus Liechtenstein in der frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Oberhammer. Wien; München, 1990. S. 155–181.

⁸ *Winkelbauer T.* Fürst und Fürstendiener. Gundaker von Liechtenstein, ein österreichischer Aristokrat des konfessionellen Zeitalters. Wien; München, 1999. S. 207.

⁹ Обер-штальмейстер — придворная церемониальная должность.

¹⁰ *Bernard P.* From the Enlightenment to the Police State. The Public Life of Johann Anton Pergen. Chicago, 1991.

¹¹ *Schwarz J.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie in Wien vom Jahre 1746 bis 1778. Wien, 1897. S. 101–109.

¹² *Klingenstein G.* Op. cit. S. 139.

¹³ *Fináczy E.* A magyarországi közoktatás története Mária Terézia korában. Bp., 1899. 1. köt. 111–117. old.

¹⁴ Методическое руководство для Австрийской провинции, куда входила и Венгрия, см.: *Molindes.* Instructio privata seu Typus cursus anni, pro sex humanioribus classibus in usum magistrorum Societatis Jesu editus. Tyrnavie, 1735.

¹⁵ *Fináczy E.* Op. cit. 1. köt. 106–107. old.

¹⁶ *Fazekas I.* A bécsi Pazmaneum magyarországi hallgatói, 1623–1918 (1951). Вр., 2003.

¹⁷ Матрикулы Венского университета на сегодняшний день изданы по 1715 г. включительно. См.: *Die Matrikel der Universität Wien. Im Auftrag des Akademischen Senats herausgegeben vom Archiv Universität Wien. Bd. IV. 1689/90–1714/15 / Bearbeitet von K. Mühlberger, W. Schuster. Wien; Köln; Weimar, 1993.* Имена студентов из Венгерского королевства в Венском университете для периода с 1715 по 1789 г. опубликованы венгерскими историками. См.: *Kiss J. M. Magyarországi diákok a bécsi egyetemen, 1715–1789. Вр., 2000.*

¹⁸ *Pálffy G.* A magyar nemesség bécsi integrációjának színterei a 16–17. században // *Tanulmányok Szakály Ferenc emlékére / Szerk. Fodor P., Pálffy G., Tóth I. Gy. Вр., 2002. 324–325. old.*

¹⁹ Венгерское название этого города — Надьсомбат (*Nagyszombat*) — неизвестно за пределами Венгрии, немецкий вариант Тырнау (*Tyrnau*), бытовавший в дореволюционной России, представляется анахронизмом, поэтому здесь и далее используется современное словацкое имя, имеющее также латинский аналог *Tyrnavia*, под которым город и находящийся в нем университет знали в Европе Нового времени.

²⁰ Кашша — совр. Кошице в Словакии.

²¹ См., например: *Bitskey I. Katholische Erneuerung im europäischen Kontext: Der Fall Oberungarns im 17. Jahrhundert // The First Millennium of Hungary in Europe / Eds. Papp K., Barta J. Debrecen, 2002. S. 349–364.* См. также интересный опыт З. Фалленбюхля по составлению переписи студентов 22 учебных заведений Венгрии за 1738/39 учебный год: *Fallenbüchl Z. Az 1738/39 évi országos diákösseírás. Вр., 1985.*

²² Матрикулы Трнавского университета на сегодняшний день изданы только до 1701 г. См.: *Zsoldos A. Matricula Universitatis Tyrnaviensis, 1635–1701 (A Nagyszombati egyetem anyakönyve, 1635–1701). Вр., 1991.* Список слушателей Трнавского университета, получивших ученую степень, см.: *Bognár K., Kiss J. M., Varga J. A Nagyszombati Egyetem fokozatot szerzett hallgatói, 1635–1777. Вр., 2002.*

²³ Форинт — венгерское название флорина, сокращенно — фт.

²⁴ *Eckhart F.* A jog- és államtudományi kar története, 1667–1935. Вр., 1936. 6–8. old.

²⁵ *Husztly I.* Jurisprudentia practica seu commentarius novus in jus Hungaricum. Libri III. Tyrnavie, 1766.

²⁶ MOL. P. 259. Festetics Pálné Levéltára. 1. d. Festetics József levelei. Письмо от 15.XI.1776.

²⁷ *Szentpétery I.* A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935. 127. old.

²⁸ *Fischel A.* Christian Julius Schierl von Schierendorff, ein Vorläufer des liberalen Zentralismus im Zeitalter Josepfs I. und Karls VI. // *Studien zur österr. Reichsgeschichte.* Wien, 1906. S. 303–304.

²⁹ Брюнн — совр. Брно в Чехии

³⁰ Ольмюц — совр. Оломоуц в Чехии.

³¹ *Klingenstein G.* Op. cit. S. 131–132.

³² *Mayer A.* Die ständische Akademie in Wien // *Blätter des Vereins für Landeskunde von Nieder Österreich.* Wien, 1888. Jg. 22. S. 317–352.

³³ *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984. S. 56.

³⁴ Лигниц — совр. Легница в Польше.

³⁵ *Wendt G.* Geschichte der königlichen Ritter-Akademie zu Liegnitz. Teil 1. 1708–1840. Liegnitz, 1893; *Pfudel E.* Die Geschichte der Königl. Ritter-Akademie zu Liegnitz. Faks.-Nachdr. des Sonderheft 1908. Hofheim/Taunus, 1994.

³⁶ СЖН. Вр., 1899. 1526–1608. évi törvényczikkek. P. 226–227.

³⁷ См.: *Ibid.* P. 266–267; 1657–1740. évi tc. P. 500–501, 628–629, 672–673.

³⁸ *Кобеко Д. Ф.* Императорский Царскосельский лицей. Навстанники и питомцы, 1811–1843. СПб., 1911. С. 12–13.

³⁹ *Károlyi Á.* Nemesi akadémia terve a múlt század első feléből // *Sz.* 1884. 1–20. old.

⁴⁰ Фелторонь — совр. Хальбтурн в Австрии.

⁴¹ В 1769 г. доходы аббатства св. Елены в Фельдваре были переданы Трнавскому университету, и таким образом этот церковный бенефиций все-таки оказался связан с системой образования Венгерского королевства.

⁴² *Károlyi B.* Op. cit. 20. old.

⁴³ *Kail O.* Ritterakademien im Rahmen adeliger Standeserziehung. Ein Aufriß ihrer Entwicklungs- und Bildungsgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der benediktinischen Ritterakademie im Stift Kremsmünster. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg. 1990. S. 223–255 (рукопись).

⁴⁴ Гульден — немецкое название флорина.

⁴⁵ Текст договора о продаже Фавориты за 30 тыс. гульденов отцам-иезуитам Австрийской провинции см., например: НКА. Österreichische Gedenkbücher. № 275. 1746. S. 195–197.

⁴⁶ *Vocelka K.* Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001. S. 244.

⁴⁷ Очерк истории Терезианума см.: *Igálffy-Igály L.* Das Theresianum — seine Wandlungen zu Lebzeiten seiner Stifterin // Maria Theresia und ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todesstages / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980. S. 239–250.

⁴⁸ Entwurf des Königlichen Collegii Theresiani unter dem glorreichsten Schutz und allergnädigsten Befehl Ihro kayserlich- und königlichen Majestät Mariae Theresiae Römischen Kayserin... zu Erziehung der adelichen Jugend unter der Obsorg Patrum Societatis Jesu in Wien im Jahr 1746. errichtet. Wien, 1746.

⁴⁹ WD. 1750. № 46.

⁵⁰ *Schwarz J.* Die niederen und höheren Studien an der k. k. Theresianischen Akademie in Wien. Teil I // Jahresbericht über das Gymnasium an der k. k. Theresianischen Akademie. Wien, 1903. S. 2–11.

⁵¹ *Cicalek Th.* Beiträge zur Geschichte des Theresianums. Wien, 1872. S. 33–39.

⁵² *Klingenstein G.* Bildungskrise: Gymnasien und Universitäten im Spannungsfeld theresianischer Aufklärung // Maria Theresia und ihre Zeit... S. 215–216.

⁵³ *Klingenstein G.* Despotismus und Wissenschaft. Zur Kritik norddeutscher Aufklärer an der österreichischen Universität 1750–1790 // Formen der europäischen Aufklärung. Untersuchungen zur Situation von Christentum, Bildung und Wissenschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von F. Engel-Janosi, G. Klingenstein, H. Lutz. Wien, 1976. S. 141.

⁵⁴ НКА. Österreichische Gedenkbücher. № 275. 1749. S. 578.

⁵⁵ *Schwarz J.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie. S. 11.

⁵⁶ Лайбах — совр. Любляна в Словении.

⁵⁷ *Cicalek Th.* Op. cit. S. 29.

⁵⁸ *Geusau A.* Geschichte der Stiftungen, Erziehungs- und Unterrichtsanstalten in Wien von den ältesten Zeiten bis auf gegenwärtiges Jahr. Wien, 1803. S. 358–359.

⁵⁹ *Cicalek Th.* Op. cit. S. 30.

⁶⁰ Циркуляр в адрес Наместнического совета см.: MOL. A 35. Conceptus Expeditionum. № 105 ex Sept. 1751; циркуляр в адрес Казенной палаты см.: Ibid. № 106 ex Sept. 1751.

⁶¹ НКА. Hofffinanz. Registerbücher. 1751. Protocolle. Bd. 1227. S. 266.

⁶² Конвертитами (*conversi, Convertiten*) в монархии Габсбургов называли лиц, перешедших из протестантизма или иудаизма в католичество.

⁶³ *Cicalek Th.* Op. cit. S. 34.

⁶⁴ *Ibid.* S. 48–49.

⁶⁵ О профессорах Терезианума см.: *Guglia E.* Das Theresianum in Wien. Wien, 1912. S. 88–95.

⁶⁶ *Schwarz J.* Die niederen und höheren Studien... I. S. 12–16.

⁶⁷ *Schwarz J.* Geschichte der k. k. Theresianischen Akademie... S. 9–11.

⁶⁸ В «Альбоме» М. Геммель-Флишбаха допущена ошибка: в силу того, что в южнонемецких диалектах в XVIII в. начальные латинские буквы «P» и «B» часто взаимно заменялись (например аббатство Батасек иногда писалось как «Патасек»), автор, скорее всего опираясь на матрикулы, причислил двух воспитанников с фамилией Берени к членам другого венгерского семейства — Перени. Не говоря о том, что Берени были графами, а Перени баронами, очевидность ошибки следует из списка воспитанников, получивших аудиенцию у Марии Терезии, который опубликован в «Wienerisches Diarium». См.: WD. 1747. № 3. Эту же ошибку допустил и венгерский историк и источниковед В. Фракнои, автор биографии выпускника Терезианума графа Ференца Сечени, также использовавший матрикулы Терезианума. См.: *Fraknoi V.* Gróf Széchényi Ferenc, 1754–1820. Bp., 1902. 68. old.

⁶⁹ Венгерское дворянство, несмотря на то, что в теории было «единым и неделимым», подразделялось на аристократию, или магнатов (бароны, графы, князья), которые заседали в верхней палате Государственного собрания, и мелкое и среднее дворянство (по-венгерски *közneesség*), представленных в нижней палате. Далее в тексте термины «дворянство» и «дворяне» употребляются как обобщающие; когда же низшие слои привилегированного сословия противопоставляются магнатам, термин «дворянство» означает «мелкое и среднее дворянство».

⁷⁰ Королевский персоналий (*personalis*) представлял короля при отправлении правосудия в тех делах, которые относились к его личной юрисдикции, возглавлял королевскую курию и председательствовал в нижней палате Государственного собрания.

⁷¹ Оригинал письма, по-видимому, не сохранился. На него без указания местонахождения документа ссылался венгерский историк М. Хорват, кстати, также некоторое время преподававший в венском Терезиануме. См.: *Horváth M.* Magyarország történelme. Bp., 1873. 7. köt. 296–297. old.

⁷² Wagner H. Royal Graces and Legal Claims: the Pension Payments of Maria Theresa and Their Withdrawal by Joseph II // Intellectual and Social Developments in the Habsburg Empire from Maria Theresa to World War I / Ed. by S. B. Winters, J. Held. London; New York, 1975. P. 16.

⁷³ HKA. Geheimes Kamentzählamt. HZAB. № 234 (1749). S. 228; № 235 (1750). S. 358; № 236 (1751). S. 281; № 237 (1752). S. 331.

⁷⁴ Латинская формула «*quam sago tam toga*», часто встречающаяся в венгерских документах XVIII в., которую венгерский историк Л. Хайду также переводил как «мечом и советом».

⁷⁵ MOL. A 57. Libri Regii. 42. köt. 1751–1752. P. 205–207.

⁷⁶ Ibid. A 1. Originales Referadae. 117/1751; A 34. Conceptus Referadarum. 131/1751.

⁷⁷ Лайош (Людовик) I — венгерский (1342–1382) и польский (1370–1382) король.

⁷⁸ MOL. A 34. 130/1751.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Ibid. A 1. 123/1751.

⁸¹ Канцлер имел в виду Государственное собрание 1751 г. Его материалы, в том числе документы, составленные К. Недецки, см.: Ibid. A 95. Acta Diaetalia. 10. cs.

⁸² Ibid. A 1. 123/1751.

⁸³ Erdbeschreibung zum Gebrauche der studierenden Jugend in den kaiserl. königl. Staaten. Dritter Theil. S. 1. et a. S. 396–420.

⁸⁴ Vörös K. Zmeskáll Miklós udvari titkár élete és pályafutása // LK. 1974. 44–45. évf. 617. old.

⁸⁵ Сатмар — совр. Сату-Маре в Румынии.

⁸⁶ О фигуре Ш. Каройи в венгерской историографической традиции см.: Kovács Á. Károlyi Sándor a magyar történetírásban // Politikai gondolkodás — műveltségi áramlatok. Tanulmányok Irinyi Károly professzor születésének 60. évfordulója tiszteletére. Debrecen, 1992. 59–71. old.

⁸⁷ Vörös K. Op. cit.

⁸⁸ Памятная записка на высочайшее имя не датирована, но поскольку Мария Терезия именуется лишь королевой и эрцгерцогиней, можно предположить, что события имели место до 1745 г., когда ее супруг Франц Стефан Лотарингский короновался императором Священной Римской империи.

⁸⁹ HHStA. Alte Kabinettsakten. Karton 37.

⁹⁰ См.: Kiss J. M. Op. cit. 29. old.

⁹¹ MOL. A 34. 165/1751.

⁹² Эперьеш — совр. Прешов в Словакии.

⁹³ MOL. Ibid.

⁹⁴ Ibid. Károlyi család levéltára. P 398. Missiles. № 47516, 48331, 48377, 48380, 65652.

⁹⁵ Ibid. A 34. 165/1751.

⁹⁶ Стремление к социальному престижу через образование было у Я. Еленфи достаточно сильным. В 1762 г. имя одного из его младших сыновей — Игнаца, встречается в матрикулах только что открывшегося Вацского коллегияума для обедневших дворян.

⁹⁷ См.: MOL. P 507. Nádasdy család. 23. cs. VII. Nádasdy Lipotnéhez címzett levelek. № 89. Письмо от 6.VII.1764.

⁹⁸ Ibid. A 35. № 16 ex Jan. 1752.

⁹⁹ Ни в «Альбоме» Геммель-Флишбаха, ни в классической, хотя и постоянно критикуемой за неточность и неполноту сведений генеалогии Ивана Надя «Семьи Венгрии» нет указаний о дате рождения И. Дежёфи. Автор генеалогического исследования, посвященного этой семье, Г. Эбле, считал, что тот родился в 1736 г. См.: *Éble G. A cserneki és tarkói Dessewffy család. Genealógiai tanulmány. Bp., 1903. 160. old.*

¹⁰⁰ MOL. P. 86. Dessewffy család. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 22.III.1755.

¹⁰¹ Ibid. Письмо от 13.IX.1755.

¹⁰² Ibid. Письмо от 4.VII.1755.

¹⁰³ Ibid. Письмо от 14.I.1755.

¹⁰⁴ *Morvay Gy. Galánthai gróf Fekete János, 1741–1803. Bp., 1903. 10–14. old.*

¹⁰⁵ Ibid. 34. old.

¹⁰⁶ MOL. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 17.XII.1754.

¹⁰⁷ Ibid. Письмо от 11.III.1755.

¹⁰⁸ *Válogatott kérdések azon tudományokból, mellyeket tanult Nagy Károlyi Gróf Károlyi József nyolcz esztendősen korában Wien, 1776.*

¹⁰⁹ MOL. P 398. № 35058.

¹¹⁰ Ibid. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 21.II.1755.

¹¹¹ Ibid. Письмо от 14.I.1755.

¹¹² Ibid. Письмо от 21.II.1755.

¹¹³ См., например: Ibid. P 398. № 35054, 35063, 35073, 35093.

¹¹⁴ Лицейские письма Горчакова А. М., 1814–1818 гг. // Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 186.

¹¹⁵ MOL. A 57. 38. köt. P. 27–29.

¹¹⁶ Едва ли не у каждого знатного воспитанника был подобный неформальный опекун — доверенное лицо родителей. См., например, письма Антона Хольцмана и Антала Прускаи, наве-

щавших в венском Терезиануме юного графа Йозефа Драшкови́ча — приемного сына хорватского бана Ференца Надашди: Ibid. P 507. 33. cs. № 356. Письмо от 1.V.1772; 39. cs. № 604. Письма от 8.VI; 7.XII; 17.XII.1773.

¹¹⁷ Лицейские письма А. М. Горчакова нередко содержат упоминания о нездоровье. Например, в декабре 1812 г. молодой человек писал дяде: «Здоровье мое поправляется мало-помалу, однако все еще принимаю лекарство; старинная болезнь опять овладела мною. Большая часть моих товарищей также нездоровы; словом, все единодушно желаем возвращения весны и с нею нашего здоровья». Цит. по: Красный архив. Т. 6 (79). 1936. С. 176–177.

¹¹⁸ MOL. Dessewffy család. P 91. Missiles. 6. cs. Письмо от 21.I.1755.

¹¹⁹ Ibid. Письмо от 21.II.1755.

¹²⁰ Ibid. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 11.III.1755.

¹²¹ Ibid. P 91. 6. cs. Письмо от 21.I.1755.

¹²² Ibid. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 13.IX.1755.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ См., например: Ibid. P 398. № 26948, 26965.

¹²⁵ Ibid. № 35052.

¹²⁶ Ibid. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 8.VIII.1755.

¹²⁷ Ibid. Письмо от 29.VII.1756.

¹²⁸ Ibid. Письмо от 10.II.1768.

¹²⁹ Ibid. Письмо от 17.XII.1754.

¹³⁰ Гала (от фр. *gala*) — в XVII–XVIII вв. торжественный придворный праздник.

¹³¹ MOL. Письмо от 4.II.1755.

¹³² Ibid. Письмо от 21.II.1755.

¹³³ Ibid. P 91. 6. cs. Письмо от 21.II.1755.

¹³⁴ Ibid. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 9.IV.1755.

¹³⁵ Ibid. Письмо от 29.V.1755.

¹³⁶ *Plettenbacher O. Über Uniformen und Degen Theresianischer Zöglinge // Jahresbericht 1979/80 im Gedenkjahr unserer Stifterin Kaiserin Maria Theresia. Wien, 1980. S. 64.*

¹³⁷ [*Khevenhüller-Metsch J. J.*] *Aus der Zeit Maria Theresias. Wien, 1910. Vol. III. S. 147.*

¹³⁸ MOL. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 13.IX.1755.

¹³⁹ См., например: Ibid. P 398. № 35064.

¹⁴⁰ Ibid. № 35044.

¹⁴¹ Расходы, связанные с пребыванием в дворянских конвиктах Кёльна и Брюсселя графов Йозефа и Франца Зальма на рубеже 70–80-х годов XVIII в., для сравнения см.: *Wunderlich H.*

Studienjahre der Grafen Salm-Reifferscheidt (1780–1791). Ein Beitrag zur Adelserziehung am Ende des Ancien Régime. Heidelberg, 1984. S. 40–46.

¹⁴² MOL. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 9.IV.1755.

¹⁴³ Ibid. Письмо от 13.IX.1755.

¹⁴⁴ Ibid. E 584. Fekete család levéltára. III. Gr. Fekete János iratai. 53. cs. Személyes irományok. № 2. Gr. Fekete János által írott levelek, 1753–1802. Письмо от 1.III.1755.

¹⁴⁵ Ibid. P 259. 1. d. Festetics József. Письмо от 21.XI.1776.

¹⁴⁶ Нежидер — совр. Нойзидль-ам-Зе в Австрии.

¹⁴⁷ MOL. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 13.IX.1755.

¹⁴⁸ Ibid. P 91. 6. cs. Письмо от 25.III.1755.

¹⁴⁹ Ibid. P 86. 16. cs. D. I. 101. Письмо от 29.VII.1756.

¹⁵⁰ Счета об уплате за учебу в Терезианском коллегииуме и Савойской академии за 1755–1757 гг. см.: Ibid. E 584. II. Gr. Fekete György iratai. 19. cs. № 8. Nyugták. 1728–1788.

¹⁵¹ Ibid. Károlyi család levéltára. P 1503. Károlyi Antal. 1. cs.

¹⁵² Ibid. P 398. № 26935.

¹⁵³ Сепешскими (в немецкой традиции Ципскими, в словацкой — Спишскими) городами с XIII в. назывались главные места поселения немцев на венгерской территории у южного подножия Татры, которые имели собственное самоуправление, восходившее к XIII в., и свою церковную организацию. Единство Сепешских городов было нарушено в 1412 г., когда 16 из них были заложены польскому королю Владиславу I. Их воссоединение с Венгрией произошло в 1769 г. посредством частного регулирования границы между Венгрией и Польшей, а первый раздел Речи Посполитой 1772 г. закрепил его.

¹⁵⁴ MOL. E 584. 15. cs. Dessewffy István. Письмо от 23.VI.1775.

¹⁵⁵ Ibid. P 86. Dessewffy család. 9. cs. D. I. 61. Dessewffy István kiskorú fiainak, Sámuel és Józsefnek elszámolásai.

¹⁵⁶ В 1526 г. в битве при Мохаче объединенные силы Венгерского королевства в решающем сражении потерпели поражение от османов, после чего страна утратила политическую независимость и территориальную целостность.

¹⁵⁷ См.: Szabó M., Tonk S. Erdélyiek egyetemjárása a korai újkorban 1521–1700 / Szerk. Keserü B. Szeged, 1992; Szabó M., Szögi L. Erdélyi perigrinusok 1701–1849. Marosvásárhely, 1998.

¹⁵⁸ См.: Album. S. 19–31.

¹⁵⁹ См.: MOL. P 91. D. I. 101. Nomina nobilium Regii Theresiani Collegii.

¹⁶⁰ HKA. HZAB. Bd. 237 (1752). Fol. 342; Bd. 238 (1753). Fol. 405; Bd. 239 (1754). Fol. 414–415; Bd. 240 (1755). Fol. 485–

486; Bd. 241 (1756). Fol. 395; Bd. 242 (1757). Fol. 530–531; Bd. 243 (1758). Fol. 726–727; Bd. 244 (1759). Fol. 527. Данные по Тайной казначейской кассе за период с 1763 по 1769 г. хранятся в Австрийском государственном архиве (HHStA. Oberstkämmereramnt. Geheimes Kammerzahlamt. Bd. 3–4. Hauptbücher, 1763–1769).

¹⁶¹ MOL. Erdélyi Kancellária. B 2. Acta generalia. 860/1781.

¹⁶² Erdély története 1606-tól 1830-ig / Szerk. Makkai L., Szász Z. Bp., 1986. 733–736. old.

¹⁶³ MOL. F 305. A Gubernium levéltári hivatalának iratai. Mikeféle mutató. 1. köt. P. 69.

¹⁶⁴ Ibid. B 2. 1/1756.

¹⁶⁵ Медеш — совр. Медиаш в Румынии.

¹⁶⁶ Коложвар — совр. Клуж-Напока в Румынии.

¹⁶⁷ *Cicalek Th.* Op. cit. S. 58.

¹⁶⁸ MOL. B 2. 179/1756.

¹⁶⁹ Ibid. Gubernium Levéltára. F 46. Acta generalia. 979/1756.

¹⁷⁰ *Rettegi Gy.* Emlékezetre méltó dolgok, 1718–1784 / Bevezető tanulmány és jegyzetek Jakó Zs. Bukarest, 1970. 220. old.

¹⁷¹ MOL. B 2. 299/1758.

¹⁷² Ibid. 210/1765.

¹⁷³ См.: *Rettegi Gy.* Op. cit. 295. old.

¹⁷⁴ В королевской грамоте, в частности, говорилось, что Иоганну Рихтхаузену за время службы по горному ведомству удалось навести порядок в хаосе, и потому ему присваивается титул барона Хаоса.

¹⁷⁵ Шельмецбаня (в немецкой традиции Шемниц) — совр. Банска Штявница в Словакии.

¹⁷⁶ *Poten B.* Geschichte des Militär-Erziehungs- und Bildungswesens in den Landen deutscher Zunge. Bd. 3. Österreich. Berlin, 1893. S. 15–19; *Geusau A.* Op. cit. S. 232–235.

¹⁷⁷ Actus publicus oder öffentliche Übungen aus denen militärischen Wissenschaften, welche... in dem Freyherrl. Chaosischen Stift sich befindenden Ingenieurs-Scholaren zum erstenmahl gehalten werden [Wien, 1739].

¹⁷⁸ *Schwarz J.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie. S. 5–7.

¹⁷⁹ См.: *Svoboda J.* Die thesesianische Militär-Akademie zu Wiener-Neustadt und ihre Zöglinge von der Gründung der Anstalt bis auf unsere Tage. Wien, 1894–1897. Bd. 1–3.

¹⁸⁰ *Rechberger von Rechcron J.* Das Bildungswesen im österreichischen Heere vom Dreißigjährigen Kriege bis zur Gegenwart. Wien, 1882.

¹⁸¹ *Shek Brnardić T.* The Enlightened Officer at Work: The Educational Projects of the Bohemian Count Franz Joseph Kinsky (1739–1805). A Dissertation in History. 2004. P. 268–272 (рукопись).

¹⁸² MOL. C 42. Acta miscellanea. 108. cs. Fasc. 39. № 217.

¹⁸³ В последнем случае речь, вероятно, идет о предке выдающегося венгерского художника-импрессиониста Пала Синеи-Мерше.

¹⁸⁴ См., например: ŠOAB. Župa Bratislavská. Kongregačné písomnosti (далее — ŽBKP). 1754. Fasc. 3. № 13.

¹⁸⁵ MOL. A 34. 84/1754.

¹⁸⁶ Ibid. A 1. 96/1752.

¹⁸⁷ Исправником в русских переводах венгерской художественной литературы иногда удачно называют должностное лицо в комитатской администрации — *szolgabíró*.

¹⁸⁸ MOL. A 34. 83/1754; A 1. 98/1754; A 34. 207/1755.

¹⁸⁹ Во многих дворянских семьях детей называли одними и теми же чередующимися из поколения в поколение именами. Таким образом, секретарь Венгерской канцелярии Бернат Кончек в 1754 г. просил за своего двоюродного брата Йозефа, сына Берната Кончека-старшего, а в 1755 г. за своего двоюродного племянника Йозефа, сына своего двоюродного брата Берната и внука Берната Кончека-старшего.

¹⁹⁰ НКА. HZAB. 1753. Bd. 238. S. 426–457.

¹⁹¹ Окончательный состав пансионеров фонда, в том числе венгров, можно восстановить по расходной книге Тайной казначейской кассы. См.: НКА. HZAB. 1755. Bd. 240. S. 524–531.

¹⁹² MOL. A 34. 123/1755.

¹⁹³ Палатин (по-венгерски *nádor*) — королевский наместник.

¹⁹⁴ MOL. 188/1755.

¹⁹⁵ НКА. HZAB. 1755. Bd. 240. S. 534–541.

¹⁹⁶ Ibid. 1756. Bd. 241. S. 561–575.

¹⁹⁷ Ibid. 1758. Bd. 243. S. 764–766.

¹⁹⁸ Привидье — совр. Прьевизда в Словакии.

¹⁹⁹ *Koltai A.* A Pálffyak és a piaristák. A bajmóci uradalom katalizációja és a privigyei piarista kollégium első éve / / Pálfiovc v novoveku. Vzostup významného uhorského šľachického rodu. Bratislava–Bp., 2004. 74–104. old.

²⁰⁰ Кишсебен — совр. Сабинов в Словакии.

²⁰¹ *Molnár A.* A közoktatás története Magyarországon a 18. században. Bp., 1881. 559. old.

²⁰² *Fináczy E.* Op. cit. 1. köt. 146. old.

²⁰³ Рожахедь (в немецкой традиции Розенберг) — совр. Ружомберок в Словакии.

²⁰⁴ *Brendler A.* Das Wirken P. P. Piaristen seit Ansiedelung in Wien im Collegium in der Josefstadt, zu St. Thekla auf der Wieden und im Löwenburg'schen Convicte. Wien, 1896. S. 178.

²⁰⁵ См. письма братьев Антала и Шандора Хёдеси в семейных фондах Венгерского национального архива: MOL. P 398. № 28630–28639; Batthyányi család levéltára. P 1413. Missiles. № 79261–79364.

²⁰⁶ *Brendler A.* Op. cit. S. 192–194.

²⁰⁷ *Ibid.* S. 195.

²⁰⁸ Копию завещания И. Я. Лёвенбурга см., например: MOL. Magyar Királyi Kancellária. A 23. Litterae Consilii Regii Locumtenentialis Hungarici. 147/1750.

²⁰⁹ *Brendler A.* Op. cit. S. 182.

²¹⁰ MOL. A 34. 56/1757.

²¹¹ *Ibid.*

²¹² *Ibid.*

²¹³ *Ibid.* 138/1757.

²¹⁴ Фамилия Хомоки в различных документах пишется по-разному: Homoky, Homoghy, Homogyi, но есть все основания утверждать, что речь идет об одном и том же человеке.

²¹⁵ MOL. A 34. 28/1758.

²¹⁶ *Ibid.* A 1. 169/1760.

²¹⁷ *Bezerédj I.* Rosti Ferenc levelei 1764–1765. évi pozsonyi országgyűlésből // Dunántúli Szemle. Szombathely, 1943. 1–2. sz. 17. old.

²¹⁸ MOL. A 34. 207/1762.

²¹⁹ *Ibid.* 5/1762.

²²⁰ *Ibid.* A 1. 203/1762.

²²¹ См., например, письмо Антала Хёдеси к фёйшпану комитата Ваш Адаму Баттяни (сыну палатина Лайоша Баттяни) по поводу текущих судебных тяжб: MOL. P 1413. № 79264.

²²² См. письма Шандора Хёдеси к графу Анталу Каройи (от 20.V.1778) с просьбой принять его на должность управляющего поместьями: *Ibid.* P 398. № 28639; а также к князю Адаму Баттяни (от 29.IX.1783) с просьбой принять на должность исправника родственника Хёдеси — Андраша Хетеи.

²²³ Ласло Баринаи обучался в Терезиануме с 1752-го по 1756 г. (см.: *Album.* S. 27). Выплаты за Баринаи из Тайной казначейской кассы см.: НКА. НЗАВ. № 237 (1752). S. 341; № 238 (1753). S. 404; № 239. (1754). S. 414; № 240. (1755). S. 484–485.

²²⁴ *Ember Gy.* A M. Kir. Helytartótanács ügyintézésének története, 1724–1848. Bp., 1940. 21–27. old.

²²⁵ Темешвар — совр. Тимишоара в Румынии.

²²⁶ Янош Шплени обучался в Терезиануме с 1753-го по 1757 г., Михай Шплени — с 1753-го по 1756 г (см. Album. S. 28). Выплаты из Тайной казначейской кассы за братьев Шплени см.: НКА. НЗАВ. № 238 (1753). S. 407; № 239 (1754). S. 416; № 240. (1755). S. 487. Выплаты за Йожефа производились в 1757–1758 гг. См.: Ibid. № 242 (1757). S. 541; № 243 (1758). S. 737. К тому же в 1751–1753 гг. коллегимум окончил их старший брат, Габор.

²²⁷ MOL. A 1. 223/1754.

²²⁸ См.: НКА. НЗАВ. № 242 (1757). S. 541; № 243 (1758). S. 737.

²²⁹ MOL. A 1. 184/1754.

²³⁰ Ibid. A 34. 35/1757.

²³¹ Ibid. A 95. 10. cs. Gravamina Statuum et Ordinum Regni Hungariae in Diaeta anni millesimi septingentesimi quinquagesimi primi congregatorum. Sacrae Caesareo-Regiae Majestati humillime porrecta. Fol. 105, 117.

²³² CJH. 1740–1791. évi tc. P. 84–85.

²³³ MOL. A 34. 35/1757.

²³⁴ Ibid. A 7. Directorium in Publicis et Cameralibus. 42/1757.

²³⁵ Ibid. A 34. 82/1757.

²³⁶ Ibid. A 1. 127/1760.

²³⁷ Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994. P. 307–310.

²³⁸ Цит. по: Ibid. P. 330.

²³⁹ MOL. A 7. 212/1760.

²⁴⁰ Ibid. Balassa Ferenc levéltára. P 1765. 72 cs. 22. t. № 5833.

²⁴¹ Ibid. № 5832.

²⁴² Ibid. 54. cs. 22. t. № 1589.

²⁴³ Ibid. A 1. 331/1765.

²⁴⁴ *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században // LK. 1970. 41. évf. 297. old.*

²⁴⁵ *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai. Bp., 1989.*

²⁴⁶ MOL. A 1. 334/1765.

²⁴⁷ *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselői. 279–280. old.*

²⁴⁸ *Justi J. H. G., von. Anweisung zu einer guten deutschen Schreibart und allen in den Geschäften und Rechtsachen vorkommenden schriftlichen Ausarbeitungen zu welchen Ende allenthalben wohlausgearbeitete Proben und Beyspiele beygefüget werden. Wien, 1774. S. 213.*

²⁴⁹ В архиве Ф. Балашша хранится письмо, датированное 1797 г., за подписью «капитан Антал Мадочани». См.: MOL. P 1765. 72 cs. 22. t. № 5835.

²⁵⁰ *Rettegi Gy.* Op. cit. 220. old.

²⁵¹ Калоча — город на юге Венгрии и центр одноименной епархии, архиепископ калочайский, наряду с архиепископом эстергомским, — один из двух архиепископов Венгрии.

²⁵² MOL. A 39. 5913/1772.

²⁵³ *Hellebronth K.* A magyar testőrségek névkönyve, 1760–1918. Bp., 1940. 130. old. (далее — Testőrség).

²⁵⁴ MOL. P 1765. 56 cs. 22. t. № 2134.

²⁵⁵ Красный архив. 1936. Т. 6 (79). С. 186.

²⁵⁶ MOL. P 507. B. X. 25. cs. № 143.

²⁵⁷ *Zachar J.* A katonai pálya mint karrierlehetőség a XVIII századi Magyarország előtt. Történeti-statisztikai adalék a társadalmi mobilitás kérdéséhez // Írott és tárgyi emlékek kutatója. Emlékkönyv Bánkúti Imre 75. születésnapjára / Szerk. Mészáros K. Bp., 2002. 249–259. old.

²⁵⁸ MOL. P 507. B. X. 30. cs. № 255. Письмо от 25.I.1774.

²⁵⁹ Ibid. Письма от 30. IX, 15.XII.1777; 2.II.1778.

²⁶⁰ *Illéssy J.* A magyar királyi nemes testőrség felállítása 1760-ban // HtK. 1895. 8. évf. 367–394. old.

²⁶¹ HHStA. Handbillettenprotokolle. Bd. 6. T. III. 1776. № 338.

²⁶² *Gálos R.* Bessenyei György életrajza. Bp., 1951; *Csorba S.* Bessenyei György világa. Bp., 2000.

²⁶³ *Ballagi A.* A magyar királyi testőrség története különös tekintettel irodalmi működésére. Pest, 1872.

²⁶⁴ *Illéssy J.* Op. cit. 367. old.

²⁶⁵ Testőrség. 98. old.

²⁶⁶ Венгерский историк Л. Абафи в своем классическом труде по истории масонства упоминает некоего лейб-гвардейца Антала Мадочани (см.: *Abaffy L.* A szabadkőművesség története Magyarországon. Bp., 1993), однако в книге К. Хеллебронта, содержащей имена всех венгерских лейб-гвардейцев, это имя отсутствует.

²⁶⁷ Testőrség. 271. old.

²⁶⁸ Ibid. 110–111. old.

²⁶⁹ Ibid. 320. old.

Часть II

**ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ПРИВИЛЕГИЯ И НАСУЩНАЯ
НЕОБХОДИМОСТЬ**

Граф Кристоф Мигацци — венский архиепископ и кардинал, вацский епископ, куратор венского Терезианума (1761–1773 гг.) и основатель вацкого Терезианского коллегия

Ваше величество, я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни, но, ваше величество, на милость образца нет...

А. С. Пушкин. «О Дурове»

В истории образования в монархии Габсбургов 60-е — первую половину 70-х годов XVIII столетия можно по праву назвать «предреформенным периодом». Все более остро ощущавшаяся потребность в создании качественно новой школьной системы сталкивалась с нехваткой квалифицированных кадров, недостаточностью финансовых средств и отсутствием внятной альтернативы учебным программам иезуитов и пиаристов. Во вновь создававшихся — теперь уже под непосредственным государственным контролем — учебных заведениях вводились «полезные», ориентированные на практические нужды дисциплины. Государство, опираясь на удачный опыт 1750-х годов, искало более эффективные организационные формы и идеологические обоснования для превращения образования в инструмент социальной политики, нацеленной на воспитание подданных, готовых и желающих служить «общему благу».

Прежде всего, 1760-е годы в монархии стали периодом идейных споров и эмпирического поиска оптимальных моделей организации учебного процесса и принципов, на которых должно строиться образование разных уровней для тех или иных сословий и категорий населения. Эти вопросы одинаково волновали как католическую церковь, традиционно ведавшую школьным делом, так и светских реформаторов, желавших поставить образование на службу государству. Придворная учебная комиссия (Studien Hof-Kommission), созданная в 1760 г., объединяла в своих рядах и тех и других. Ее председатель — кардинал К. Мигацци¹ — вслед за итальянским религиозным мыслителем начала XVIII в. Л.-А. Муратори полагал, что внешняя религиозность, повсеместно торжествовавшая в форме пышных празднеств, паломничеств, театрализованных представлений в стенах церкви, должна уступить место глубокой и осмысленной внутренней вере.

Это течение в своем австрийском варианте получило название «реформ-католицизм». Его сторонники не были готовы разрешить мирянам читать Библию, но понимали, что для просвещения и просветления душ верующих необходимо использовать пасторское слово высокообразованных священников, способных донести до прихожан подлинный смысл Священного Писания. Таким образом, пусть не напрямую, но движение за обновление католической церкви способствовало внедрению в общественное сознание идеи распространения грамотности. Государство, в свою очередь, нуждалось в минимально грамотном населении для осмысленного повиновения и эффективного участия в проводимых сверху реформах. Например, в инструкции 1768 г. венгерским фёйшпанам говорилось, что для поддержания в подконтрольном населении истинной веры главам комитатов вместе с епископом данной епархии и местными помещиками необходимо заботиться о том, чтобы «те, кому вверено обучение молодежи, занятой в земледелии», получали достойное содержание². Именно поэтому венский двор, распространяя свое влияние на школьное дело, справедливо отмечает Дж. В. Х. Мелтон, не столько конфликтовал с церковью (эта точка зрения долгое время господствовала в историографии), сколько стремился заручиться поддержкой влиятельных иерархов³.

И все-таки государство отводило церкви подчиненную роль. Придворная учебная комиссия во главе с Мигацци была практически лишена самостоятельности. Процедура согласования решений обязывала ее членов сначала направлять свои предложения в Директорию по делам управления и финансов, а после ее упразднения — в Чешско-Австрийскую канцелярию, чтобы затем в этом же ведомстве узнать о принятом императрицей решении⁴. Не случайно именно в полемике с Мигацци императрица в 1770 г. произнесла свое знаменитое определение: «Школа есть и всегда останется государственным делом» (*Politicum*)⁵. Сам кардинал стремился улучшать доступными ему средствами то, что поддавалось улучшению. В 1761 г. он принял предложение Марии Терезии занять пост куратора Терезианской академии, и, таким образом, опека над лучшей школой австрийских иезуитов перешла в руки одного из наиболее последовательных критиков ордена. В 1762 г., когда в венгерском Ваце освободилась епископская кафедра, кардинал занял ее, включив в круг своих забот образование молодых венгров-дворян.

На смену кардиналу в 1770-е годы придет когорта реформаторов, которые смело провозгласят принцип обязательности и

доступности начального образования. Блеск привилегированных учебных заведений померкнет на фоне создания целой системы начальных школ, где любой из подданных сможет получить начатки полезных знаний, и расширения доли так называемых реальных предметов (физика, математика, химия, основы хозяйственной деятельности) в гимназиях. Тем не менее за полтора десятилетия до принятия знаменитого «Общего школьного устава» 1774 г. учебно-воспитательные заведения (прежде всего) дворянского сословия как в Австро-Чешских провинциях, так и в Венгерском королевстве, куда постепенно стали проникать новые веяния, процветали, подавая реформаторам новые идеи и служа образцом для подражания.

Установление государственного контроля над Венским университетом, ужесточение требований к качеству преподавания, вмешательство в учебные программы позволили перейти к более сложной задаче — стандартизации и синхронизации преподавания особенно важных дисциплин в главных учебных центрах монархии. Например, во второй половине 1760-х годов философский и юридический факультеты Трнавского университета были реорганизованы по венскому образцу. Поскольку в экономике, административном аппарате и суде ощущался дефицит высококвалифицированных кадров, необходим был курс, в котором бы в сжатой и доходчивой форме излагались основы государственного устройства, правосудия, экономики. Такой компилятивный в сущности курс под названием «Основы полиции, торговли и финансов» по заданию венского двора разработал и в 1765 г. опубликовал экономист, юрист, драматург Й. Зонненфельс⁶.

Когда у венской Придворной казенной палаты в 1762 г. запросили экспертную оценку нового пособия, отзыв вышел сдержанно негативным. Специалисты совершенно справедливо указали на то, что книга написана в спешке, автор компетентен далеко не во всех вопросах, суть которых взялся изложить в доступной для учащейся молодежи форме, поэтому палата считала целесообразным отложить курс лекций в Венском университете на год, чтобы Зонненфельс имел возможность лучше подготовиться. Императрица, однако, не прислушалась к их мнению и повелела как можно скорее начать преподавать соответствующий курс в Венском университете. Канцеляриям отдельных земель надлежало уведомить подданных, что студенты, достигшие заметных успехов в камеральных науках, будут зачисляться на государственную службу⁷.

Учебное пособие Зонненфельса по политическим и камеральным наукам, возможно благодаря тому, что было написано в упрощенной, но доходчивой форме, выдержало восемь изданий и вплоть до середины 40-х годов XIX в. служило главным учебником по данной дисциплине. В нем объяснялась необходимость подчинения интересов индивида общему благу, перечислялись прерогативы верховного правителя, описывались условия процветания промышленности и торговли, подчеркивалась необходимость законодательного оформления свобод граждан и т. п.⁸ Курс был рассчитан на два года, и число тех, кто окончил его как стипендиат или вольный слушатель, росло в геометрической прогрессии. Ученики Зонненфельса отправлялись во все концы монархии, чтобы там организовать чтение лекций по венскому образцу. В 1767 г. преподавание началось в Трнавском университете, в 1769 г. — во вновь созданном в хорватском Вараждине политико-экономическом коллегиуме. Оплату труда профессоров и выплату стипендий брало на себя государство. К соискателям (в большинстве своем мелким дворянам) предъявлялись повышенные требования: неуспевающих отчисляли, усидчивым и смышленным платили повышенные стипендии и охотно брали на государственную службу.

Состояние дворянского образования в Венгрии находилось в тесной связи с политикой венского двора, направленной на преодоление сословной обособленности королевства, приведение законодательства к нормам прочих частей монархии, повышение профессионального уровня королевских и комитатских служащих. Основные направления этой политики обозначил в 1761 г. в своем вотуме (служебной записке) Государственному совету канцлер Кауниц. Он излагал принципы, согласно которым, по его мнению, следовало управлять королевством, не желающим подчиняться единым для всей монархии законам и правилам. Ссылаясь на пример недавно реформированных Австрийских Нидерландов (т. е. Бельгии), где сословия с поразительным упорством держались за свои феодальные привилегии, Кауниц рассуждал: «Посредством ряда продуманных и целенаправленных действий стало возможным установить во Фландрии наше господство, переломить их настроения и заложить основы для некоторых полезных изменений. Если мы сходным образом хотим добиться чего-то “полезного” в Венгрии, мы обязаны иметь не только до мелочей продуманную политическую систему, но и ни на минуту не забывать о ней и всякий раз соотносить с ней свои действия»⁹.

Далее в востуме говорилось: «Величайшее внимание следует уделять тому, чтобы чиновники правительственных учреждений в первую очередь пеклись об интересах Вашего Величества и неукоснительно их соблюдали... Распределение знаков отличия и продвижения по службе должны ставиться в прямую зависимость от доказательств рвения и соблюдения интересов и намерений двора, как это имеет место в прочих наследственных владениях». Канцлер был уверен, что «этот главенствующий принцип не следует упускать из виду прежде всего в случае Венгерской канцелярии и Венгерской казенной палаты, которые являются особо важными властными органами, поскольку все улучшения должны осуществляться с опорой на эти структуры». По его мнению, главы департаментов должны назначаться из верных сторонников двора, одновременно необходимо разработать соответствующие гарантирующие процедуры». Наконец, что особенно важно в контексте переплетения политики и образования, Кауниц настаивал: «Магнаты и дворяне, позволяющие себе неповиновение двору, должны осознать, что тем самым они воздвигают барьер на своем собственном пути и пути своих детей и их недопустимое поведение не останется незамеченным»¹⁰.

Таким образом, в глазах лояльного Вене дворянства прием их сыновей в учебные заведения на королевские стипендии становился тем более желанным, что в акте зачисления им не без оснований виделся символический жест высочайшего благорасположения, а факт окончания престижной столичной школы казался гарантией вхождения в политическую элиту с вытекающими из этого преимуществами в виде почетных и (или) доходных должностей, титулов, наград.

Венский Терезианум — модель для подражания

Он увидел огромную комнату, заставленную по стенам старинными шкапами с огромной коллекцией животного царства, с прекрасными для того времени коллекциями минералов, драгоценные физические инструменты, разнообразные гербарии.

Е. Н. Водовозова. «На заре жизни»

Хорватский историк Бальтазар Керчелич писал о том, что в 1760 г. граф Петер Сермаж, не удовлетворенный качеством преподавания в подвергаемом постоянным реформам Терезиануме,

забрал оттуда своего младшего сына¹¹. Иезуитам пришлось приложить немало усилий, чтобы заслужить для Терезианского коллегіума славу лучшей школы монархии. Их поддерживала Мария Терезия, также заинтересованная в том, чтобы Вена ассоциировалась с исключительными возможностями получения самого современного образования. Отказавшись от идеи радикально реформировать коллегіум и не желая ломать сложившуюся при нем систему стипендиальных фондов, императрица тем не менее использовала любую возможность, чтобы повысить роль государства. Характерен пример с завещанием барона Рудольфа Тойфенбаха, который в 1650 г. распорядился, чтобы в случае пресечения одной из ветвей его рода имущество, принадлежащее семье, пошло на организацию в Моравии школы для дворян. Когда же в 1763 г. после смерти барона Траутмансдорфа встал вопрос об исполнении воли завещателя, Мария Терезия распорядилась не открывать нового коллегіума, поскольку затраты оказались бы слишком высоки, но создать по семь стипендий для молодых моравских дворян прежде всего в венском Терезиануме, а также в Савойской академии, конвикте Лёвенбурга и Военной академии в Виннер-Нойштадте¹². Распределение стипендий переходило в исключительную компетенцию государства.

Особый статус воспитанников столичных привилегированных учебных заведений должна была подчеркнуть униформа, в которой они начиная с 1764 г. обязывались появляться в общественных местах. Для молодежи Терезианума был утвержден темно-синий кафтан и камзол из красного сукна с простым серебряным кантом (позднее замененным на золотой). В похожей цветовой гамме была решена парадная форма для воспитанников Лёвенбургского конвикта, которых в том же 1764 г., правда, после тщательного изучения списков на предмет достаточной знатности кавалеров, впервые пригласили на высочайшую аудиенцию в Шёнбрунн. Символическая роль постоянных личных контактов юных дворян с августейшими особами будет подробнее рассмотрена ниже, в главе «Государевы очи». Пока же отметим, что эти обстоятельства играли не последнюю роль при выборе родителями школы для сыновей.

В 1764 г. в разных классах Терезианского коллегіума насчитывался 31 воспитанник из Венгрии и три — из Трансильвании. Лояльная Габсбургам старая (Баттяни, Зичи, Эрдёди, Эстерхази, Чаки) и новая (Фештетичи, Хадики и др.) венгерская аристократия спешила направить своих детей в Терезиа-

нум, за свой счет или за счет Батасекского фонда. В отличие от первых лет его существования, когда возможность учиться в Вене получали прежде всего дети мелких служилых дворян, теперь предпочтение все чаще отдавалось протеже двора. В 1765 г., после того как стены коллегиума покинул барон Франц Петраш, австрийский аристократ с венгерским индигенатом, на всех пяти стипендиальных местах, причитавшихся «венгерской нации», вновь оказались венгры. В их числе были граф Антал Баттяни — сын президента Септемвирального суда Имре Баттяни, граф Миклош Зичи — племянник дёрского епископа, граф Карой Балог, барон Янош Меднянски — внук советника Венгерской казенной палаты¹³, и единственный дворянин среди аристократов — Йозеф Брунсвик¹⁴. Последний был младшим сыном блестящего бюрократа, весьма ценимого императрицей, Антала Брунсвика, успешно осуществившего урбариальную реформу в целом ряде венгерских комитатов и впоследствии (в 1775 г.) получившего персональный графский титул (ставший наследственным для его потомков только в 1796 г.)¹⁵.

Не менее представителен список пансионеров и платных воспитанников из Трансильванского княжества. В 60-е годы в коллегиуме пребывали братья Банфи, о которых речь шла выше, и после того как младший Денеш покинул стены коллегиума, вакантное место досталось графу Йозефу Бетлену. По линии отца — губернатора Трансильвании графа Имре Бетлена — мальчик был далеким потомком знаменитого трансильванского князя-протестанта Габора Бетлена, возглавлявшего антигабсбургские походы в эпоху Тридцатилетней войны. По материнской линии Йозеф приходился внуком князю И. Й. Кевенхюллеру, который в прошлом исполнял обязанности куратора венского Терезианума¹⁶. Менее удачливые соискатели — граф Пал Телеки, чей сын Ференц и племянник Янош уже побывали трансильванскими пансионерами, не смог пристроить на вакантное место младшего сына Тамаша¹⁷ и должен был платить за его обучение. Такая же неудача постигла камергера графа Антала Лазара: после безрезультатного ходатайства в 1770 г.¹⁸ он спустя четыре года все-таки отправил сына Ласло в Вену за свой счет.

В числе платных воспитанников примечательна фигура юного графа Лайоша Кальноки (1759–1764 гг.), сына генерала Антала Кальноки, героя, отличившегося в битвах с османами («на память» об одном из сражений у него остался страшный шрам на лбу). Патриоты ставили ему в вину присвоение своего имени полку, носившему имя *Regimen Transylvanica*, поскольку день-

ги на него собирало все население княжества. Многие были уверены, что Кальноки в угоду двору продвигает на командные посты лояльных Вене иноземцев¹⁹. К прогабсбургской аристократии принадлежали барон Янош Борнемиса (1762–1765 гг.) — внук и полный тезка покойного канцлера Трансильвании и сын губернского советника и казначея Йозефа Борнемисы, а также граф Жигмонд Корниш (1765–1774 гг.) — внук и полный тезка покойного трансильванского губернатора²⁰.

Руководство коллегиума отдавало себе отчет в том, что поддержание исключительного статуса заведения находится в прямой зависимости от качества предлагаемого образования. К моменту роспуска ордена иезуитов (1773 г.), пожалуй, ни одно из обвинений, традиционно выдвигавшихся оппонентами Общества Иисуса, нельзя было отнести к венскому Терезиануму. Если в подавляющем большинстве иезуитских гимназий преподавание доверялось молодым, малоопытным членам ордена, которые к тому же редко подолгу задерживались на одном месте, то в Терезианском коллегиуме трудились лучшие педагогические силы иезуитов и авторитетные приглашенные профессора. Орден также постоянно упрекали в нежелании выходить за рамки, предписанные более полутора веков назад в «*Ratio studiorum*». Однако именно Терезианум стал учебным заведением, где, судя по учебному плану, принятому в 1764 г., набор дисциплин по разнообразию и глубине изучения мог сравниться с передовыми университетами.

Воспитанникам старших классов (а из-за дороговизны обучения большинство родителей стремилось направлять своих сыновей в классы философии и юриспруденции) преподавались философия, метафизика, история Священной Римской империи, всеобщая история, математика, теоретическая и экспериментальная физика, ботаника и агрокультура, немецкий язык и риторика, изящные искусства, рисунок, гражданская и военная архитектура, нумизматика. Начиная с 1766 г. были дополнительно введены камеральные науки, двойная бухгалтерия, минералогия, основы горного дела и химия. Все большее внимание уделялось изучению живых языков, прежде всего французского и итальянского, а также тех, на которых говорили народы монархии, — чешского и венгерского²¹.

Особой гордостью коллегиума были завершающие четыре года в классе юриспруденции. Программу изучения правовых дисциплин от римского права до законодательства Священной Римской империи и земель Габсбургской монархии, от церков-

ного и ленного до государственного и частного права разработал высоко ценимый императрицей профессор П. Й. Ригер, взявший за цель будущее практическое применение учащимися юридических знаний²². Значительное внимание уделялось политическим и камеральным наукам. Долгое время в Терезиануме преподавал лично Й. Зонненфельс. Именно в бытность профессором Терезианума он написал брошюру «О любви к Отечеству»²³, в которой рационально обосновывал необходимость проявления патриотических чувств различными группами населения.

Терезианум всегда славился повышенным вниманием к естественнонаучным дисциплинам. Профессор Теодор Кравина фон Кронштайн (ректор коллегиума в 1770–1776 гг.) немало времени посвятил оборудованию школьных музеев — физического, минералогического и зоологического, он оснастил химическую лабораторию, постоянно заботился о ботанической коллекции, которая служила дополнением великолепного школьного сада. Судя по объявлениям в газете «Wienerisches Diarium», в физико-математическом музее коллегиума по-прежнему устраивались регулярные публичные лекции и демонстрации опытов. Своеобразным признанием заслуг Общества Иисуса в этой области могут служить слова из доклада Придворной учебной комиссии накануне роспуска ордена: «Мало кто умеет преподавать астрономию и математику лучше иезуитов»²⁴. В начале 60-х годов воспитанников стали направлять на своеобразные «летние практики» в горные районы Верхней Венгрии — для сбора образцов минералов и изучения горного дела²⁵.

Венгерские воспитанники могли по праву гордиться тем, что их соотечественники были подлинным украшением профессорско-преподавательского состава коллегиума. Особо следует упомянуть выдающегося историка и неутомимого публикатора источников по венгерской истории, специалиста по дипломатике и геральдике Дёрдя Праи (1723–1801). Не выходя по своим взглядам за рамки позднебарочной иезуитской философии, он тем не менее в «технических» вопросах критического источниковедческого анализа далеко опередил своих современников. Имея доступ в закрытые архивы, Праи по документальным свидетельствам воссоздал средневековую политическую историю Венгрии. Формально он преподавал в Терезиануме с 1756 по 1757 г., приняв приглашение директора библиотеки Эразма Фрëлиха. Но и после того как Праи покинул стены заведения, он поддерживал тесные контакты с коллегиумом и его венгер-

скими воспитанниками, о чем подробнее рассказывается в главе «Государевы очи».

В точных науках не было равных математику и физику Палу Мако (1724–1793). Он вступил в Общество Иисуса семнадцатилетним юношей, преподавал в Трнаве и Вене, где на него обратил внимание ван Свитен. Лейб-медика потрясли способности молодого венгра, прекрасно разбиравшегося в физике и математике, писавшего стихи и прозу на латыни, свободно говорившего на немецком, французском и итальянском, читавшего на древнегреческом и древнееврейском. В 1757 г. он устроил Мако в Терезианский коллегиум, где тот преподавал математику и практическое природоведение на латинском и механику на немецком²⁶.

В 1763 г. число венгерских профессоров Терезианума пополнил Людвиг (Лайош) Миттерпахер (1734–1814) — также член ордена, окончивший теологический факультет Венского университета, возглавлявший венский Пазманеум, воспитывавший детей князя Лайоша Баттяни, пока наконец в 1763 г. не попал в Терезианум. Страстный пропагандист экономических знаний, Миттерпахер убеждал молодых дворян, что их патриотический долг и прагматический интерес как членов землевладельческого сословия призывает их к более глубокому изучению агрокультуры и овладению экономическими познаниями²⁷.

Сбалансированный учебный план Терезианума 1760-х годов пережил заложивших его основы иезуитов и с некоторыми дополнениями использовался пиаристами — они в 1773 г. сменили в коллегиуме членов Общества Иисуса. Переходя от простого к сложному, от частного к общему, воспитанники постигали окружающий мир во всей его сложности и многообразии. Не претендуя на научную глубину университетов, Терезианум тем не менее давал образование, не уступавшее по качеству университетскому. Впоследствии все эти знания не оседали мертвым грузом в дальних уголках памяти, но активно и свободно использовались. Старший сын Антала Брунсвика, тоже Антал²⁸, в первые годы после выпуска из коллегиума регулярно бывал в родовом имении Коромпа²⁹, расположенном неподалеку от Пресбурга, где он служил в Венгерской казенной палате. Письма о ходе сельскохозяйственных работ в имении, о видах на урожай с перечислением полевых и садовых культур и тому подобных сюжетах, написанные им на изящной латыни, восходящей к лучшим античным образцам, ярко иллюстрируют, чему и как учили в Терезиануме³⁰.

Наряду с овладением латынью все большее значение придавалось основательному владению немецким языком, с чем был полностью согласен куратор кардинал Мигацци³¹. Хранитель гареллиевской библиотеки и преподаватель немецкой риторики профессор Михель Денис уделял немало времени красноречию, следил за точностью произношения и интонацией. Он лично писал тексты речей, которые молодые дворяне заучивали наизусть и торжественно декламировали на публичных экзаменах. Из стихов и речей, написанных воспитанниками под его руководством на немецком языке, был составлен сборник «Плоды юности императорско-королевского Терезианума». В ученической речи «О точном использовании латинского и немецкого языка» австриец, барон Йоганн Зала, укорял соотечественников: «Я не раз, но многократно обращал внимание на господствующее заблуждение многих немцев, которые строго и в точности исполняли все обязанности по отношению к своему Отечеству, и все-таки не отдавали должного родному языку». И заключал: «Я полагаю, что изучение латыни — дело величайшей важности, но при условии, что вы всегда направляете свои самые благородные усилия на родную речь»³².

Венгр, граф Йозеф Эрдеди, в речи «Об обязанности дворянского юношества развивать хороший вкус» настаивал на том, что члены благородного сословия, если только они не ведут уединенную жизнь в своих поместьях, обязаны быть сведущими в науках и искусствах, ибо как главенствующее в обществе сословие являют собой модель поведения для простого народа: «Подайте же своим согражданам столь похвальную надежду, исполните же их сокровенное желание... Развивайте науки и искусства, опекайте их питомцев, способствуйте распространению хорошего вкуса. Тем самым вы исполните важнейшую службу перед Отечеством, принесете ценнейшую пользу согражданам, добудете славу своему государю, воздвигнете незабвенный ему памятник в благодарных сердцах потомков»³³.

Развивая внушаемые наставниками идеи и принципы, австриец, барон Йозеф Монтани, в «Рассуждении об обязанностях дворянина в отношении наук перед лицом своего сословия» подвел итог переменам, произошедшим в ментальности феодальной элиты: «Некий молодой дворянин, который юность должен проводить в академии... считает каждую минуту своего пребывания... и охотно представляет себе, как он покинет эту тюрьму. Он мечтает о самых приятных из будущих забав, не думает о настоящем, пропускает занятия, они дворянину, как

он думал, не нужны... Он скачет верхом, играет, делает визиты, не пропускает ни одного спектакля; он пирует, танцует и охотится, и полностью теряет время получить образование... Однако он хочет поступить на службу. Но на какую должность? Может быть, в суд? Притом, что он никогда не изучал право. Может быть, в посольство? Без пера, без языков, без ораторских способностей. Может быть, в Государственный совет? Без знания основ государственности и истории. Остается военная служба. Но как, без языков, истории, архитектуры, тактики? Для учебы он уже слишком стар, он стыдится и вынужден смириться с тем, что ему предпочитают или иностранные дворяне, или люди, которых он еще вчера презирал и с высоты своего положения стыдился»³⁴.

В воспитанниках Терезианума поощряли стремление приносить пользу на службе отечеству, закладывали в их души основы государственного патриотизма. Впоследствии эта разновидность любви к отечеству часто подвергалась снисходительной критике: мол, государство, которому молодых людей учили хранить верность, — единая Габсбургская монархия³⁵, — существовало не столько на деле, сколько в умах идеологов просвещенного абсолютизма и педагогов Терезианума, таких как Й. Зонненфельс. Между тем его концепция «патриотической нации» создавала важные идейные предпосылки для внедрения в сознание политической элиты убеждения, что «дворянство за свои привилегии обязано служить Отечеству, и по мере несения службы оно лишь погашает долг перед ним»³⁶. Общественная полезность сословия, по мнению Зонненфельса, должна была стать единственным мерилем социального превосходства. «В Европе исходят из предположения, — писал философ, — что доблести и достоинства имеют наследственную природу; и этот принцип будет справедлив, когда привилегии, доставшиеся ему по праву рождения, дворянство оправдывает личной исключительностью, когда употребит их на то, чтобы сделать сограждан счастливыми, когда сочтет ниже своего достоинства отставать от низших классов в следовании законам, в верности правителю, в соблюдении обязанностей гражданина»³⁷.

Лучшие из учеников, доказавшие свою гражданскую состоятельность десятилетиями успешной службы, уже в юности проявляли зрелость суждений и высокую ответственность. Летом 1765 г. к Анталу Брунsvику-младшему, в то время воспитаннику Терезианума, в частном порядке обратился друг и коллега отца барон Ференц Балашша (недавний выпускник Терезиану-

ма стал едва ли не ведущим экспертом по вопросам, касавшимся венгерских дел). Он попросил молодого человека поделиться своими соображениями по следующему вопросу: «на что необходимо обратить внимание при путешествии юношества в чужие земли», и тот изложил усвоенные в коллегии принципы *grand tour* эпохи Просвещения, когда галантное поведение при иностранных дворах непременно дополнялось учеными речами, а обогащение новыми впечатлениями имело конечной целью извлечение выводов, полезных для своего отечества. И Антал, как он позже писал отцу, «тут же, отложив на час подготовку к сложному экзамену, выполнил поручение». Это означает, что, в отличие от «Плодов юности», работа Брунсвика-младшего была написана самостоятельно, и ее не касалась рука педагога, готовая сгладить шероховатости стиля и исправить неточности изложения.

Перед отъездом в путешествие, полагал Антал, юноше необходимо убедиться, что он уже достиг возраста, в котором в состоянии оценить, что полезно и что вредно ему самому и его отечеству. В пути также необходим «сведущий, опытный, бдительный наставник, словом, такой, который похож на господина Балашша или лишь немногим ему уступает». Во время путешествия «в первую очередь следует осматривать то, что особенно примечательно», «отдавать должное всему прекрасному, а не восхищаться попусту одними лишь пороками... и в разговорах с местными жителями (ведь любое сравнение неприятно) никогда не сравнивать свое Отечество со страной или областью, где оказался, и тем более не отдавать им предпочтения». Брунsvик считал целесообразным «вести записи обо всем примечательном, что случится в пути, сопровождая их политическими комментариями», и если обнаружится, что область эта в чем-то превосходит родную страну, пусть молодежь не привыкает закрывать на это глаза, но учится как это исправлять». Наконец, по возвращении из путешествия следовало «вновь и вновь перечитывать свои заметки и применять их сообразно обстоятельствам во благо себе самому и своему Отечеству». Это необходимо для того, заключал молодой человек, чтобы далекие народы нас не высмеивали, но опасались, поскольку точно знали, что гости привезут в родную землю не телесную изнеженность, не избалованность, не распушенность, не забавы, не язвы государства, но мудрость, опыт и благоразумие»³⁸.

«Имперская» идентичность (ее Брунsvик-младший, несомненно, усвоил в Терезиануме) не мешала ему чувствовать себя

частью мадьярского этноса. Вскоре после окончания коллегияма, в 1770 г., молодой человек, возможно, по совету одного из своих бывших профессоров Дёрдя Праи, с интересом прочел и с восторгом принял (о чем писал в письме к отцу³⁹) ставшую впоследствии знаменитой книгу астронома Яноша Шайновича «Демонстрация тождественности языка венгров и лопарей». Ее, однако, открыто критиковали многие «патриотически настроенные» венгры, привыкшие считать себя потомками воинственных гуннов, но никак не родственниками «пропахших рыбьим жиром» миролюбивых финнов⁴⁰. Можно сказать, что Брунстик как государственный служащий, не чуждый просвещенным идеалам эпохи, сочетал верность Венгерскому королевству с верностью Габсбургскому дому и как подданный короны св. Стефана считал себя венгром, коему не безразличны язык и культура родной страны⁴¹.

Серьезных попыток подсчитать, сколько же венгерских дворян из Венгрии и Трансильвании посещало Терезианум в первый период его существования (1746–1784 гг.), никогда не проводилось. Венгерский историк В. Фракнои во время работы над биографией графа Ференца Сечени имел возможность изучать матрикулы, и, по его подсчетам, в 1772 г., когда юный венгерский аристократ стал 727-м воспитанником этой венской школы, он оказался 117-м венгром⁴². «Национальность», как она фиксировалась в матрикулярных книгах коллегиямов, академий и университетов, отражала принадлежность к коронной земле или провинции, членство в ее дворянском сообществе. Однако иноземцы, получавшие членство в господствующем классе Венгерского королевства, хотя и становились формально венгерскими дворянами, не отказывались при этом ни от своей «невенгерской» этнокультурной идентичности, ни от членства в дворянских сообществах иных земель монархии. Юридическая принадлежность к нескольким «нациям» в ту эпоху сравнима с современным двойным гражданством: отпрыски венгерского графского рода Колоничей числились в бюллетене коллегияма австрийцами, а граф Франц Петраш, оставаясь австрийцем, получал батасекскую стипендию из венгерской квоты по праву венгерского индигената. Это превращало сам критерий «национальности» в фикцию.

Из числа 117-ти «венгерских дворян» (посчитанных Фракнои) были, по всей вероятности, исключены Антон (Антал) и Йозеф (Йожеф) Рибичи, сыновья директора архива Венгерской

казенной палаты Георга Рудольфа Рибича — австрийца, обладавшего венгерским индигенатом. Между тем оба брата пришли работать в Венгерскую казенную палату, а внук одного из них — Антал Рибич-младший в конце XVIII — начале XIX в. числился чиновником в Венгерской канцелярии⁴³. Не попал в список Фракной другой «иностранец» — Йозеф (Йожеф) Лужинский, сын этнического поляка и австрийского генерала барона Георга Лужинского, предки которого в 1727 г. получили венгерский индигенат. Еще меньше формальных оснований было у Фракной считать венгром графа Йоганна Сигизмунда Хамаре-Харбувала, австрийца, женатого на венгерской графине Иоанне Кеглевич и не обладавшего венгерским индигенатом. Один из его сыновей, Йоганн Йозеф, когда получить батасекскую стипендию из венгерской квоты не удалось⁴⁴, почти восемь лет, с 1772 по 1780 г., обучался в Терезиануме из средств Тайной казначейской кассы. Озабоченный тем, как дать достойное образование остальным своим детям, в 1774 г. в письме Ференцу Балашша (одна из копий, снятых с письма, хранилась в семейном архиве графа, другая находилась в бумагах Комиссии по делам благочестивых фондов⁴⁵) Хамаре жаловался, что в Хорватии-Славонии нет учебных заведений, где давалось бы «образование, которое требуется в наше время», поэтому просил зачислить сыновей в, как он ошибочно выразился, «императорско-королевский Терезианский коллегийум в Трнаве». Повидимому, граф Хамаре имел в виду недавно открывшийся Терезианский коллегийум в Ваце. Так или иначе, милостивая резолюция Марии Терезии рекомендовала Наместническому совету принять во внимание это прошение, хотя в вацкий Терезианум, по крайней мере в качестве пансионера, юноша Хамаре принят так и не был.

Получалось, что называться венграми, претендовать на членство в венгерском господствующем классе для обладавших индигенатом иноземцев было выгодно в тех случаях, когда это сулило преимущества и привилегии, в частности стипендии, зарезервированные для «венгерской нации» как в самом королевстве, так и за его пределами. В данных случаях, выбирая между ограничительным и расширительным толкованием понятия «венгерский воспитанник», представляется более верным выбрать расширительное толкование, хотя бы для тех случаев, когда судьбы этих воспитанников так или иначе оказались связаны с Венгрией. То обстоятельство, что в формировавшем единую элиту Габсбургской монархии Терезиануме венгерский

господствующий класс представляла этнически пестрая общность Hungari, чрезвычайно важно для понимания как сути политики венского двора, так и причин той ненависти, которую в патриотически настроенной части венгерского общества с конца XVIII в. начнет вызывать Терезианум.

Можно сказать, что в 1760-е годы венский Терезианум окончательно превратился в элитарную школу, где отпрыски славнейших родов из разных земель монархии готовились к своему сословному предназначению — занять ключевые должности в государственном аппарате, церкви. Прогабсбургская аристократия, и без того состоявшая в родстве друг с другом, оказывалась связанной еще теснее не только трогательными воспоминаниями о школьной юности, но и общими принципами, заложенными в них в годы учебы. Воспитанникам Терезианума давали широкие познания в самых разных областях, прививали тонкий вкус, воспитывали интеллектуальную открытость новым веяниям и явлениям в науке и искусствах. Но их также готовили к роли агентов влияния Вены, способных проводить политику центрального правительства на местах не в качестве послушного орудия, но по зову сердца и повинувшись голосу рассудка.

Таким образом, Терезианский коллегийум блестяще выполнял обе задачи, стоявшие перед привилегированной школой столь высокого уровня: там совместно воспитывались, сводя знакомства, а порой завязывая дружеские отношения, будущие поколения политической элиты. Их вводили в придворные круги и, возможно, уже тогда оценивали, кто больше подходит для тех или иных должностей. В то же время там давалось действительно лучшее на тот момент в Габсбургской монархии образование, нацеленное на формирование максимально широкого кругозора и интеллектуальную восприимчивость ко всему новому, воспитание гражданской ответственности, уважение к профессиональной компетентности, внушение высоких патриотических убеждений.

Интересен пример одного из известнейших венгерских выпускников Терезианума, графа Дёрдя Фештетича (1755–1819). Сын влиятельнейшего аристократа терезианского правления, вице-президента Венгерской казенной палаты графа Пала Фештетича, молодой человек по окончании Терезианского коллегийума поступил на военную службу и к 1790 г. дослужился до подполковника, однако своими нескрываемыми патриотическими убеждениями, в том числе требованием использовать в

венгерских воинских подразделениях родной язык и размещать их на территории королевства. Офицер стал негоден венскому двору, был вынужден подать в отставку и удалиться в свое имение. Император Леопольд II (1790–1792) считал Фештетича политически неблагонадежным, а император Франц II (1792–1835) за сочувствие политической оппозиции в 1798 г. лишил его камергерского звания и запретил появляться при дворе. Однако, даже удалившись в свое имение Кестхей, Фештетич нашел достойную форму служения родине: основал сельскохозяйственную школу «Георгикон» и выделил для практических занятий около 500 га собственных угодий⁴⁶.

В 1799 г. Фештетич составил учебный план — по нему частные педагоги Йозеф Такач и Иштван Кульчар должны были воспитывать сына графа, Ласло. Отца прежде всего заботил нравственный облик юноши, поэтому он требовал, чтобы учитель ежедневно «философствовал» с учеником как минимум в течение получаса. Фештетич обещал не жалеть средств на закупку полезных книг, с их помощью Ласло научился бы «достойно вести себя по отношению к государю, Отечеству, родителям, своим наставникам, сильным мира сего, равным ему по рождению и тем, кто от него зависим». Граф подробно перечислял те науки, которыми должен овладеть венгерский аристократ. Ему полагалось свободно излагать мысли письменно, уметь писать под диктовку не только на родном языке, «который тот впитал с молоком матери», но на латыни, немецком, французском, итальянском, английском. К тому же, учитывая, что в обширных владениях Фештетичей проживало немало славянского населения, Ласло не помешало бы знать хорватский и словацкий. Далее учителям следовало ознакомить юношу с арифметикой, математикой, геометрией, гражданской архитектурой, черчением, физикой, экономикой, а также географией, историей, статистикой, политикой, камеральными науками. Венгерскому дворянину полагалось постичь основы естественного, публичного, международного, венгерского права. В заключение, памятуя о том, что юноша должен превратиться в настоящего мужчину — а ему неведомы изнеженность и лень, — граф Фештетич предписывал заниматься с сыном физическими упражнениями и верховой ездой⁴⁷.

В рядах венгерской политической элиты выпускники Терезианума не составляли некоей обособленной группы со сходными взглядами и предсказуемым поведением. Стремясь развить

в каждом юноше личность, их наставники закладывали основы неповторимой индивидуальности, когда политический или нравственный выбор каждого определялся уникальным сочетанием семейных традиций, усвоенных в школьные годы принципов, свойств характера и пр. Трудно приписать исключительно годам, проведенным в Вене, те или иные взгляды или поступки выпускников во взрослой жизни. В то же время, подобно тому, как стремление наставников взрастить идеального человека эпохи Просвещения сочеталось с задачей воспитать лояльного династии подданного, на воображаемом коллективном портрете выпускника проявлялись черты как служения Венгрии, так и преданности династии. В одних, как в Ференце Балашша или Яноше Меднянски⁴⁸, верх брала «имперская» идентичность, в других — «национальная», но у многих, и тому яркий пример граф Ференц Сечени, присутствовали обе⁴⁹.

Венский опыт на венгерской почве

Элитарные школы в монархии Габсбургов возникли сначала в имперской столице: там молодые аристократы и дворяне одновременно с изучением наук усваивали премудрости церемониала и заводили полезные знакомства в придворном окружении. Любые усилия создать полноценную дворянскую академию в Венгрии, как мы помним, наталкивались на враждебность австрийских властей. Батасекское аббатство было фактически монополизировано дворянством Наследственных земель, и венграм приходилось проявлять всю возможную настойчивость, чтобы получать в полном объеме свои законные стипендиальные квоты. Первое учебное заведение, имитировавшее венский Терезианум и получившее право носить имя императрицы, открылось в Ваце по инициативе К. Мигацци только в 1767 г. В то же время правящая элита ясно осознавала, что стране прежде всего требовались учебные заведения для сыновей служилого дворянства, где преподавались бы не столько верховая езда или фехтование, сколько математика и камеральные науки, современная история и география, инженерное дело и немецкий язык. Не дожидаясь от венского двора выделения щедрых субсидий, венгерский канцлер граф Ференц Эстерхази на собственные средства и при финансовой поддержке императрицы в 1763 г. открыл в расположенном в его владениях городке Сенц первый в Венгерском королевстве политико-экономический коллегийум.

Преподавание в обеих школах в силу давней традиции семейства Эстерхази поддерживать педагогические усилия пиаристов и благодаря особому уважению, которое испытывал к их методам обучения кардинал Мигацци, было вверено именно этому ордену. Сложившаяся в эпоху Контрреформации система дворянских коллегиеумов и конвиктов под патронатом Общества Иисуса осталась практически неприкосновенной. Только в подконтрольном иезуитам Трнавском университете, где, как говорилось выше, с 1767 г. начали преподавать политико-камеральные науки, слушателей теологического факультета особым распоряжением императрицы обязали изучать новый курс⁵⁰. Таким образом, тактика венского двора — поддержка полезных инициатив при неуклонном расширении государственного вмешательства в подвергавшейся постепенному реформированию системе образования — нашла в 1760 — первой половине 1770-х годов свое продолжение в Венгрии.

Политико-экономический коллегиум в Сенце

Итак, в 1763 г. венгерский канцлер граф Ференц Эстерхази обратился к императрице с проектом создания политико-экономического коллегиума. Там говорилось, что в стране нет такого учебного заведения, где бы преподавались физика, практическая геометрия, математика и бухгалтерский учет, политическая экономия, основы ведения сельского хозяйства, горное дело и иные подобные науки, без которых нельзя добывать полезные ископаемые, прокладывать дороги, рыть каналы, осушать болота, проводить пограничные межевания. Преподавание в коллегиуме Эстерхази предлагал вверить отцам-пиаристам, чья репутация как лучших наставников в перечисленных науках была выше всех похвал. Профессорско-преподавательский состав должен был, по мнению канцлера, состоять помимо ректора из пяти профессоров (математики, экономики, арифметики, каллиграфии и стиля, черчения), а также предусматривался небольшой штат из мирян (прислуга, повар, сторож). Канцлер выделил здание (благо Сенц располагался во владениях семейства Эстерхази) и заложил основу учебного фонда коллегиума, разместив в Венгерской казенной палате 20 тыс. фт. под 5% годовых. По плану Эстерхази, коллегиум передавался в ведение Наместнического совета, за которым, как и в случае со всеми прочими учебными заведениями, расположенными на территории королевства, закреплялось право представления кандидатур на стипендиальные места. Комиссии по делам бла-

гочестивых фондов при Совете вменялось в обязанности регулярно осуществлять инспекционные визиты⁵¹.

Согласно представленным расчетам, для начала в коллегии предполагалось принять «20 пансионеров из числа обедневших, но обладающих необходимыми склонностями к такого рода наукам и исповедующих католическую веру дворянских юношей». На одного пансионера предлагалось тратить всего 70 фт. в год. Даже принимая во внимание, что Сенц, несмотря на относительную близость к Пресбургу и Вене, был очень недорогим для проживания местом, сумма годового содержания кажется более чем скромной. Напомним, что год в венском Терезиануме стоил от 400 до 500 гульденов, не считая школы верховой езды и иных дополнительных расходов. Когда в 1776 г. руководство коллегии пожаловалось, что одной пары башмаков и одной пары сапог в год никак не достаточно, то Наместнический совет предложил надевать новую обувь только по торжественным случаям, а в леса, поля и на болота для практических занятий по геометрии ходить в старой, стоптанной⁵².

Очевидно, что заведение было рассчитано на небогатое служилое дворянство — сыновей мелких чиновников Венгерской казенной палаты и подведомственных ей соляных контор, сборщиков налогов, таможенников, почтмейстеров и пр. В то же время, поскольку на таких должностях в подавляющем большинстве случаев находились недворяне, а их компетентность с точки зрения государственных интересов была куда важнее соблюдения принципа сословности, уже в 1765 г. было принято решение учредить шесть специальных стипендий для «сыновей камеральных служащих» (*Kameralbeamten Söhne, cameraticorum filii*) — детей чиновников Венгерской казенной палаты и подчиненных ей ведомств без учета происхождения. Подробнее об этой категории пансионеров речь пойдет в главе «Приравненные к дворянам».

Именно в 1760-е годы низшие слои чиновничества особенно сильно пострадали из-за роста цен и девальвации жалований вследствие экономического кризиса, сопровождавшего Семилетнюю войну. С другой стороны, на них, как и на провинциальное дворянство вместе взятое, все острее становился нажим венских властей, требовавших, чтобы любые должности в государстве распределялись на основании профессиональной пригодности соискателя. З. Фалленбюхль писал: «Начиная с 60-х годов XVIII в. подготовка требовалась даже для того, чтобы занять чуть более высокую должность, нежели простой письмоводитель

или копиист. Для того же самого поста, который отец в свое время получил, доучившись разве что до класса риторики и после одного-двух лет правовой практики или, возможно, приобретя необходимый опыт сразу же в пункте по сбору тридцатины или соляной конторе, сыну теперь требовалось знание политико-камеральных наук, которые приходилось изучать особо и не за один-два года, но систематически, в стенах специальных школ»⁵³.

В том же 1763 г. Мария Терезия, полностью поддерживая инициативу канцлера, повелела ежегодно выделять из средств Венгерской казенной палаты 1 400 фт. как раз на 20 стипендий, а также одновременно передала вновь созданному заведению 1 500 фт. для пополнения библиотеки и закупки «механических и математических инструментов». Она также приказала на ближайшем Государственном собрании подыскать для коллегіума аббатство, которое, наподобие Батасека, могло бы стать постоянным источником финансирования⁵⁴. Однако как раз на Государственном собрании 1764 г. разгорелись ожесточенные споры между венским двором и венгерскими сословиями по поводу налогообложения дворянства. Мария Терезия в знак высочайшего недовольства демонстративно покинула Пресбург (она даже на время сняла со всех дворцовых караулов венгерских гвардейцев), и дело до рассмотрения вопроса о стипендиальном фонде для экономического коллегіума так и не дошло. Тем не менее императрица неоднократно выделяла ссуды по 100 фт. на различные учебные нужды, в 1766 г. увеличила сумму дотации на годовое содержание воспитанников до 1 700 фт., а в 1767 г. — до 2 100 фт.

Курс учебы был рассчитан на два года, и новых пансионеров не брали до тех пор, пока не выпускался предыдущий набор. В планах Марии Терезии было превратить коллегіум в главное политико-экономическое учебное заведение всей Габсбургской монархии, поэтому языком преподавания с самого начала был немецкий, и, несмотря на все протесты со стороны венгерских сословий, императрица не позволила отклониться от этого требования. В первый же год она направила в Сенц шестнадцать австрийских юношей, оплатив их пребывание в коллегіуме, но лишь трое из них оказались достаточно подготовлены к изучению камеральных наук, поэтому ордену из своих средств пришлось нанимать остальным репетиторов⁵⁵. История повторилась в 1769 г. с венгерскими пансионерами из числа сыновей камеральных служащих, зачисление которых находилось в ком-

петенции венской Придворной казенной палаты. Уже после того как мальчики прибыли в Сенц, выяснилось, что пятеро из шести еще слишком малы и не умеют ни читать, ни писать по-немецки и не владеют счетом. Руководство коллегиума попросило детей забрать и прислать новых, более способных, но резолюция Марии Терезии повелевала: раз они уже в Сенце, то пусть там и научатся всему, о чем и следовало доложить по истечении года⁵⁶.

Соблазн направить в Сенц этнических немцев из Австрийских земель или Венгерского королевства всегда был велик, но канцелярия, бдительно следившая за соблюдением «национальных» интересов, немедленно реагировала на любые попытки произвольного перераспределения стипендиальных мест. Когда в 1774 г. на пять вакансий австрийскими властями были предложены мальчики с немецкими фамилиями, не имевшие венгерского индигената, канцлер в ответной ноте напомнил, что поскольку кандидатуры сыновей камеральных служащих утверждаются по особой процедуре, то названные императрицей юноши явно таковыми не являются, а, следовательно, претендуют на места, предназначенные не для кого иного, как сыновей обедневших венгерских дворян. В качестве ответного хода канцлер предложил принять на вакантные места сыновей «подлинно венгерских и действительно нуждающихся дворян», которых рекомендовали комитатские собрания. Мария Терезия, со своей стороны, выразила недовольство, что канцлером были предложены одни только венгры, и продолжала настаивать, что в Сенце должны учиться не только венгры, но и немцы (в данном случае в соотношении два к трем)⁵⁷. Интересно, что всего двумя годами ранее в связи с назначением в Венгерскую канцелярию этнического немца императрица одобрила его кандидатуру с оговоркой, что в тот же отдел хорошо бы назначить и какого-нибудь венгра⁵⁸.

Обязательность преподавания на немецком языке и высокая степень сложности изучаемых предметов представляли собой неразрешимую проблему для властей и профессоров коллегиума. Иосиф II, посетив в 1770 г. Сенц, не без едкой иронии отметил в своем дневнике, что список предметов слишком длинен даже для двух лет, притом на овладение немецким у пансионеров уходит целый год⁵⁹. Изучаемые в коллегиуме дисциплины — геодезия, картография, маркшейдерия⁶⁰, гидравлика — были исключительно трудны для понимания даже на родном языке, не говоря уже о немецком, которым многие едва владели.

Поэтому изначально был установлен образовательный ценз — класс философии или, в качестве исключения, класс *humaniora*. И венгерские власти, и руководство коллегиума стремились по возможности строго придерживаться этого требования. В 1764 г. ректор был вынужден отказать Наместническому совету в зачислении двух братьев Понграц на том основании, что один ходит только в начальную школу, а второй вообще по малолетству неграмотен⁶¹. В 1771 г. время обучения увеличилось до трех лет.

Венгерские власти и руководство коллегиума делали все возможное, чтобы в коллегиум зачислялись прежде всего те, кто отвечал формальным критериям приема. Представление комитата в Наместнический совет должно было содержать ответы на стандартные вопросы, является ли соискатель обедневшим дворянином или сыном камерального служащего; знает ли немецкий язык и умеет ли на нем читать и писать; каково его вероисповедание, возраст, в каком комитате проживает; живы ли его родители, сколько классов он окончил и, самое главное, имеет ли *склонности, способности и необходимые познания* в науках, которые преподаются в Сенце. Когда к дворянскому собранию комитата Пресбург письменно обратился некий юноша по имени Антал Немети, поведав, что по окончании класса философии (скорее всего Трнавского университета, но сам проситель этого не уточняет) ему пришла охота заняться чем-то еще и посему он просил дворянство комитата «из присущей им милости и щедрости» дать ему рекомендацию, это обращение как не содержащее никакой конкретной информации было отложено до прояснения обстоятельств⁶².

В конце концов коллегиум начал представлять из себя причудливое сочетание удачного и неудачного опыта. С одной стороны, преподаватели-энтузиасты сумели увлечь наиболее способных из доставшихся им воспитанников составлением карт и проведением геодезических работ. Вскоре окрестные помещики начали привлекать сенцских студюзов для черчения земельных планов, необходимых при их бесконечных судебных тяжбах⁶³. С другой стороны, поселенные в маленьком заштатном городишке, заключенные в стенах коллегиума, вынужденные влачить довольно жалкое материальное существование (иначе не позволял поистине нищенский бюджет), молодые люди нередко были далеки от мыслей об учебе. Уже в отчете от 1766 г., после одного из первых инспекционных визитов, говорилось, что в будущем, блюдя нравственность воспитанников,

не рекомендуется нанимать на кухню служанок, и слуги-мужчины были бы там куда более к месту⁶⁴. В другом документе, составленном чиновниками Наместнического совета, отмечалось, что в спальнях по возможности следует изолировать мальчиков от юношей, ибо столь опасное соседство ведет к нежелательным последствиям⁶⁵. Получалось, что в то время как одни пансионеры постигали сложные науки и впоследствии стали первыми в Венгрии в полном смысле этого слова профессиональными бухгалтерами, землемерами, горными инженерами, налоговыми инспекторами и таможенниками⁶⁶, другие оказались совершенно неспособными воспринять серьезную науку, нарушали дисциплину и на этом основании регулярно исключались из коллегіума.

Многие выпускники коллегіума стремились поступить на службу в Венгерскую казенную палату и подведомственные ей учреждения, однако каждая кандидатура рассматривалась с особым тщанием, и никто не мог рассчитывать на то, что учеба в Сенце дает формальное преимущество перед старшими, обладавшими большим практическим опытом конкурентами. Зачисление на должность, как правило, оказывалось результатом протекции, что, правда, в Казенной палате в силу сложности работы случалось реже, чем в иных органах управления, или же становилось признанием профессиональных и личных качеств соискателя. В 1774 г. венгерский дворянин Иоганн (Янош) Клохомер (иногда его имя писалось Клохамер), только что окончивший Сенцкий коллегіум, предоставил руководству палаты свидетельства об успеваемости и прекрасные отзывы педагогов. Молодого человека зачислили практикантом к директору навигационных работ на реках Хорватии-Славонии совершенствоваться в гидравлике (искусстве управлять движением вод в естественных и искусственных руслах). Уже через два года руководство Казенной палаты направило юношу в Голландию изучать уникальный опыт возведения плотин и иных гидравлических сооружений. В рекомендации, в частности, говорилось: «Он является собой пример не только похвального прилежания, усердия и жажды познания, но и внушает вернейшую надежду, что с не меньшим усердием и немалыми ожидаемыми от него успехами и пользой оправдает затраченные на него казенные средства»⁶⁷.

Однако можно привести и совсем другие примеры. В 1769 г. за неуспеваемость и плохое поведение из коллегіума был отчислен круглый сирота, сын покойного младшего регистратора Венгерской казенной палаты Антал Деаки⁶⁸. Бедный настолько,

что руководству Палаты пришлось выхлопотать для него прибавок к скромной сенцской стипендии часть пенсии, которую тот после смерти отца получал до поступления в коллегиум⁶⁹, Деаки тем не менее не смог воспользоваться предоставленным ему шансом и, получив профессию, выбиться в люди. В 1770 г. другой пансионер, Антал Хедеш, неожиданно для всех бежал из Сенца, прихватив с собой казенное платье, чтобы через какое-то время объявиться в Пресбурге и записаться в полк эрцгерцога Фердинанда⁷⁰. В 1775 г. Ласло Фейерпатаки, который «по прошествии первого учебного года ничего не делал и только иных совращал с пути истинного, не научился ничему ни по одному из предметов и не выказал и тени прилежания», был исключен, «поелику два года в коллегиуме прошли для него без всякой пользы, и он зря ел ученический хлеб»⁷¹. Комиссия при Наместническом совете решение отца-ректора полностью поддержала и предложила взять на место этого бездельника более способного и послушного ученика⁷².

В 1776 г. в здании коллегиума случился сильнейший пожар. Оценив ущерб, причиненный огнем, власти решили сгоревшее дотла здание не восстанавливать, а учебное заведение перевести в какое-нибудь другое место. Сначала речь шла о Кашше, но этот оживленный торговый центр был слишком дорог (по некоторым оценкам дороже столичного Пресбурга) для того, чтобы там могли проживать, столоваться и одеваться бедные сенцские студенты. В конце концов было решено отправить педагогов, воспитанников и чудом уцелевшие учебно-методические пособия и инструменты в городок Тата, также находившийся во владениях канцлера Эстерхази. Тем более что Тата располагалась на берегах Дуная, а вблизи Сенца протекал один из его притоков, так что вместо дорогой транспортировки по суше можно было отправить оборудование водным путем. На новом месте коллегиум так и не прижился. Материалы Венгерской канцелярии свидетельствуют, что в коллегиуме постоянно не добирали учеников, что было, возможно, следствием крайне скудного бюджета, к тому же отяжеленного расходами по переезду. В 1780 г. политико-экономический коллегиум в Тате прекратил свое существование⁷³.

И все-таки, несмотря на некоторую неготовность общества в полной мере воспользоваться вновь открывшимися возможностями в области образования, следует согласиться с восторженными оценками роли Сенцкого коллегиума, данными венгерским историком, членом ордена пиаристов Ф. Хеди. Не одно

десятилетие он скрупулезно восстанавливал историю этого учебного заведения, убежденный, что оно сыграло важнейшую роль в профессионализации венгерского чиновничества мелкого и среднего звена, в укоренении на венгерской земле камеральных наук, без овладения которыми страна не могла решать сложнейшие задачи реформирования экономики, развития промышленности и торговли⁷⁴.

Результаты постепенного внедрения в сознание дворянства мысли о необходимости изучения естественных и точных наук, ориентированных на нужды практической хозяйственной и управленческой деятельности, станут заметны в первой половине XIX в. В 1802 г. гимназист пештской пиаристской гимназии Михель (Михай) Вернер в латинском сочинении на заданную тему — отец, убеждающий сына изучать геометрию, — пишет: «Наука эта не только доступна людям со скромными и средними умственными задатками, но и полезна тем, что позволяет жить в уважении и достатке, в чем можно убедиться, взглянув на геометра нашего Н-ского комитата, который за свой добрый характер снискал всеобщую любовь, а за познания в оной науке и овладение сим мастерством столь высоко ценим в кругу образованных людей, что его приглашают в разные уголки комитата, где необходимо сделать точные замеры для проведения самых разных работ. Трудно отрицать: он не только прославил свое имя, но и преумножил состояние до такой степени, что, похоже, ни в чем не знает недостатка». Сочинение завершалось словами: «Итак, сын мой, поскольку изучение геометрии нетрудно и почетно, к тому же сопряжено с немалой выгодой, я советую тебе заняться сей наукой и в совершенстве его овладеть»⁷⁵.

Терезианский коллегийум в Ваце

В 1762 г. Кристоф Мигацци получил епископскую кафедру в венгерском городе Вац (в XVIII в. выделение венскому архиепископу богатого венгерского диоцеза стало обычной практикой, вспомним С. Колонича, который был печским епископом). Видя потребность в реформировании системы дворянских учебных заведений королевства, епископ Мигацци в том же году добился основания в Ваце коллегийума для обедневших дворян (*collegium pauperum nobilium*), куда пригласил преподавать столь ценных им пиаристов. Коллегийум немедленно обрел популярность среди венгерского дворянства, и с первых лет (вопреки названию) учились там не только бедные дворяне-пан-

сионеры, но и отпрыски аристократических родов, правда на собственные средства. Так, сыновья любимца Марии Терезии генерала Андраша Хадики, Андраш и Карой, прежде чем поступили в венский Терезианум, начальное образование получили именно в Ваце⁷⁶.

Однако в намерения кардинала входило превратить патрируемое им учебное заведение в лучшую школу королевства, и в этом ему должна была помочь должность куратора венского Терезианума. В 1767 г. он получил согласие императрицы на присвоение коллегияму ее высочайшего имени. Так на венгерской земле появился первый Терезианум, в котором учебный план был составлен с учетом венского опыта. Скромные финансовые возможности основателей коллегияма не позволяли сразу же создать полноценную дворянскую академию с классом юриспруденции. Поэтому было решено ограничиться первыми тремя ступенями: грамматика, риторика с поэзией и философия, притом что в первые годы ученики класса философии были вынуждены посещать занятия в местной гимназии вместе с обычными детьми. Правовые дисциплины изучались исключительно в индивидуальном порядке, если родители нанимали для своих детей соответствующих педагогов.

В целом учебный план был близок к тому, по которому преподавали в Лёвенбургском конвикте и Савойской академии. Если сравнить образование, предлагавшееся в Ваце пиаристами и в прочих дворянских конвиктах иезуитами, то несравненно большее внимание первые уделяли немецкому (в Венгрии — венгерскому) языку, истории, математике, физике, каллиграфии. В распоряжении учащихся были самые разные математические и физические приборы, помогавшие им овладевать точными науками. В будущем предполагалось нанять опытных префектов, как в венском Терезиануме, где те знали несколько языков. Судя по сохранившимся ведомостям об успеваемости и прилежании, большинство пансионеров владело немецким языком и изучало французский⁷⁷.

Бюджет коллегияма, составлявший 6 тыс. фт. или 4% годовых с капитала в 150 тыс. фт., позволял содержать 20 пансионеров, выплачивать жалование директору, профессорско-преподавательскому составу, врачу, аптекарю, прислуге. В год на одного пансионера приходилось 180 фт, т. е. сумма, более чем в два раза превосходившая затраты на одного воспитанника в Сенце. Из этих денег можно было оплатить пошив униформы для мальчиков: ставший уже традиционным в такого рода школах синий камзол, «венгерские штаны», «немецкий камзол»,

черный кафтан. Помимо ограниченного числа пансионеров, предполагалось принимать также платных воспитанников, которые должны были получать образование, ничем не отличающееся от того, что гарантировалось пансионерам.

Хотя коллегium был создан по частной инициативе вацко-го епископа, его цели и задачи отвечали нуждам государства, поэтому, согласно жалованной грамоте Марии Терезии⁷⁸, заведение находилось под ее опекой и юрисдикцией, и именно за императрицей и ее наследниками закреплялось право утверждения пансионеров. Преимущественным правом при зачислении обладали *талантливые* дети *заслуженных* родителей, конвертиты и сыновья камеральных служащих (в том числе учреждались четыре стипендии по примеру Сенцкого коллегiumа, на которые правом представления обладала Венгерская казенная палата). Таким образом, и в Сенце, и в Ваце, в отличие, например, от Батасекского фонда, особо подчеркивалось, что ребенок должен обладать необходимыми познаниями и склонностями для того, чтобы учиться в такого рода заведении. Несмотря на то что в венском Терезиануме пока господствовали иезуиты, а в вацкий были приглашены пиаристы, в тексте грамоты неоднократно подчеркивалось, что учебный процесс должен быть построен по примеру лучшей школы монархии, хотя это во многом оставалось благим пожеланием.

Параллель между венским Терезианумом и Терезианским коллегiumом в Ваце обнаруживается в еще одном важном обстоятельстве: грамота предписывала учредить в Ваце четыре стипендии для дворян из Хорватии-Славонии⁷⁹ и шесть стипендий для дворянских детей из Трансильвании. Как неоднократно подчеркивалось самими чиновниками канцелярии, трансильванские дворяне получали возможность углубленного изучения венгерского законодательства — оно в своей средневековой части служило основой правовой системы княжества. Таким образом, если Вена была «плавильным котлом» для элит монархии Габсбургов и связующим звеном со Священной Римской империей, то для Венгерского королевства и для политической «венгерской нации» вацкий коллегium стал первым светским учебным заведением, программные цели которого включали более тесную интеграцию венгерского и хорватского дворянства и соединение (точнее воссоединение) элит «разделенных отечеств» — Венгрии и Трансильвании.

Поначалу аристократы из Трансильвании предпочитали отправлять детей на учебу в Вену, вацкий же Терезианум сразу

был по достоинству оценен служилым дворянством, которое увидело в этом дополнительную возможность дать образование своим детям за государственный счет. В материалах венгерского Наместнического совета сохранились отчеты об успеваемости студентов вацского Терезианума за 1769–1774 гг., в частности о пятнадцати выходцах из Трансильвании. Среди них лишь четверо носили баронский титул (три брата Зееберг и Пал Орбан), остальные были мелкими и средними дворянами. Со временем, когда коллеgium в Ваце снискал славу среди дворянских школ монархии, трансильванские аристократы стали направлять туда своих детей, надеясь, что годы, проведенные там, могут послужить неплохой стартовой площадкой для поступления в венский Терезианум.

Подавляющее большинство трансильванских воспитанников в Ваце владело венгерским и немецким как родными языками и изучало французский. Пятеро были, по-видимому, этническими немцами. Для Иоганна (Яноша) Драута в качестве родного языка, наряду с немецким и венгерским, был указан саксонский, т. е. вероятнее всего он происходил из семьи патрициев-саксов. Родным языком Миклоша Якобфи был, согласно ведомости, армянский⁸⁰. Возможно, он был выходцем из семьи армянских купцов, получивших дворянство. Судя по оценкам преподавателей, таланты, прилежание и успеваемость трансильванских студентов были не хуже, чем у молодых людей из Венгрии и Хорватии, а некоторые учились только на «отлично».

Для трансильванского дворянства создание шести стипендий в вацком Терезиануме, несомненно, имело особое значение, но доступ к ним нередко получали те, кто стоял ближе к трону. Роль родителей при зачислении сыновей в престижные школы монархии ярко иллюстрирует пример старинного, но небогатого дворянского рода Черей. Советник Трансильванской канцелярии Фаркаш (Вольфганг) Черей изучал философию в Коложваре, прославился своей образованностью, императрица считалась с его мнением в вопросах трансильванской политики (в 1756 г. он принимал участие в разработке положения о стипендиях для трансильванских аристократов), но что особенно важно, Черей был широко известен как истый католик. У него в семье подрастали восемь мальчиков, и отца не могло не заботить их будущее. Если для правнуков губернатора Банфи регулярные аудиенции у императрицы, знакомства и связи при дворе были формой адаптации ко взрослой жизни, в которой их карьера определялась происхождением, то служилому дво-

рянству приходилось рассчитывать только на свои силы. В мире тех, кто, обладая дворянской грамотой, был вынужден зарабатывать на жизнь интеллектуальным трудом, образование ценилось высоко, поэтому советник Черей не желал упускать возможности, пользуясь монаршим благоволением, обеспечить сыновьям достойное будущее.

В 1767 г. ему удалось пристроить в трансильванские пансионеры венского Терезианума своего старшего сына Лёринца. О нем Черей не без гордости писал в прошении на высочайшее имя: «Он считается одаренным ребенком, так что средства, выделенные из казны на его учебу в Вене, не пропадут даром»⁸¹. В тот же год второй его сын, Ференц, был зачислен в вацский Терезианум. В 1774 г., по окончании курса наук в Вене Лёринц не без протекции отца был принят на работу в архив канцелярии без статуса и жалования, что было распространенной практикой в отношении молодых, не имеющих достаточного опыта чиновников. Через год Черей-старший добился включения Лёринца в штат с годовым окладом 200 фт. В прошении отец утверждал, что за год работы молодой человек научился применять на практике те знания, которые в теории усвоил от своих венских профессоров⁸². В конце 1770-х годов, когда придет черед младших братьев, все они один за другим отправятся в те или иные престижные школы Австрии или Венгрии, в чем будет личная заслуга их отца, имевшего в своем активе благоволение императрицы и содействие влиятельных аристократов: с ними Черей сближали профессиональная деятельность или неприязнь к протестантам и ярая приверженность католической вере. Подробнее об этом будет рассказано в главе «Покровители и благодетели».

«Тому, кто беднее...»

Как уже говорилось в Части I, практика выделения стипендий дворянским детям уходила своими корнями в эпоху Контрреформации. Стипендии в соответствии с принципами христианского сострадания, дополнявшегося защитой интересов католической церкви, в первую очередь предоставлялись конвертитам, сиротам и отпрыскам заслуженных, но обедневших родов⁸³. Таким образом, в старой системе школьных фондов, как она сложилась в Комиссии по делам благочестивых фондов, заслуги семейства принимались во внимание, но не ставились во гла-

ву угла. Напротив, в Батасекском фонде Терезианума, равно как и в возникших с оглядкой на венский опыт Сенцском политико-экономическом коллегииуме и Терезианском коллегииуме в Ваце, заслуги отцов в сочетании со специфическими для каждого случая финансовыми затруднениями постепенно становились если не единственным, то главным критерием надления стипендией. В результате налицо известная и с годами только углублявшаяся дифференциация учебных заведений: не только в венском Терезиануме (прием венгерских воспитанников был изъят императрицей из компетенции венгерских властей), но и в Сенце и Ваце, по-прежнему подведомственных Наместническому совету, конвертит или сирота имел все меньше шансов получить стипендию, если семья ходатая не имела заслуг на ниве служения «общему благу». Зато в Трнаве, Нитре, Тренчине⁸⁴, Дёре и др. эти традиционные категории соискателей по-прежнему встречали понимание и не без оснований рассчитывали на поддержку.

Конвертиты

Вопрос о предоставлении стипендий конвертитам и детям от конфессионально смешанных браков заслуживает в связи с этим особого рассмотрения. Королевский декрет от 1749 г. рекомендовал священникам при заключении смешанных браков добиваться от родителей письменного обещания воспитывать детей в католической вере, а сирот, рожденных в смешанном браке, непременно записывать католиками, за чем вменялось надзирать местным духовным и светским властям. Декрет от 1756 г. требовал наказывать родителей, нарушающих данное обещание, и предпринимать любые законные меры для воспитания детей в истинной вере. Как писал Э. Финаци, «правительство вторгалось в семью, вырывало из ее недр ребенка и произвольно, пусть и повинувшись соображениям более высокого порядка, бралось за его воспитание... При этом никто из католиков не ощущал несправедливости, которая заключалась в том, что власти лишали детей политически свободных родителей отцовского дома (это называлось “секвестрованием”) и воспитывали их исходя из собственных нужд»⁸⁵.

Скупые строчки сводных ведомостей, в которых перечислялись имена соискателей, ходатайствующих о выделении их детям стипендий в католические конвикты королевства, подтверждают слова историка и нередко приоткрывают завесу над подлинными семейными драмами. Так, в 1772 г. из 29 кандидатов

в 7 случаях речь шла о конвертитах. Один из детей оказался обращенным в католичество иудеем по имени Йозеф Абрахамфи (фамилия явно сконструирована при крещении и означает «сын Авраама»), которого община города Тренчена рекомендовала принять в местный католический конвикт «за выдающиеся способности». У остальных кандидатов конвертитами был один или оба родителя, при этом в представлении комитата Сепеш на юного Дёрдя Варади говорилось, что мальчика следует принять в конвикт св. Адальберта в Трнаве, чтобы тот «не повторял ошибок матери-лютеранки». Наконец, дворянское собрание комитата Тренчен просило принять в Тренченский конвикт круглого сироту Яноша Бачо, чьи покойные родители были лютеранами⁸⁶. В 1773 г. из 25 соискателей пятеро оказались конвертитами. Дворянское собрание комитата Сепеш рекомендовало зачислить в пансионеры Трнавского королевско-архиепископского конвикта малолетнего Дёрдя Гёргея (после обращения в католичество он был оставлен своей протестантской родней), поэтому комитат позаботился о том, чтобы мальчика, еще до того, как ему исполнилось 7 лет, приняли на полный пансион в Лёчейский⁸⁷ конвикт, где тот добился успехов в учебе и выказал похвальные черты натуры⁸⁸.

Как уже неоднократно отмечалось, образование оказывалось частным случаем более общих социальных практик. Так, на протяжении всего правления Марии Терезии обращение в католицизм наряду с компетентностью, аккуратностью или служебным рвением могло стать дополнительным основанием для повышения жалования и карьерного роста⁸⁹. Государство поощряло возврат к истинной вере, а подданные при каждом удобном случае не забывали об этом напоминать в надежде получить испрашиваемую милость⁹⁰. В сфере распределения королевских стипендий многие родители-конвертиты считали возможным акцентировать факт обращения именно потому, что данное обстоятельство давало преимущественное право на зачисление в пансионеры того или иного благочестивого фонда. Например, в 1767 г. вдова Клара Дедински обратилась с ходатайством к фёишпану комитата Пресбург, надеясь на содействие в зачислении в один из трнавских конвиктов своего сына Яноша⁹¹, который «происходит из несомненно дворянского древнего и славного рода, на том основании, что дед мальчика, отвергнув акаатолическое учение, многие годы честно исполнял обязанности исправника комитата Арва⁹²». Более того, отец-лютеранин мог ходатайствовать о приеме ребенка, рожденного от матери-католички,

в престижное учебное заведение, как это в 1779 г. сделал Михайл (Михай) Рот, просивший принять сына Андреаса (Андраша) в будайский Терезианум или Трнавский дворянский конвикт⁹³.

Выше уже рассматривались случаи, когда факт обращения обеспечивал ребенку место в престижном Терезиануме (Иштван Ваи и Габор Фаи). Из числа батасекских пансионеров лишь один венгерский дворянин — Йозеф Видош — был конвертитом. Его отец Янош дважды, в 1761 и 1762 гг., подавал прошения в Венгерскую канцелярию. В первый раз он писал: «Два моих новообращенных сына по особому всемиростивейшему распоряжению Вашего Священнейшего Величества пристроены: старший — пансионер, включая питание и одежду, в королевском конвикте в Трнавe, младший — тоже пансионер в Дёрском конвикте у отцов-иезуитов... и по всем отзывам учатся они с прилежанием и благоговением. Однако проживание в отдаленных местах и ограниченные возможности выучить немецкий язык как в высшей степени необходимое средство для добывания средств к существованию заставляют меня как их родителя волноваться и тревожиться». На этом основании Видош-старший просил определить обоих братьев в венский Лёвенбургский конвикт, «чтобы у них появилась возможность облегчить себе изучение немецкого языка». «Если же в настоящее время там нет свободных мест, — продолжал ходатай, — то соблаговолите распорядиться перевести младшего в Трнаву, где имеет счастье находиться его старший брат»⁹⁴.

Первое прошение Видоша привлекло внимание канцлера именно в силу того обстоятельства, что отец мальчиков был конвертитом, но, по единодушному мнению канцелярии, прежде других заслуживал стипендии в Лёвенбургский конвикт сын Жужанны Грабарич, бедной вдовы Яноша Палочаи. В прошении она сообщила о себе следующее: «С тремя сыновьями и тремя дочерьми я оказалась в жалком и обездоленном положении вдовы, при этом была и в настоящее время остаюсь настолько стесненной в средствах, что не могу обеспечить ни себя, ни детей и существую лишь благодаря вспомоществованиям тех, кто убежден в моей нужде и бедности, но поскольку дети мои дворянского происхождения и одарены от Бога добрыми задатками и недюжинными талантами, и хотя я по мере сил, прежде всего с помощью христианских подаяний, дала им образование и они в освоении наук с божьей помощью достигли такого успеха, что подают немалые надежды, из-за отсутствия средств у меня нет возможности продолжить их образование»⁹⁵.

Однако все-таки кандидатура Видоша была поставлена на «почетное» второе место. Упорствовавший в своем желании дать сыновьям уникальный шанс учиться в имперской столице Янош Видош в следующем, 1762-м, году подал второе прошение. «Соблаговолите, — писал он, — повелеть, чтобы они были приняты: старший, который имеет склонность к политическим наукам, — для изучения юриспруденции, прежде всего гражданского права, второй же — в какой-либо коллегииум из средств приписанного к нему фонда, по возможности в Вене, где у них будет надежда попрактиковаться в немецком языке»⁹⁶. На этот раз судьба улыбнулась младшему из братьев, Йозефу, — его Венгерская канцелярия рекомендовала принять в Терезианский коллегииум на место окончившего курс Михая Бобока, поскольку, как писал канцлер в представлении на высочайшее имя, «для укрепления истинной веры будет как нельзя лучше, если его примером нектолики убедятся, что благодаря милостивой императорско-королевской заботе конвертиты имеют возможность своим сыновьям дать куда более глубокое и всестороннее образование в науках»⁹⁷. Правда, несмотря на заверения отца в том, что немецкий язык нужен мальчику для большей пользы в деле служения общественному благу, по окончании Терезианского коллегииума он, если верить «Альбому» М. Геммель-Флишбаха, вел частную жизнь в родном поместье⁹⁸.

Исключительный статус коллегииума не позволял известить его до этакой «контрреформационной кузницы», в которой из конвертитов выковывали бы истинных католиков. Например, когда в 1754 г. при дворе стало известно, что католик барон Мозеш Реваи, женатый на лютеранке из рода Хорватов-Станшичей, воспитывал детей в протестантской вере⁹⁹, венгерский канцлер немедленно предложил изыскать для них стипендии в католических учебных заведениях монархии, например включить его сына Марка в число стипендиатов венского Хаосовского фонда. В конце концов мальчика отправили все-таки не в Вену, а к иезуитам в трнавский конвикт, дочери Реваи тоже оказались в Трнаве, у монахинь-урсулинок¹⁰⁰. В 1757 г. Венгерская канцелярия в списке из трех претендентов на одну вакансию в Батасекском фонде поставила кандидатуру Марка Реваи на первое место, но в тот год ни один из венгров не удостоился причитающейся «венгерской нации» стипендии¹⁰¹. Марк Реваи по окончании конвикта в 1761 г. поступил в недавно созданную венгерскую лейб-гвардию, откуда, правда, уже в 1763 г. был вынужден уволиться по состоянию здоровья. Зато

его младший брат Имре, прошедший по стопам Марка и конвикт в Трнаве, и венгерскую лейб-гвардию, затем долгое время служил в армии и ушел в отставку в чине подполковника¹⁰².

Осторожность властей при предоставлении стипендий в престижные венские школы только потому, что родители ребенка вернулись в лоно католичества, можно понять. В материалах Венгерской канцелярии есть несколько примеров, когда юноши, принятые в пансионеры того или иного учебного заведения лишь с целью не дать им уклониться от истинной веры, нарушали дисциплину и не считали нужным хорошо учиться. Э. Финачи приводит историю (относящуюся, по-видимому, к 60-м годам XVIII в.) о студенте-юристе из Трнавы, некоем Яноше Добаи, который учинил пьяный дебош, избив добропорядочного горожанина и сломав руку случайно замешанному в драку музыканту¹⁰³. Дальнейшую судьбу хулигана решали власти разного уровня, вплоть до Венгерской канцелярии, и в конце концов был вынесен вердикт: «принимая во внимание его дворянское происхождение, а также то, что он вернулся в лоно Римско-католической церкви», не давать делу ход, а Добаи — наказать согласно внутреннему распорядку конвикта¹⁰⁴. Шло время, и в начале 70-х годов власти уже не были настроены столь благодушно. В 1773 г. из Трнавского королевско-архиепископского конвикта под предлогом экономии государственных средств был исключен дворянин Ласло Раковски 18-ти лет от роду, находившийся там с 1769 г. на полном пансионе, однако «никак не улучшивший свои нравы и не добившийся никаких успехов в учебе; но поскольку он был конвертитом, в конвикте закрывали глаза на то, что юноша едва умел читать, а в таком довольно взрослом возрасте сохранялась опасность, что он вновь впадет в акатолизм (т. е. акатолицизм. — О. Х.)»¹⁰⁵.

Сироты

Сироты, бедные и богатые, имели одинаковое право пользоваться прекрасным воспитанием, основой которому служило совершенное равенство.

Г. И. Ржевская. «Памятные записки»

Сироты были категорией подданных, о которой проявляли особую заботу и католическая церковь, и христианские государи. Мария Терезия, сама многодетная заботливая мать, не устанно пеклась о сиротских приютах, монастырских школах, домах призрения для солдатских детей¹⁰⁶. Мальчики, чьи отцы

пали на полях сражений, принимались в Терезианскую военную академию в Винер-Нойштадте, кадетский корпус при Хаосовском фонде или венскую Инженерную академию. Помимо однократных дополнительных плат за амуницию кадеты обычно получали небольшие пенсии до присвоения им первого звания. Дворянские дочери находились на полном пансионе в благотворительных заведениях, до тех пор пока не выходили замуж или не поступали в монастырь. Талантливые дети по окончании обучения поступали на службу ко двору¹⁰⁷.

В дворянских конвиктах Венгрии не было года, когда в пансионеры не зачислялся хотя бы один сирота, за которого хлопотали родственники, опекуны или комитат, откуда была родом его семья. Например, в 1773 г. из девяти воспитанников, зачисленных в Королевско-архиепископский конвикт в Трнаве, у пятерых не было одного или обоих родителей. В 1775 г. из 84 ходатайств о зачислении в дворянские школы королевства в 17-ти речь шла о сиротах, а еще в 7 случаях это можно предположить из контекста¹⁰⁸. Очевидно, что многие сироты, попадавшие в католические конvikты, были обязаны этой «удачей» опасениям властей, как бы дети не выросли приверженцами иной веры. В цитированном выше представлении на высочайшее имя за 1772 г. о приеме воспитанников в учебные заведения королевства из 15 сирот про семерых известно, что они происходили из семей протестантов или конвертитов.

В венский Терезианум нередко принимались сироты аристократического происхождения, но всякий раз такой случай являлся результатом особого снисхождения императрицы к исключительным жизненным обстоятельствам. Например, в 1753 г. граф Адам Баттяни обратился к Марии Терезии с просьбой освободить его от ставшего непосильным обязательства — быть опекуном сирот графа Лайоша Эрдеди, покойного местоблестителя должности хорватского бана. Граф Баттяни объяснял, что многие годы был вовлечен в имущественную тяжбу, поставившую под угрозу благосостояние его собственных шестерых детей, а их он желал бы достойно воспитать для несения королевской службы. «Вряд ли возможно, — рассуждал граф, — чтобы я, пренебрегая своим прямым долгом, повелевающим обучить детей и привести в порядок имущество, исполнял бы обязанности, возложенные на меня графом Лайошем Эрдеди, от чего дела моих собственных детей и вверенных моим заботам сирот пошли бы из рук вон плохо, а в случае моей смерти, которая вполне может последовать в период опекуинства, бремя

К. Русс. Мария Терезия во вдовьем одеянии

расходов перешло бы на мою супругу и детей, от чего супруга и дети мои оказались бы в безвыходном положении»¹⁰⁹.

На данном основании, а также учитывая, что за годы опекунства он не взял себе ни форинта из причитавшейся ему по закону шестой части доходов опекаемых сирот, Баттяни просил, чтобы государыня подыскала кого-нибудь другого для опеки над малолетними Эрдеди. Мария Терезия сочла доводы весомыми и, освободив графа от обременительной для него обязанности, повелела принять трех старших братьев в венский Терезианум из средств, завещанных им отцом¹¹⁰. На самом деле, по неизвестным причинам в коллегиум был принят только один из мальчиков, Йозеф¹¹¹. Более того, когда в 1757 г. Венгерская канцелярия предложила зачислить в коллегиум на освободившееся место из батасекской квоты другого брата, в Вене ее инициативу не поддержали¹¹². Скорее всего, австрийские власти сочли, что раз члены такой знатной и богатой семьи не смогли воспользоваться шансом дать детям образование из собственных средств, то не следует выделять им и королевскую стипендию.

Отпрыскам других знатных венгерских родов повезло больше. Так, в 1764 г. дёрский епископ Ференц Зичи обратился с письмом к канцлеру Ф. Эстерхази: «Достоин сочувствия сиротство, и в особенности сиротство тех, кто не только лишился отца, но и обременен завещанными им долгами. В таком положении оказался мой родственник, сын моего покойного брата Яноша, Миклош Зичи». Епископ утверждал, что «средства, которые мальчик должен был бы употребить на свое воспитание и образование, теперь благодаря милости фонда он сможет обратить на выплату доставшегося по наследству долга»¹¹³. Ходатайство титулованного родственника, содействие канцлера и финансовые затруднения семьи, — все вместе привело к тому, что Миклош Зичи был принят в батасекские пансионеры и провел в коллегиуме семь лет¹¹⁴.

Не менее удачно сложилась в 1779 г. судьба сына графини Францишки Фештетич, вдовы Кароя Фештетича, который в свое время сам обучался в венском Терезиануме. Графиня просила венгерские власти учесть, что после смерти мужа на имуществе семьи лежит долг в размере 120 тыс. фт., и в подтверждение присовокупила к прошению официальное свидетельство о своем финансовом состоянии за подписью вице-ишпана комитета Шопрон. Многочисленное семейство Фештетичей принадлежало к так называемой новой аристократии, возвысившейся в середине XVIII в. Особенно успешной оказалась карьера у Пала Фештетича — вице-президента Венгерской казенной

палаты. Так или иначе, но имя его дальнего родственника Ференца Фештетича буквально в последний момент было приписано на полях представления на высочайшее имя, и мальчик отправился на учебу в Вену за государственный счет¹¹⁵.

Достойная упоминания история, из связанных с сиротами в Терезианском коллегиуме, произошла с внуками трансильванской графини Жофии Халлер. Много лет назад она, третья жена губернатора Яноша Халлера, выдала замуж трех своих дочерей за отпрысков знатнейших родов княжества: Анну — за Жигмонда Корниша, Жужанну — за Антала Микеша, Каролину — за Ференца Дюлаи. Однако судьба распорядилась так, что на склоне лет женщина, похоронив своих дочерей и зятьев, осталась единственной надеждой и опорой малолетних внуков. Она дважды, в 1781 и 1782 гг., обращалась к властям княжества, прося сначала за Михая Микеша, затем за Имре Корниша, и дважды получала утвердительный ответ¹¹⁶.

Таким образом, сиротство сильных мира сего всегда оставалось предметом особой заботы властей, но ни один высокородный сирота не получил стипендию исключительно на этом основании. Следуя принципу сословно понимаемой социальной справедливости, режим просвещенного абсолютизма выделял помощь лишь сиротам заслуженных родителей и только оказавшимся в затруднительном материальном положении. Наверняка в большинстве случаев решающую роль играла способность их родственников мобилизовать связи при дворе или в венгерских правительственных кругах, однако вплоть до коренной модернизации всей системы стипендиальных фондов и привилегированных учебных заведений в 1784 г. власти помогали вписаться в меняющийся мир через полученное образование тем, кто в силу обстоятельств оказался лишен родителей, чьей обязанностью являлась всесторонняя подготовка ребенка к взрослой жизни.

Обратной стороной заботы государства о сиротах была заслуживающая особого упоминания активность женщин — матерей и вдов, причем не только аристократического, но и мелкого дворянского и даже недворянского происхождения. В большинстве своем неграмотные женщины с помощью коллег покойного супруга или дворян родного комитата узнавали о существовании стипендиальных фондов, наличии в них вакантных мест, обращались к искусственным стряпчим за помощью при составлении петиции и направляли ее властям. Начиная с 1765 г., когда власти начали выплачивать специальные стипендии сыновьям и сиротам камеральных служащих, число матерей-

просительниц возросло. Несомненно, что если не у каждой удачливой просительницы, то у их большинства был покровитель (например бывший начальник или патрон покойного супруга, аристократ, с семейством которого просителя связывали поколения клиентских отношений). Именно ему, как правило, ребенок и был обязан своим поступлением в тот или иной конвикт.

Крайним средством добиться зачисления сироты в пансионеры того или иного учебного заведения было составление родственниками ходатайства от имени ребенка. В 1773 г. отпрыск древнего и славного рода барон Пал Перени от собственного имени обратился к императрице, восхваляя в письме, составленном с использованием обычных для такого ходатайства латинских штампов и шаблонных выражений, ее щедрость к поданным, в особенности к тем, «кто, происходя от благородных родителей, лишен средств к существованию, приличествующих их статусу, и скорбит в горчайшем сиротстве». Поведая, что лишился отца в раннем детстве, а матери совсем недавно, юный Пал признавался, что не имеет средств даже на хлеб насущный, не говоря уже об образовании в науках и искусствах. Малолетний барон просил, чтобы его приняли в какой-нибудь из конвиктов, существующих на средства, милостиво выделяемые ее величеством¹¹⁷. Как и в подавляющем большинстве обращений подобного рода, где расчет делался на сострадание, а не на соответствие подготовки требованиям учебного заведения, в ходатайстве Перени не было указаний на то, где и какое образование он к тому времени уже получил. Вопрос был прояснен позже, когда мальчика, принимая во внимание его сиротство, зачислили в Трнавский королевско-архиепископский конвикт в класс синтаксиса¹¹⁸.

Рассмотренный выше случай братьев Понграц, не принятых в Сенц по причине малолетства и отсутствия необходимой подготовки, в 1768 г. имел продолжение. Младший из братьев, двенадцатилетний Пал, от своего имени (хотя по тексту видно, что инициатором выступала его бабка по материнской линии) подал в Венгерскую казенную палату жалобу на своего отца, который, овдовев в 1760 г., когда мальчику было всего четыре года, отдал его с братом на воспитание бабушке, пообещав давать деньги на содержание, но сам женился и не поставил молодую жену в известность о том, что имеет отцовские обязательства перед детьми от первого брака. Теперь же, прознав, что отец получил должность сборщика тридцатины, мальчик просил руководство палаты вычитать из жалования отца некую фиксированную сумму на свое содержание и обучение. Поскольку

власти вновь сочли, что ребенок слишком мал, чтобы постигать камеральные науки в Сенце, до достижения необходимого возраста милостивой резолюцией императрицы его отцу предписывалось содержать сына от первого брака¹¹⁹.

Сострадание сиротам было столь широко распространено и естественно, что взрослые, состоявшиеся люди не считали зазорным в обращениях на высочайшее имя упоминать собственное сиротство. В 1770 г. Янош Мазур обратился к Марии Терезии с просьбой принять его на службу в Венгерскую канцелярию, принимая во внимание его обширные и нужные познания, приобретенные в Трнавском университете, и полезный опыт, накопленный за годы работы в Задунайской окружной судебной палате, а также то обстоятельство, что он лишился отца в пятнадцать лет, а матери — совсем недавно¹²⁰. Удивительное соседство сведений о профессиональной подготовке с жалобами на сиротскую долю встречается в ходатайстве Яноша Мандли, поданном в Венгерскую казенную палату. Испрашивая должность канцеляриста, молодой человек — «бедный сирота, давно лишившийся родителей и просто-напросто не имеющий средств к существованию» — рассказывал, что по окончании учебы стажировался у разных адвокатов и придворных агентов и стремился стать годным для занятия публичной должности. В этом он, похоже, немало преуспел: «Помимо свободного владения латинским, немецким и венгерским языками я знаю арифметику, многие годы совершенствовался в чистописании и скорописи, имею навыки делопроизводства и знаком с работой центральных ведомств». В заключение Мандли просил руководство Казенной палаты: «Соблаговолите из отеческого сострадания к бедным и несчастным... милостиво принять во внимание как мое сиротство, так и необходимые знания и умения»¹²¹.

Обедневшие дворяне

В 1773 г. Мария Терезия в резолюции, начертанной на полях представления Венгерской канцелярии о заполнении вакансий в дворянских конвиктах и коллегиях королевства, подчеркнула: «На освобождающиеся стипендиальные места в Трнаве, Буде, Тренчене, Лёче, Ваце и Сенце предлагать, с одной стороны, сыновей конвертитов, с другой — сирот и детей достойных отцов»¹²². Эти категории, как мы видели из приведенных выше примеров, редко встречались в чистом виде, поскольку сирота мог оказаться отпрыском обедневшего рода, конвертит — в недавнем прошлом лишиться одного из родителей, а потомок бедных, но заслуженных дворян был сиротой,

недавно перешедшим в католичество. Но в каком бы сочетании ни встречались указанные обстоятельства в судьбах отдельных просителей, всякий раз наделение королевской стипендией становилось одновременно политическим и филантропическим актом, утешением и поощрением. Не случайно в терминологии просителей глагол «утешить» (на латыни — *consolari*, по-немецки — *consolieren* или *trösten*) означал «удовлетворить прошение».

В подавляющем большинстве рассмотренных выше примеров так или иначе фигурировал мотив отсутствия денег или стесненности в средствах как у аристократов, так и у мелких служилых дворян, но бедность понималась современниками не в абсолютном, а в относительном смысле. Бедным считался тот, кто без непоправимого ущерба для приличествующего его статусу уровня и образа жизни не мог себе позволить, например, оплатить детям достойное образование (*congrua educatio*). Показателен пример упоминавшегося выше председателя Септемвирального суда графа Имре Баттяни — представителя одного из знатнейших и богатейших родов королевства. К началу 60-х годов двое его старших сыновей, Йозеф Дёрдь и Игнац¹²³, уже окончили Терезианум, и теперь он думал о том, как дать подобное с их происхождением образование еще двум сыновьям, Анталу и Имре (всего у графа было одиннадцать детей). В 1761 г. ему удалось добиться согласия Марии Терезии на оплату обучения одного из них в венском Терезиануме из личной кассы императрицы и на зачисление второго в менее престижный, но все-таки расположенный в столице Лёвенбургский конвикт. Однако граф, в отличие от многих, кто желал бы в данный момент оказаться на его месте, не спешил воспользоваться редкой удачей, «чтобы не разбивать учебный год и, разлучая одного с другим, не мешать их успехам в учебе».

В 1762 г., узнав, что в Батасекском фонде появилось вакантное место, Баттяни-старший обратился к императрице с нижайшей просьбой: «Поскольку дома с ними одинаково обращаются и они нежнейше друг к другу привязаны, и одному уже было милостиво обещано зачисление в Терезианум, а теперь еще представился случай, чтобы и второй вместо Лёвенбургского фонда был зачислен в пансионеры фонда Терезианского коллегиума, то таким образом оба моих сына могут остаться неразлучны»¹²⁴. На фоне ходатайств от других аристократов, действительно испытывавших финансовые трудности, не говоря уже о служилом дворянстве, которое даже за долгие годы не могло скопить

суммы, достаточной для оплаты образования всего лишь одного ребенка, прошение председателя Септемвирального суда не могло встретить сочувствия у чиновников Венгерской канцелярии и не получило дальнейшего хода¹²⁵.

Венский двор и венгерские власти с состраданием и всем возможным вниманием относились к материальным затруднениям, но как таковые эти обстоятельства редко становились достаточным условием для оказания помощи. В 1772 г. из 29 соискателей стипендий в различные конvikты королевства 14 ссылались на стесненность в средствах, 8 — на заслуги отцов и в трех случаях оба критерия совпадали. В 1774 г. из 22 соискателей, перечисленных в представлении на высочайшее имя, 14 семейств имели достойные упоминания заслуги, восемь жаловались на крайнюю бедность, а в четырех случаях эти обстоятельства относились к одному и тому же кандидату¹²⁶. В упомянутой выше сводной ведомости соискателей за 1775 г. из 84 просителей только 27 никак не упомянули о своих должностях, а еще в 7 случаях есть ссылки на заслуги предков. Итак, скрупулезно перечислять свои достоинства из года в год становилось все более распространенной практикой, и отсутствие у родителей заслуг оказывалось в глазах властей серьезным аргументом для отказа в стипендии.

Вот два характерных примера. В 1773 г. в экс-иезуитский коллегиум в Буде был принят Ласло Батка из комитата Барш, чей отец — сборщик податей — спас при пожаре комитатскую кассу. Представление комитата детально описывало, как он смело вошел в горящий дом, вышел оттуда с сильно обгоревшими руками, потом полгода болел и даже был вынужден оставить занимаемую до несчастного случая должность¹²⁷. Такое мужество не могло не быть вознаграждено. С другой стороны, когда в 1775 г. комитат Ноград попросил Наместнический совет пристроить в какой-нибудь конвикт двух сыновей-погодков двенадцати и тринадцати лет дворянина Михая Надя, который много лет назад ослеп и, впад в полнейшую нищету, вынужден просить подаяния, переходя от дома к дому, то это обращение осталось без ответа — скорее всего, потому что телесный недуг никак не был связан с заслугами перед отечеством¹²⁸.

В глазах властей и самого служилого дворянства стипендия для ребенка рассматривалась как еще одна форма материального поощрения, да и на самом деле таковой являлась. Чиновники и их начальники ходатайствовали перед императрицей о повышении жалования под предлогом «всеобщей дороговизны»

(*rerum tanta caristia, allgemeine Teuerung*) и, как следствие, невозможности дать детям хорошее образование или, наоборот, испрашивали для сыновей стипендию, потому что скромного жалования не хватало для оплаты учебы. В 1779 г. венгерский канцлер Ференц Эстерхази просил за сыновей двух секретарей этого ведомства: «Поскольку мой долг — всемерно заботиться о тех индивидах, которые под моим началом несут высочайшую службу, когда вследствие прибавления работы без увеличения штата на них заметно возросла нагрузка, посему повторяю свою смиреннейшую к Вашему Священнейшему Величеству просьбу: принять и зачислить на довольствие в один из конвиктов сыновей секретарей Ябланци и Бистрицей и тем самым заслуженных, но лишенных средств к существованию отцов в своей безграничной милости *утешить*»¹²⁹.

В случаях, когда достоинства двух ходатаев были более или менее сопоставимыми, бедность могла оказаться аргументом, перевешивавшим в пользу более нуждающегося. Например, в 1772 г. на место из венгерской стипендиальной квоты в Лёвенбургском конвикте претендовали сразу два чиновника Венгерской королевской канцелярии — два дворянина в первом поколении: уже известный нам Михай Ваш, дослужившийся к тому времени до регистратора с годовым жалованием 1 200 фт., и нотариус Михай Домбаи, получавший в год 700 фт. Ваш получил дворянскую грамоту в 1763 г. за личные заслуги после тридцати лет службы, Домбаи вместе с матерью и братьями в 1761 г. был аноблирован (возведен в дворянское достоинство) после смерти отца, чиновника того же ведомства. Канцелярия одобрила и предложила императрице для утверждения кандидатуру Ваша, тем более что в 1771 г. его сына Яноша уже формально приняли в Лёвенбургский конвикт, но к занятиям мальчик так и не приступил. И вот когда заветная стипендия была так близка, Мария Терезия вместо того, чтобы поставить знак формального согласия («*placet*»), как она делала в сотнях подобных случаев, собственноручно начертила на полях: «Тому, который беднее. Одобряю Домбаи»¹³⁰.

На самом деле Михай Ваш был далеко не бедным человеком. В отличие от многих мелких дворян, в особенности тех, кто лишь недавно заслужил дворянский титул, у него была усадьба в Нежидере, та самая, куда он обещал свозить И. Дежёфи. Ее покупка прибавила Вашу долгов, но, несомненно, увеличила общественный вес. Основу благосостояния семьи составляло его жалование в Венгерской канцелярии и, главное, щедрые

комиссионные и вознаграждения, получаемые при выполнении поручений патронов и, говоря его собственными словами, «некоторых доброжелателей». О том, что за два года до подачи ходатайства о приеме сына Яноша в Лёвенбургский конвикт Ваш-старший если не располагал крупными денежными суммами, то и не бедствовал, говорят строки из его письма к генералу Шамуэлю Халлеру, в котором чиновник просил своего давнего покровителя, если у того найдется клочок ненужной земли, продать ее в рассрочку за недорого¹³¹.

Выбор императрицы был, несомненно, продиктован советом кого-то из ее ближайшего окружения, возможно лично канцлера. Годом ранее Домбаи получил небольшую прибавку к жалованию в 100 фт., за то что длительное время достойным похвалы образом исполнял обязанности нотариуса со скромным для давно работающих чиновников жалованием в 600 фт.¹³² Трудно сказать, можно ли считать прибавку к жалованию и выделение сыну королевской стипендии звеньями одной цепи. Далеко не всегда одно дополняло другое. Например, в 1771 г. другой мелкий канцелярский служащий, Иштван Михалец, безрезультатно ходатайствовал о зачислении сына в Лёвенбургский конвикт. Зато через год получил прибавку к жалованию в 200 фт. за многолетнюю верную службу, в том числе неоднократное безвозмездное выполнение экстраординарных поручений, а также учитывая невозможность по причине крайней нужды обеспечить достойное содержание своим детям¹³³. Таким образом, представляется несомненным, что зачисление детей служилых дворян в пансионеры тех или иных фондов нередко становилось формой материальной помощи тем из достойных слуг трона, которые были беднее, но бедность сама по себе не гарантировала получение королевских милостей.

Накопление заслуг, подсчет достоинств

У меня три года заслуги... следует получить что-либо, например жалование, чин за три года.

В. И. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка»

Стипендия в престижной дворянской школе была частным случаем монаршей милости по отношению к «достойному» или «заслуженному» соискателю. Таким образом, вопросы доступа к элитарному образованию должны рассматриваться в более

широком контексте проблем взаимоотношений просвещенного абсолютизма и дворянского сословия. Ключевую роль здесь играло понятие «заслуга» или «достоинство» (в латинском — *meritum*, в немецком — *Meritum* или *Verdienst*): именно их накапливали просители и подсчитывали власти. Это слово занимало такое прочное место в деловом стиле чиновничьих элит монархии, что выходец из Саксонии Й. Г. Г. Юсти в учебнике для воспитанников Терезианского коллегияума с удивлением отмечал некоторые особенности употребления: «В Австрии повсеместно принято в обращениях на высочайшее имя ссылаться на собственные заслуги. Соискатель, ходатайствующий о должности, даже если он некогда всего-навсего год попрактиковался у какого-нибудь адвоката, называет это не иначе как накопленными на данном поприще заслугами (*Meriten*). Несомненно, здесь имеется в виду какой-то иной род заслуг (*Verdiensten*), чем то значение, которое мы обычно вкладываем в это слово»¹³⁴.

К сожалению, Юсти не развил свою мысль, но, скорее всего, его смутило, что год, проведенный при адвокате, вне зависимости от знаний и без связи с качеством работы и достигнутыми результатами, давал право считать себя «заслуженным» соискателем новых должностей. Для сравнения обратимся к наиболее полному и авторитетному немецкому толковому словарю середины XVIII в. — «Универсальному лексикону» Иоганна Генриха Цедлера. Он толковал понятие «*Meriten/Verdiensten*», опираясь на труды Пуфендорфа и Томазиуса, так: «В широком смысле — это оценка морального поступка, заключающаяся в том, что человека считают достойным поощрения или порицания... В особенности это относится к совершению поступков, которыми мы хотим понравиться окружающим. Для таких заслуг необходимо располагать известными *качествами* и намереваться оказать другому услугу, причем тот, кому она оказывается, должен быть уверен: деяние произведено не по принуждению и *собственными силами*»¹³⁵.

Профессиональная лексика австрийского (и обнаруживающего с ним значительное сходство венгерского) чиновничества до сих пор не подвергалась систематическому смысловому анализу, поэтому значения тех или иных регулярно употребляемых понятий и клише мы попробуем устанавливать эмпирически, из доступных нам источников. Те, кто только вступал на профессиональную стезю, на самом деле редко позволяли себе хвастаться «заслугами», ибо доставшиеся от рождения и развитые в годы учебы дарования пока не раскрылись в пол-

ной мере и не получили общественной оценки. Однако связь между службой как таковой и заслугами несомненно присутствовала. Как и в русском языке, где «служить» и «заслуга» являются однокоренными словами, в немецком существительное «Verdienst» образовывалось от глагола «dienen». Те, кто посвятил службе не один десяток лет, со всеми основаниями считали себя «заслуженными». В подобном контексте «заслуги» оказывались тождественны «выслуге лет». Служащий Наместнического совета Ференц Хатош в 1758 г. писал: «Принимая во внимание упомянутые 16 лет в сем высоком ведомстве преданно и ревностно исполняемых служб и *накопленные* во время их несения *заслуги*, прошу меня, венгерского дворянина, в совершенстве владеющего венгерским и немецким языками, сносно говорящего по-славянски и знакомого с делопроизводством, милостиво предложить ее императорско-королевскому апостолическому величеству на освободившееся место секретаря и должным образом для этого отрекомендовать»¹³⁶.

Чтобы быть универсальным мерилom заслуг чиновников разного возраста и уровня профессиональной подготовки, эти критерии должны были допускать, что любой человек с годами мог приблизиться к вершинам совершенства. Талант как таковой, будучи по сути Божьим даром, для этого не вполне подходил, потому что хотя и служил исходным материалом для накопления знаний, выработки умений и навыков, не мог считаться заслугой его обладателя. В ряду наиболее часто упоминаемых похвальных качеств, судя по ходатайствам самих чиновников и экспертным оценкам руководства, стояли, с одной стороны, «искусность» (Geschicklichkeit) и «деловитость» (Tüchtigkeit) — показатели служебного соответствия, свидетельствовавшие о знании и опыте, а с другой — такие свойства натуры, как «послушание» (Gehorsamkeit), «прилежание» (Fleißigkeit) и «служебное рвение» (Diensteifer). То есть большинство чиновников считали себя и считались в глазах начальства заслуженными на том основании, что с годами службы обрели искусность и деловитость в исполнении своих обязанностей и несли их с неизменным послушанием и всё возрастающим рвением.

Большинство служащих центральных ведомств принадлежали к дворянскому сословию, даже если преимущественно относились к его низшим, безземельным слоям, вынужденным зарабатывать на жизнь в армии на младших офицерских должностях или умственным трудом за конторкой. Многие из них

были простолюдинами или сыновьями простолюдинов, возведенных в дворянское достоинство за годы верной службы государю и отечеству. Подобно тому, как для средневекового дворянства ключевым, отличавшим его от других было понятие присущей благородному сословию по праву рождения, передаваемой из поколения в поколение «доблести» (на латыни — *virtus*, по-немецки — *Tugend*), так для служилого дворянства Нового времени наследуемым качеством становятся «заслуги» предков. Австрийский дворянин Йозеф Мардшлегер фон Нойталь в 1762 г. ходатайствовал о зачислении в штат венской Придворной казенной палаты: «Что касается моих прародителей и родственников, в плаще воина и мантии государственного мужа *снискавших заслуги* (*meritiret gemacht*) перед августейшим правящим домом и с неутомимым *служебным рвением* несших нужные и полезные службы, то в их ряду мой покойный отец — счетовод императорско-королевской придворной военной бухгалтерии Франц Мардшлегер фон Нойталь — более сорока лет отдал этому ведомству и завещал все *отеческие заслуги* (*merita paterna*) мне, своему законному наследнику»¹³⁷.

Весомость доводов в пользу просителя, казалось, возрастала по мере того как собственные умения и служебное рвение подкреплялись ссылками на заслуги предков. В 1773 г. на работу в Венгерскую канцелярию приняли выпускника Лёвенбургского конвикта Ференца Марковицки «как за красивый почерк, так за заслуги отца, многие годы похвально служащего в оном ведомстве»¹³⁸. Австриец Карл Лаудес, получивший образование в Лёвенбургском конвикте и служивший по горному ведомству в Шельмецбане, а затем в верховном военном комиссариате в Вене, ходатайствуя о зачислении в штат Венгерской казенной палаты, писал: «Примите во внимание заслуги моего отца, накопленные за тридцать лет службы в должности секретаря правительства Нижней Австрии, как и мои верноподданные старания вот уже в течение пяти лет»¹³⁹.

Весьма распространенным приемом, своей точностью и наглядностью призванным производить благоприятное впечатление на того, к кому было обращено прошение, было сопровождать ходатайство нехитрыми калькуляциями общей продолжительности службы всех членов семьи. Австрийский лейтенант Йозеф Кюнцлер, демобилизованный по ранению, прознал, что Венгерской канцелярии требуется истопник. Свое обращение на высочайшее имя он начал словами: «Мои отец и брат, оба старшие лейтенанты, безвременно окончившие земной путь,

первый — пять лет, второй — одиннадцать месяцев назад, отдали военной службе: один 51 год, другой — 28 лет жизни, я же ревностно и верно исполняю свой воинский долг, почитай, сорок лет, вот вместе и выходит 119 лет»¹⁴⁰.

Это был мир, где сыновья ходатайствовали о должности, ссылаясь на заслуги отцов, а отцы просили за своих сыновей. В 1762 г. практикант из венской Придворной казенной палаты Антон Кроненберг писал: «Мой отец Иоганн Баптист Кроненберг, секретарь и регистратор старого архива Казенной палаты, многие годы посвятивший службе Вашему Величеству, в октябре 1761 г. обратился с нижайшей просьбой принять меня на службу в архив, и в следующем месяце я был зачислен туда практикантом; где по сей день с высочайшим *усердием* и *прилежанием* исполняю обязанности экспедитора, совершенствуясь в делопроизводстве... Сблаговолите же принять меня на службу в Придворную казенную палату за долгую и верную службу моего отца»¹⁴¹. Порой отцы приводили сыновей устраиваться на работу буквально за руку. В 1774 г. советник Наместнического совета Янош Хлавач подал прошение о зачислении сына Имре в Венгерскую казенную палату. Из текста прошения следовало, что по окончании дворянского конвикта мальчик совершенствовался в политико-камеральных науках в Сенце, затем изучал право в Трнавском университете, потом служил в фискальных и судебных ведомствах. После безрезультатной попытки поступить в венгерскую лейб-гвардию молодой человек остался без работы, фактически на содержании у отца. Старый Хлавач просил не пренебрегать его верной тридцатипятилетней службой и принять сына в Казенную палату, тем более что тот уже продемонстрировал вице-президенту владение языками и навыки делового стиля¹⁴². Имре Хлавача попросили написать собственноручное заявление о приеме на работу и зачислили в штат бухгалтерии с формулировкой: «Принимая во внимание отцовские *заслуги* и похвальную *искусность* (Geschicklichkeit) сына»¹⁴³.

Многие официальные лица не видели ничего зазорного в том, чтобы заслуги отцов открывали сыновьям дорогу к должностям. Президент Венгерской казенной палаты граф Янош Эрдеди рассуждал: «Нет ничего более справедливого, чем когда долго, похвально и бескорыстно служившие неимущие советники получают помощь в устройстве судьбы своих детей, так им самим воздается за заслуги и подчеркивается их отличие от прочих, чьи родители вообще не имеют заслуг или же они невелики, а

дети пользуются преимуществом при приеме на должность и начислении жалования»¹⁴⁴. Из этого принципа вытекало еще одно важное свойство заслуг — право их обладателя на вознаграждение, что, кстати, роднило практику, бытовавшую в чиновничьей среде монархии Габсбургов XVIII в., с воззрениями французских дворян в XVII в., как их описал американский историк Дж. М. Смит в монографии «Культура заслуг»¹⁴⁵. Например, венгерский дворянин Янош Фоньо полагал: «Моя многолетняя, верная служба в армии и лейб-гвардии, выполняемая в полной уверенности на повышение, дает основания надеяться: мне должно за нее что-то причитаться»¹⁴⁶.

Власти, похоже, не видели принципиальной разницы между назначением персональной пенсии чиновнику, поседевшему на императорско-королевской службе, или офицеру, пролившему кровь на полях сражений, с одной стороны, и зачислением их сыновей в то или иное учебное заведение, а потом и в штат одного из ведомств, с другой. Это было формой «конвертирования» накопленных заслуг в монаршие милости, а об их адресатах недвусмысленно свидетельствовали формулы из императорско-королевских грамот: «отпрыски обедневших, но заслуженных родов» и «выходцы из семей, которые служили мне и моему дому в плаще воина и мантии государственного мужа». Если можно было просить должность в канцелярии, ссылаясь на многолетнюю военную службу родственников жены¹⁴⁷, то можно было направлять на учебу детей за заслуги перед государем их отцов и дедов. В 1775 г. комитат Арва рекомендовал к приему в вацский Терезианум или трнавский коллегиум св. Адальберта дворянского сироту Имре Околичани, «принимая во внимание заслуги его деда, ординарного нотариуса и впоследствии секретаря Венгерской казенной палаты, а также отца его, верно исполнявшего должность исправника и генерального казначея в упомянутом комитате»¹⁴⁸. В 1780 г. вдова Тамаша Недецки (он, кстати, доводился внуком тому самому Карою Недецки, чей сын Адальберт стал одним из первых батасекских стипендиатов) обратилась в Наместнический совет с прошением принять ее сына в один из конвиктов Трнавы, Дёра или Буда на том основании, что дед ее покойного супруга много лет посвятил службе в Венгерской королевской канцелярии¹⁴⁹.

Так же, как и соискатели должностей, родители суммировали годы службы своих родственников. Вдова Ката Салаи писала: «Принимая во внимание заслуги Ласло Варади, действительного советника Венгерской казенной палаты, и сына его

Яноша, экспедитора, а также сына его Кароя, нотария канцелярии Казенной палаты и моего покойного супруга, служивших государю на протяжении 84 лет, начиная с 1677 г., соблаговолите предложить для утверждения в Терезианский коллегийум в Ваце одного из моих сыновей»¹⁵⁰. Предки приходили на помощь, когда личных заслуг ходатая было недостаточно. Например, Иштван Терней в 1769 г. писал: «Древность моего дворянского титула я могу немедленно продемонстрировать по первому же требованию Вашего Священнейшего Величества. Что же касается длительности моей службы, то хотя мой стаж достигнет двадцати лет лишь через два года (в данном случае формальным требованием к соискателям было 20 лет службы. — О. Х.), этот недостаток может компенсировать безупречная военная и гражданская служба моих предков, как и то обстоятельство, что в настоящее время пять членов семейства Терней верно служат Вашему Священнейшему Величеству»¹⁵¹.

Меритократия (можно перевести как «власть достойных») — термин в современных социальных науках, описывающий принципы общественного устройства, при котором решающее значение для достижения успеха играют личные качества индивида — знания, умения, способности. На терезианскую эпоху пришелся расцвет меритократии иного свойства: принцип наследования родительских заслуг с правом рассчитывать на последующее вознаграждение. Верность правящему дому не только сулила сиюминутные выгоды, но и позволяла обеспечить лучшее будущее детям и внукам, ведь заслуги перед государем, словно долгосрочный вклад под верные проценты, не могли обесцениться. Главным адресатом и активным соискателем королевских стипендий становилось служилое дворянство, в особенности семьи, обладавшие определенным политическим весом в комитатах. Достаточно влиятельные, чтобы из поколения в поколение занимать должности в органах местного самоуправления и делегировать сыновей в центральные ведомства, они были как никто заинтересованы в сохранении ведущих позиций в обществе, где к профессиональной подготовке чиновничества власти выдвигали все более жесткие требования. Именно для них поначалу предназначались батасекские стипендии в венском Терезиануме, именно их детей охотно брали в венгерскую лейб-гвардию и вновь открывавшиеся коллегийумы в Сенце и Ваце, ибо в Вене рассчитывали, что, вернувшись в родные комитаты на должности, предназначенные им в силу вековой традиции, или поступив на службу в центральные органы

власти, они будут определять общий образовательный уровень служилого дворянства и задавать высоту планки социально-политических и культурных потребностей.

Если в иерархии, оформившейся в эпоху Контрреформации, сыновья заслуженных, но обедневших дворян в списке приоритетов стояли после конвертитов и сирот, то постепенно именно достойные родители, не имеющие средств, чтобы дать образование детям, становятся главными получателями социальной помощи. Можно сказать, что бедность становилась необходимым, а наличие заслуг — достаточным условием получения императорско-королевской милости. Например, в 1775 г. из восемнадцати юношей, принятых в дворянские школы Трнавы, Кашши и Ваца, у 16-ти отцы занимали различные должности в органах центрального и местного управления. (Еще двое были конвертитами, принятыми в продолжавшие служить целям и задачам Контрреформации трнавские конвикты.) В числе этих шестнадцати были сыновья секретаря Венгерской канцелярии и регистратора Наместнического совета, экспедитора Венгерской казенной палаты и вице-ишпана комитата Берег, исправника и ассессора комитата Хонт, вице-нотария комитата Сабольч и сборщика налогов из Пресбурга. При всем многообразии семейных обстоятельств, это были в большинстве своем, конечно же, не нищенствующие, но по преимуществу безземельные, как правило, многодетные дворяне. Королевская или комитатская служба была для них, как для их отцов и дедов, формой приличествующего дворянину служения «общему благу», но редко позволяла скопить достаточные средства для того, чтобы дать достойное образование и воспитание потомству. Образование за счет королевских фондов не только снимало с родителей бремя непосильных расходов, но и гарантировало детям сохранение социального статуса.

Вот история одного такого семейства, включившегося в соревнование за престижные королевские стипендии. В 1781 г. Пал Гостони, исправник комитата Хевеш, обратился в Наместнический совет с просьбой принять двух его сыновей, Йожефа и Иштвана, в вацкий Терезианум, «для каковой долженствующей воспоследовать милости смиреннейше приложил малые и незначительные родителей своих и рода своего заслуги». Его дед по материнской линии, Пал Када, многие годы трудился в администрации родного комитата Хевеш, дослужившись до должности вице-ишпана, и в 1735 г. император Карл VI наградил его памятной золотой медалью. Отец просителя, Иштван

Гостони, начинал в Хевешском комитате сначала простым нотарием, затем исполнял обязанности вице-ишпана, наконец, поступил на службу в Наместнический совет, отдав ему 21 год жизни. Сам же Пал Гостони в ранней юности, пришедшейся на годы Семилетней войны, сражался в пехотном полку барона Шамуэля Халлера, в 1760 г. пополнил первый призыв венгерских лейб-гвардейцев и за доблестную службу получил от императрицы золотую медаль, которую с гордостью носил «в знак вечной памяти об императорско-королевской милости». Выйдя в 1766 г. в отставку, он вернулся в родной комитат, где вскоре занял должность исправника¹⁵². Возможно, отец потому так подробно описывал славное прошлое семьи, что возлагал на коллективные заслуги рода Гостони большие надежды. Он понимал, что изыскание стипендий для детей — дело многотрудное, требующее упорства и веры в конечный результат. Согласно спискам воспитанников вацского Терезианума, братья Гостони находились там с 1780-го по 1782/83 г., возможно как платные воспитанники. Затем, накануне реформирования стипендиальных фондов, оба мальчика были зачислены в Терезианскую академию в Буде¹⁵³.

Поскольку величина вознаграждения определялась размерами заслуг, создается впечатление, что заслуги можно было «взвесить» или «измерить», чтобы определить, достаточны ли они для испрашиваемой милости. Во-первых, государство сверху навязывало обществу универсальные и обязательные нормы в виде табелей о рангах, инструкций о должностных соответствиях, всевозможных справок и удостоверений. Во-вторых, дворянство также активно включилось в процесс «нормализации» общественной жизни, скрупулезно перечисляя свои права на те или иные милости, а там где надо и подтверждая эти права документально¹⁵⁴. Обмен службы на монаршую милость и возмещение ущерба государевой щедростью очевидны в случаях выделения стипендий сыновьям тех дворян, которые, служа в регулярной армии или дворянском ополчении, попадали в плен, получали раны и увечья. В 1775 г. Наместнический совет обратил внимание на ходатайство Клары Шиманович, вдовы капитана Шимона Шимановича, просившей направить своего сына Йозефа в Королевско-архиепископский конвикт в Трнаве, «учитывая отца его в течение 37 лет верную службу в мирное и военное время, а также многочисленные нанесенные ему врагами Отечества раны, что подтверждает прилагаемое подлинное свидетельство»¹⁵⁵.

Милость не могла быть больше, чем общепризнанные заслуги. В 1779 г. в списке кандидатов на королевские стипендии, предложенных Венгерской канцелярией, числился Иоганн (Янош) Брудерляйн, чиновник администрации 16-ти Сепешских городов, у которого было десять малолетних детей и чьего сына Теодора (Тодора) венгерские власти предлагали направить в Трнаву, Лёче или Буду. Мария Терезия собственноручно начертала на полях представления: «Заслужил стипендию для одного-двух сыновей»¹⁵⁶. Иными словами, личные заслуги чиновника перед государыней измерялись в данном случае количеством стипендий: больше одной, но меньше трех. Точно так же в 1777 г., когда Михай Ваш просил принять сразу двух сыновей во вновь созданную Терезианскую академию в Буде, лаконичная резолюция на полях гласила: «Один»¹⁵⁷. Милостью не следовало обходить никого из тех, кто был ее достоин. В 1777 г., принимая решения по ходатайствам о приеме пансионеров в только что открытое, но вызывавшее живой интерес в дворянских кругах учебное заведение, императрица наложила резолюцию: «От каждого надворного советника по одному сыну, равным образом от Урмени — племянника»¹⁵⁸. Йозеф Урмени, ставший одним из разработчиков новой «Системы образования и воспитания» («Ratio educationis»), никак не мог быть обойден вниманием. Однако у того не было детей, которых — в качестве вознаграждения за действительно немалые заслуги — можно было бы принять в академию, поэтому милости императрицы удостоился его ближайший родственник.

Вместе с тем именно эпоха правления Марии Терезии стала временем, когда заслуги индивида, не имевшие отношения ни к его происхождению, ни к богатству, начинали приобретать все большее значение в глазах власти и общества. Возможно, чуть раньше подобный процесс начался в армии, где сами чрезвычайные обстоятельства боевых действий требовали проявления личного мужества, а не знатной родословной. Венгерский историк Х. Марцали считал одной из первых важных вех на этом пути учреждение в 1757 г., в разгар Семилетней войны, ордена Марии Терезии. В уставе, в частности, говорилось: «Да будет неизменным правило, чтобы никто не мог стать кавалером ордена за свое благородное происхождение, долгую службу или раны, полученные в прошлом от врага, или прежние заслуги, и уж тем более из милости или по протекции, но исключительно те, кто не только соответствует этим требованиям по справедливости, но и проявил себя исключительно смелым поступком

или же не только подал умный и дельный совет, но и выполнил задуманное с особой смелостью»¹⁵⁹.

Меритократические ценности медленно завоевывали пространство и в сфере образования. Концепция «патриотической нации» Й. Зонненфельса, как мы помним, предполагала развитие в воспитанниках привилегированных учебных заведений — будущих первых лицах государства — стремления оправдывать свой исключительный статус личными заслугами. В 1767 г., обращаясь к кавалерам из Савойской академии, профессор предостерегал их от толкования дворянства как обладания дворянской грамотой и поиска доказательств благородства в пыльных архивах. Представьте, что архив сгорел, и чем вы завтра отличите себя от плебса, который сегодня презираете, спрашивал он¹⁶⁰. Закономерным развитием этой тенденции можно считать упомянутое выше превращение Терезианской военной академии в Винер-Нойштадте в 1769 г. во всесословное учебное заведение. В новом регламенте академии, составленном в 1775 г. ее директором графом А. Коллоредо, юношей предупреждали: «Отныне в академию дворяне будут зачисляться только на основании [личных] заслуг и примерного поведения, и пусть кадеты усвоят, что в целом свете нет иного дворянства»¹⁶¹.

Государственный канцлер В. А. Кауниц, как и его младший современник император Иосиф II, с чьего ведома и согласия произошла упомянутая реорганизация военной академии, считали, что из критериев оценки должностного соответствия повсеместно должны быть исключены заслуги предков, и оценку достоинств того или иного индивида следует ограничить собственными его талантами и умениями. В связи с этим показателен пример не из сферы распределения королевских стипендий, а из области кадровой политики. В 1772 г. австрийский посол при русском дворе граф Йозеф Лобковиц обратился к императрице с просьбой принять на службу сына покойного чешского дворянина, который, согласно прилагавшемуся аттестату, во время Семилетней войны был провинциальным военным комиссаром, а затем служил коммерции советником. После смерти отца молодой человек, имевший на руках двух малолетних братьев, оказался крайне стеснен в средствах и нуждался в должности, которая позволила бы ему содержать семью. Мнение канцлера заключалось в следующем: «Заслуги его отца не так уж велики, но если юноша проявит смекалку да еще овладеет русским в объеме большем, чем простое переписывание депеш из Петербурга, его можно утвердить в должности писа-

ря с годовым содержанием в 400 гульденов»¹⁶². То есть при назначении на должность канцлер меньше всего интересовался послужным списком отца, поскольку профессиональная пригодность соискателя (в данном случае — способности к языкам) никак с ними не соотносилась.

Меритократические принципы не могли в одночасье оказаться преобладающими в сословном обществе «достойных сыновей заслуженных родителей». Требование поощрять профессионализм помогало торжествовать справедливости до той поры, пока заслуженный субъект и объект вознаграждения были одним и тем же лицом (в случаях продвижения по службе, прибавки к жалованию или назначения пенсии). Стипендия же для сына, становясь несомненной финансовой поддержкой и, значит, законной наградой для отца, могла достаться сыну совершенно незаслуженно. Аттестаты, свидетельства об успеваемости и иные документы, которые родители для большей убедительности нередко присовокупляли к своим ходатайствам, по-прежнему служили не более, чем лишним подтверждением права ребенка воспользоваться милостью, оказываемой властями его родителю. Типичным обоснованием права на стипендиальное место может служить следующая рекомендация: «Дёрдь Мате, дворянин из комитата Пресбург, поступающий на будущий год в класс поэзии, сын отца, испытывающего финансовые трудности, прослужившего в течение 23 лет в должности писаря в королевском Наместническом совете, а также по соображениям похвальных успехов в учебе»¹⁶³. Или, как говорилось в представлении на высочайшее имя по поводу сына писаря Венгерской казенной палаты Игнаца Чорбы, не получившего вакантного места в вацком Терезиануме: «Да соблаговолит Ваше Величество, соединяя в этом случае отеческие заслуги с добрыми задатками юноши, дать соответствующее всемилостивейшее поручение, чтобы сын просителя, за неимением вакансий, был принят в какой-нибудь другой конвикт»¹⁶⁴.

До самого конца правления Марии Терезии проявление монаршей милости в форме королевских стипендий для детей «верных и полезных подданных» будет широко практиковаться как по той причине, что это был действенный способ повысить служебное рвение, так и в силу личных особенностей императрицы, которая умела помнить добро и щедро воздавать за преданность. Инерция мышления будет настолько сильна, что и в годы правления Иосифа II, имевшего принципиально иные взгляды на природу заслуг, венгерские чиновники будут состав-

лять свои прошения по терезианской парадигме. Советник Венгерской канцелярии, искушенный бюрократ Ласло Бистрицей писал в 1783 г.: «Поскольку, и об этом со всей очевидностью свидетельствуют многочисленные примеры, Ваше Величество все милостивейше вознаграждает *заслуги отцов в лице сыновей*, надеяться на сию милость позволяет мне моя многолетняя неустанная служба, нести которую я с не меньшим усердием до самого последнего дня, пока в жилах моих будет течь кровь, с высочайшим смирением всегда желаю и стремлюсь»¹⁶⁵.

Государевы очи

*И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу
Во всем владычестве своем,
Всему дающу жизнь и душу
И управляющую всем.*

Г. Р. Державин.

«Изображение Фелицы»

В последние десятилетия в проблематике исследований по истории раннего Нового времени особое место заняли работы, посвященные устройству, социальной композиции, политическим функциям, культурной роли, символическому значению церемониала монарших дворов Европы¹⁶⁶. Немало для возросшего интереса к такому кругу вопросов поспособствовала публикация в 1969 г. ранней работы выдающегося немецкого социолога Н. Элиаса «Придворное общество», где на примере складывания абсолютной монархии во Франции он изобразил двор подлинным властным центром, а лишенную реальной власти, «прирученную» аристократию — соискателем милостей верховного правителя¹⁶⁷. Полемизируя с Элиасом, современные историки оспаривают тезис об упадке дворянства¹⁶⁸ и предпочитают интерпретировать социальную роль двора как «биржи патроната»¹⁶⁹, где провинциальные элиты, добываясь благосклонности монарха, легитимировали свои древние титулы и статус, с большим или меньшим успехом выстраивали далеко идущие личные и семейные стратегии. Преимущество почти во всех областях жизни общества и деятельности правительств

раннего Нового времени была довольно сильна, корона же по-прежнему распространяла свое влияние не столько через жесткую иерархию зависимой от государя бюрократии, сколько через сложную систему феодальной клиентелы. Все это в полной мере справедливо для монархии Габсбургов XVIII в.¹⁷⁰

В системе отношений между государем и дворянством, установившейся при европейских дворах в раннее Новое время, важен был «взор суверена», который не только благосклонно подмечал достоинства верных вассалов, но и скрупулезно взвешивал и оценивал их, с тем чтобы точнее определить вклад каждого в благосостояние государства. Так, во Франции Людовик XIV путем своего реального присутствия при дворе, куда сотни дворян спешили, чтобы попасться на глаза королю, и метафорического присутствия по всей стране в виде портретов и статуй, напоминавших подданным о том, от кого зависит их судьба, убеждал дворянство, что признание их заслуг, как и век назад, происходит на основе личного благоволения государя к достойным милости вассалам. В то же время постоянный акцент на таланте и дисциплинированном прилежании по отношению к объекту службы помогал новым структурам централизованного административного государства обретать форму под оболочкой сословно-феодальных ценностей¹⁷¹.

Мария Терезия сделала личное присутствие и собственное, основанное на доподлинном знании мнение универсальным критерием распределения милостей. Неоднократно цитировавшиеся выше резолюции императрицы, многие из которых приписаны на полях документов ее рукой, свидетельствуют о том, что в годы войн, в период проведения великих социальных реформ и во время иных крупномасштабных событий, когда государыней принимались решения, касавшиеся судеб сотен тысяч ее подданных, у нее находилось время выслушивать мнение компетентных советников, чтобы выносить суждения по частным и, по сути, третьестепенным вопросам о том, какой из дворянских юношей может быть принят не только в привилегированный венский Терезианум, но и отдаленные конвикты отдельных земель монархии.

С самых первых дней существования Терезианского коллегия воспитанники ощущали на себе изучающий и оценивающий взор императрицы и двора, в который их тесно инкорпорировали. Сам выбор здания для этого учебного заведения представлялся современникам крайне удачным уже потому, что дворцовый комплекс Фавориты находился за стенами старого

города и, следовательно, на некотором отдалении от столичных соблазнов, но в непосредственной близости как от Хофбурга, так и от недавно построенного Шёнбрунна. Именно там, спустя три месяца после начала занятий, 11 января 1747 г.¹⁷², была дана первая аудиенция для юных кавалеров, когда каждый из присутствовавших на ней 25 воспитанников был милостиво допущен к целованию руки. Это было не столько галантным жестом, сколько символическим актом, скреплявшим узами вассальной верности отношения молодых дворян с их государыней¹⁷³. Такие аудиенции станут непререкаемым атрибутом жизни в коллегииуме и будут из года в год назначаться на дни тезоименитств Марии Терезии, ее супруга императора Франца Стефана, сына и наследника престола Иосифа, некоторых эрцгерцогов и эрцгерцогинь.

Терезианум стал одним из мест, который по разным поводам регулярно посещали августейшие особы, о чем всякий раз специально упоминала официальная газета «Wienerisches Diarium». Так, 5 июня 1747 г. эрцгерцог Иосиф, которому в то время едва исполнилось шесть лет, вместе со своей сестрой эрцгерцогиней Марией Кристиной присутствовал на театрализованном представлении, разыгранном воспитанниками коллегииума¹⁷⁴. Два месяца спустя, 4 августа, Мария Терезия впервые переступила порог Фавориты, после того как дворец перестал выполнять функции императорской резиденции. Она почтила своим присутствием две мессы — одну в церкви, другую в часовне, в которой в свое время отпевали ее отца императора Карла VI. Затем императрица осмотрела библиотеку, физико-математический музей, где ей были продемонстрированы опыты, отреставрированную обеденную залу, помещения для занятий танцами и фехтованием, а также жилые комнаты воспитанников. Государыня оценила успехи кавалеров в танцах, фехтовании и вольтижировке. Наконец, писала «Wienerisches Diarium», «были такие счастливики, у кого этот радостный день совпал с днем экзамена по истории и толкованию латинских авторов, и им выпала удача держать ответ перед очами Ее Величества»¹⁷⁵.

Если присутствие императрицы на первом в истории Терезианума экзамене было «счастливым совпадением», то в дальнейшем личное или метафорическое присутствие государыни при стечении первых лиц государства на торжественных публичных экзаменах (*tentamina publica*) станет правилом. Иезуиты знали толк в пышных празднествах и применили всю свою изобретательность, чтобы придать особую торжественность и значимость

квалификационной оценке знаний, накопленных воспитанниками за годы учебы. Будь то столичный Терезианум или дворянские коллегии в отдаленных землях и провинциях монархии, публичный экзамен (в отличие от обычных экзаменов, проходивших без присутствия посторонних) становился продуманным до мельчайших деталей действием. Создавалась экзаменационная комиссия под председательством авторитетного профессора; синопсис дисциплин, по которым проводился экзамен, и контрольные вопросы к ним печатались в виде отдельных брошюр, раздававшихся приглашенным на церемонию представителям духовных и светских властей. Воспитанники заучивали наизусть и торжественно декламировали благодарственные речи, как правило, заранее написанные и отредактированные их наставниками¹⁷⁶.

Так, барон Антал Халлер, который до поступления в венский Терезианум обучался у иезуитов в Коложваре, в 1749 г. держал экзамен перед комиссией под председательством историка-источниковеда и члена ордена иезуитов Иштвана Капринай и в присутствии действительного тайного советника Ласло Дюлафи¹⁷⁷. В 1751 г. в венском Терезиануме экзаменовался по гражданскому праву сын австрийского государственного министра графа Фридриха Харраха (Гарраха) — Франц Ксавьер, «чи добродетели, мудрость и высокие принципы, — по утверждению газеты “Wienerisches Diarium”, — достойны уважения и восхищения». Высокую экзаменационную комиссию возглавлял профессор Й. Пикер, в зале же присутствовали «послы, князья, конференц-министры и прочая аристократия», а специально приглашенными «оппонентами» выступали сведущие в юриспруденции действительные надворные советники Франц Коллер и Иоахим Карл Зиглер и адвокат венской архиепископской консистории Леопольд Фрегенберг¹⁷⁸.

Нередко публичные экзамены посещали члены императорской семьи. В сентябре 1750 г. трое молодых людей, сдававших экзамен по философии комиссии под председательством профессора Джузеппе Дзанки, удостоились посещения в первый день эрцгерцога Карла, во второй день — кронпринца Иосифа, в третий, когда наступила очередь венгра Андраша Берени, — самой императрицы¹⁷⁹. Однако Мария Терезия физически не могла всякий раз лично присутствовать на экзаменах в коллегии, носившем ее имя, поэтому иногда особо отличившиеся кавалеры после успешно сданного экзамена приглашались на специ-

альную аудиенцию в Шёнбрунн. Так, в 1755 г. пятеро молодых дворян, в том числе венгр Янош Фекете, были лично проэкзаменованы государыней, если верить сообщению газеты, по истории, хронологии, геометрии, гидравлике, моральной философии, т. е. тем дисциплинам, по каковым они только что снискали высокие похвалы от своих учителей в стенах Терезианума¹⁸⁰.

Личное присутствие императрицы на публичном экзамене было не в последнюю очередь многозначительным милостивым жестом в сторону родителей экзаменуемого. В 1766 г. Антал Брунsvик-младший, блестяще сдавший экзамен по немецкому государственному праву (о чем ректор коллегияума не преминул лично написать отцу), получил из рук императрицы обычный в таких случаях подарок — золотую цепь и удостоился вопроса о состоянии здоровья любезного батюшки. Мария Терезия, прослышавшая, что Брунsvик-старший мучается болями в ногах, во всеуслышание посоветовала ему вместо венгерских сапог носить более удобные немецкие¹⁸¹. Появление молодых воспитанников перед очами государыни становилось одновременно поводом продемонстрировать свою галантность и образованность, показать задатки усердного и компетентного государственного служащего, но также и засвидетельствовать свою преданность, удостоившись высочайших знаков внимания, которые щедрый сюзерен оказывает верным вассалам.

В этом эпизоде ярко проявилось стремление Марии Терезии быть своим подданным любящей матерью, вникающей в их мельчайшие, казалось бы, глубоко личные заботы. Речи воспитанников и ходатайства их родителей изобилуют типичными для того времени эпитетами «материнская забота», «материнская щедрость», «императорско-королевская материнская милость». Образ государя как «отца» восходил к средневековому видению общества в форме патриархальной иерархии, основу которой составляли главы отдельных семейств, а на вершине восседал «отец Отечества» (*Landesvater*) — монарх¹⁸². Не случайно в 1766 г. во время публичного экзамена по естественному праву, математике и истории в присутствии Марии Терезии воспитанник Терезианума барон Йозеф Пеклер сравнил «чувства глубочайшего почтения, которые вассал испытывает к несравненной монархине, с нежнейшей любовью сына к отцу»¹⁸³. И все-таки императрица умела наполнять этот образ присущими ей как женщине и матери теплыми красками личной приязни и искреннего сочувствия.

Даже тогда, когда императрица на экзамене отсутствовала, она на самом деле метафорически присутствовала, потому что ее замещал специальный представитель, и когда кавалеры обращались к государыне с написанными по случаю экзамена речами, их взоры устремлялись к тому, кто в данный момент воплощал августейшую особу¹⁸⁴. Именно из рук официального представителя императрицы, а значит, от самой Марии Терезии, отличившиеся воспитанники получали ценные памятные подарки — золотые цепи, медальоны с изображением государыни, перстни с бриллиантами, которые бережно хранили всю жизнь¹⁸⁵.

Регулярные посещения Терезианума детьми Марии Терезии, прежде всего наследником Иосифом, были особенно важны с точки зрения личного знакомства будущего императора с теми его сверстниками, кто со временем должен был занять важные посты в подвластном ему государстве. В июле 1750 г. девятилетний Иосиф с сестрами наблюдал за показательными уроками фехтования и ради забавы удил рыбу в пруду, расположенном в саду Терезианума¹⁸⁶. В октябре того же года эрцгерцог вместе со своим наставником венгерским графом К. Й. Баттани присутствовал на публичном экзамене графа Имре Чаки, речь о котором пойдет ниже¹⁸⁷. Шли годы, и кронпринц посещал помпезные мероприятия иезуитов с меньшей и меньшей охотой. В апреле 1759 г. он вместе с отцом сразу после демонстрации опытов в физико-математическом музее коллегииума поспешил в Восточную академию, чтобы присутствовать на экзамене по турецкому языку¹⁸⁸. В 1770 г. неутомимый Иосиф, исполнив тяжкую обязанность посещения Савойской академии, где ему пришлось выслушать прославляющую его речь на итальянском языке, допустить воспитанников к непременно при таких визитах целованию руки и осмотреть принадлежащие академии конюшни, нашел время, чтобы отправиться в расположенную по соседству Инженерную академию¹⁸⁹. Острый ум Иосифа всегда тянулся к полезным наукам и применимым на практике знаниям, а его натура не терпела пустой траты времени на бессмысленные церемонии.

Обо всех публичных экзаменах в венском Терезиануме, как и о присутствовавших там сановных гостях, читающая публика узнавала из «Wienerisches Diarium». Сообщения о молодых аристократах и дворянах, показавших свою широкую эрудицию и тем самым заслуживших право называться достойными

сыновьями своих высокопоставленных родителей, с каждым годом становились все подробнее. Статья в газете превращалась в своего рода приложение к диплому об окончании высшего учебного заведения, так как официально подтверждала факт отличной сдачи экзамена тем или иным воспитанником и доводила это до сведения максимально широкой читательской аудитории. Подобные краткие и до известной степени формализованные сообщения отражают господствовавшие в обществе или исподволь внушаемые ему представления о месте и роли дворянского сословия в государстве. Причудливое сочетание личных и семейных заслуг особенно очевидно в заметке о публичном экзамене по юриспруденции юного барона Антонио Томаззи из Савойской академии, который «по праву снискал славу своей исключительной компетентностью и редкостным прилежанием, из чего любой мог признать в нем *достойного сына своего родителя*»¹⁹⁰.

Другим печатным свидетельством усвоенных знаний можно считать синопсисы по дисциплинам, вынесенным на экзамен. Иногда их издавали отдельными брошюрами, а иногда подшивали к книгам, написанным чаще всего профессорами коллегіума и презентованным по случаю публичного экзамена. При том что содержание синопсисов по одним и тем же дисциплинам в рамках одного и того же учебного заведения было (за редкими исключениями) более или менее стандартным для всех воспитанников, порой уже сам выбор предметов для экзамена (военная архитектура для будущих офицеров, имперское право — для государственных деятелей) многое говорил о личности ученика, семейных традициях, родительских предпочтениях. Экзаменуемому предоставлялось почетное право обратиться с приветствием, или «комплиментом»¹⁹¹, к императрице или наследнику престола, которые лично или через своих представителей присутствовали на экзамене.

Эти ученические речи были написаны или отредактированы самими педагогами и отражали идеальные представления о взаимоотношениях вассально верного и современно образованного дворянства со своим просвещенным государем¹⁹². Юсти в своем учебнике наставлял воспитанников венского Терезианума: «Мысли и выражения в таких речах должны быть благородными, изысканными и убедительными. Поскольку сии речи нельзя произносить долго, ведь вы обращаетесь к монарху, которые не любят слушать пространных словоизлияний, или к высокому

собранию, где также не ожидают бесконечного говорения, по-сему пусть предмет речи не требует подробного изложения»¹⁹³.

Целый ряд подобных приветствий и комплиментов опубликован в собраниях источников по древней венгерской истории, изданных Дёрдем Праи. В 1761 г. вышел в свет том, озаглавленный «Древние анналы гуннов, аваров и венгров», в нем была напечатана речь Л. Кальноки, обращенная к императрице, и материалы экзамена за второй год класса философии. С 1763 г. Праи начал публиковать свой фундаментальный источниковедческий труд «Анналы венгерских королей», и три из четырех томов были торжественно презентованы в Терезиануме на публичных экзаменах венгерских аристократов. В 1766 г. второй и третий тома были предъявлены общественности на экзаменах, которые держали графы Михай Надашди и Ференц Зичи. Первый в своем комплименте вознес славу Марии Терезии, второй — Иосифу II, недавно коронованному императором Священной Римской империи. В 1767 г. последний, четвертый, том появился на публичном экзамене по юриспруденции трансильванского графа Дёрдя Банфи, также славившего Марию Терезию. Другая, ставшая впоследствии классической, публикация источников — трехтомник Мартина Швартнера «Древние и подлинные источники по истории Венгрии» — также включала речи венгерских воспитанников Терезианского коллегиума. Первый том в 1766 г. открывала речь Антала Брунсвика, второй и третий в 1768-м — графа Казмера Эстерхази и вновь Ференца Зичи, перешедшего к тому времени в класс юриспруденции.

На фоне обычных в такого рода обращениях и комплиментах щедрых похвал августейшей покровительнице коллегиума становятся особенно очевидными те программные заявления, которые профессора Терезианума вложили в уста своих воспитанников. Прежде всего — это образ Марии Терезии как ценительницы наук и подлинной учености. В 1766 г. А. Брунстик славил государыню за «исключительную и подлинную милость», явленную коллегиуму, «который учрежден ее заботами, окреп под ее наблюдением, возвысился при ее покровительстве до того великолепия, которое сегодня очевидно всем»¹⁹⁴. К. Эстерхази в 1768 г. утверждал: «Ты мать всех наук, ты покровительница изящных искусств, ты всемилостивейшая государыня, побуждающая это вверенное твоим заботам заведение и находящуюся в нем дворянскую молодежь к блестящим достижениям и за достигнутое вознаграждающая их щедрыми почестями»¹⁹⁵.

И. Д. Херц. Венгрия у ног Марии Терезии

Логическим продолжением становился тезис о необходимости использования знаний, полученных в годы учебы, для несения полезной государю службы. «У меня, — восклицал Ф. Зичи, — всю оставшуюся жизнь будет одна забота, чтобы с помощью наук, которыми я напитался в Терезианском сем коллегииуме, величайшая слава моих предков, будь то доведенная до безупречности верность или постоянное, не страшась никаких преград желание служить твоему августейшему дому, приумножились во мне новыми деяниями». Этого верного вассала гармонично соединялся в данном случае с этосом высокообразованного чиновника, ибо, по мнению юного графа, преподаваемые в коллегииуме науки нужны «либо для выказывания покорности августейшему дому, либо для несения государственной службы»¹⁹⁶.

Еще один мотив — это традиционная, уходящая корнями в глубину веков лояльность семей воспитанников венгерским королям. Таким образом акцентировалась верность Габсбургскому дому, сами же Габсбурги вплетались в канву венгерской истории, становились преемниками Иштвана I Святого, Лайоша I Великого, Матяша Корвина (1458–1490). В 1761 г. Л. Кальноки, чей публичный экзамен совпал с презентацией книги Д. Праи о гуннах и аварах, в своей речи обнаруживал узы, соединяющие венгров с Габсбургами уже в раннесредневековой истории. Обращаясь к императрице, юный граф так описывал обретение венграми родины: «Покорив большую часть Азии, они перекочевали в Европу, чтобы оставить после себя потомков, у которых, после того, как они прошли столько земель, будет единственная и величайшая слава — иметь возможность покориться тебе». Воспитанник напоминал, что его род, обладающий дворянской грамотой со времен Лайоша I, служил святым венгерским королям и августейшему Габсбургскому дому, и его, графа Кальноки, единственное желание — служить не жалея сил, а если потребуется, то и пролить за государя кровь¹⁹⁷.

Кронпринц Иосиф, которому в 1750 г. едва исполнилось девять лет, уже рисовался идеальным наследником венгерского престола. И. Чаки в приветственной речи на латинском языке восклицал: «Что еще может нам рассказать о тебе лучше, как не великолепие твоего лица и всего тела достоинство, которое говорит о недюжинном уме... как не глаза, чьи искры и молнии указывают на твою королевскую природу, королевский дух и королевское величие души, как не огонь Марса в твоей крови, как не живость и подвижность всех твоих членов, как не врож-

денная способность к наукам, как не удивительная для твоих лет мудрость, как не превосходный пример твоих августейших родителей, которых ты наблюдаешь день за днем и благодаря которым, даже если бы природа не наделила бы тебя столь выдающимися способностями, ты смог бы развить в себе необходимые достоинства; итак, все эти доводы говорят в пользу того, что в будущем ты станешь государем, обладающим великой силой и доблестной славой»¹⁹⁸.

Эта заранее заготовленная речь была опубликована в книге Микеле Бонбарди «Топография Великого Королевства Венгрии», ее Чаки торжественно преподнес Иосифу. Высокопоставленные гости — в их числе венский архиепископ, тринадцать епископов и бесчисленное множество высших саповников — тоже получили по экземпляру. На одной из первых страниц массивного фолианта красовалась гравюра И. Д. Херца «Венгрия у ног Марии Терезии», изображавшая процедуру экзамена, как она виделась в воображении художника задолго до самого события. В центре гравюры на троне восседала императрица Мария Терезия — в действительности она-то как раз отсутствовала. Справа от нее был изображен юный граф Чаки, склонившийся в почтительном поклоне с презентуемой книгой в руках, слева угадывалась фигура малолетнего наследника престола. Пол украшали гербы земель и провинций, подвластных венгерским королям. Императрица держала скипетр, обвитый лентой, на которой ясно читалась надпись: «Идите к Иосифу». Иными словами, в лице Имре Чаки вся лояльная венгерская аристократия приносила клятву вассальной верности Габсбургскому дому на вечные времена.

Молодые аристократы в сходных выражениях напоминали в своих речах венценосным особам, что их семьи были традиционно лояльны Габсбургскому дому. И. Чаки, предрекавший кронпринцу успешное правление, обещал: «Чтобы так оно и было, я вместе со всей моей семьей, известной своей покорностью австрийцам с тех самых пор, как они пришли к власти в Венгрии, не прекращу возносить о том жаркие молитвы». Подобные мотивы звучат в речи Ф. Зичи. Восхваляя материнскую щедрость государыни, он восклицал: «Дивится тому вся моя семья, верная Твоему Величеству, которая вместе со мной, простертая ниц перед тронном Твоего Священнейшего Величества, возносит тебе вечную хвалу и будет возносить, пока жив хоть один из нас»¹⁹⁹.

Каждая деталь публичного экзамена, казалось, свидетельствовала о важных сдвигах в коллективном сознании и идеологии. Интересно неоднократное использование пышных церемоний в венском Терезиануме для того, чтобы познакомить «многочисленных как высокородных, так и ученых слушателей» (если использовать излюбленное клише «Wienerisches Diarium») с новейшими достижениями зарождавшейся венгерской исторической науки²⁰⁰. А. Брунsvик завершил свою краткую речь, представляя первый том источниковедческого труда М. Швартнера, словами: «Повели же, августейшая государыня, сложить к твоим ногам собранные в этой книге начала [истории] *нашего народа*, я же с не меньшей покорностью припадаю к твоим стопам»²⁰¹. Выбор в качестве действующих лиц этих презентаций сыновей влиятельнейших аристократов и особо ценимых при дворе служилых дворян говорил о том, что австрийские власти не возражали против подобной формы венгерского государственного патриотизма, который включал в себя также верность Габсбургскому дому. С другой стороны, венгерская политическая элита даже в имперской столице с юных лет получала уроки уважения к родной стране, ее истории и культуре, а также людям, чьими научными трудами приумножалась слава отечества. Историк З. Фалленбюхль однажды заметил, что факт нахождения в Вене Венгерской королевской канцелярии и венгерской лейб-гвардии позволяет назвать город венгерской столицей²⁰². Публичные экзамены молодых венгерских аристократов, превращавшиеся в подлинный триумф венгерской культуры и демонстрировавшие национальную идентичность у прогабсбургской политической элиты, свидетельствуют об этом вполне убедительно.

Все речи, произнесенные на публичных экзаменах венгерскими дворянами, были составлены на латыни, хотя сам экзамен проходил на немецком языке, на котором молодым воспитанникам приходилось спонтанно давать ответы, возражать, полемизировать. Газета «Wienerisches Diarium» в августе 1766 г. отметила, что Ф. Зичи «ответил на вопросы по-немецки и без подготовки», а в сентябре написала, что А. Брунsvик продемонстрировал «неожиданно блестящее для венгра владение немецким языком»²⁰³. На аудиенциях по случаю тезоименитств Марии Терезии и Франца Стефана Лотарингского, а после его смерти, во время ставших регулярными посещений двора в первые дни нового года, речи произносились на немецком или, чтобы показать ученость и искусство воспитанников, на француз-

ском и реже итальянском языке. Чести переступить порог Шёнбрунна в первую очередь достаивались три самые крупные привилегированные школы столицы — Терезианский коллегийум Общества Иисуса и находившиеся в ведении пиаристов Савойская академия и Лёвенбургский конвикт. Право держать слово перед коронованными особами предоставлялось обычно одному из самых знатных воспитанников заведения.

До венгерских воспитанников Терезианума черед блеснуть красноречием во дворце доходил несравненно реже, чем возможность показать знания на публичном экзамене в стенах коллегийума. Число знатных юношей из разных земель и провинций явно превышало количество аудиенций, поэтому право произнести комплимент получали лишь дети наиболее влиятельных родителей. В 1767 г. Марию Терезию и Иосифа II приветствовал юный отпрыск самого знатного трансильванского рода Дёрдь Банфи. В 1770 г. венгерскому графу Йожефу Халлеру была оказана честь обратиться с прощальной речью и пожеланиями счастья к пятнадцатилетней эрцгерцогинё Марии Антонии, которая прежде с сестрами и братьями неоднократно бывала в коллегийуме, а ныне отправлялась во Францию, чтобы там сочетаться браком с будущим королем Людовиком XVI²⁰⁴. В 1771 г. сразу два венгерских аристократа, получивших звание камергеров еще на школьной скамье, графы Карой Зичи и Антал Аппони, славили государыню, первый — на французском, второй — на немецком языке. Все чаще тексты этих речей печатались в «Wienerisches Diarium», из которой читающая публика узнавала, кто те достойные сыны славных отцов, которым двор оказывает милость и на кого возлагает надежды.

«Счастье получить образование согласно наставлениям и *под наблюдением* такой правительницы, которая воплощает в себе все добродетели христианина и государя — это величайший подарок, который только могло сделать молодым людям Провидение», — говорил Аппони. «Чувство этого счастья день за днем в нас только крепнет. Вы увидите, все милостивейшая госпожа, что желание, чтобы это счастье не кончалось, с каждым годом будет становиться лишь горячее», — уверял он. «Ваше длительное правление, величие и слава вашего первенца, процветание всех прочих славных потомков Терезии, благословенные плоды всех ваших государственных начинаний и — да будет нам позволено *обратить ваш благословенный взор* на нас — силы и искусство с пользой служить Вашему величеству и вашему

дому, вот в чем состоит наше пожелание, которое мы в особенности сегодня посылаем небесам, вот в чем хотим мы быть достойными высочайшего одобрения Вашего Величества. Ободренные и воспрянувшие духом *пред милостивыми очами нашей государыни*, — завершал свою речь юный граф, — мы возвращаемся к нашим обязанностям и предлагаем себя и свой коллегийум для непрестанных императорских милостей»²⁰⁵.

Возможность предстать перед очами всемилостивой государыни и членов императорской семьи, правда, не такая частая, была не только у воспитанников столичных привилегированных учебных заведений, но и у питомцев провинциальных дворянских школ. Доподлинно известно, что в 1763 г., во время своего пребывания на Государственном собрании в Пресбурге, Мария Терезия навещала расположенный в соседнем Сенце политико-экономический коллегийум и беседовала с его профессорами и учениками. Побывала она в 1764 г. и в Ваце, где ее взор и слух услаждала комедия Плавта, разыгранная воспитанниками Вацкого коллегийума для обедневших дворян, в том числе сыновьями находившегося тут же ее любимого венгерского генерала А. Хадики, преисполненного гордости за своих детей. Вообще, Вац (город стоит на берегу Дуная) служил традиционной остановкой на водном пути из Вены в Буду. Так, в 1766 г. герцог Альберт Саксен-Тешенский (тогда венгерский палатин) со своей супругой эрцгерцогиней Марией Кристиной в сопровождении многочисленной свиты сделали остановку в Ваце, во время которой почтили своим присутствием театрализованное представление (снова из Плавта) на специально сооруженной для этого сцене под открытым небом²⁰⁶.

Уже после превращения вацкого коллегийума в Терезианум при кардинале Мигацци, в 1768 г., учебное заведение удостоилось упоминания на страницах «Wienerisches Diarium». Газета сообщала, что 4 октября дворянину Игнацу Альмаши Заданьскому была оказана высокая честь — сдать экзамен за весь курс философии в присутствии многочисленных высокопоставленных слушателей. Скорее всего, речь шла о сыне Игнаца Альмаши — боевого офицера, более четверти века посвятившего военной службе и получившего в 1777 г. наследственный графский титул. По окончании церемонии сам Мигацци от имени императрицы вручил соискателю золотую цепь и похвалил за глубокие познания в науках, с помощью которых тому предстояло исполнять свой долг перед государем, Отечеством и своей собственной семьей²⁰⁷.

Итак, не порывая с понятной и ожидаемой практикой личного присутствия и установления личных (вассальных) отношений между государем и верным ему дворянством, Мария Терезия внедряла в сознание дворянских подданных новые идеалы глубоких познаний в науках, прилежания и исполнительности при несении службы, становившиеся основой для успешной карьеры как сыновей первых лиц отечества, так и мелких провинциальных дворян. Продолжая вознаграждать отцов за заслуги, она исподволь готовила сыновей с юных лет добиваться успеха собственными талантами.

Приравненные к дворянам

Я думаю, что многие из нас даже плохо себе представляли, что такое дворянство... Я, городская жительница, никак не связанная с дворянским поместьем, просто не знала, что я — дворянка. Да и не была я дворянкой... Звание потомственного дворянина отец получил с офицерским чином, Георгиевским крестом и золотым оружием, заслуженным на войне. Так причислена была к дворянству и я.

Т. Г. Морозова.

«В институте благородных девиц»

Несмотря на то что формально для занятия большинства чиновничьих должностей среднего и низшего звена дворянский титул не требовался, в королевстве, где политическую нацию составляло преимущественно дворянство, недворяне заранее проигрывали неравное соревнование с благородным сословием. В стране, где едва ли не каждый двадцатый мог похвастаться заветной грамотой, помимо которой у него, правда, в большинстве случаев не было ни поместья, ни доходов, позволявших вести приличествующий благородному сословию образ жизни, не было недостатка в дворянах, желавших добывать хлеб насущный карьерой разночинца.

Наиболее строго к соблюдению сословного принципа подходили в Наместническом совете, находившемся под непосредственным контролем сословий: там практически весь чиновничий корпус был дворянского происхождения. В Венгерской королевской канцелярии исключительно за дворянами закреплялись только должности советников и секретарей, хотя мало кто из разночинцев выходил победителем из соревнования с

обедневшими дворянами, претендующими на скромную, но престижную должность в имперской столице. Наконец, в Венгерской казенной палате, которая, во-первых, подчинялась расположенной в Вене Придворной казенной палате, а во-вторых, именно в этом ведомстве как нигде высоко ценились познания в камеральных науках и практические навыки в ведении бухгалтерского учета, число недворян было самым большим.

В сословном обществе одной из форм предоставления членства в политической нации, а с ним и политического полноправия оставалось аноблирование. Этой привилегии могли удостоиться солдат и чиновник, почтмейстер и дипломированный врач за многолетнюю примерную службу. Понимая, что для талантливого недворянина продвижение вверх по служебной лестнице обрывается уже на середине пути, власти стремились поощрять дворянской грамотой тех, кто выделялся на фоне сослуживцев знаниями, умением, опытом, исполнительностью и рвением. Впрочем, известны случаи, когда недворяне годами, если не десятилетиями, занимали должности, предназначенные для выходцев из благородного сословия только потому, что никто из руководства ведомства не просил их подтвердить свое происхождение. Когда же несоответствие вскрывалось, начальство прилагало все усилия для того, чтобы выхлопотать подчиненному дворянский титул.

Согласно данным З. Фалленбюхля, в правление Марии Терезии в Венгрии было две крупные волны аноблирований — в 1741 г., в тяжелые дни Войны за австрийское наследство, когда от решимости венгров сражаться за земли и короны Габсбургов зависела судьба династии, и в 1751 г., в годы Семилетней войны, когда предпочтение отдавалось военным поставщикам, разночинцам и протеже влиятельных аристократов. Историк обнаруживает параллели между этими процессами и событиями столетней давности в Испанских Нидерландах, где в 1640 г. Габсбурги путем все тех же массовых аноблирований пытались одновременно пополнить казну (за дворянскую грамоту уплачивалась внушительная сумма) и сформировать прослойку служилого дворянства из наиболее образованных и социально активных бюргеров. Прекращение массовых аноблирований в 1760 г. Фалленбюхль ставит в прямую зависимость от учреждения в имперской столице венгерской лейб-гвардии, которой предстояло готовить молодые кадры для комитатской администрации²⁰⁸.

Перед новоиспеченными дворянами, без сомнения, открывались прежде невиданные возможности, воспользоваться ко-

торами побуждало их то же честолюбие и та же ловкость, которая, как правило, обеспечила им вхождение в политическую нацию. Не в последнюю очередь они направляли свои усилия на то, чтобы их дети, получив образование в лучших дворянских коллегиях и конвиктах, твердо встали на ноги и пошли дальше родителей. Непременный герой предыдущих глав Михай Ваш проявлял завидную активность, хлопоча о будущем своих сыновей. Он не понаслышке знал, какой ценой дается желаемое общественное положение. В одном из писем к генералу Ш. Халлеру есть характерный постскрипту: «С должностью экспедитора покончено, я уже регистратор, так что соблаговолите, ваше сиятельство, дать знать своему секретарю, чтобы не титуловал меня больше по прежней моей должности»²⁰⁹. От своей единственной супруги Марии Терезии Каман он прижил тринадцать детей, и хотя многие из них умерли в младенчестве, как минимум четверо сыновей достигли взрослого возраста. Заботами об их образовании и удачном начале карьеры пронизаны личные письма и официальные ходатайства Ваша.

В 1762 г. ему не удалось пристроить старшего сына Пала в батасекские пансионеры венского Терезианума, и тот вместе с одним из младших братьев окончил королевско-архиепископский коллегийум в Трнаве, а по его окончании поступил на королевскую службу. Другой сын стал военным, подтверждая тем самым общее правило, что дворянство старалось «пропорционально» распределять свое потомство между гражданской и военной службой. В 1769 г. Михай Ваш безуспешно пытался пристроить сына Йозефа в недавно открывшийся вацкий Терезианский коллегийум²¹⁰, и мальчик за отцовский счет также поступил в Трнавский королевско-архиепископский конвикт. Наконец, после того как в 1771 и 1772 гг. кандидатура младшего сына Яноша дважды предлагалась для приема в Лёвенбургский конвикт и в конце концов была отвергнута, в качестве утешения отцу мальчика взяли в пансионеры Трнавского конвикта св. Адальберта²¹¹. Удача начала улыбаться Вашу после 1777 г.: сначала Яноша зачислили в только что открывшуюся в Буде Терезианскую академию²¹², а на следующий, 1778-й год, по представлению комитата Мошон, к дворянскому сообществу которого принадлежало семейство Вашей, Йозефа приняли в венгерскую лейб-гвардию, службе в которой он посвятил 13 лет²¹³.

Другим показательным примером может служить семейство врача Хенрика Йона из комитата Комаром. В 1765 г. он вместе

с женой и детьми получил наследственный дворянский титул и, значит, право направлять своих детей в дворянские школы королевства. Старшему сыну посчастливилось поступить на службу в Наместнический совет, где тот в 1776 г. начал в должности писаря и к 1802 г. дослужился до советника. В 1774 г. Йон-старший обратился к властям с просьбой принять его сына Имре в Терезианский коллегийум в Ваце²¹⁴, и хотя о его приеме была издана милостивая императорско-королевская резолюция²¹⁵, нет достаточных оснований утверждать, что мальчик учился в Ваце: по крайней мере, Я. Кишпарти не называет его имени в списке воспитанников коллегийума. Тем не менее карьера Имре Йона сложилась вполне удачно: регулярно получая прибавки к жалованию, он вплоть до 1807 г. служил в Венгерской канцелярии в скромной должности канцеляриста. Возможно, приему его в это ведомство поспособствовал Ф. Балашша: в его семейном архиве хранится письмо Х. Йона без даты, в котором тот благодарит графа за помощь в приеме сына в канцелярию²¹⁶. Наконец, третий сын Йона, Алайош, хотя ему и не посчастливилось быть принятым в престижную Терезианскую академию в Буде²¹⁷, получил образование в каком-то другом учебном заведении и служил младшим нотарием в родном комитате, а в 1791 г. по представлению комитата попал в венгерскую лейб-гвардию, прослужив там пять лет. Затем, выйдя в отставку, он получил должность судьи в комитате Хонт²¹⁸.

Таким образом, возведение в дворянское достоинство означало, что новоиспеченным дворянам приходилось вступать в жесткую конкуренцию с товарищами по сословию за те блага, которые сулила принадлежность к этому сословию. Однако дети из недавно аноблированных семей успешно инкорпорировались в служилое дворянство, достигая должностей, формальное право на которые им обеспечивали отцы. Фактическое же право на эти должности они подтверждали сами, своими знаниями, умениями и талантами.

В 60-е годы XVIII в. в Венгрии появилась целая социальная группа, не имевшая дворянского титула, но получившая важную привилегию в сфере образования, приравнивавшую ее членов к выходцам из благородного сословия. Речь идет о многократно упоминавшихся выше камеральных служащих, как дворянах, так и недворянах, которые вскоре после открытия в Сенце политико-экономического коллегийума получили право посылать туда своих сыновей. Венгерская казенная палата за-

нимала особое место в ряду центральных правительственных органов. С одной стороны, она была учреждением, уходящим корнями в домохачскую эпоху и потому обладавшим не подвергавшейся сомнениям легитимностью. В конце XVII — начале XVIII в., до создания в 1723 г. Наместнического совета, единственным дееспособным органом управления с широчайшими полномочиями в административной и финансовой сфере была именно Венгерская казенная палата. С другой стороны, именно это учреждение, соподчиненное венской Придворной палате, австрийские власти пытались превратить в послушный инструмент своей централизаторской политики.

Все усложнявшиеся задачи в области экономики и финансов требовали высокой квалификации, поэтому, как говорилось выше, в самой Венгерской казенной палате, а также в связанных с ней таможах, соляных конторах, пунктах сбора тридцатинного налога служило наибольшее число недворян — главным образом сыновья зажиточных горожан, получившие гимназическое или университетское образование. Создание специальных стипендиальных квот для их сыновей в Сенце, а затем в Ваце говорило о желании оказания материальной помощи семьям чиновников низшего и среднего звена. Копиист — первая должность, на которую принимали в Палату не имеющих практического опыта соискателей, — в начале XVIII в. не оплачивалась. Неоднократные повышения жалования не успевали за инфляцией и ростом цен. Обосновывая необходимость введения фиксированных стипендиальных квот именно для сыновей и сирот камеральных служащих, в 1769 г. руководство Венгерской казенной палаты писало: «Многочисленные служащие Казенной палаты, не имеющие помимо жалования никаких средств, при таковой нынешней всеобщей дороговизне живут настолько скудно, что с трудом содержат себя и свои семьи и никак не могут дать должного образования сыновьям, чтобы те со временем стали годными к несению службы в королевском фиске»²¹⁹.

Поскольку жалованная грамота об учреждении Сенцкого политико-экономического коллегияума не содержала указаний на то, в каких пропорциях следует распределять 20 стипендиальных мест между обедневшими дворянами и сыновьями и сиротами камеральных служащих, венгерские власти в феврале 1766 г. обратились к императрице за разъяснением. В мае того же года последовала милостивая императорско-королевская

резолуция, устанавливавшая квоту в шесть стипендий, их во все времена надлежало распределять исключительно между детьми камеральных служащих, обладавших дворянским титулом или имевших за плечами 20 лет службы. В резолюции особо оговаривалось, что для учебы в подобного рода заведении они должны были иметь необходимые подготовку и наклонности, а также высказывалось пожелание, чтобы соискатели происходили из разных частей страны, что соответствовало намерению императрицы превратить коллегиум в главную экономическую школу не только Венгерского королевства, но и Габсбургской монархии в целом²²⁰. Право предлагать императрице кандидатуры для последующего утверждения закреплялось за Венгерской казенной палатой, которая, как полагало руководство этого ведомства, «о положении и заслугах подчиненных ей сотрудников была осведомлена лучше всего»²²¹.

Первые шесть кандидатур, отобранных Венгерской казенной палатой для высочайшего утверждения к сентябрю 1766 г., если верить представлению венгерских властей, располагали необходимыми качествами для обучения в экономическом коллегиуме. Особо подчеркивалось, что они владеют латинским, немецким, венгерским, а некоторые — славянским (скорее всего имелся в виду словацкий) языками. Все они происходили из Верхней Венгрии или были связаны с этим регионом в силу служебных обязанностей своих отцов. В числе утвержденных Марией Терезией сыновей бедных, многодетных и имеющих заслуги отцов были Антал Модьороши 14-ти лет, сын казначейского администратора из комитата Сепеш, уроженец комитата Абауй, рекомендованный к приему руководством отцовского ведомства за свои исключительные таланты; Йозеф Габани 15-ти лет, сын чиновника соляной конторы из Кешмарка²²², уроженец комитата Шарош, не имевший по месту жительства католической школы; Иоганн Михель (Янош Михай) Фидлер 16-ти лет, сын сборщика тридцатины из Кашши, родом из комитата Абауй, о задатках и прилежании которого похвально отзывалась местная казначейская администрация; Иоганн (Янош) Шварц 16-ти лет, родившийся в Сегеде на юге Венгрии, чей отец, имевший 46 лет трудового стажа, в то время служил в соляной конторе в Дёре, а об успехах в учебе его сына говорил аттестат об окончании класса философии. Наконец, в пансионеры коллегиума зачислялись двое сирот — Антал Деаки 18-ти лет, уроженец Пресбурга, сын покойного казначейского вице-регистрато-

ра, и Йозеф Варади 17-ти лет, сын покойного канцеляриста Венгерской казенной палаты²²³.

Социальная группа, для поддержки которой создавалось эта стипендиальная квота, была настолько бедна, что разница между дворянином и недворянином становилась весьма условной. Например, мелкопоместный дворянин Тамаш Габани, отец восьмерых детей, не имел средств, чтобы содержать семью, и когда при поступлении на службу от него потребовали традиционный в таких случаях денежный взнос, он в отчаянии пытался занять необходимую сумму у сепешского капеллана или ректора лёчейских иезуитов, потому что католическая церковь (в отличие от светских кредиторов) давала деньги практически беспроцентно и в случае неплатежеспособности должника предпочитала по-христиански его простить²²⁴. Поскольку служба Габани в соляной конторе была оценена как «верная, усердная и полезная», учеба одного из его сыновей в Сенце становилась спасением для семьи. О том, что власти не в последнюю очередь руководствовались филантропическими соображениями, говорит и факт зачисления в пансионеры двух сирот, один из которых, Антал Деаки, напомним, вскоре выказал полную неспособность к учебе и был отчислен.

Весть о стипендиальных квотах для камеральных служащих быстро распространялась по стране, число желающих воспользоваться королевской милостью все возрастало, но им приходилось отказывать под тем предлогом, что означенные шесть юношей еще не завершили курс наук. Уже в январе 1767 г. Венгерская королевская канцелярия (в ее компетенцию входило предлагать кандидатуры на остальные 14 сенцских вакансий) сделала запрос в Казенную палату, нельзя ли изыскать возможность и зачислить пансионером из квоты, предназначенной для сыновей камеральных служащих, некоего Липота Пацовски, молодого человека 19-ти лет, владеющего немецким, чешским и венгерским, отец которого в течение 17 лет служил в казенных поместьях Шаштин и Голич²²⁵. Поскольку Пацовски не были дворянами, юношу вряд ли приняли бы в какой-либо дворянский конвикт. Однако в апреле того же года Казенная палата была вынуждена ответить, что поскольку все камеральные вакансии заняты, нет никакой возможности удовлетворить ходатайство канцелярии²²⁶.

Вскоре после создания в Ваце Терезианского коллегіума Венгерская казенная палата в ноябре 1768 г. обратилась к императрице с просьбой «повелеть в силу ее милости по отношению к

усердно и с пользой служащим чиновникам из штата Казенной палаты, чтобы по примеру политико-экономического коллегіума в Сенце шестеро сыновей и сирот камеральных служащих принимались в упомянутый коллегіум в Ваце». В резолюции, наложенной Марией Терзией, которая, похоже, причудливо объединила отцов и сыновей, говорилось: «Четверо, имеющие способности и располагающие дворянством или, по меньшей мере, двадцатью годами службы»²²⁷. Так камеральная квота в обоих венгерских коллегіумах возросла до 10 стипендий.

К 15 сентября 1769 г. Венгерской казенной палатой было получено 15 ходатайств от канцеляристов и управляющих казенным имуществом, протоколистов и вдов чиновников соляных контор. В числе четырех счастливых родителей был советник Казенной палаты, отец 12 детей Йозеф (Йожеф) Шарлах, который хотя и прослужил в этом ведомстве 42 года, так и не получал причитающегося по статусу жалования в полном объеме. Руководство Палаты полагало, что по этой причине Шарлах больше других нуждался в королевской милости, и прием одного из сыновей в вацкие пансионеры позволял ему обрести «поддержку и заслуженное утешение в чадах своих за долгую и славную службу». На вторую и третью вакансии назначили сыновей камеральных префектов — Иштвана Марфи и Антала Понграца, — бедных многодетных венгерских дворян, имевших длинный и похвальный послужной список. Наконец, четвертым пансионером стал сын Игнаца Коха — таможенного служащего из Брука. Его руководство Казенной палаты назвало не иначе как «благородным сыном Отечества»²²⁸.

В конце сентября 1769 г. пришло время рассмотреть кандидатуры сыновей камеральных служащих на новый срок обучения в политико-экономическом коллегіуме в Сенце. Из 14 просителей достойными сочли пятерых, а именно: сыновей Йозефа (Йожефа) Мозера — служащего генеральной кассы Венгерской казенной палаты, имевшего восемнадцать лет трудового стажа, вдовца и многодетного отца; Франца (Ференца) Краса — чиновника соляной конторы из Фёльдвара, отдавшего службе тридцать лет жизни, отца шестерых детей; Пала Длхолуцки — мелкого служащего в пункте сбора тридцатинного налога, «который в течение тридцати трех лет демонстрировал верность и ропность в деле сбора налогов и равным образом обремененного многочисленным потомством»; Игнаца Дельпини, сборщика тридцатины из Надъварада²²⁹ — он «за двадцать пять лет службы прославился верностью, неутомимостью и особенным в делах

верховного фиска рвением», и вдову чиновника Венгерской казенной палаты Франца Антона (Ференца Антала) Пухнера, «принимая во внимание длительную и похвальную покойного супруга ее службу», а также «с учетом ее бедственного состояния». Наконец, на шестую вакансию был предложен сын вдовы Йозефы Витман, которой недавно отказали в приеме ребенка в вацский Терезианум. Покойный супруг Йозефы «в течение тридцати пяти лет верно служил» в соляной конторе в Пече (примечательный случай приема в Сенцкий коллегіум выходца из южновенгерского комитата), и руководство Казенной палаты приняло во внимание ее «вдовство и крайнюю нищету»²³⁰.

Однако у венской Придворной казенной палаты были иные планы относительно освобождавшихся мест. Австрийские власти решили, что шестью новыми пансионерами из числа детей камеральных служащих должны стать Антон Сисенбек, Иоганн Карпер, Карл Антон Шмид, братья Мартин и Йозеф Кучер и «сын сборщика тридцатины Малошега». Откуда взялись эти кандидатуры, где находятся ходатайства их отцов, по каким ведомствам они числились и какова была их выслуга лет, выяснить не удалось. В любом случае, решение о зачислении в Сенцкий политико-экономический коллегіум означенных юношей принималось руководством венской Придворной казенной палаты с ведома и согласия императрицы. Шестерым юношам, принятым на эти же вакантные места венгерскими властями, было предложено подождать своей очереди. Между тем уже в первые месяцы учебы выяснилось, что из шести мальчиков, оказавшихся в коллегіуме по настоянию венской Придворной казенной палаты, только Иоганн Карпер обладал необходимой подготовкой для обучения камеральным наукам, остальные же по малолетству не были готовы воспринимать дисциплины, предусмотренные учебным планом. Как говорилось выше, императрица настояла на том, чтобы дети были оставлены в Сенце и обучены там чтению, письму и счету. Шестеро юношей, прием которых в коллегіум был санкционирован Венгерской казенной палатой в 1769 г., попали в Сенц с двухлетним опозданием только в 1771 г.²³¹

Принадлежа к низшему и низкооплачиваемому звену формирующейся профессиональной бюрократии, камеральные служащие с не меньшим, чем мелкие безземельные дворяне, рвением боролись за будущее своих детей, с той разницей, что их выбор пока ограничивался двумя коллегіумами, в которых они могли рассчитывать на одну из десяти стипендий. Тот факт, что

каждый заботливый (и, как правило, многодетный) отец стремился выработать своеобразную образовательную стратегию, чтобы каждый из его сыновей мог наилучшим образом соответствовать все ужесточавшимся требованиям к желающим поступить на службу, не раз подтверждали примеры, приведенные выше. Эта тенденция очевидна и в случае кассира Венгерской казенной палаты Матиаса (Матяша) Крала, обратившегося в конце 1770 г. с ходатайством к руководству Палаты. В нем он поведал, что находится на королевской службе с 1728 г.²³², «служба вот уже сорок третий год с неизменным рвением по мере своих сил», и на этом основании просил принять под высокое покровительство трех его сыновей: старшего Игнаца взять внештатным практикантом в канцелярию Казенной палаты или пристроить в соляную контору, среднего Йозефа (Йожефа), который поступил в класс философии в Дёре, зачислить в политико-экономический коллегийум в Сенце, а младшего, Бенедикта (Бенедека), пока ученика класса грамматики, направить в вацкий Терезианум.

Служа в Казенной палате, Краль был прекрасно осведомлен о состоянии стипендиальных квот. Он пишет: «Поскольку учебный год и время занятий подошли к концу, я имею достоверные сведения о том, что по истечении двух лет все шестеро юношей, которые были приняты по представлению сей Палаты, окончили курс наук и покинули стены конвикта, а на их место должны быть приняты новые шесть»²³³. Знал ли Краль, что эти шестеро дожидались своей очереди с 1769 г.? Так или иначе, невезение одного обернулось удачей для другого: в августе 1771 г. становится известно, что один из шести прежде зачисленных сыновей камеральных служащих, Йоганн (Янош) Мозер, неожиданно скончался, и руководство Венгерской Казенной палаты сочло возможным удовлетворить прошение Крала в части, касавшейся среднего сына Йозефа²³⁴.

Выше в разных контекстах уже не раз говорилось о том, что женщины проявляли особую активность в поиске стипендий для своих детей и нередко подавали соответствующие ходатайства, написанные если и не собственной рукой, то от собственного имени. Само название этой стипендиальной квоты — «для сыновей и сирот камеральных служащих» — побуждало матерей пытаться счастья. Приведенные выше данные за 1766 и 1769 гг. позволяют утверждать, что распределяя стипендиальные места, власти как минимум в одном, а чаще — двух из шести случаев удовлетворяли ходатайства одиноких матерей. Как

уже подчеркивалось, вдовы поддерживали тесные контакты с сослуживцами своих покойных мужей, именно от них узнавали, где и какие возможности предоставляются для обучения детей за государственный счет, и, возможно, получали практическую помощь в составлении ходатайств с соблюдением всех тонкостей этого жанра. Например, Йозефа Боден, вдова камерального служащего Андраша Наместовски, в 1774 г. писала: «Вот уже шестой год, как я, познав горечь вдовства, тружусь, чтобы мои дети-сироты на скудные средства получили образование в науках, изучив каковые они станут пригодными для несения службы своему государю. Теперь старший, Янош, окончивший класс философии в Трнаве, страстно желает постигнуть те науки, которые Ваше Священнейшее Величество с материнской кротостью соблаговолило учредить для развития общего блага в Сенце, чтобы, усовершенствовавшись в них, он смог стать более полезным на государственной службе»²³⁵.

Возможность отправить хотя бы одного из, как правило, многочисленных детей учиться за казенный счет в какой-нибудь коллегиум или конвикт не только решала отдаленную задачу вхождения ребенка во взрослую жизнь, но и избавляла на ближайшие два-три года от материальных забот. Не случайно в 1779 г. одна такая вдова, Юдит Трговчич, после того как ее сын успешно прошел курс обучения в политико-экономическом коллегиуме в Тате, попросила оставить его там еще на один год²³⁶. При системе распределения стипендий, когда просвещенный абсолютизм стремился оказывать помощь самым заслуженным из самых бедных и самым бедным из самых заслуженных, женщины, чьи ходатайства были во многом отражением карьеры их покойных мужей, не могли превратиться в особую, привилегированную социальную группу. В то же время всякий раз, когда появлялась возможность поспешествовать бедным вдовам, предпочтение отдавалось именно их осиротевшим сыновьям.

В 1775 г. на одну стипендию в Сенце из квоты, зарезервированной для камеральных служащих, претендовали сразу двое: все тот же Матиас Краль, чей стаж к тому времени уже перевалил за сорок семь лет, — его младший сын Бенедикт перешел в класс риторики; и вдова Георга (Дёрдя) Дахауэра, тридцать два года жизни отдавшего службе в казначействе Трансильванского княжества, у которой на руках осталось шестеро детей, и среди них 14-летний Георг (Дёрдь). Коллизия заключалась в том, что дворянство и чиновничество Трансильвании, административно

и финансово отделенной от Венгрии, формально не могло претендовать ни на какие иные стипендии, кроме тех шести, что в 1767 г. были учреждены специально для трансильванских дворян в вацком Терезиануме. Совет Венгерской казенной палаты поначалу склонялся к тому, чтобы поддержать прошение Крала, потому что в его лице благоденствие оказывалось бы венгерскому, а не иноземному (как в случае Дахауэра) подданному. В представлении на высочайшее имя от 23 июня 1775 г. недвусмысленно говорилось: «Поскольку состояние служащих Венгерской казенной палаты крайне плачевно, сие всепокорнейшее учреждение считает своим долгом взять на себя заботу об их детях и верноподданнически просить Ваше императорско-королевское апостолическое Величество, чтобы именно этим детям была оказана высочайшая милость получать стипендии *вперед иноземных соискателей*». Георгу Дахауэру предлагалось подождать до окончания учебного года, когда и в Сенце, и в Ваце появится целый ряд вакансий²³⁷.

Однако всего за месяц мнение руководства Венгерской казенной палаты кардинально поменялось, и в новом представлении на высочайшее имя от 17 июля того же года предпочтение отдавалось уже Г. Дахауэру: «Принимая во внимание его (отца. — О. Х.) тридцатидвухлетнюю хорошо и успешно исполнявшую службу и снисканные на этом поприще заслуги, тем более что отец Крала пока еще жив и может на короткое время, до начала следующего года, когда, по сведениям Венгерской казенной палаты, появятся вакансии как в Вацком, так и в Сенцском коллегииуме, обеспечить ему необходимое содержание, напротив, многократно упомянутой вдове, обремененной шестью детьми, особенно требуется помощь и высочайшее содействие». Императрица поставила подпись под заранее составленной резолюцией: «На освободившееся место, сообразно данной рекомендации, принимается Дахауэр»²³⁸. Кандидатура Бенедикта Крала была вновь рассмотрена и рекомендована к приему Венгерской казенной палатой в 1774 г., когда производился очередной набор сыновей камеральных служащих²³⁹. Таким образом, в выигрыше оказывался тот, кто ходатайствовал неоднократно и имел достаточно терпения, чтобы дождаться королевской милости через два-три года.

Итак, стипендиальные квоты для сыновей камеральных служащих, при том, что их количество в масштабах страны было ничтожно мало, по сути своей стали инструментом корпоративной политики в Венгерской казенной палате и связанных с ней

таможенных, соледобывающих и иных ведомствах. Сочетая в себе черты старого и нового, поддержку чиновничьих династий с выдвиганием более высоких формальных требований к образовательному уровню бюрократии, австрийские и венгерские власти превратили доступ к образованию в форму материальной поддержки и одновременно инструмент повышения социального статуса тех групп внутри чиновничества, от профессионализма которых во многом зависела эффективность проведения реформ в области экономики и сфере управления. Распространяя определенные дворянские привилегии на разночинцев или возводя в дворянское достоинство наиболее талантливых из них, власти способствовали стиранию границ между сословиями и возникновению постфеодального бессословного общества.

Искусство просить

Мать с сестрою отправилась в Аничков дворец и стала на указанном месте в коридоре, в ожидании Цесаревича, ехавшего кататься со своим адъютантом, и как только он поравнялся с ними, мать упала на колени и, протянув руку с прошением, не могла ничего выговорить от волнения и слез... «Одной милости прошу, Ваше Императорское Высочество: прочтите сами».

А. В. Стерлигова. «Воспоминания»

Одним из неоднократно цитировавшихся выше и важнейших с точки зрения рассматриваемой проблемы источников являются ходатайства о приеме детей в учебные заведения. Прощения подавали и сиятельные графы, и обездоленные вдовы мелких дворян. Сам жанр ходатайства настраивал просителя (или составителя петиции от его имени) на описание, с одной стороны, финансовых тягот, житейских бед и невзгод, личных потерь, с другой — на подробное перечисление заслуг, собственных и своей семьи, перед правящим домом, поэтому при чтении таких документов не следует упускать из виду, что все эти детали помогали просителю убедить власти в необходимости удовлетворения просьбы. Однако, используя риторические приемы или прибегая к понятным современникам топосам, проситель, говоря не всю правду, был вынужден так или иначе оперировать реальными фактами (состав его семьи, должности, занимавшиеся им самим и его предками, размеры жалования или

наличие долгов), поэтому подобный источник может и должен использоваться как при изучении системы образования, так и при рассмотрении более широкого круга вопросов социального и материального положения различных слоев дворянства, его культурного уровня и духовных запросов.

Ходатайства о предоставлении королевских стипендий (как и иные такого рода прошения о повышении по службе, прибавке к жалованию или выделении пенсии) представляют собой разновидность жанра письма и в этом смысле генетически восходят к эпистолярному наследию Цицерона. Античный оратор, с одной стороны, вдохновлял на подражание и полемику величайших европейских гуманистов (Франческо Петрарку, Эразма Роттердамского, Филиппа Меланхтона), с другой — на протяжении Средних веков и раннего Нового времени был автором, обязательным для изучения в средней школе. Письма Цицерона, взятые за образец, служили основой для составления многочисленных письмовников, наиболее ранний из которых вышел из под пера Альберика Монтекассинского²⁴⁰. Стандартная Цицеронова схема — *salutatio, exordium, narratio, petitio, conclusio* — всякий раз наполнялась особым содержанием.

Обращение к адресату (как правило, самому монарху, реже канцлеру, наместнику или президенту Казенной палаты) нередко сопровождалось довольно цветистым восхвалением его исключительных достоинств: милость и щедрость ко всем подданным, сострадание к тем, кто волею судеб оказался в бедственном положении, покровительство вдовам и сиротам, забота о тех, кто проливал за государя кровь и был готов умереть за него. Далее надлежало изложить суть дела, сопроводив сведениями биографического характера, по крайней мере теми из них, что имели отношение к сути просьбы (участие в войнах за Габсбургский дом, многолетняя служба в администрации, суде, дворянском самоуправлении, снисканные на этом поприще награды и знаки отличия). Затем полагалось формулировать суть просьбы — максимально абстрактной (пристроить любого из сыновей в какое-нибудь учебное заведение на королевскую стипендию) или более детализованной (с выражением желания направить ребенка в такое-то учебное заведение). Наконец, в заключение проситель обещал молить Господа о процветании благодетеля, а также жить и умереть за сию милость. Ниже следовали дата и имя ходатая с указанием его должности, звания или состояния²⁴¹.

Данная единообразная структура, выдерживаемая едва ли не всеми просителями, объясняется тем, что в практике судопро-

делопроизводства монархии к тому времени сложились устойчивые формулы и клише, которыми блестяще владели стряпчие и секретари, а именно к ним, как правило, обращались за составлением всякого рода ходатайств²⁴². В протестантской Германии рукописные, а потом и изданные типографским способом письмовники имели широкое хождение с конца XV в.²⁴³ В монархии Габсбургов в XVIII в. пользовались письмовниками, отпечатанными в католических землях, например Аугсбурге. Выше неоднократно упоминался учебник делового стиля — его специально для венского Терезианума составил Й. Г. Г. Юсти. Дальнейшая стандартизация делового стиля в монархии связана с именем Й. Зонненфельса, читавшего соответствующий курс в Венском университете. Конспекты его лекций распространялись в рукописных и типографских копиях²⁴⁴, пока в 1784 г. автор под собственным именем не опубликовал пособие «О деловом стиле. Первое руководство для будущих австрийских канцелярских служащих»²⁴⁵. В Венгрии в этот период большинство стряпчих имели собственные рукописные подборки образцов делового стиля, формуляры обращений на высочайшее имя или в суд. Первые печатные письмовники получили распространение позднее — в начале XIX в.²⁴⁶, хотя и содержали образцы, сложившиеся в более раннюю эпоху.

Во второй половине XVIII в. большинство прошений не только по содержанию, но и по форме были выдержаны в едином стиле: обращение к комитатскому собранию, Наместническому совету, президенту Казенной палаты, королевскому канцлеру или монарху отделено от основного текста широким пробелом и выполнено изящными и прихотливыми буквами. Нередко упоминание в тексте высочайшего имени или соответствующего королевского ведомства также делалось буквами большего размера, что было призвано подчеркнуть особое уважение и верноподданническую покорность. Четкий и ясный почерк, редкие ошибки в латинском или немецком также свидетельствуют, что переписка прошения доверялась грамотному и искусному в составлении подобных бумаг человеку, если только сам проситель, будучи чиновником низшего или среднего звена, не обладал всеми этими качествами. Собственноручная подпись ходатая в некоторых случаях отличается от почерка в тексте прошения. Очевидно, что аристократы и крупные чиновники, имевшие собственных секретарей, доверяли им составление и переписывание набело всей своей деловой корреспонденции, а сами ставили только свою подпись на чистовике.

Одновременно это обстоятельство не может служить единственным критерием для установления авторства, поскольку в фондах ведомств, занимавшихся распределением королевских стипендий, хранится немало копий с отсутствующих или утерянных оригинальных прошений. Можно с известной долей уверенности утверждать, что едва ли не все ходатайства, поданные от имени женщин не только на латыни, но и на немецком, составлены их доверенными лицами, что подтверждают встречающиеся на некоторых подлинных документах собственно-ручные подписи просительниц, отличные от почерка в тексте самого ходатайства. Зато чиновники центральных и местных ведомств, искушенные в бюрократической казуистике, порой сами причастные если не к разработке жалованных грамот учебным заведениям, то к их переписке и рассылке, составляли прошения от своего имени и от имени родных и близких.

Какова степень достоверности рассматриваемого источника? С одной стороны, сведения о возрасте ходатая, составе его семьи (количестве детей и уровне их школьной подготовки), послужном списке и тому подобные формальные личные данные, которые не имело смысла фальсифицировать, поскольку при желании они легко поддавались проверке, могут считаться заслуживающими доверия. Данный источник мог бы более широко использоваться при изучении социальной истории, истории повседневности или гендерной истории. С другой стороны, в самой природе документа, содержащего некую просьбу и, следовательно, призванного представить просителя перед читателем в наилучшем свете, неизбежно заложено искажение, приукрашивание или замалчивание действительности. Факты реальной биографии, вплетенные в контекст повествования о том, почему просителю должна быть оказана материальная помощь, придают «достоверность» нередко преувеличенным жалобам на бедность. Тем более, что формулу эпохи — «не в состоянии дать детям приличествующее их статусу образование», как уже отмечалось выше, следовало понимать как невозможность изыскать внутренние финансовые резервы без ущерба для принятого в данной социальной среде образа жизни, необходимых трат и разумных потребностей.

Стилистика ходатайства могла быть лаконичной или, напротив, имитировать образцы латинского красноречия. Вот уместяющееся в несколько строк прошение дворянина из комитата Шопрон Антала Эльбеи, поданное в 1769 г.: «Поелику неизменно с юных лет мое рассуждение и намерение всегда сводилось к

тому, чтобы становиться *более и более способным, подходящим и пригодным для несения службы* Вашему Священнейшему Величеству и постоянно при необходимости предлагать свою *жизнь и кровь*, чему доподлинным подтверждением является мое личное участие в двух последних дворянских ополчениях, созданных для отпора врагу, причем во втором — вместе с братом моим Шандором Эльбеи; *поэтому сына моего Ласло Эльбеи, в настоящее время обучающегося в классе риторики в дворянском конвикте в Шопроне, а на будущий год переводимого в класс философии*, о ком я неустанно забочусь, чтобы он с толком учился и овладевал дворянскими упражнениями, дабы со временем прежде всего смог *стать полезным подданным* Вашего Священнейшего Величества. За сим смиреннейше припадаю к августейшему трону Вашего Священнейшего Величества, *нижайше моля о том, чтобы Ваше Священнейшее Величество соблаговолило принять и зачислить сына моего в Ваше королевское заведение в Ваце, учрежденное по материнской королевской милости для воспитания дворянского юношества*²⁴⁷.

В этом кратком, но грамотно составленном ходатайстве, выполненном по всем правилам жанра, в личные сведения удачно вплетаются топоры современной дворянской политической культуры, прежде всего знаменитый лозунг «Жизнь и кровь за нашего короля!», который 11 сентября 1741 г. отозвался эхом по всей Европе: с этими словами Государственное собрание, «простив» Габсбургов за десятилетия насаждения неограниченного правления, предоставило им запрашиваемую военную и финансовую помощь в Войне за австрийское наследство. Не менее знаковым, хотя и несколько обесцененным вследствие частоты употребления, является утверждение о неизменном желании быть *полезным подданным*, несущим *полезную службу*, и воспитать таковым своего сына — своеобразный общий культурный код венгерского дворянства и венского двора. Наконец, для процитированного прошения характерна исчерпывающая информация о ребенке: нет указания на возраст (что в данном случае менее значимо), зато говорится, как его зовут, где и в каком классе он учится. Ласло Эльбеи так и не был зачислен в вацкий Терезианум, скорее всего по причине отсутствия свободных мест, однако прошение это было отмечено властями как заслуживающее внимания вперед иных подобных, и заслуга в этом — автора краткого и ясного письма с верно выдержанной стилистикой.

Другие просители нередко прибегали к более эмоционально окрашенному стилю, призванному подчеркнуть стесненность обстоятельств и особую нужду в королевской милости. Вот что писала вдова Эржебет Эрши в письме к королевскому канцлеру: «Дворянин Лайош Эрши, *супруг мой, поступил на военную службу в 1728 г. в Вюртенбергский полк, где, прослужив семнадцать лет, стал вахмистром. Затем в Италии, под Пармой, раненный в правую ногу, должен был претерпеть сильнейшие боли и после перенесенных весьма продолжительных страданий и недугов не мог далее служить в этом полку, посему, распрощавшись с ним, отбыл в императорскую часть в Голич, где, как лейтенант, получил понижение в жаловании; вскоре он был переведен в полк Фештетича... и отчасти от истощения сил, отчасти из-за тяжелейшего, длившегося четыре месяца недуга был вынужден подать в отставку, таким образом закончив службу, а в скором времени он скончался, оставив меня, бедную вдову, с многочисленными детьми, лишенную каких бы то ни было средств к существованию*». Далее вдова просила: «В числе оставшихся в живых детей я имею двоих сыновей, Ференца и Имре, из которых первому 12, второму же — 11 полных лет, каковые из-за нехватки средств ни наукам, ни искусствам не обучены. Посему с мольбами взываю я к милости вашего превосходительства, соблаговолите же, ваше высокографское сиятельство, милостиво оказать мне содействие из сострадательного сочувствия к бедным и нуждающимся дворянам и сыновьям Отечества, чтобы августейшая и всемилостивейшая наша государыня и те, от чьего расположения это зависит, соизволили если не обоих, то, по крайней мере, одного из моих сыновей принять в какой-нибудь военный или иной какой фонд, чтобы ребенок был подготовлен для несения высокой службы государю»²⁴⁸.

Это прошение, очевидно, было составлено опытным стряпчим, не только блестяще владевшим латинским языком, но и искусственным в составлении подобного рода ходатайств. Текст письма строится вокруг двух важнейших мотивов: многолетняя достойная служба супруга и бедность, в которой оказалась семья после смерти ее главы. То обстоятельство, что просительница не указывает, в какие учебные заведения хотела бы направить своих детей, скорее всего, не является плодом недостаточной информированности, но может рассматриваться как удачный стилистический прием: в столь плачевном состоянии женщина будет рада любой королевской милости. С другой стороны, если мальчики действительно «из-за нехватки средств ни

наукам, ни искусствам не обучены», то вероятность попадания в престижные школы Вены, а ходатайство вдовы Эрши подшито к прошениям о зачислении детей в пансионеры Лёвенбургского конвикта, была ничтожно мала.

Пожилой заслуженный отец и вставшая в нищету вдова были двумя наиболее распространенными типами просителей. Не менее знаковой, хотя и гораздо реже встречающейся фигурой является старший брат, как правило офицер, ходатайствующий за одного из младших братьев. Удачным примером может служить петиция кавалерийского офицера Ференца Бендика, в 1767 г. писавшего: «Дозвольте мне всепокорнейше сообщить Вашему Священнейшему Величеству, что Божья милость в отношении моего худого рода заключается в рождении такого количества сыновей, что не только отец мой, достопочтенный Йозеф Бендик, проживавший в комитате Зала, имел четырех братьев — с ними он разделил скудное дедовское наследство, — но и сам имел пятерых оставшихся в живых сыновей и по причине стесненности в средствах не мог им дать образование». На том основании, что государыня «из своей всемилостивейшей материнской заботы для облегчения положения беднейшего венгерского дворянского юношества в разных местах основывает конvikты, а также патронирует, сохраняет и опекает другие благочестивые заведения», Бендик просил принять «в какое-нибудь заведение» одного из своих братьев, Петера, «который талантами и другими душевными свойствами намного остальных превосходит»²⁴⁹. Очевидно, что кавалерийский офицер вряд ли хорошо представлял себе систему учебных заведений в королевстве и правила приема в них, поэтому рассчитывал, скорее всего, на снисхождение к его семейным обстоятельствам.

Самой информированной группой офицеров в этом смысле были венгерские лейб-гвардейцы, жившие в Вене, возвращавшиеся при дворе, встречавшие воспитанников венских школ в Шёнбрунне по торжественным дням. В 1762 г. в Венгерскую канцелярию поступило прошение от офицера, направленного в гвардию далеким восточным комитатом Сатмар, Иштвана Надя, в котором тот писал: «Сколь плачевно сиротство и сколь обременительно для всей родни оказывается их образование в науках и воспитание в добрых нравах. Это я в числе многих других, горько оплакивающих свою сиротскую долю, познал с тех самых пор, как лишившись горячо любимого родителя моего, также носившего имя Иштван Надь, я попал под опеку моей

овдовевшей, сраженной тяжелым недугом матушки. Она же со времени своего несчастного вдовства не только обязанности верной опекунши, но и долг искренней и заботливой матери исполняла с такой точностью, что ни я, ни мои братья, без упреков в гнусной неблагодарности и нечестивости, относительно материнской к нам любви не можем желать ничего большего». «Теперь, в преклонном возрасте и после восьми лет вдовства, — продолжал офицер, — у нее постепенно иссякли (как это нередко случается в человеческой жизни) проницательность и силы, чтобы вести скудное хозяйство и заботиться об образовании четырех сыновей; посему (ибо я тем временем уже как-никак пристроен в дворянскую лейб-гвардию) решил просить от имени моего брата Йозефа, в настоящее время ученика класса синтаксиса в Надьвараде, чтобы... мой брат мог стать пансионером того фонда, который учрежден в Вене для обучения двенадцати юношей дворянского происхождения»²⁵⁰. Молодой Надь, несомненно, имел в виду Хаосовский фонд, куда к тому времени фактически перестали зачислять венгров, поэтому прошение его рассматривалось в числе соискателей вакантного места в Лёвенбургском конвикте и не получило поддержки, поскольку иные были сочтены еще более достойными.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что просителем при отсутствии других родственников могла выступать бабушка (история трансильванской графини Жофии Халлер), мог и сам ребенок, за спиной которого стояла, возможно, тоже бабушка (пример Пала Понграца) или иной родственник (в случае барона Пала Перени), не считавший себя в состоянии нести бремя расходов на обучение. Жены при живых мужьях практически никогда самостоятельно не обращались к властям с прошениями о приеме детей в учебные заведения, хотя при этом могли активно искать полезные связи в рядах своей родни. Показательным исключением из правила служит Ференц Хуняди, сын дворянина Элека Хуняди и графини Францишки Фештетич. Мы уже неоднократно упоминали о богатстве и влиянии этого стремительно ворвавшегося в ряды венгерской аристократии семейства: отец Францишки, знаменитый вице-президент Венгерской казенной палаты Пал Фештетич был возведен в графское достоинство минуя баронский титул. В 1777 г. в числе прошений, поданных о приеме сыновей во вновь открывшуюся в Буде Терезианскую академию, было два, где речь шла об одном и том же мальчике: В общем списке соискателей, со-

ставленном в канцелярии, они значились под номерами 18 («Элек Хуняди о своем сыне») и 24 («супруга Хуняди, урожденная графиня Фештетич, за сына Ференца») ²⁵¹. Скорее всего, родители рассудили, что слово урожденной графини Фештетич может в глазах властей оказаться весомее, чем просьба ее мужа, простого дворянина Хуняди, но при живом супруге женщине не пристало действовать самостоятельно, поэтому родители подали сразу два прошения.

Стилистических и композиционных приемов, к которым прибегали авторы ходатайств, чтобы привлечь к себе внимание и выделиться из массы себе подобных, насчитывается великое множество. Одним их таких способов было подчеркнуть свою осведомленность о состоянии дел в стипендиальных фондах. Так, выпускник венского Терезианума граф Йозеф Дёрдь Баттани в 1782 г. писал: «Поскольку в настоящее время я являюсь отцом девяти еще не получивших образования детей, а в будущем году венгерский Батасекский фонд покидают барон Кинмайер, а также барон Ледерер, то в Терезианском коллегииуме возникнет два свободных места, и да повелит Ваше Величество, чтобы эти два места были отданы моим сыновьям Йозефу и Винце» ²⁵². В 1775 г. упоминавшийся выше мелкий чиновник Венгерской казенной палаты Янош Тагани просил: «Да соизволит Ее Священнейшее Величество повелеть... чтобы один из моих четверых сыновей, а именно Фердинанд, которому идет 12-й год, был принят и зачислен в Вацский конвикт, поскольку на следующий год, после выпуска Н. Мокоша, там появится одна вакансия» ²⁵³. Наконец, вдовы, не без содействия со стороны коллег покойного супруга, также располагали весьма точной информацией о вакансиях в различных стипендиальных фондах. В августе 1777 г. Терезия Кристль, вдова сборщика тридцатины из Кешмарка, испросила у Венгерской казенной палаты стипендию в политико-экономический коллегииум в Тате для своего сына и, не получив до ноября никакого ответа, написала: «На сие мое всепокорнейшее прошение я не получила никакой милостивой резолюции, но между тем из опубликованного декрета Казенной палаты я узнала, что в королевском фонде в Тате по-прежнему наличествует пять вакантных мест» ²⁵⁴.

Еще один стилистический прием состоял в предельном насыщении своего ходатайства мелкими подробностями, призванными повысить достоверность излагаемых обстоятельств и тем вернее привлечь внимание и вызвать сочувствие к своим бедам

со стороны властей. Если подавляющее большинство ходатайств содержат весьма абстрактные ссылки на бедность, то отдельные просители в буквальном смысле слова посвящали государыню во все подробности своих повседневных нужд. Имеющим мало аналогов может служить следующий фрагмент из ходатайства упоминавшегося выше Ш. Кайдачи, копииста Наместнического совета, который пытался пристроить своего сына в Хаосовский фонд: «За вычетом ежегодно растущих расходов на наем слуг, оплату прачки, а также затрат на дрова и свечи, что за год составляет 135 фт., из моего годового жалования остается 245 фт., из коей суммы на ежедневное питание по самым скромным меркам, так, чтобы я и дети мои могли раз в день есть говядину, что составит 39 крейцеров на день или 237 фт. 15 крейцеров в год, так что на одежду для восьми человек остается не более чем 7 фт. 45 крейцеров, и поскольку наследство моего отца (благословенна память его), из которого прежде всего выплачиваются долги моей матери и доли двух моих сестер, после всевозможных неизбежных затрат уже в прошлом году было практически исчерпано, не имея иных источников существования, я с глубочайшей покорностью вынужден вновь взывать к королевской милости и щедрости, поскольку единственно из 380 фт. годового жалования я не в состоянии себя, жену и столь многочисленное потомство кормить, дать приличествующее христианину образование и воспитание, одевать и достойно содержать»²⁵⁵.

Плохой стиль, запутанное повествование, нелады с латинской грамматикой убеждают читателя: Кайдачи составил прошение самостоятельно, исходя из собственных представлений о том, как пишутся подобного рода бумаги. Заботливый отец (едва ли не против всех правил) просил сразу за четверых детей: о зачислении сыновей в Хаосовский фонд и о приеме дочерей в школу для девочек в Эберсдорфе. Барышни Кайдачи действительно попали в престижное учебное заведение для бедных дворянок за счет Тайной казначейской кассы²⁵⁶. Точных данных о зачислении Йозефа Кайдачи в Хаосовский фонд нет. Где бы не обучался этот юноша, к восемнадцати годам он пожелал поступить в венгерскую лейб-гвардию. В стандартном представлении комитата говорилось, что юноша обладает подходящим телосложением и иными необходимыми для такой службы данными, отец же его к тому времени имел тридцать лет стажа в Наместническом совете, но, несмотря на все доводы, кандидатура Йозефа Кайдачи была отвергнута²⁵⁷, и в будущем он служил адвокатом в суде.

Не последнюю роль в судьбе просителя играло дворянское сообщество комитата, к которому принадлежала его семья. Комитатское дворянское собрание выдавало своим членам рекомендации о приеме их сыновей в те или иные конвикты (чаще всего расположенные на территории данного комитата), а в случае, когда ребенок оставался сиротой, напрямую занималось его судьбой. В тех случаях, когда принадлежность соискателя к дворянскому сословию могла показаться властям сомнительной, именно комитатское собрание выдавало официальное свидетельство о дворянском происхождении.

Изменения в самом формуляре ходатайств произошли незадолго до роспуска привилегированных учебных заведений. Новый император Иосиф II, прилагавший немало усилий к тому, чтобы превратить подданных в граждан, в 1782 г. специальным декретом предписал подавать любые прошения на высочайшее имя исключительно по новому, им утвержденному образцу: Запрещалась любая пышная титулатура, и обращение сводилось к простому названию инстанции («Ваше Величество!» или «Высокопочтимая Венгерская канцелярия!»). Затем следовало сжато изложить суть просьбы («Нижеподписавшийся просит, принимая во внимание его 27-летнюю службу в армии, зачислить сына в Военную академию в Винер-Нойштадте») и перечислить причины (во-первых..., во-вторых..., в-третьих...), по которым проситель считал себя достойным испрашиваемого. В заключение не допускалось использование прежних формул «всепокорнейший», «наивернейший» и т. п., вместо этого следовало указать свое полное имя и занимаемую должность²⁵⁸. Отдельное исследование могло бы быть посвящено тому, насколько быстро новый образец проник в отдаленные уголки монархии и стал активно применяться. Здесь же отметим, что чиновники центральных ведомств немедленно перешли на новую форму изложения своих ходатайств²⁵⁹.

Если разделить просителей на группы, то самыми многочисленными окажутся, с одной стороны, служащие центральных органов власти (Венгерская канцелярия, Наместнический совет и Казенная палата) и, с другой, мелкое и среднее провинциальное дворянство, занимавшее (порой не одно поколение) должности в комитатской администрации, иными словами, местные элиты, пусть даже уровень доходов и влияние в масштабах страны у этих элит был весьма скромным. Если внушительный процент ходатаев из числа первой группы объясняется их высокой степенью информированности, а зачисление их детей в престиж-

ные школы — стремлением властей поддерживать бюрократические династии (что в эпоху наследуемых должностей, званий и профессий не было ни редкостью, ни исключением из правил) и вознаграждать лояльных подданных, то причины, по которым власти уделяли все большее внимание второй группе, заслуживают особого внимания.

Именно мелкое и среднее дворянство начиная с 1760-х годов (если вести отсчет от знаменитого меморандума Кауница) становится едва ли не главным объектом социальной и культурной политики австрийского просвещенного абсолютизма. Вот как об этом говорилось в меморандуме Кауница: «Обстоятельства со всей очевидностью распорядились так, что становится неизбежным обращение за помощью к комитатам, чтобы Ваше Величество могло обрести там надежную опору в лице вице-ишпанов и мелкого дворянства. Таким образом, для направления усилий в нужное русло следует оставить в покое Государственное собрание, которое безнадежно, и работать с его составными частями». И далее: «Следует проявить твердость... пусть награда и наказание будут по делам»²⁶⁰. Поскольку королевские стипендии в престижные школы были одним из инструментов в этой системе «кнута и пряника», мелкие дворяне — служащие комитатских администраций, живо откликались на все инициативы двора, будь то учреждение венгерской лейб-гвардии или открытие Терезианского коллегіума в Ваце, и приводили в своих ходатайствах внушительные послужные списки, рьяно доказывая полезность государю и отечеству.

Одни из них были более, другие менее удачливы, но, что особенно важно, все они были активны и настойчивы, не опускали руки от временных неудач и при каждой возможности брались за перо, чтобы испросить себе и своей семье новую милость. В Части I упоминался мелкий дворянин Игнац Битто из комитата Пресбург — один из счастливых отцов, чей сын в числе первых был принят в Хаосовский фонд в знак монаршей благодарности за участие родителя в Войне за австрийское наследство и в качестве компенсации за месяцы прусского плена. К концу 60-х годов XVIII в. Игнац дослужился до должности младшего исправника и дорожного инспектора родного комитата и справедливо расценивал занимаемую должность и выслугу лет как те обстоятельства, что должны помочь его детям получить образование и сделать карьеру. Если в 1752 г. у Битто было лишь четверо отпрысков, то к 1769 г., как говорилось в представлении комитатского собрания, «Бог одарил его 15 детьми,

образованием и содержанием которых он был обременен сверх всяких сил»²⁶¹.

Отношение к образованию не только как к сумме знаний, но и как к необходимому формальному условию успешной карьеры иллюстрирует пример одного из сыновей Битто — Тита. В 1769 г. отец, заручившись поддержкой комитата, направил его — выпускника класса риторики 19-ти лет от роду, владеющего немецким и обладающего, если верить представлению генерального собрания комитата, необходимыми познаниями и склонностями для того, чтобы обучаться в политико-экономическом коллегииуме, — в Сенц²⁶². Через два года, едва только Тит окончил учебное заведение, отец вновь обратился к комитату, на этот раз с просьбой дать сыну рекомендацию в венгерскую лейб-гвардию, и вновь генеральное собрание выдало юноше наилучшую характеристику²⁶³. Но кандидатура молодого человека не была утверждена. Позднее Тит переселился на юг Венгрии, в комитат Бараня, в разные годы занимал должность судьи в комитатах Бараня, Фейер, Дёр и Зала. В 70–80-е годы еще пятеро представителей большого семейства Битто (в частности, два сына Игнаца — Йонаш и Михай) пытались попасть в венгерскую лейб-гвардию. Все получили поддержку от родного комитата и отказ от властей: в 1774 г. — Лайош Битто, в 1779 г. — Янош, в 1780 г. — Дёрдь и Йонаш, в 1785 г. — Михай²⁶⁴. Подлинные причины, по которым все попытки братьев Битто попасть в лейб-гвардию потерпели неудачу, возможно, не будут установлены никогда, однако куда важнее настойчивое стремление представителей данной семьи, одной из многих, попасть в патронируемый двором институт. Рано или поздно эти усилия все равно бывали вознаграждены. Автор генеалогического справочника по венгерским дворянским родам Иван Надь писал о семействе Битто, что они традиционно занимали административные должности в родном комитате и к середине XIX в. сумели несколько повысить свой социальный статус²⁶⁵.

Факт постоянного поиска престижных вакансий провинциальным служилым дворянством свидетельствует о том, что оно не упускало ни одной возможности, чтобы направить своих детей по пути, на котором Вена желала видеть венгерский господствующий класс, — пути совмещения высокого образовательного уровня с готовностью верно служить Габсбургскому дому. Учеба в венском Терезиануме, практически монополизированном аристократией, или в новых учебных заведениях (политико-экономические коллегииумы в Сенце и Вараждине,

Терезианский коллегиум в Ваце, курс политико-камеральных наук в Трнаве) — на них австрийские власти возлагали большие надежды, — а также служба в элитной венгерской лейб-гвардии становились страницами в биографии, из которых власти могли сделать вывод об амбициях и устремлениях дворянина. Удачно вписанная в социокультурную политику Вены система королевских стипендий, как она сформировалась в 60–70-е годы XVIII в., превратила образование в глазах дворянского сословия в привилегию, поскольку учеба за государственный счет была особым знаком монаршего благоволения, и одновременно в насущную необходимость, поскольку социальная мобильность ставилась во все большую зависимость от профессиональной подготовки, полученной в одной из привилегированных школ монархии.

Рубеж 60–70-х годов XVIII в. стал временем коренных реформ бюрократического аппарата в Венгрии. В упоминавшейся выше инструкции для фэйшпанов от 1768 г. от глав комитатов требовали утверждать кандидатуру своего заместителя — подлинного хозяина в округе во время отлучек патрона — на генеральном собрании комитата и переизбирать каждые три года. Особое внимание надлежало уделять избежанию конфликта интересов: вице-ишпан, как и иные члены администрации, не имели права занимать какие бы то ни было должности при местных землевладельцах или быть связаны с ними иными формами клиентской зависимости. Ужесточение требований к делопроизводству, отчетности и соблюдению прочих бюрократических формальностей косвенно предполагало, что занимающий эту должность чиновник обладает соответствующей квалификацией, хотя требование предоставления необходимого сертификата об образовании отсутствовало²⁶⁶. В 1770 г. в центральных ведомствах королевства была введена новая, централизованная и унифицированная по всей монархии система делопроизводства (регистрации, экспедиции и пр.), к которой допускались только те, кто владел немецким языком, а в Казенной палате еще и изучил политико-камеральные науки. Для определения должностного соответствия вводилась процедура экзамена. Так, назначение на все более широкий круг должностей оказывалось в прямой зависимости от образовательного уровня.

В контексте рассмотренных выше устремлений данного слоя провинциального дворянства — именно из него рекрутировались кандидаты на эти должности — можно сказать, что нововведения начались не ранее, чем венгерское общество смогло

предложить первые поколения (пока еще немногочисленных) выпускников венских привилегированных школ, Трнавского университета, политико-экономических коллегиумов или мобилизованных офицеров дворянской лейб-гвардии, располагавших необходимыми познаниями и кругозором.

Примечания

¹ В числе новых попыток создать биографию К. Мигацци в контексте истории Венгрии см.: *Rusvay T. Migazzi Bécs és Vác között. Vác, 2000.*

² Цит. по: *Bürokrácia és közigazgatási reformok Magyarhoban / Közreadta Csizmadia A. Bp., 1979. 66–67. old.*

³ *Melton J. V. H. Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988. P. 79.*

⁴ *Engelbrecht H. Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984. S. 84–85.*

⁵ Цит. по: *Митрофанов П. П. Деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907. С. 726.*

⁶ *Sonnenfels J., von. Grundsätze der Policey, Handlung und Finanzwissenschaft. Wien, 1765.*

⁷ НКА. *Österreichisches Camerale* (далее — *ÖC*). Fasc. 24. Bd. 1628. Subd. 2. № 224 ex Aug. 1763. Fol. 48–63.

⁸ Список вопросов к экзамену по политическим и камеральным наукам, который, прослушав курс ученика Зонненфельса, Каспара Эренфельса, в сентябре 1771 г. сдал венгерский студент Трнавского университета Йозеф Штраллер, см.: *Ehrenfels C., von. Sätze aus der allgemeinen Einleitung in die Staatswissenschaft, aus der Polizey, und Handlungswissenschaft... Tyrnau, 1771.*

⁹ Цит. по: *Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: an Experiment in Enlightened Absolutism. Bp., 1997. P. 59–60.*

¹⁰ *Ibid.* P. 60. См. также: *Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994. P. 313.*

¹¹ *Kercselich B. A. Scriptorum. Annuae 1748–1767. Zagrabiae, 1901. S. 417.*

¹² *Wallner J. Geschichte des Convictes in Olmütz von der Gründung bis zur Vereinigung mit der k. k. Theresianischen Akademie in Wien (1566–1782). Brünn, 1903. S. 42.*

¹³ Отец Я. Меднянски получил баронский титул за многолетнюю службу своего отца в Венгерской казенной палате. Проше-

ние о возведении в баронский ранг он, помимо прочего, мотивировал тем, что женат на баронессе Реваи. См.: *Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar hivatalnokai*. Вр., 1989. 50. old.

¹⁴ По легенде, род Брунсвиков восходил к герцогам Брауншвейгским, однако известно, что их первым «достоверным» предком был Янош Брунsvик (ок. 1544–1599), чье дворянство в 1598 г. официально подтвердило общее комитатское собрание Нитры. Вплоть до середины XVIII в. Брунsvики оставались мелкими дворянами: в XVII в. — протестантами, в XVIII в. — вновь католиками. См.: *Czeke M. Gróf Brunsvik Teréz ősei és oldalági rokonsága. Adatok a grófi Brunsvik-család történetéhez*. Вр., 1935. 2. old.

¹⁵ К сожалению, в отличие от 1751 г., прошений о приеме этих мальчиков в коллегнум, равно как и представлений на высочайшее имя с обоснованием предлагаемой по этим кандидатурам резолюции, в архиве Венгерской канцелярии не сохранилось, поэтому остается лишь гадать, почему именно они удостоились такой милости.

¹⁶ По данным, приведенным в «Альбоме» Геммель-Флишбаха, граф Бетлен учился в Терезиануме с 1768 по 1776 г., однако из материалов Трансильванской канцелярии следует, что он был пансионером с 1770 по 1778 г. Маловероятно, чтобы отпрыск столь влиятельного рода два года ждал, когда одна из стипендий станет вакантной. По-видимому, здесь мы имеем дело с ошибкой, допущенной австрийским историком.

¹⁷ MOL. В 2. 738/1770.

¹⁸ Ibid. 1053/1770.

¹⁹ *Retteggi Gy. Emlékezetre méltó dolgok, 1718–1784 / Bevezető tanulmány és jegyzetek Jakó Zs. Bukarest, 1970. S. 419.*

²⁰ В числе платных воспитанников из Трансильвании также были: барон Йозеф Тороцкаи (1768–1770 гг.), граф Йозеф Халлер (1771–1775 гг.), граф Йозеф Петки (1772–1776 гг.), граф Янош Эстерхази (1772–1774 гг.). См.: *Album. S. 42–47.*

²¹ *Schwarz J. Die niederen und höheren Studien an der k. k. Theresianischen Akademie in Wien. Teil I // Jahresbericht über das Gymnasium an der k. k. Theresianischen Akademie. Wien, 1903. S. 18–19.*

²² Содержание курса по немецкому государственному праву см., например: *Fragen aus dem ganzen teutschen Staatsrechte woraus der adeliche Herr Johann Freyherr von Mednyanszky vor einer adelich- und gelehrten Versammlung in der k. k. Theresianischen Ritterschule sich öffentlich prüfen läßt. Wien, 1768.*

²³ *Sonnenfels J., von.* Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771.

²⁴ HHStA. Kabinettsarchiv. Alte Kabinettsakten. Karton 1. Copia Vortrages des Baron von Kressel. Для сравнения с Чешскими землями см.: *Schuppener G., Mačák K.* Prager Jesuiten-Mathematik von 1600 bis 1740. Leipzig, 2002.

²⁵ *Cicalek Th.* Beiträge zur Geschichte des Theresianums. Wien, 1872. S. 61–63.

²⁶ Силабус экзамена по физике, относящийся, правда, к более позднему периоду, см.: Sätze aus dem Gleichgewichte der Körper, aus der Maschinenlehre, und aus dem Wasserbaue, aus welchen nach den Vorlesungen des Herrn Mako von Kerek-Gede, in dem k. k. Theresianum öffentlich geprüft werden. Wien, 1775. Биографию П. Мако и список его трудов см.: *Kreil A.* Einige Züge aus dem Leben und dem Charakter des nunmehr verewigten Paulus Mako... Pest, 1793.

²⁷ Опубликованные работы Л. Миттерпахера по экономике относятся к более позднему периоду. См.: [*Mitterpacher L.*] Entwurf der oekonomischen Kenntnisse, welche in dem k. k. Theresianum der adeligen Jugend beygebracht werden. Wien, 1773; [*Mitterpacher L.*] Entwurf der ökonomischen Studien in der k. k. thesesianischen Akademie. Wien, 1775.

²⁸ Антал Брунзвик-младший обучался в Терезиануме в 1760–1766 гг. См.: *Album.* S. 34.

²⁹ Коромпа — совр. Дольна Крупа в Словакии.

³⁰ MOL. *Brunszvik család.* P 68. 2. cs. Письма от 8.VII. и 4.VIII.1770.

³¹ *Schwarz J.* Die niederen und höheren Studien... I. S. 19.

³² *Jugend-früchte des k. k. Theresianum.* Zweite Sammlung. Wien, 1772. S. 11–13.

³³ *Ibid.* S. 225–226.

³⁴ *Ibid.* Erste Sammlung. Wien, 1770. S. 91–93.

³⁵ Например, в цитированной выше речи граф Й. Эрдеди говорил о «нашей Австрии». См.: *Ibid.* Zweite Sammlung. S. 225.

³⁶ *Sonnenfels J., von.* Op. cit. S. 122–123.

³⁷ *Ibid.* S. 120.

³⁸ MOL. P 1765. 54 cs. 22. t. № 1607. Интересно также сопоставить рассуждения А. Брунсвика со сходными свидетельствами эпохи. Например, княгиня Е. Р. Дашкова писала в наставлении сыну, направляющемуся за границу в «полезное путешествие»: «Из тебя образуется полезный член общества, потому что, сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего отечества,

стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что найдешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны». См.: *Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859. С. 345.

³⁹ MOL. P 68. 2. cs. Письмо от 8. VII. 1770.

⁴⁰ *Bíró F.* A felvilágosodás korának magyar irodalma. Bp., 1998. 176. old.

⁴¹ *Хаванова О. В.* «Хунгарская» и «мадьярская» проекции венгерской нации в общественной жизни и системе образования в конце XVIII века // *Славяноведение.* 2003. № 4. С. 5.

⁴² *Fraknói V.* Gróf Széchényi Ferenc, 1754–1820. Bp., 1902. 68. old. Эту же цифру, не ссылаясь, правда, на Фракнои, приводит Д. Кошари. См.: *Kosáry D.* Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. Bp., 1980. 107. old.

⁴³ *Fallenbüchl Z.* A Magyar Kamara tisztviselői a XVIII. században // *LK.* 1970. 41. évf. 297, 314, 323, 326, 329. old.; MOL. A 79. Index Individuorum Cancellariae.

⁴⁴ MOL. A 39. 5913/1772.

⁴⁵ Ср.: *Ibid.* P 1765. 54. cs. 22. № 1872; C 39. Lad. A. Fasc. 22 (письмо, относящееся к сентябрю 1774 г.).

⁴⁶ Биографический очерк о Д. Фештетиче см.: *Szabó D.* A herceg Festetics-család története. Bp., 1928.

⁴⁷ *Lakatos V.* Festetics György gróf plánuma fia neveléséről // *Magyar Középiszkola.* 3. évf. 1910. 4. sz. 225–230. old.

⁴⁸ Я. Меднянски, которому за любовь к творчеству поэта эпохи английской буржуазной революции Дж. Мильтона друзья дали прозвище «Мильтон», в то же время был известен своей безоговорочной преданностью династии, что выражалось в том числе и в тайных доносах на своих коллег по Наместническому совету.

⁴⁹ *Хаванова О. В.* Венгрия в составе монархии Габсбургов во второй половине XVIII в.: «имперская» и «национальная» идентичность // *Европейские монархии в прошлом и настоящем.* СПб., 2001. С. 14–20.

⁵⁰ MOL. C 39. Lad. D. Fasc. 17/III. Рескрипт от 21.X.1767.

⁵¹ Текст представления на высочайшее имя, включая проект на немецком языке, см.: *Ibid.* A 1. 260/1763. Текст на латинском с параллельным переводом на венгерский язык опубликован: *Hegyí F.* A Szenci Collegium Oeconomicum, 1763–1776–1780 // *Irodalmi Szemle.* Pozsony, 1983. 26. sz. 3–8. old.

⁵² MOL. A 34. 372/1765.

⁵³ *Fallenbüchl Z.* Mária Terézia magyar hivatalnokai. 116. old.

⁵⁴ MOL. A 1. 260/1763.

⁵⁵ Hegyi F. Op. cit. 532. old.

⁵⁶ HKA. Ungarisches Camerale (далее — UC). Fasc. 41. Bd. 787. Subd. Stiftungen. № 60 ex Jan. 1770. Fol. 416.

⁵⁷ MOL. A 39. 5988/1774.

⁵⁸ Ibid. 1407/1772.

⁵⁹ Kulcsár K. II. József császár utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlavóniában és a Temesi Bánságban, 1768–1773. Bp., 2004. 263. old.

⁶⁰ Маркшейдерия — часть практической геометрии, включающая в себя, во-первых, съемку рудничных выработок, месторождений полезных ископаемых и находящейся над ними земной поверхности и, во-вторых, графическое изображение выработок и земной поверхности на основании результатов съёмки.

⁶¹ MPRKL. Intimata Consilii Regii in diversis negotiis ad Collegium Szempziensis ad rectores Christophorum Konya, Adrianum Kiss et Josephum Königsacker. V. 255/2. Письмо от 16.IV.1764. См. также: MOL. A 35. № 4 ex Maji 1764.

⁶² ŠOAB. ŽBKP. 1767. Fasc. 11. № 18.

⁶³ Hegyi F. Op. cit. 540. old.

⁶⁴ MOL. A 1. 6/1766.

⁶⁵ Ibid. A 39. 5099/1776. Наблюдения Иосифа II см. также: Kulcsár K. II. József császár utazásai. 264. old.

⁶⁶ О профессиональной деятельности некоторых выпускников Сенцкого коллегия см.: Hegyi F. A szenci piarista Collegium Oeconomicum könyvtára // Magyar Könyvszemle. 1978. 167–176. old.

⁶⁷ HKA. UC. Fasc. 39. Bd. 781. № 37 ex Aug. 1776. Fol. 127.

⁶⁸ MOL. A 34. 407/1769.

⁶⁹ HKA. UC. Fasc. 41. Bd. 787. Stiftungen. № 17 ex Junii 1767. Fol. 530.

⁷⁰ MOL. A 39. 2157/1770.

⁷¹ Традиционный в таких случаях оборот речи. Встречается, например, в представлении на отчисление Антала Надя из Трнавского королевско-архиепископского конвикта: «Из-за лени, по незнанию или неспособности присваивал себе хлеб, который мог бы достаться более достойным юношам». См.: Ibid. A 39. 4778/1775.

⁷² Ibid. 4667/1775.

⁷³ Hegyi F. Új adatok a Tatai Piarista Kollégium XVIII. századi történetéhez // Piaristák Magyarországon 1642–1992. Rendtörténeti tanulmányok / Szerk. Holl B. Bp., 1992. 89–164. old.

⁷⁴ См.: *Hegyí F. A Szenci Collegium Oeconomicum...*

⁷⁵ OSZKK. Quart. Lat. 2964. Exertitia correcta per diversos conscripta. Fol. 112.

⁷⁶ *Kispartí J. A váci Theresianum története. Vác, 1914. 15. old.*

⁷⁷ MOL. C 39. Lad. A. Fasc. 22. Specificatio actorum de annis 1767–1777 circa novam fundationem in episcopali civitate Vacziensi.

⁷⁸ Текст жалованной грамоты Вацскому коллегииуму см.: *Kispartí J. Op. cit. IV–XI. old.*

⁷⁹ В 1769 г. по инициативе хорватского Наместнического совета в Вараждине был создан Экономический коллегииум, подобный тому, что действовал в Сенце. Большинство учеников были уроженцы Хорватии, но, согласно спискам, опубликованным хорватским историком В. Байером, встречались юноши из венгерских комитатов. См.: *Bayér V. Političko-kameralni studij u Hrvatskoj u XVIII stoljeću (1769–1776) // Zbornik pravnog fakulteta. Zagreb, 1967. XVII. Br. 2. S. 209–247.*

⁸⁰ MOL. C 39. Lad. A. Fasc. 22.

⁸¹ Ibid. B 2. 310/1767.

⁸² Ibid. 1421/1775.

⁸³ К сожалению, не удалось установить, когда возникла и законодательно оформилась эта практика. Прямую ссылку на данные категории соискателей см., например: Ibid. A 39. 5549/1774.

⁸⁴ Тренчен — совр. Тренчин в Словакии.

⁸⁵ *Fináczy E. A magyarországi közoktatás története Mária Terézia korában. Bp., 1899. 1. köt. 85. old.*

⁸⁶ MOL. A 39. 4997/1772.

⁸⁷ Лёче — совр. Левоча в Словакии.

⁸⁸ MOL. 5516/1773.

⁸⁹ Ibid. 184/1770, 1915/1772.

⁹⁰ Вопросы, связанные с личным мотивами перехода в католицизм — от политических и карьерных до религиозно-философских, — на примере австрийских и чешских аристократов XVI в. рассматривает Т. Винкельбауэр. См.: *Winkelbauer T. Karrieristen oder fromme Männer? Adelige Konvertiten in den böhmischen und österreichischen Ländern um 1600 // Frühneuzeit-Info. Herausgebungen vom Institut für die Erforschung der Frühen Neuzeit. Wien, 1999. Jahrgang 10. Heft 1+2. S. 9–20.*

⁹¹ ŠOAB. ŽVKP. 1767. Fasc. 11. № 15.

⁹² Арва — совр. Орава в Словакии.

⁹³ MOL. Helytartótanácsi Levéltár. C. 67. Departamentum litterario-politicum. 1779. Universitas Budensis. Fasc. 30. 159 cs. № 6.

⁹⁴ Ibid. A 34. 205/1762.

⁹⁵ Ibid. 5/1762.

⁹⁶ Ibid. 205/1762.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Album. S. 36.

⁹⁹ MOL. A 1. 31/1754.

¹⁰⁰ *Fináczy E.* Op. cit. 1. köt. 84. old.

¹⁰¹ MOL. A 34. 82/1757.

¹⁰² Testörség. 317. old.

¹⁰³ Этот случай далеко не единственный. Ф. Экхарт приводит многочисленные примеры нарушения общественного порядка студентами Трнавского университета: драки в корчмах и на улице, кошачьи концерты под окнами профессоров. Правила поведения, предписанные архиепископом эстергомским (запрет появляться на улице зимой после 21, летом после 22 часов, посещать заведения с сомнительной репутацией, иметь при себе холодное оружие, курить на улице или публично сквернословить) красноречиво свидетельствуют о том, какие нравы царили в студенческой среде. См.: *Eckhart F.* A jog- és államtudományi kar története, 1667–1935. Bp., 1936. 47–50. old.

¹⁰⁴ *Fináczy E.* Op. cit. 1. köt. 86. old.

¹⁰⁵ MOL. A 39. 5516/1773.

¹⁰⁶ См.: *Glösmann C.* Das pädagogische Jahrhundert — Konzepte der Erziehung und Bildung im allgemeinen und am Beispiel der Soldatenkinder zur Zeit Maria Theresias. Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie eingereichte an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. 1997 (рукопись).

¹⁰⁷ *Wagner H.* Royal Graces and Legal Claims: the Pension Payments of Maria Theresa and Their Withdrawal by Joseph II // Intellectual and Social Developments in the Habsburg Empire from Maria Theresa to World War I / Ed. by S. B. Winters, J. Held. London; New York, 1975. P. 20.

¹⁰⁸ MOL. A 39. 4667/1775.

¹⁰⁹ Ibid. A 34. 62/1753.

¹¹⁰ Ibid. A 35. № 20 ex Apr. 1753.

¹¹¹ Обучался в венском Терезиануме в 1753–1755 гг. См.: Album. S. 29.

¹¹² MOL. A 7. Directorium in Publicis et Cameralibus. 51/1757.

¹¹³ Ibid. A 34. 6/1764.

¹¹⁴ Граф Миклош Зичи обучался в Терезиануме в 1764–1771 гг. См.: Album. S. 39.

¹¹⁵ MOL. A 39. 5930/1779.

¹¹⁶ Ibid. B 2. 860/1781.

¹¹⁷ Ibid. A 39. 5516/1773.

¹¹⁸ Ibid. 5138/1773.

¹¹⁹ HKA. UC. Fasc. 41. Bd. 787. № 63 ex Jan. 1768. Fol. 9–11.

¹²⁰ MOL. A 39. 2358/1770.

¹²¹ Ibid. Magyar Kamarai Levéltár. E 47. Cancellariae et registraturae negotia 16. cs. № 533 ex Nov. 1774.

¹²² Ibid. A 39. 5516/1773.

¹²³ Братья Йозеф Дёрдь и Игнац Баттяни обучались в Терезиануме в 1754–1755 гг. См.: Album. S. 30.

¹²⁴ MOL. A 34. 205/1762.

¹²⁵ Антал будет учиться в коллегииуме как платный студент в 1764–1770 гг., один из его младших братьев, Каетан, в 1775–1781 гг. станет пансионером Батасекского фонда уже после смерти отца по ходатайству брата Йозефа Дёрдя. См.: Album. S. 30, 38, 51.

¹²⁶ MOL. A 39. 5930/1774.

¹²⁷ Ibid. 5516/1773.

¹²⁸ Ibid. 4667/1775.

¹²⁹ Ibid. A 39. 6086/1779.

¹³⁰ Ibid. 3723/1772.

¹³¹ См.: Ibid. P 527. Missiles. II. 18 cs. Vass Mihály. Письмо от 7.X.1768.

¹³² Ibid. A 39. 4358/1772.

¹³³ Ibid. 4358/1772.

¹³⁴ *Justi J. H. G., von. Anweisung zu einer guten deutschen Schreibart und allen in den Geschäften und Rechtsachen vorfallenden schriftlichen Ausarbeitungen zu welchen Ende allenthalben wohlusgearbeitete Proben und Beyspiele beygefüget werden. Wien, 1774. S. 208.*

¹³⁵ *Zedler J. H. Grosses Vollständiges Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste. Leipzig; Halle, 1746. Bd. 46. S. 335.*

¹³⁶ MOL. C 42. Fasc. 19. 170. sz. ex Jan. 1758.

¹³⁷ HKA. UC. Fasc. 1. Bd. 1. № 181 ex Oct. 1762.

¹³⁸ MOL. A 39. 5906/1773.

¹³⁹ Ibid. E 47. 15. cs. № 125 ex Jan. 1774.

¹⁴⁰ Ibid. A 39. 580/1770.

¹⁴¹ HKA. UC. Fasc. 1. Bd. 1. Subd. 2. № 181 ex Oct. 1762.

¹⁴² MOL. E 47. 19. cs. № 432 ex Dec. 1775.

- ¹⁴³ Ibid. 3. köt. Протокол № 84 заседания от 15.XII.1774.
- ¹⁴⁴ HKA. UC. Fasc. 1. Bd. 5/1. Subd. 2. № 32 ex Dec. 1776. Fol. 207.)
- ¹⁴⁵ *Smith J. M.* The Culture of Merit. Nobility, Royal Service, and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996. 20–21.
- ¹⁴⁶ MOL. E 47. 16. cs. № 611 ex Dec. 1774.
- ¹⁴⁷ Ibid. A 39. 5975/1771.
- ¹⁴⁸ Ibid. 4667/1775.
- ¹⁴⁹ Ibid. C 67. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182 cs. № 8.
- ¹⁵⁰ HKA. UC. Fasc. 41. 787. № 82/1769. Fol. 326.
- ¹⁵¹ Ibid. Fol. 328.
- ¹⁵² MOL. A 39. 3827/1781.
- ¹⁵³ Ibid. 5930/1779; 9774, 12555/1783.
- ¹⁵⁴ Ср.: *Smith J. M.* Op. cit. P. 176–180.
- ¹⁵⁵ MOL. A 39. 4667/1775.
- ¹⁵⁶ Ibid. 5930/1779.
- ¹⁵⁷ Ibid. 5396/1777.
- ¹⁵⁸ Ibid. 5396/1777.
- ¹⁵⁹ *Marczali H.* A katonai Mária Terézia-rend körül. Bp., 1934. 8. old.
- ¹⁶⁰ *Sonnenfels J., von.* Das Bild des Adels. Eine Rede womit in der k. k. savoyischen Ritterakademie am 4. November 1767 das Studium angefangen worden. Wien, 1767. S. 5–6.
- ¹⁶¹ Цит. по: *Shek Brnardić T.* The Enlightened Officer at Work: The Educational Projects of the Bohemian Count Franz Joseph Kinsky (1739–1805). A Dissertation in History. 2004. P. 273 (рукопись).
- ¹⁶² HKA. ÖC. Fasc. 4. Gesandtschaften. Bd. 59. Rußland. № 92 ex Nov. 1772.
- ¹⁶³ MOL. A 39. 5549/1774.
- ¹⁶⁴ HKA. UC. Fasc. 41. Bd. 789. Stiftungen. № 23 ex Octobri 1778. Fol. 224.
- ¹⁶⁵ MOL. A 39. 12731/1783.
- ¹⁶⁶ *Müller R. A.* Der Fürstenhof in der Frühen Neuzeit. München, 1995. На русском языке см., например: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004.
- ¹⁶⁷ *Elias N.* Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Darmstadt,

1969. О развитии взглядов Элиаса см.: *Kruedener J., von.* Die Rolle des Hofes im Absolutismus. Stuttgart, 1973.

¹⁶⁸ *Duindam J.* Myth of Power. Norbert Elias and the Early Modern European Court. Amsterdam, 1995.

¹⁶⁹ *Asch R. G.* Der Hof Karls I. von England. Politik, Provinz und Patronage 1625–1640. Köln; Weimar; Wien, 1993.

¹⁷⁰ Об опыте сопоставления австрийского и французского дворов см.: *Duindam J. F. J.* Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Dynastic Rivals: 1550–1780. Cambridge, 2003.

¹⁷¹ Ср.: *Smith J. M.* Op. cit. P. 264.

¹⁷² WD. 1747. № 3.

¹⁷³ О наиболее важных визитах воспитанников Терезианума в Шёнбрунн и посещениях августейшими особами коллегииума, упомянутых в дневнике Й. Й. Кевенхюллера, см.: [*Khevenhuller-Metsch J. J.*] Aus der Zeit Maria Theresias. Wien, 1908. Vol. II. S. 141, 181–182, 188, 250, 253, 268, 270, 281, 339, 341, 349, 353, 356–357, 362; Wien, 1910. Vol. III. S. 22, 35, 48, 58–59, 60, 63, 68, 80, 143, 147, 170, 185, 206.

¹⁷⁴ WD. 1747. № 54.

¹⁷⁵ Ibid. 1749. № 63.

¹⁷⁶ О еженедельных диспутах, публичных экзаменах, синопсисах изучаемых дисциплин на философском факультете Трнавского университета см.: *Szentpétery I.* A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935. 84–89. old.

¹⁷⁷ *Fredro A. M.* Monita politica-moralia cum universam logicam publice tueretur Illustrissimus Dominus Liber Baro Antonius Haller ab Hallerstein Seminarii S. Josephi Convictor. Caludiopoli, 1749.

¹⁷⁸ WD. 1751. № 75.

¹⁷⁹ Ibid. 1750. № 74.

¹⁸⁰ Ibid. 1755. № 70.

¹⁸¹ MOL. P 68. 2. cs. Письмо от 9.IX.1766.

¹⁸² *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur Politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. von O. Brunner u. a.* Stuttgart, 1992. Bd. 4. S. 175.

¹⁸³ WD. 1766. № 67.

¹⁸⁴ Ср., например: Ibid. 1750. № 46; 1751. № 75; 1752. № 61 и т. п.

¹⁸⁵ О некоторых случаях награждения венгерских воспитанников Терезианума см.: Ibid. 1753. № 71; 1762. № 72; 1766. № 73; 1769. № 71.

¹⁸⁶ Ibid. 1750. № 54.

¹⁸⁷ Ibid. № 83.

¹⁸⁸ Ibid. 1759. № 30.

¹⁸⁹ Ibid. 1770. № 87.

¹⁹⁰ Ibid. 1764. № 39.

¹⁹¹ В отличие от длинных и сложно структурированных речей в полном смысле этого слова, приветствием (*Anrede*), или комплиментом (*Compliment*), называли краткое, на две-три минуты, и изящное по стилю и слогу обращение к монарху или важному должностному лицу.

¹⁹² На публичном экзамене А. Берени публике была представлена книга профессора философии Дж. Дзанки, Ф. Балашша выпала честь восхвалить Марию Терезию на первых страницах книги самого К. А. Мартини. См.: *Zanchi J. Philosophia mentis et sensuum ad usus academicos accomodata... quem illustrissimus Dominus Andreas e Comitibus Berényi de Karancs Berény... Vienne, 1750; Martini C.A. Ordo historiae juris civilis praelectionibus institutionum praemissus atque in usum auditorii vulgatus quem aub sacratissimis auspiciis Sacrae Caesareae Regiaeque Majestatis in Regia Nobilium Academia propugnavit illustrissimus respondens Fraciscus L. B. Balassa de Balassa Gyarmath... Viennae Austriae, 1755.*

¹⁹³ *Justi J. H. G. Op. cit. S. 631.*

¹⁹⁴ *Schwartner M. Scriptores rerum Hungaricarum... Mariae Theresiae Aug. honoribus dicati a perillustri Domino Domino Antonio-Brunsvick... Pars 1. Vindobonae, 1766.*

¹⁹⁵ *Schwartner M. Scriptores rerum Hungaricarum... Mariae Theresiae Aug. honoribus dicati ab Illustrissimo Domino Domino Casimiro Comite Eszterházy de Galántha... Pars 2. Vindobonae, 1763.*

¹⁹⁶ *Schwartner M. Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini... Mariae Theresiae Aug. honoribus dicati ab Illustrissimo Domino Domino Francisco e Comitibus Zichy de Vasonkeö... Pars 3. Vindobonae, 1768.*

¹⁹⁷ *Pray G. Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum... Vindobonae, 1761.*

¹⁹⁸ *Bonbardi M. Topographia Magni Regni Hungariae... Dum sub serenissimis auspiciis Serenissimi Josephi Coronae Regni Principis et Archi-Ducis Austriae Illustrissimus Dominus Emericus S. R. I. Comes a Csáki de Keresztszegh Viennae in regio Theresiano S. J. Nobilium Collegio... Theses ex universo jure civili propugnaret. Viennae Austriae, 1750.*

¹⁹⁹ *Schwartner M. Scriptores rerum Hungaricarum. Viennae, 1766. Pars 3.*

²⁰⁰ Некоторые книги, представленные аудитории, собравшейся на публичный экзамен, тем не менее не содержали ни речи воспитанника, ни непременно в таких случаях синопсиса. Например, двухтомник И. Капринаи «Анналы венгерской истории», презентованный в один день с книгой Д. Праи, когда целая группа венгров держала общий экзамен по праву, но по техническим причинам или по воле автора публикация формально никак не была связана с публичным экзаменом.

²⁰¹ *Schwartner M. Scriptorum rerum Hungaricarum... Paris 1.*

²⁰² *Fallenbüchl Z. Op. cit. 58. old.*

²⁰³ *WD. 1766. № 68, 73.*

²⁰⁴ *Ibid. 1770. № 27.*

²⁰⁵ *Ibid. 1771. № 1.*

²⁰⁶ *Kisparti J. Op. cit. 33–34. old.*

²⁰⁷ *WD. 1768. № 80.*

²⁰⁸ *Fallenbüchl Z. Op. cit. 52–55. old.*

²⁰⁹ *MOL. P 527. Missiles. II. 18 cs. Vass Mihály. Письмо от 27.III.1764.*

²¹⁰ *Ibid. C 39. Lad. A. Fasc. 22.*

²¹¹ *Ibid. A 39. 4250; 4718/1772.*

²¹² *Ibid. 5396/1777.*

²¹³ *Ibid. 6065; 6316/1778. Краткие биографические данные см.: Testörség. 385 old.*

²¹⁴ *MOL. A 39. 5394/1774.*

²¹⁵ Упоминание о резолюции № 4239 от 11 сентября 1775 г. см.: *Ibid. 4667/1775.*

²¹⁶ *Ibid. P 1765. 64. cs. 22. t. № 4342.*

²¹⁷ *Ibid. A 39. 1824/1778.*

²¹⁸ *См.: Testörség. 199 old.*

²¹⁹ *НКА. UC. Fasc. 41. Bd. 787. Stiftungen. № 98/1769. Fol. 276.*

²²⁰ *Ibid. № 48/1766. Fol. 396.*

²²¹ *Ibid. № 98/1769. Fol. 276.*

²²² Кежмарк — совр. Кежмарок в Словакии.

²²³ *НКА. № 94/1766. Fol. 455–457.*

²²⁴ *Fallenbüchl Z. A sóügyi hivatalnoksága Magyarországon a XVIII. században // LK. 1979. 2. sz. 255. old.*

²²⁵ *НКА. UC. Fasc. 41. Bd. 787. Stiftungen. № 17/1767. Fol. 493.*

²²⁶ *Ibid. № 71/1767. Fol. 516.*

²²⁷ *Ibid. № 98/1769. Fol. 275.*

²²⁸ *Ibid. № 82/1769. Fol. 320–321.*

²²⁹ Надъварад — совр. Орадя-Маре в Румынии.

²³⁰ *НКА. № 113/1769. Fol. 360–368.*

²³¹ Ibid. Fol. 358, 360–361; № 19/1771. Fol. 72.

²³² З. Фалленбюхль обнаружил упоминание о М. Крале в списке сотрудников кассы Венгерской казенной палаты, относящееся к 1749 г. См.: *Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tisztviselei...* 328. old.

²³³ НКА. UC. Fasc. 41. Bd. 787. Stiftungen. № 19/1771. Fol. 73.

²³⁴ Ibid. Fol. 72. Что касается младшего — Бенедикта, то его имя отсутствует в списке Я. Кишпарти, и потому нет оснований считать, что мальчик был принят в вацкий Терезианум.

²³⁵ Ibid. № 108/1774. Fol. 302.

²³⁶ MOL. A 39. 5930 /1779.

²³⁷ НКА. UC. Fasc. 41. Bd. 788. Stiftungen. № 136/1775. Fol. 460.

²³⁸ Ibid. Fol. 457, 461.

²³⁹ Ibid. № 108/1774. Fol. 307.

²⁴⁰ История литературы Италии. М., 2000. Т. 1. Средние века / Отв. ред. М. Л. Андреев, Р. И. Хлодовский. С. 103, 251.

²⁴¹ Ср. с результатами исследований, посвященных сходным по типу источникам более раннего периода: *Bräuer H. Persönliche Bittschriften als sozial- und mentalitätsgeschichtliche Quellen. Beobachtungen aus frühneuzeitlichen Städten Obersachsens // Tradition und Wandel. Beiträge zur Kirchen-, Gesellschafts- und Kulturgeschichte / Hrsg. von G. Ammerer u. a. Wien; München, 2001. S. 294–304.*

²⁴² В рукописном отделе Венгерской национальной библиотеки хранится немало письмовников, составленных юристами XVII–XVIII вв. для собственных нужд по материалам конкретных судебных дел, рассматривавшихся в судах того времени. См.: OSZKK. Fol. Lat. 1855. *Formularium siue stylorum, qui in diversis negotiis publicis vel privatis per dicasteria politica, fora iudiciaria, ecclesiastica, academica, comitatensia, civitatensia, etc. Hungariae expediri consueverunt, formulae; Fol. Lat. 1858. Formulare styli iuridici et politici 1720–1730.*

²⁴³ *Nichisch R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Mit einer Bibliographie zur Briefschreiblehre (1474–1800) Göttingen, 1969; Erwenkraut K. Briefkultur und Briefsteller — Briefsteller und Briefkultur // Die Literatur des 17. Jahrhunderts / Hrsg. von A. Meier. München, 1999. S. 266–285.*

²⁴⁴ См., например: *Versuch über Grundsätze des Stils in privat, und öffentlichen Geschäften. Wien, 1782.*

²⁴⁵ *Sonnenfels J. Über den Geschäftsstil. Die ersten Grundlinien für angehende österreichische Kanzleybeamten. Wien, 1784.*

²⁴⁶ Legújabb meg bővített és megjobbított magyar és német levelező könyv. Pest, 1815.

²⁴⁷ MOL. C 39. Lad. A. Fasc. 22.

²⁴⁸ Ibid. A 34. 207/1762.

²⁴⁹ Ibid. A 35. № 207 ex Oct. 1767.

²⁵⁰ Ibid. A 34. 207/1762.

²⁵¹ Ibid. A 39. 5396/1777.

²⁵² Ibid. 176/1782.

²⁵³ НКА. UC. Fasc. 41. Bd. 788. Stiftungen. № 13/1775.

²⁵⁴ Ibid. 123/1778. Fol. 120.

²⁵⁵ MOL. A 34. 96/1755.

²⁵⁶ НКА. HZAB. Bd. 240 (1755).

²⁵⁷ Прощение Ш. Кайдачи и представление комитата Пресбург см.: ŠOAB. Župa Bratislavská. Decretalni protokol. T. 92. S. 63, 137. Факт отказа подтверждает К. Хеллебронт, который, правда, спутал отца с сыном, написав, что не Шандор, а его сын Йозеф прослужил 30 лет в Наместническом совете в должности копииста. См.: Testőrség. 425. old.

²⁵⁸ Legújabb meg bővített és megjobbított magyar és német levelező könyv. 255–264. old.

²⁵⁹ См., например: MOL. A 39. 1452/1782; 9774, 12731/1783.

²⁶⁰ Цит. по: *Balázs É.* Hungary and the Habsburgs... P. 61.

²⁶¹ ŠOAB. ŽBDP. T. 92. P. 1132.

²⁶² Ibid.

²⁶³ Ibid. T. 94. P. 179.

²⁶⁴ Testőrség. 245. old.

²⁶⁵ *Nagy I.* Magyarország családai czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. Pest, 1868. 1. köt.

²⁶⁶ Bürokrácia és közigazgatási reformok. 68–72. old. Об анализе инструкции в контексте политики австрийского просвещенного абсолютизма см.: *Szabo F. A. J.* Op. cit. P. 326–327.

Часть III

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ
ДЛЯ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВИЯ**

Барон Эммануил Штильфрид, верховный директор Терезианско-Савойской академии (1782–1784)

Однако и тех совет небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются.

Из письма М. В. Ломоносова
к И. И. Шувалову

Государственное руководство школой в масштабе страны

В области качественного и до известной степени практически ориентированного образования на уровне университетов и созданных специально для дворянского сословия закрытых привилегированных учебных заведений (конвиктов и академий) к началу 70-х годов XVIII в. были достигнуты известные успехи. Зато проблема грамотности в среде простого народа долгое время не стояла в повестке дня реформаторов. Как отмечалось выше, об умении читать, писать и считать для людей низкого происхождения католические государи эпохи Контрреформации думали как о чем-то излишнем, а духовенство, опасавшееся распространения реформационных учений, прямо называло это нежелательным и даже вредным. Современные историки сходятся во мнении, что очевидной причиной, по которой идеологи абсолютизма склонялись к необходимости приобщить простой народ к началам грамотности, стало желание коренным образом изменить характер взаимоотношений между властью и подданными¹. Поражение в Семилетней войне, обострившее чувство все углублявшегося отставания владений Габсбургского дома от более развитых европейских стран, имело одним из последствий стремление превратить начальную школу в инструмент государственной политики. Ей вверялась задача растить, говоря современным языком, «морально автономных индивидов», чья потребность приносить обществу пользу и служить общественному благу имеет свой первейший и главный источник во внутренней убежденности, сформированной в годы учебы в школе².

Едва ли не впервые вопрос о реформе народного образования был официально затронут в меморандуме соправителя и наследника престола Иосифа, составленном в 1765 г. Излагая свои взгляды на состояние дел в государстве, он назвал порочной практику открытия школ именно в городах, где получавшие немалое жалование педагоги проводили дни в праздности, а предоставленное себе самому юношество подвергалось бесчисленным соблазнам. Государственный канцлер Кауниц в комментариях к меморандуму возразил: по его мнению, городская жизнь смягчает нравы и лучше готовит индивида к различным формам служения государству и обществу. Проблема заключалась в том, что система образования в целом нуждалась в коренном реформировании. Сочтя необходимым изложить свои взгляды более подробно и систематично, государственный канцлер подал императрице свои предложения. Общество он разделил на три категории или сословия граждан: широкие массы крестьян и рабочих, буржуазию и высшие классы (не только дворянство, но и офицеры, чиновничество и рантье), — и отметил, что каждому сословию требовалась собственная образовательная модель. Особого внимания требовало первое из них, потому что охватывало самое большое число населения. Принципы и содержание обучения должны были быть высочайше утвержденными и единообразными по всей монархии. Второй тип школы предназначался бы для ремесленников и торговцев, нуждавшихся в специализированных и хорошо организованных учебных заведениях и в установлении профессиональных стандартов для различного рода ремесленно-торговой деятельности. Для третьей категории граждан Кауниц предлагал учебную программу существенно сократить и переориентировать на практические предметы. Меньше времени следовало уделять мертвым языкам, таким как латинский и греческий, и отвлеченным предметам вроде теологии и философии, а больше заниматься публичным правом, историей, географией, математикой, изящными искусствами, современными языками и физической подготовкой³.

Ни меморандум Иосифа, ни соображения, высказанные по этому поводу Кауницем, не привели в 60-е годы ни к каким конкретным шагам правительства. Считается, что импульс к обсуждению и непосредственной подготовке школьной реформы дал в 1769 г. меморандум пассауского епископа Леопольда Фирмиана, в котором тот жаловался на широкое распространение ересей и предрассудков в Верхней и Нижней Австрии и

торопил проведение широкомасштабной государственной реформы начального образования. Императрица, которую всегда заботило поддержание в душах подданных истинной веры и набожности, передала документ для обсуждения и выработки практических рекомендаций в Чешско-Австрийскую канцелярию. Когда же консервативно настроенные советники канцелярии не выказали никакого интереса к реформе, предложения Фирмиана были направлены в Государственный совет, где большинство проголосовало за пересмотр принципов и содержания образования. Как выразился советник Тобиас Геблер, сомнения, нужно ли учить читать и писать простолюдинов, можно было бы простить в допетровской Руси, но никак не в Вене и не правительственному органу, каковым является канцелярия⁴. К октябрю 1770 г. Мария Терезия уже была уверена, что одной из важнейших и неотложнейших задач является школьная реформа.

Наибольшую известность на ниве народного просвещения в германском мире к тому времени снискал Иоганн Игнац Фельбигер (1724–1788) — уроженец австрийской Силезии, который по окончании Войны за австрийское наследство оказался прусским подданным. В августинском аббатстве в городе Саган он учредил начальную школу, ставшую впоследствии образцом для подражания, а разработанная им методика получила название саганской. Некоторые из педагогических приемов Фельбигера используются по сей день, такие как работа учителя с классом, а не отдельными учениками; другие наработки — такие как заучивание целых фраз учебного материала по их начальным буквам — не прижились. Главная же заслуга Фельбигера заключалась в разработке единого и по сути универсального учебного плана — он не только прекрасно зарекомендовал себя в конфессионально пестрой Силезии, но и легко адаптировался к особенностям отдельных земель за пределами Пруссии. Дешевые, издававшиеся массовыми тиражами учебники, выходявшие из-под пера Фельбигера, быстро расходились в странах, где обучение проводилось на немецком, а также переводились на другие языки. Так, в 80-е годы, сербский просветитель Теодор (Федор) Янкович де Мириево (Мириевский), успешно реформировавший школы для православных сербов во владениях Габсбургского дома, по рекомендации Фельбигера был приглашен в Россию, чтобы преобразовать начальное образование в Российской империи по саганской методе⁵.

Австрийские педагоги внимательно следили за успехами Фельбигера. Иезуит Игнац Пархаммер, возглавлявший сиротский приют в Вене, на Ренвеге (куда перевели воспитанников Хаосовского фонда), считавшийся образцовым настолько, что отдать туда детей стремились вполне состоятельные родители, в 1768 г. направил одного из учителей, Антона Фелькеля, в Саган, чтобы тот поближе познакомился с методиками Фельбигера, а по возвращении применил полученный опыт в Вене. К числу сторонников саганской методы принадлежал и Йозеф Мессмер, ректор венской школы св. Стефана, друживший с влиятельными членами Государственного совета. В начале 70-х годов в Тироле другой педагог-подвижник, Филипп Якоб Тангль, разработал «Школьную систему для всей земли Тироль» в духе Фельбигера. Однако недоверие и подозрительность, окружавшие фигуру немецкого реформатора, полное отсутствие к нему какой бы то ни было симпатии со стороны наследника престола и соправителя Иосифа II отсрочили официальное приглашение Фельбигера в Вену.

Подготовка практических мер по проведению школьной реформы началась в мае 1770 г. с обсуждения меморандума Антона Пергена. Этот подававший надежды австрийский дипломат по возвращении в Вену в 1768 г. успешно справился с задачей наведения порядка в администрации и финансах Восточной академии. Прежнее руководство из числа иезуитов поставило учебное заведение на грань банкротства. Поданный Пергеном меморандум по праву считается самым смелым и систематичным из планов, который когда-либо рассматривала Мария Терезия. В нем однозначно угадывались предложения Кауница по меморандуму Иосифа и влияние французского педагога Луи-Рене Ла-Шалотэ, хотя сам Перген не говорил об этом открыто. Он был сторонником полнейшего единообразия на каждой ступени, включая стандартные учебники, программы и принципы организации школ. Контроль за системой образования являлся прерогативой государства — оно в любой момент должно было знать, как, где, почему и кем ведется преподавание. Для этих целей специально создавалась Директория образования.

Перген обвинял учительствующие ордена в том, что они монополизировали среднюю школу и рекрутируют себе новых членов из числа самых талантливых. Чтобы государство могло полностью использовать интеллектуальный потенциал своих подданных, следовало окончательно отстранить религиозные ордена от какого бы то ни было участия в учебном процессе⁶.

Подобно Кауницу, Перген рекомендовал отменить изучение латыни для всех специальностей, кроме медицины, и обращал внимание на необходимость патриотического воспитания и «некоего единообразия в образе мыслей». Учебные планы и учебники должны быть стандартизированы. В духе более раннего предложения Кауница Перген также предполагал учреждение трех циклов обучения: всеобщее начальное обучение (*allgemeine Trivialschulen*), профессиональное, или ориентированное обучение (*Realschulen*) для буржуазии и гимназии (*lateinische Schulen*) для дворян, простолюдинов со средствами и «бедных, но исключительно талантливых» детей. Последнее замечание особенно напоминает ход рассуждений Кауница и отличает меморандум Пергена от большинства современных проектов.

Государственный совет в целом одобрил план Пергена, хотя и был вынужден признать, что на пути осуществления реформы стоят серьезные препятствия. Откуда было взять деньги для основательной подготовки огромного количества учителей и на открытие необходимых для этого педагогических училищ? Кто мог прийти на место отстраненных от преподавания монахов? Защитники иезуитов предупреждали, что отказ от услуг учительствующих орденов подорвет в народном сознании авторитет католической церкви. Кауниц, некогда сам обучавшийся в протестантском Лейпциге, был готов убеждать Марию Терезию в необходимости более широкого привлечения иностранных профессоров, будь они даже протестанты, но требование немедленного и полного отстранения иезуитов и пиаристов от учебного процесса казалось ему ненужным и даже абсурдным. В конце концов в 1772 г. Перген, которому незадолго до этого было предложено возглавить Директорию образования, со скандалом подал в отставку, наследник Иосиф высказался резко против приглашения дорогостоящих профессоров из-за границы, вряд ли знавших местные условия лучше, чем учителя монархии, и проведение реформы было вновь на некоторое время отложено.

В условиях, когда у государства не было средств для реформирования начальной и средней школы, 21 мая 1773 г. бреве папы Климента XIV «*Dominus ac Redemptor noster*» объявило о повсеместном запрете деятельности иезуитов и роспуске самого Общества Иисуса. Для системы образования в монархии Габсбургов это означало решение одних проблем и возникновение других. Во-первых, «монополия иезуитов», ликвидации которой давно уже добивались ближайшие советники императрицы,

в одночасье была разрушена. Во-вторых, иезуиты так долго сохраняли ведущие позиции в школьном деле именно потому, что реальной альтернативы им так и не возникло; и даже их главные соперники, пиаристы, при ближайшем рассмотрении использовали все тот же исправленный и дополненный «Ratio studiorum». Так или иначе, главным следствием бреве становилась своеобразная «национализация» имущества ордена, что давало средства, необходимые для создания новой, теперь уже общенациональной школьной системы.

К 1 декабря 1773 г. Учебная комиссия под председательством Игнаца Кресселя (Крезеля) представила императрице на рассмотрение проект реформы, составленный профессором права Венского университета Карлом Антоном Мартини. В нем предлагалось использовать средства, конфискованные у иезуитов, на введение всеобщего обязательного начального образования. Мартини призывал к стандартизации учебных планов, учебников и педагогических методик. Он настаивал на том, что образование должно было оставаться сословным, предлагая проводить различия между городскими и сельскими школами. В то время как на селе полагалось учить только религии и умению читать, писать и считать, в городских школах, которые должны были готовить будущих мастеровых, коммерсантов и секретарей, требовался более насыщенный учебный план, включавший немецкий язык и грамматику, математику, прикладные искусства и науки, историю и географию. Комиссия также рекомендовала низведение многих малых латинских школ до статуса начальных, увеличивая число тех, кто получал начальное образование, и ограничивая доступ к образованию среднему⁷.

В январе 1774 г. канцлер Кауниц поручил австрийскому послу в Берлине Готфриду ван Свитену (сыну покойного лейб-медика) получить от Фридриха II разрешение пригласить великого реформатора Фельбигера в Австрию, и 1 февраля пришел положительный ответ. По прибытии в Вену Фельбигер был введен в состав Придворной учебной комиссии и Учебной комиссии Нижней Австрии. Проект устава был готов уже в июле 1774 г., и после процедур рассмотрения и одобрения 6 декабря 1774 г. императрица подписала знаменитый «Общий школьный устав»⁸, начинавшийся словами: «Образование молодежи обоего пола составляет важнейшую основу истинного благоденствия народов»⁹. Согласно уставу, в Наследственных провинциях вводилось три типа начальных школ. Во всех городах и

селах основывались «тривиальные школы» (Trivialschulen), или как их впоследствии стали называть в России, «школы грамотности» (в них изучали три основных предмета — чтение, письмо и элементарный счет). В крупных городах должны были появиться «главные начальные школы» (Hauptschulen), которые соответствовали российским городским училищам. Наконец, в столицах коронных земель открывались «нормальные школы» (Normalschulen), сравнимые с российскими учительскими семинариями¹⁰.

Например, знаменитая Венская нормальная школа, преобразованная в 1771 г. из школы св. Стефана, состояла из четырех классов, при этом в первом и втором изучали преимущественно материал главной начальной школы — чтение, письмо, счет, Закон Божий. В программу третьего класса включались всевозможные «полезные» предметы, которые должны были пригодиться мелким клеркам, младшим офицерам, мастеровым, предпринимателям, а именно математику, географию, историю, немецкий язык, начала латыни. Четвертый класс служил учительскими курсами, где готовили будущих наставников для тривиальных и главных начальных школ. Отличительной чертой была ориентация на так называемые реальные предметы (Realien) и получение практических знаний. То есть Фельбигер заложил основы единого школьного пространства, когда повсюду в монархии Габсбургов дети получали начала знаний по единому плану и единой методе, внедрил мысль о необходимости ясной и четкой формулировки целей и задач образования, превратил школу в предмет пристального наблюдения и неустанной заботы властей.

Сложнее обстояло дело с реформой среднего образования. Принципы, на которых в идеале должна основываться школьная система, удачно сформулировал К. А. Мартини. Каждый должен получить образование, приличествующее доброму христианину и соответствующее его социальному статусу. Для улучшения качества преподавания учителя, обладающие необходимой профессиональной подготовкой, должны наниматься на работу исключительно по конкурсу. Наконец, финансирование общенациональной системы образования должно производиться централизованно, из специально созданного школьного фонда. Мартини вместе с преподавателем истории Венского университета Игнацем Хессом разработали проект пятилетней гимназии с семью преподавателями-предметниками. Последние в течение пяти лет знакомили бы учеников, как писал Э. Финаци,

«со всем тем великим и благородным, что изобрело человечество»¹¹. Главным предметом становилась всеобщая история, дополненная государствоведением (Statistik), историей литературы, нумизматикой, дипломатикой и геральдикой. Программа предусматривала изучение географии, природоведения, теоретической и экспериментальной физики, основанной на учении Исаака Ньютона, изящных искусств. Древние языки преподавались бы в объеме, достаточном, чтобы читать в подлиннике Гомера и Софокла и анализировать Демосфена и Цицерона. Можно сказать, что этот проект опередил свое время, и его единственным недостатком было желание компенсировать вековые пробелы в системе образования и воспитания. Оппонентом Мартини выступал придворный библиотекарь Адам Франтишек (Франц, Ференц) Коллар, который (в противовес тяжеловесной латыни иезуитов) призывал сохранить в качестве языка обучения чистую латынь на основе классических авторов. Преимущественное внимание в процессе обучения должно было уделяться древним языкам, в то время как история и естественнонаучные дисциплины преподавались в ограниченном объеме.

Коллар и Мартини, движимые благородным стремлением усовершенствовать школьную систему, не учитывали нехватку педагогических кадров для претворения в жизнь их образовательных идеалов и не понимали, что в гимназические программы следовало осмысленно интегрировать естественные науки. По недостоверной легенде, императрица, неудовлетворенная ни одним из предложенных проектов, неожиданно для всех вызвала к себе ректора Савойской академии пиариста Грациана Маркса и заперла его в комнате, повелев немедленно приступить к работе над учебным планом для гимназий¹². Используя опыт ордена и собственные наблюдения, он попытался избежать односторонности и перегибов Коллара и Мартини и найти компромисс между классной и предметной системами преподавания; компромисс, который был бы осуществим и финансово, и дидактически. Хотя Э. Финаци считал, что Г. Маркс был «скорее умным, чем интеллектуальным, скорее трезвомыслящим, чем вдохновенным, и скорее практичным, чем отвлеченно теоретизирующим», необходимо отдать должное пиаристу: основываясь на педагогическом опыте, приобретенном в том числе в дворянских учебных заведениях, он разработал учебный план, пособия и методические указания педагогам, с некоторыми усовершенствованиями прослужившие до середины XIX в.

За основу нового гимназического учебного плана был взят тот план, по которому, начиная с 1763 г., пиаристы преподавали в Вене. Он был составлен с учетом способностей среднего ученика и его возрастных особенностей, а также исходил из реального положения дел: нехватки педагогических кадров и переполненности учебных классов. С прошлым план связывал акцент на религиозно-нравственное воспитание и использование латыни как языка образования. Особое внимание уделялось истории Германии и географии, а физике и геометрии — в гораздо меньшем объеме. Гимназическая ступень состояла из пяти лет. Для поступления в первый класс требовалось предоставить свидетельство об окончании средней школы и сдать вступительный экзамен, на котором предстояло продемонстрировать умение читать и писать по-немецки и на латинском, навыки счета, знание катехизиса, библейской истории. С первого по третий классы (грамматики) все предметы преподавал один и тот же учитель, в четвертом и пятом классах (риторики и поэзии) появлялись учителя-предметники. На общенациональном уровне переносилось и становилось обязательным деление учеников на категории успеваемости. В каждом ученике следовало оценить «нравы, таланты, прилежание, успеваемость», и в соответствующих рубриках специального журнала оценивать их по трехбалльной шкале (где «1» — наивысший балл). К первой категории причислялись те, кто по всем рубрикам имел только единицы (или не более одной двойки в любой из рубрик, кроме «успеваемости»)¹³. В целом, как справедливо отмечает Г. Клингенштайн, реформа средней школы Г. Маркса начала в некотором роде дисциплинировать гимназии, как это происходило начиная с 50-х годов с университетами¹⁴.

Дж. В. Х. Мелтон особо подчеркивает разительный контраст между стремлением дать обязательное начальное образование представителям всех слоев населения Наследственных провинций и последовательной политикой затруднения и ограничения доступа к среднему и высшему образованию для низших классов. С одной стороны, школьным комиссиям в коронных землях надлежало составлять списки детей в возрасте от 8 до 13 лет и следить за тем, чтобы все они посещали начальную школу. С другой стороны, если дети дворян и государственных служащих зачислялись в гимназии автоматически, притом что их таланты могли быть более чем скромными, соискатели из простолюдинов принимались лишь в качестве исключения, если у

них обнаруживались какие-то особые, исключительные способности. Большинство сельского населения лишалось возможности поступить в гимназию, поскольку для этого требовалось сдать экзамен по латыни, которую изучали только в городах. Роспуск Общества Иисуса дал государству удобный повод закрыть по всей стране десятки гимназий и городских школ. В одной только Чехии после изгнания иезуитов закрылась 31 гимназия. Большинство из них так и не открылись снова, другие были преобразованы в тривиальные, главные или нормальные школы.

Сознательное ограничение доступа к образованию для неприлежитивированных сословий имело давнюю традицию и объяснялось как идеологическими, так и прагматическими соображениями. Пропась между эгалитарным и элитарным образованием возникла еще в конце XVII в. как следствие роста числа детей простолюдинов в иезуитских школах и коллегиях. Учеба крестьян и мастеровых понималась современниками как неподобающая праздность и грех и расценивалась как опасность для общества, поскольку посещение школы «растлеало» самые работоспособные силы. Вместо того чтобы созидать материальные блага своими рабочими руками, получившие образование простолюдины пополняли армию бездельников. Они не могли найти применения полученным знаниям в сословном обществе, где должности и посты распределялись с учетом происхождения и благодаря сложной системе патроната и клиентелы. Дворянство же выражало крайнее недовольство тем, что в переполненных классах их собственные дети не могли получить качественное образование, которое приличествовало юношам из благородных семей¹⁵.

Потворство дворянской спеси в сочетании с трезвым расчетом, что для нужд государства в образованных людях вполне хватит дворянских недорослей и сыновей чиновников и армейских офицеров, привели к тому, что сторонники эгалитарной модели образования, в частности канцлер Кауниц, оставались в меньшинстве¹⁶. Таким образом, в эпоху, когда государство провозгласило принцип обязательного начального образования для всех подданных без различия происхождения и вероисповедания и взяло на себя ответственность за его форму и содержание, привилегированные учебные заведения сохранялись, более того, становились одновременно и средством поддержания собственной социальной исключительности, и гарантом соблюдения сословно понимаемой справедливости для дворянства.

Венский Терезианум «без иезуитов»

Даже граф Антон Перген, самый, пожалуй, последовательный и непримиримый из критиков Общества Иисуса, в своем знаменитом меморандуме 1770 г. вынужденно признавал, что руководству венского Терезианума удавалось счастливо избегать типичных недостатков, присущих образовательной системе иезуитов. Придворная учебная комиссия также полагала, что «Терезианский коллегиум и иные учебные заведения для дворян, находящиеся в руках иезуитов, требуют особо осторожного отношения». «Известно, — писал императрице И. Крессель, — что эта благородная школа с недавнего времени сникала превосходную репутацию даже за границей, и насколько я знаю и в состоянии судить, в ней молодое дворянство имеет возможность основательно изучить буквально все, в том числе несколько лет назад там начали преподавать земледелие (Ackerbau)»¹⁷. Однако это не меняло неутешительных выводов: ни Терезианум, ни находившаяся в ведении пиаристов Савойская академия не могли изменить картину в целом, и несколько десятков дворянских юношей, ежегодно поступавших по окончании двух-трех престижных столичных школ на государственную службу, которую они несли верно и профессионально, не могли сами по себе становиться оправданием существования учительствующих орденов. Разногласия Пергена с Придворной учебной комиссией и Государственным советом лишь отсрочили, но не предотвратили дальнейшее реформирование привилегированных школ имперской столицы.

14 сентября 1773 г. архиепископ Мигацци, в соответствии с папским бреве, объявил иезуитам о роспуске их ордена. Терезианский коллегиум распоряжением императрицы был преобразован в академию, здание объявлено имуществом двора, а персонал подчинен светским властям. Члены только что распущенного ордена были оставлены на своих местах и беспрепятственно продолжили преподавательскую деятельность в качестве экс-иезуитов. Откуда было взяться реформаторским силам извне, если, по объективным оценкам, лучшие педагогические силы монархии уже были вращены в недрах Общества Иисуса? Ректор Теодор фон Кронштайн, повышенный до пробста Цветля, сохранял свою должность еще три года. На должность верховного директора академии был назначен граф Иоганн Каспар Лантьери. Когда же в 1776 г. Лантьери была

вверена и Савойская академия, сам собой возник вопрос о возможности и целесообразности объединения двух схожих по структуре, социальному составу воспитанников и образовательным целям заведений.

Мария Терезия постоянно стремилась к оптимизации системы учебных заведений и минимизации излишних расходов. В 1763 г., не имея достаточных средств для открытия в Моравии полноценной рыцарской академии, государыня, напомним, распределила капитал, завещанный на эти цели бароном Тойфенбахом, между лучшими учебными заведениями монархии, куда принимались моравские дворяне, лишённые пока возможности совершенствоваться в науках в родной коронной земле. В начале 1770-х годов власти задумались о более эффективном управлении тремя дворянскими школами столицы — Терезианумом, Савойской академией и Лёвенбургским конвиктом. Плата за обучение в них все росла, и, как следствие, число воспитанников сокращалось. В 1774 г. императрице было подано предложение создать из этих трех школ одну, что существенно снизило бы затраты на одного ученика, и таким образом гораздо большее число семей смогли бы направить туда своих детей.

Лёвенбургский конвикт предлагалось закрыть, а приписанные к нему стипендиальные фонды передать Терезиануму. Саму академию намеревались низвести до уровня, который ей был отведен в годы временного разлада Марии Терезии с иезуитским руководством в 1755 г., когда в коллегииуме были оставлены только классы по ступень философии включительно, а класс юриспруденции переведен в просуществовавшую несколько лет Терезианскую рыцарскую академию. Вот и теперь по замыслу авторов проекта, во имя более целесообразного расходования имеющихся средств в Терезиануме сохранялись бы только три класса грамматики, риторики, поэзия и два класса философии, в то время как в Савойской академии, куда начиная с 1765 г. по особому распоряжению императрицы принимали воспитанников только на ступени философии и права, рекомендовалось ограничиться преподаванием юриспруденции, тем более что там уже многие годы трудился талантливый юрист, профессор права и советник по делам образования Пауль Ригер¹⁸.

Этот радикальный план, в целом соответствовавший стремлению императрицы к экономии средств, был претворен в жизнь лишь частично. Принимая во внимание, что Лёвенбургский конвикт остается незаменимым заведением, где бедное

служилое дворянство имперской столицы и коронных земель имеет уникальную возможность дать своим детям качественное современное образование, его было решено не трогать. Зато «разделение труда» между Терезианской и Савойской академиями вступило в силу с 1 ноября 1776 г. Формально сохранив самостоятельность обоих заведений, Мария Терезия отняла у Терезианума ступень юриспруденции, школу верховой езды и фехтования. Воспитанники, желавшие изучать право, по окончании класса философии переводились в Савойскую академию, где им предстояло пройти курс наук, рассчитанный на четыре года для дворян из Наследственных провинций и на три года для «иноземных» кавалеров (венгров, итальянцев, поляков и пр.), которым не требовалось досконального знания немецкого государственного права. План включал в себя все отрасли юриспруденции, от естественного и международного до канонического и ленного права, а также историю Священной Римской империи и государственное устройство. Несмотря на возражения многих родителей, что им тяжело оплачивать столь длительный период учебы, а их дети собираются посвятить себя духовной или военной карьере, императрица наотрез отказалась сократить срок и содержание обучения¹⁹. В том же 1776 г. ректором Терезианума был назначен занимавший до этого должность ректора Савойской академии Грациан Маркс. С его приходом педагогический коллектив академии начал постепенно пополняться пиаристами, приглашенными на освобождавшиеся должности. Но уже в 1778 г., после того как желаемого увеличения числа воспитанников так и не последовало, императрица повелела слить обе академии в «Объединенную Терезианско-Савойскую рыцарскую академию». Куратором вновь образованного комплекса стал граф К. Лантьери, ректором — Г. Маркс. Произошедшее объединение символизировал герб герцогов Савойских над воротами Фавориты.

Учебный план, как он оформился при Марксе и просуществовал вплоть до закрытия академии в 1784 г., сохранил то лучшее, что было накоплено в Терезиануме при иезуитах, и приведен в соответствие с проектом самого Маркса для гимназий монархии. В трех первых классах грамматики изучались латынь, немецкий и французский языки, основы географии, древняя история и мифология, счет, предлагались уроки музыки и рисования. В двух следующих классах риторики и поэзии воспитанники более углубленно изучали латинских, немецких и французских классиков. Тех, у кого обнаруживался поэтический

дар, поощряли к стихосложению. Расширялись и усложнялись курсы истории и географии, давались начала алгебры, вводились такие дисциплины, как история искусств, геральдика и хронология. За два года в классе философии изучались логика, метафизика, естественное право и этика. Из математики в курс включались теоретическая и практическая геометрия, тригонометрия, дифференцирование и интегрирование. План отводил большее, по сравнению с предшествующим периодом, количество часов для военной и гражданской архитектуры: воспитанники должны были научиться рисовать планы и перспективы, знать основы тактики и военной инженерии. Изучение разделов теоретической физики (гидростатики, гидравлики, аэрометрии) дополнялось практическими познаниями о правилах регулирования течения рек. Экспериментальные занятия предполагали построение солнечных часов, ориентирование по картам (в том числе морским). Наконец, на этой ступени уроки по естественной истории сопровождались лекциями о принципах ведения сельского хозяйства²⁰.

Сохранившиеся syllabus публичных экзаменов по математике и истории, которые в августе 1782 г. держали молодые дворяне из Наследственных провинций Ахац Петтенек, Франц Меншенген и Йозеф Геблер, помогают создать представление о том, чему и как учили в академии в последние годы ее существования. Особенно интересны вопросы по математике. По разделу «Метрология» воспитанник должен был рассказать о рождении геометрии у древних греков, ее применении у древних римлян и арабов, а также современном использовании метрологии при землемерных работах. В разделе «Оптика» помимо прочего объяснялось, как законы этой области физики применяются в живописи; в разделе «Акустика» наряду с учением о звуке воспитанникам следовало рассказать о законах гармонии в музыке. Архитектуру полагалось знать и как инженерное дело, и как изящное искусство. Наконец, овладение стратегией требовало досконального знания теоретических трудов о военных действиях на суше и на море, а также знакомства с пиротехникой и основными трудами об устройстве фейерверков²¹. То есть отправной точкой и связующим звеном всех этих отвлеченных и практических познаний служила математика, позволявшая постигать мир во всем многообразии явлений природы и человеческой деятельности.

Число венгерских дворян, желавших провести по крайней мере два-три учебных года в Терезиануме, со временем не

уменьшалось. Заслуженная слава педагогов рыцарской академии, близость ее ко двору, внушительный список знатнейших семейств, давших в ней образование своим детям, все это побуждало блестящих аристократов и скромных служилых дворян настойчиво искать сей императорско-королевской милости. Поскольку оплатить один-два года учебы в стенах академии по-прежнему оставалось под силу только богатейшим и влиятельнейшим сановникам, система стипендиальных фондов и выплат из Тайной казначейской кассы, как и ранее, служила инструментом социальной политики двора, позволяя счастливым избранникам одновременно решать материальные проблемы и получать лучшее в монархии образование, открывавшее перед воспитанником академии уникальные возможности карьеры на дипломатическом или административном поприще, в суде, армии, церкви.

К началу 70-х годов у выпускников Терезианского коллегіума подросли дети и младшие братья, и тот факт, что их родители и опекуны упорно старались выхлопотать питомцам заветную стипендию, несомненно, говорит об устойчивой репутации академии. Однако удача улыбалась далеко не всем. Граф Йожеф Дёрдь Баттяни, обучавшийся в коллегіуме в 1754–1755 гг., спустя два десятилетия ходатайствовал о приеме в Терезианум своего младшего брата Каэтана, ссылаясь на заслуги покойного отца, в течение 32 лет служившего судьей в Септемвиральном суде. Хотя Венгерская канцелярия поставила имя этого юного аристократа первым номером в ноте, поданной на утверждение императрице²², нет свидетельств о поддержке данного ходатайства, и семейству Баттяни, похоже, пришлось из своих средств оплачивать его обучение в академии с 1775 по 1781 г. Вторая неудача, напомним, постигла Й. Д. Баттяни, когда в 1782 г. он попытался пристроить в Терезианум двух из своих девяти сыновей — Йожефа и Винце. Несмотря на то что графу, по его собственным словам, было доподлинно известно, что в Батасекском фонде недавно образовались две вакансии, император Иосиф II не проявил интереса к его ходатайству²³.

Больше повезло сыновьям покойного графа Кароя Фештетича (был воспитанником Терезианума в 1751–1755 гг.) — Игнацу и Ференцу. Старший был зачислен в Терезианум в 1778 г., а на следующий, 1779-й год вдова Фештетич выхлопотала батасекскую стипендию младшему Ференцу, о чем подробно рассказывалось в главе «Сироты». Другой счастливчик — сын гусарс-

кого офицера Яноша Фекете — Ференц, который провел в Терезианской академии 1782/83 учебный год. Скорее всего, в этом случае власти приняли во внимание заслуги деда — весьма влиятельного и пользовавшегося неограниченным доверием при дворе Дёрдя Фекете: в дополнение ко всем своим должностям и титулам с 1770 по 1784 г. он руководил всей учебной системой королевства.

Как и в предшествующие десятилетия, стипендии в Терезианскую академию оставались объектом жесточайшей конкуренции, в том числе между протезируемыми венским двором австрийскими дворянами (имевшими венгерский индигенат или не имевшими такового) и господствующим классом королевства Венгрии. Неполные материалы архива Венгерской королевской канцелярии не позволяют восстановить все детали их противостояния, но и обрывочных сведений достаточно для того, чтобы прийти к выводу о постоянном перераспределении батасекских стипендий из венгерской квоты в пользу дворян из Наследственных земель. В 1772 г. граф Леопольд Вельзерсхаймб (у него, судя по ходатайству, один из сыновей уже был оделен таковой милостью) снова просил о приеме в батасекские пансионеры одного из своих восьми сыновей. Между тем на освобождавшуюся вакансию, каким-то образом прознав, что юный Вельзерсхаймб покидает стены коллегиума, также претендовала баронесса Цецилия Шерфенберг, рассчитывая поместить в Терезианум своего отпрыска. Трудно сказать, по какому праву и весь ли срок обучения в академии субсидировались из Батасекского фонда австрийские дворяне Кристиан Айхольд и Франц Ксавьер Нойлант, которые покинули Терезианум в 1776 г., проведя там, соответственно, десять и тринадцать лет²⁴. Тогда, в 1777 г., на вакантные места были приняты: сын венгерского канцлера Ференца Эстерхази — Ласло и сын советника Наместнического совета Франца Ксавьера Херляйна — Карл (Карой). Примечательно, что учеба Херляйна с 1773 по 1777 г., пока не появилась вакансия из венгерской квоты, оплачивалась из Тайной казначейской кассы²⁵.

Можно предположить, что данные Венгерской канцелярии относительно батасекских вакансий неполны и часть венгерских дворян получала эти стипендии без согласования с властями королевства, непосредственно от австрийских ведомств. Возможно, переписка австрийских и венгерских чиновников по поводу тех или иных кандидатур не сохранилась. Но даже в

таком случае, если считать дошедшие до наших дней документы случайной репрезентативной выборкой, архив канцелярии полон прецедентов передачи мест из венгерской квоты иноземцам. И практически никогда «венгерская нация» не получала компенсации за злоупотребления при расходовании средств фонда. После выпуска из академии сына выдающегося венгерского генерала Андраша Хадики, Яноша, обучавшегося в Терезиануме с 1773 по 1778 г., в том числе с 1773 по 1776 г. на средства Тайной казначейской кассы, а с 1776 г. в числе венгерских батасекских пансионеров, вакантное место в очередной раз было отдано австрийцу с венгерским индигенатом. Это был сын арендатора Батасекского аббатства Александра Клигля — Игнац, который, подобно Хадику, в 1776–1777 гг. содержался в Терезиануме из личных средств императрицы, а при появлении первой же вакансии оказался батасекским стипендиатом²⁶.

В 1777 г. неожиданно появилась еще одна венгерская вакансия. Графиня Катарина Патачич решила, что ее сыну Фридриху (Фридешу) — батасекскому стипендиату²⁷ — лучше всего учиться не в Вене, а в Буде, во вновь открывшейся там Терезианской академии, куратором которой был назначен калочайский архиепископ Адам Патачич, их дальний родственник. Написав, что, по ее мнению, в Буде скорее, чем в Вене, юноша «напитается родными нравами, науками и языком», графиня — едва ли не единственная из родителей — увезла сына из имперской столицы²⁸. На освободившееся место тут же нашелся достойный в глазах австрийских властей претендент: Леопольд Лагузиус — сын Лагузиуса (настоящее имя Иоганн Георг Хазенёрль), лейб-медика великого герцога Тосканского Петра Леопольда (будущего императора Леопольда II)²⁹. Мария Терезия особо заботилась о здоровье своих детей и внуков, поэтому Лагузиус из ее личных средств получал весьма щедрое жалование и вдобавок 300 гульденов «моральной» компенсации за то, что ему пришлось покинуть Вену и отправиться во Флоренцию. Два его сына окончили Терезианум, при этом, по крайней мере об одном из них, доподлинно известно, — за государственный счет. Государевы милости не пошли впрок: после преждевременной кончины императора Леопольда в 1792 г. ходили упорные слухи, что доля вины лежит на лейб-медике³⁰.

Другой устойчивой тенденцией в Терезианской академии был предпочтительный прием на батасекские стипендии сыновей влиятельных аристократов, занимавших ключевые должности при дворе и в центральных органах управления, перед

детьми мелких дворян или отпрысками древних, но небогатых аристократических родов. Последних если и зачисляли в пансионеры, то на один, максимум на два учебных года. Упомянувшийся выше сирота барон Игнац Вечеи проучился в академии один учебный год (1773–1774 гг.),³¹ столько же внук советника Венгерской канцелярии барона Пала Меднянски, Янош Непомук (1778–1779 гг.)³² и сын полковника Йозефа Сёрани, тоже Йозеф (1780–1781 гг.)³³. Зато сын венгерского канцлера графа Ференца Эстерхази, Ласло, провел в академии целых двенадцать лет, из них последние восемь на средства Батасекского фонда³⁴. В 1774 г., когда Венгерская канцелярия в очередной раз рассматривала кандидатуры на образовавшуюся вакансию, в числе соискателей оказался Янош Рошти, младший брат того самого Пала Рошти, который в 60-е годы обучался в Лёвенбургском конвикте. Однако простой дворянин, пусть и заслуживший похвалы своих наставников в Трнавском университете, не был сочтен достойным претендентом, поэтому Яноша было решено оставить в Трнаве, в Терезианум же отправился потомок древнего, разветвленного, но небогатого рода барон Имре Перени, прошедший в столичной академии два с половиной года (1774–1776 гг.)³⁵.

Как и двадцать пять лет назад, в первые годы существования Терезианума, власти умело использовали все имевшиеся в их распоряжении финансовые рычаги. Те, для кого не хватало батасекских стипендий, принимались в академию за счет казны и при первой же возможности переводились в число пансионеров. Так, в 1776 г., не успев еще Имре Перени покинуть стены академии, а на освободившееся место был тут же предложен другой сын генерала Хадика, особо ценимого императрицей за ратные подвиги, — Андраш Хадик-младший³⁶. Потомок вернувшихся в католичество протестантов, будущий генерал-фельдмаршал и кавалер большого креста ордена Марии Терезии Андраш Хадик (1710–1790) в юности готовился к духовной карьере, но по совету отца изменил свое решение и в 1730 г. поступил в гусарский полк Гилани. За сорок пять лет службы он участвовал в войнах за польское и австрийское наследство, победно вошел во главе австрийских войск в Берлин в 1757 г., воевал с Портой в австро-русско-турецкой войне 1787–1790 гг. В 1763 г. А. Хадик получил наследственный графский титул. Его старший сын Янош провел в академии пять лет, за которые было заплачено из Тайной казначейской кассы государыни. Младшему Андрашу повезло больше: поступив в Терезианум в 1773 г.

также за счет казны, он в 1776 г. был зачислен в батасекские пансионеры и до 1778 г. получал содержание из средств фонда³⁷. Его кандидатура благодаря заслуженной славе отца была до такой степени вне конкуренции, что петиция барона Яноша Шплени (когда-то, напомним, обучавшегося в Терезианском коллегииуме) осталась без ответа, и его сын Йозеф продолжил учебу в Трнаве³⁸.

До самого последнего времени, когда над академией уже сгустились тучи и император Иосиф II был готов закрыть Терезианум, не прекращались интриги вокруг распределения заветных стипендиальных квот. В сентябре 1783 г. Венгерская канцелярия предложила на утверждение две кандидатуры: Ласло Вечеи, сына покойного генерала Шандора Вечеи, и сына полковника Эрёша по имени Йозеф³⁹. Вдова Вечеи в 1779 г. уже пыталась пристроить другого своего сына, Имре, который, если верить официальному представлению Венгерской канцелярии, «с заметными успехами постиг основы наук и католической веры в школе в Рима-Сомбате⁴⁰», но безуспешно: вакансия досталась Яношу Непомуку Меднянски⁴¹. Черед оказать посильное вспомоществование достойной вдове офицера, тринадцать лет жизни отдавшего императорско-королевской службе, пришел в 1783 г., когда ее старший сын Имре, пусть всего на один учебный год и в самый канун роспуска Терезианума, но был принят в академию. Что же касается Йозефа Эрёша, то на его судьбу косвенное влияние оказала цепь не имевших к нему прямого отношения событий.

Во-первых, венгерские власти выразили императору недовольство, почему в будайскую Терезианскую академию, где должны были воспитываться прежде всего сыновья родителей, имеющих заслуги перед венгерским Отечеством, был предложен сын отставного советника Карла (Кароя) Герамба. Хотя род Герамбов уже более века (с 1647 г.) располагал венгерским дворянством, а сам советник служил в Венгерской казенной палате, канцелярия сочла, что он «не имеет никаких особых заслуг перед Венгрией», и напрямую предложила государю, если тот действительно ценит Герамба, зачислить его сына в венский Терезианум, с чем император и согласился. Так сын венгерского офицера Йозеф Эрёш лишился возможности обучаться в имперской столице. Во-вторых, фёйшпан венгерского комитата Фейерграф Ференц Надашди, чей сын Ференц был зачислен в будайский Терезианум, счел, что вправе рассчитывать на большее. Ссылаясь на то, что батасекская вакансия была ему обещана еще

покойной императрицей и что он, следуя семейной традиции, несет полезные государю службы и при этом обременен многочисленным потомством, Надашди просил Иосифа II перевести его сына в более престижный венский Терезианум. В результате сын советника Герамба, не успев отправиться в Вену, был вновь приписан к Терезиануму в Буде (став однокашником Йозефа Эрёша, который отчасти по его милости лишился батасекской стипендии), а юный граф Надашди отправился в Вену⁴².

Возможно, это была последняя стипендиальная коллизия накануне закрытия Терезианской академии. Страсти, кипевшие вокруг возможности направить по крайней мере одного из многочисленных, как правило, сыновей в имперскую столицу, свидетельствуют, что учеба в Вене рассматривалась венгерским дворянством как редкая удача, и для того, чтобы она выпала на долю именно их детей, они были готовы на все.

На момент роспуска ордена иезуитов трансильванские дворяне по-прежнему располагали двумя стипендиями, гарантированными казной княжества. Однако, учитывая высокий спрос на учебу в столице, в 1776 г., после объединения Терезианской и Савойской академий, императрица одобрила создание четырех дополнительных трансильванских стипендий. Казна вносила в кассу академии 2000 гульденов в год за четверых трансильванских пансионеров, а родители возмещали разницу между стоимостью образования и стипендией в размере 150 гульденов за одного ученика. Школа верховой езды оплачивалась отдельно — 132 гульдена 32 крейцера в год. Впоследствии полная стоимость обучения каждого студента варьировалась в зависимости от тех затрат, которые были сделаны за время его обучения в академии⁴³.

В ответ на частые жалобы венских властей, что молодые дворяне из Трансильвании едва владеют немецким языком и вообще не готовы воспринимать сложные дисциплины, стоящие в учебном плане академии, в новом положении о стипендиях оговаривалось, что стипендии должны предоставляться только тем юношам, которые уже окончили шесть классов (считая начальную школу) в коллигиумах Коложвара, Медеша или иных подобных учебных заведениях⁴⁴. Как и все прочие воспитанники, трансильванцы зачислялись в Терезианум по класс философии включительно, а со следующего за ним класса юриспруденции — в Савойскую академию⁴⁵. В 1776 г. в Терезианской академии продолжали учебу граф Йозеф Бетлен и дворянин Шамуэль Черей (сын советника Фаркаша Черей-старшего). К ним,

в соответствии с новым распоряжением, присоединились юный Фаркаш (Вольфганг) Черей-младший, получивший стипендию в класс юриспруденции Савойской академии, и два аристократа — граф Антал Халлер и барон Йозеф Домокош, принятые в Терезианскую академию в класс философии⁴⁶. В следующем, 1777-м году была распределена последняя, четвертая стипендия, отданная дворянину Иштвану Габорфи⁴⁷.

С усложнением учебных планов и увеличением числа студентов из Трансильвании в Терезианской академии стали очевидны недостатки в их подготовке. Ректор граф Лантьери в 1777 г. приводил в пример Фаркаша Черей-младшего, который довольно слабо знал немецкий язык и не обладал необходимой подготовкой, чтобы в отведенные сроки овладеть собственно юридическими дисциплинами (всеобщим публичным, международным, каноническим, криминальным и ленным правом), а также государствоведением, административными дисциплинами, всеобщей историей, основами горного дела и минералогии, письменным немецким языком. В результате было достигнуто компромиссное соглашение между венским двором и канцелярией: из учебного плана трансильванских студентов исключали «Дигесты» и право Священной Римской империи, знание которых вряд ли могло им пригодиться в дальнейшей карьере, а пребывание трансильванских дворян в классе юриспруденции увеличивалось до трех лет. Одновременно коллегиумы в Трансильвании обязывались давать более глубокую подготовку по истории венгерского государства и права⁴⁸.

В 1778 г. Савойскую академию окончил граф Й. Бетлен, и был объявлен конкурс на вакантное место. Вскоре в Терезианскую академию приняли графа Яноша Микеша — круглого сироту и примерного ученика класса логики, получившего блестящие рекомендации от графа Яноша Чаки, директора Коложварского университета (ему подчинялся бывший иезуитский коллегиум)⁴⁹. Тем временем созрело решение, что система, при которой шесть государственных стипендий в престижном венском Терезиануме не сбалансированы соответствующей образовательной инфраструктурой для служилого дворянства, нуждается в пересмотре. Государственному аппарату требовались грамотные чиновники среднего звена, они рекрутировались как раз из мелких и средних дворян.

В марте 1778 г. была достигнута устная договоренность между Венгерской и Трансильванской канцеляриями, с одной стороны, и двором — с другой, а летом того же года была издана

официальная резолюция, что в будайском Терезиануме будет учреждено шесть стипендий для трансильванских дворян. Власти княжества приводили три главных аргумента в пользу создания шести новых стипендий. Во-первых, той суммы, которая ежегодно вносилась за обучение трех аристократов в Вене, было достаточно для обучения шести дворян в Буде. Во-вторых, так родителям будет легче возмещать разницу между размером стипендии и стоимостью учебного года. В-третьих, как и в случае с коллегиумом в Ваце, акцент делался на то, что в будайском Терезиануме у трансильванских дворян будет возможность более глубокого изучения венгерского законодательства — основы правовой системы Трансильвании. Отныне в Вене оставалось три стипендии для аристократов, в Ваце — по-прежнему шесть для дворян, в Буде — шесть новых стипендий для дворян на деньги, изъятые из венской квоты⁵⁰.

При отборе кандидатов на стипендии преимущественным правом формально пользовались сыновья чиновников среднего звена из канцелярии и губерниума. Для того чтобы годы учебы в Буде были проведены с максимальной пользой, выдвигалось требование: претенденты должны были как минимум окончить класс риторики. Группу из первых шести трансильванских пансионеров для академии в Буде сформировали из двух дворян, обучавшихся в венском Терезиануме — Иштвана Габорфи⁵¹ и Шамуэля Черей; воспитанников коложварского коллегиума: Антона Вайна, Элека Черей и Игнаца Хентера; а также находившегося в вацком Терезиануме Пала Черей⁵². Год учебы шести дворян в Будайской академии обходился казне в 2050 фт., родители доплачивали за своих детей по 75 фт. в год⁵³. Так, в начале 1780-х годов трансильванский господствующий класс получил иерархическую систему из пятнадцати государственных стипендий в престижных учебных заведениях монархии Габсбургов наряду с двумя коллегиумами в самом княжестве (в Коложваре и Медеше), дававшими начальную подготовку, достаточную для продолжения учебы в одном из Терезианумов.

Еще одной возможностью получить бесплатное образование в Вене за государственный счет оставались венгерские квоты в Лёвенбургском конвикте. Несмотря на то что завещание основателя фонда требовало равного представительства венгерских и «немецких» пансионеров в носящем его имя конвикте, регулярные отчеты, которые по поручению Венгерской канцелярии готовил советник Йозеф Ябланци, свидетельствуют, что соотношение было в лучшем случае два к четырем⁵⁴. Расходные

книги Тайной казначейской кассы за 1770-е годы хранят длинные списки имен австро-чешских, итальянских; польских дворян, чье обучение в конвикте было милостиво оплачено лично императрицей, однако там нет ни одного венгерского имени⁵⁵. Руководство Венгерской канцелярии нередко стремилось распределить эти две стипендии между сыновьями своих служащих, традиционным образом используя доступ к учебе как форму вознаграждения и поощрения родителей.

В 1771 г. канцелярскому экспедитору Йозефу (Йожефу) Гаснеру удалось пристроить в конвикт своего старшего сына Иоганна. В 1772 г. конвикт покинул Йозеф Марковицки, сын нотариуса Венгерской канцелярии Пала Марковицки. Выше уже говорилось о том, как, выбирая между двумя сотрудниками канцелярии, Михаем Домбаи и Михаем Вашем, императрица предпочла отдать образовавшуюся после выпуска Марковицки вакансию «более бедному» Домбаи. В 1774 г., после окончания курса наук упоминавшимся выше Йозефом Мором и Йожефом Чеконичем (его отец служил юристом в окружной судебной палате в Кёсеге) две венгерские вакансии достались братьям Йозефу и Иоганну Бернридерам, по поводу которых Венгерская канцелярия многократно вступала в переписку с венскими властями: на каком основании означенные братья, принадлежащие к «германской нации», получили места из венгерской квоты⁵⁶. В 1777 г. все тот же Йозеф Гаснер поместил в Лёвенбургский конвикт своего второго сына, Адама. В следующем, 1778-м, году, выбирая между сыном канцелярского нотариуса Яноша Харшани и сыном вдовы Даниэля Альмаши, власти вновь отдали предпочтение чиновнику Венгерской канцелярии⁵⁷. Наконец, в 1781 г., когда Йозеф Гаснер попытался в очередной раз испросить вакантное место в Лёвенбургском конвикте для своего третьего сына Людвига, он получил отказ на том основании, что брат не может автоматически «наследовать» королевскую стипендию⁵⁸.

Таким образом, ограниченное число зарезервированных за «венгерской нацией» стипендий в престижных и более скромных учебных заведениях имперской столицы и постоянные «несправедливости», чинимые венским двором при их распределении, все настойчивее заставляли венгерские власти развивать образовательную инфраструктуру в самом Венгерском королевстве и совершенствовать «национальную» стипендиальную политику. Качественные изменения произойдут в 1777 г. и будут связаны с введением в действие «Системы воспитания

и образования в Венгерском королевстве и присоединенных к нему частях», больше известной под своим латинским названием «Ratio educationis».

Национальной элите — национальную систему образования

«Ratio educationis»: обучая — просвещать

Изначально предполагалось, что Венгрия как составная часть владений Габсбургского дома подчинится общим нормам, разработанным под руководством венской Придворной учебной комиссии, поэтому Учебная комиссия, созданная в 1773 г. при Наместническом совете под председательством графа Дёрдя Фекете, не получила практически никаких полномочий. Только непримиримые противоречия между Мартини и Колларом в вопросах о реформе гимназий в рамках всей монархии вынудили императрицу, не удовлетворенную ни тем ни другим проектом, изъять среднее образование из ведома венской Придворной учебной комиссии и передать эти вопросы комиссии Нижней Австрии. Напомним, что ранее реформа начального образования по предложенному Фельбигером плану уже была изъята из ведома возглавляемой Кресселем комиссии, после чего ее полномочия свелись к реформе университетов. Так в результате разногласий и противоречий в венских придворных кругах Учебная комиссия Венгерского королевства, которую Э. Финаци впоследствии назовет подлинным венгерским правительством по делам воспитания и образования, в 1774 г. обрела самостоятельность и получила задание выработать проект школьной реформы.

Координировать разработку проекта реформы императрица поручила молодому и талантливому советнику Венгерской канцелярии Йозефу Урмени. Долгое время считалось, что именно он вместе с привлеченными к работе библиотекарем Венгерской казенной палаты Даниэлем Терстянски и профессором венской Терезианской академии Палом Мако были авторами ставшей впоследствии знаменитой системы, вступившей в силу, как упоминалось выше, в 1777 г. При этом Урмени сформулировал новые принципы управления школой, Терстянски согласовал положения проекта с современной педагогической мыслью, а

опытный экс-иезуит Мако обеспечил преемственность с лучшими традициями прошлого. Однако венгерский историк Л. Чока в 30-х годах XX в. доказал, что у «Ratio» был еще один автор, а именно А. Ф. Коллар, который за годы службы в венской Придворной учебной комиссии накопил богатый практический опыт и обладал уникальными наработками, изначально предназначенными для монархии в целом⁵⁹.

Как и в Австро-Чешских наследственных провинциях, проведение школьной реформы в Венгрии стало возможным благодаря собственности Общества Иисуса, перешедшей в руки государства. Согласно описи, составление которой началось осенью 1773 г. и продолжалось до 1780 г., недвижимость и капиталовложения ордена во владениях Габсбургского дома оценивались в 7 762 521 фт. Церковную собственность ордена государство имело прямое право использовать на образовательные цели в соответствии со знаменитой статьей 12 от 1548 г. «Свода венгерских законов», светская же собственность иезуитов по закону наследовалась короной опять-таки с правом свободного ею распоряжения. В 1775 г. императрица выделила из имущества ордена Трнавский коллегиум со всеми его источниками доходов, в том числе с переданным ему в 1769 г. аббатством св. Елены в Фёльдваре, и создала отдельный Университетский фонд, оценивавшийся в 1 465 032 фт. Годовой доход фонда составил 61 723 фт. Еще 3,69 млн фт. поступали на нужды Учебного фонда, из которого субсидировалось начальное и среднее образование. В 1776 г. было подсчитано, что Учебный фонд располагал годовым бюджетом в 120 тыс. фт.⁶⁰

Прежде чем вводить новую систему образования, необходимо было выработать в теории и создать на практике управленческую инфраструктуру, призванную гарантировать выполнение основных положений реформы. Очертания будущего школьного устройства были обозначены в императорско-королевской резолюции от 5 августа 1776 г. Для руководства учебно-воспитательным процессом в масштабах королевства предлагалось разбить территорию страны на школьные округа. Если в Австро-Чешских наследственных провинциях основу округов составили коронные земли, то для Венгрии предстояло выработать принципы деления на округа, одновременно достаточно большие, чтобы обеспечить высокую степень централизации, и в меру компактные; чтобы стоящий во главе округа чиновник мог им эффективно управлять. В результате было создано девять округов с центрами в Пресбурге (административная столица

Венгрии), Буде (древняя столица и местонахождение переводимого из Трнавы университета), Кашше (центр Верхней Венгрии и второй университетский город королевства), а также в шести городах — резиденциях епископов: Дёре, Бестерцебане⁶¹, Унгваре⁶², Надьвараде, Пече и Загребе.

Венгерский историк педагогики И. Маджар обнаружил интересную параллель между созданными в 1776 г. школьными округами и округами военными, на которые Венгрия была разбита в 1715 г. В случае школьных округов речь поначалу тоже шла лишь о четырех: в границах течения рек с центрами в Пресбурге, Кашше, Дебрецене и Шопроне. Однако Наместнический совет предложил увеличить их число до восьми плюс один для Хорватии-Славонии. Протестантский Дебрецен не мог стать центром школьного округа, поэтому выбор пал на католические Унгвар и Надьварад. В последнем предполагалось организовать одну из пяти королевских академий — она, несомненно, должна была привлечь католическое и протестантское юношество Трансильвании. Такую же роль должен был бы играть Унгвар для Галиции, которую венгерские власти, основываясь на грамотах средневековых венгерских королей, считали землей венгерской короны. Наконец, поскольку Шопрон был слишком близок к Вене, его в последний момент заменили на Дёр⁶³.

Во главе каждого округа был поставлен верховный королевский директор. В его компетенцию входили все вопросы, в широком смысле относящиеся к просвещению, в том числе конвикты и сиротские приюты. Звание «королевский» лишний раз подчеркивало, что школьное дело было изъято из ведения церкви и сословий и полностью подчинялось светской центральной власти. Унгварский и Надьварадский округа возглавил граф Антал Каройи, Пресбургский — барон Ференц Балашша, Дёрский и Печский были вверены графу Криштофу Ницки, Бестерцебаньский — епископу Францу (Ференцу) Берхтольду, Кашшайский — Габору Печи, Будапештский — Анталу Вёрёшу. Все они были высокопрофессиональными чиновниками, многие годы успешно справлявшимися с разнообразными управленческими задачами. Д. Кошари справедливо отмечал, что Ницки и Балашша получили свои графские титулы за многолетнюю верную службу⁶⁴. Верховные королевские директора были не понаслышке знакомы с положением дел в сфере образования: Ницки еще в 1766 г. подавал императрице проект учебной реформы в королевстве, епископ Берхтольд неоднократно по долгу службы инспектировал сенцкий политико-экономический коллесси-

ум⁶⁵, Балашша (сам выпускник венского Терезианума) был десятками нитей связан с влиятельнейшими фигурами венского двора и знал все пружины его политики. Антал Вёрёш, скорее всего, получил высокую должность в силу личного давнего знакомства с Йожефом Урмени по королевской судебной палате в Пеште и Криштофом Ницки по Наместническому совету⁶⁶.

«Система воспитания и образования в королевстве Венгрия и присоединенных к нему частях», созданная с учетом австрийского опыта и опубликованная в 1777 г., была успешно адаптирована к венгерским реалиям⁶⁷. Ее авторам удалось разработать схему, в которой учитывались бы интересы семи «наций» и пяти конфессий⁶⁸. «Ratio educationis» состояла из трех больших разделов. Первый касался административного руководства и финансирования школ; во втором, самом подробном, излагались учебный материал и методические рекомендации для школ разных уровней; наконец, третий определял внутреннее устройство и порядок надзора. «Система», по крайней мере на бумаге, создавалась таким образом, что каждая следующая школьная ступень тесно смыкалась с предыдущей. В самом низу находилась начальная (национальная) школа, которая могла располагаться в деревне, маленьком или более крупном городе; преподавательский состав в ней ограничивался одним-тремя учителями. За ней следовала трехлетняя грамматическая школа, а затем двухлетняя латинская гимназия. Те, кто заканчивал пятилетнюю среднюю школу, попадали в одну из пяти королевских академий, где углубленно изучали философию и право. Венчал всю эту систему королевский университет в Буде.

Главными условиями для всех школ в стране, как для королевских (католических), так и не католических, стали обязательный государственный надзор и неперемное единообразие учебного материала, организационной структуры и контроля. Подобную, охватывающую все население и не знающую ни профессиональных, ни национальных различий систему, писал историк педагогики Д. Корниш, просвещенный абсолютизм считал королевской привилегией, но и дух Просвещения в XVIII в. требовал, чтобы ученик любой веры мог свободно посещать королевские гимназии, академии и университеты, где к нему должны относиться одинаково, без различий веры и национальности, поскольку все они подданные одного короля и граждане одного отечества⁶⁹. Другая основополагающая идея Просвещения — принцип полезности, также проходит красной нитью через страницы «Ratio educationis». Она предлагала для

всех школьных ступеней такой учебный материал, который соответствовал предназначению во взрослой жизни, давал знания, нацеленные на то, чтобы быть полезными. Именно поэтому «Ratio educationis» существенно увеличила число изучаемых предметов, сделав их круг энциклопедически широким. Например, средняя школа, помимо Закона Божьего, латыни, всеобщей и отечественной истории, географии, природоведения, физики, арифметики и геометрии, включала занятия по бухгалтерскому учету, естественному праву и венгерской правовой системе, учила практической логике и давала навыки чтения газет. На философской ступени планировалось учить юношей основам сельского хозяйства. Во всех наставлениях акцент делался на практическую применимость знаний.

Авторы «Ratio educationis» полагали, что многоязычие королевства должно быть не только сохранено, но и все ступени школьной системы должны приспосабливаться к существующей языковой ситуации. Они писали: «В Венгрии живет много народностей, и следовательно, говорят они на разных языках, поэтому то, что житель страны знает много языков, Отечеству будет только на пользу»⁷⁰. Для каждого народа (венгров, немцев, хорватов, сербов, словаков, русин, румын) должны быть созданы языковые школы — в них материал объяснялся бы детям на их родном языке. В малых гимназиях полагалось иметь по крайней мере двух учителей, которые владели бы языками определенного меньшинства населения данной местности: в местах расселения венгров — учитель, говоривший по-немецки, и учитель, говоривший по-словацки, в местах компактного проживания немцев — по-венгерски и по-словацки и т. д. Таким образом, полагали авторы «Системы», родители избавлялись от необходимости нанимать частных учителей или посылать детей учиться далеко от дома⁷¹. Историки справедливо отмечают, что в основе первых успехов национальных движений невенгерских народов королевства лежало терпимое, даже бережное отношение авторов «Ratio» к языкам народов, проживавших на территории Венгрии⁷².

В теории «Ratio educationis» требовала расширенного преподавания естественнонаучных и технических дисциплин, и ее авторы могли по праву гордиться, что в этом они опередили более консервативный план Г. Маркса. Однако исследователи вынуждены признать, что практика была далека от идеала, потому что не хватало учителей, учебных пособий и демонстрационных материалов. Латынь оставалась языком передачи

культурных знаний. Главная цель латинской школы, говорилось в «Ratio», готовить бюрократические кадры, владеющие латынью как государственным языком. Интересно, что много внимания уделялось физическому воспитанию как одной из задач, которые призвана решать именно школа. В ту эпоху еще ни одно европейское государство не заботилось институционально о физическом воспитании населения в целом, и эта идея встречалась в лучшем случае только у филантропов. Согласно «Ratio», города были обязаны создавать неподалеку от школ специальные площадки, где молодежь могла бы заниматься спортивными играми, а также окруженные зелеными насаждениями водоемы⁷³.

Важно подчеркнуть, что даже в рамках системы образования, в которой юношество предстояло воспитывать (с известными ограничениями, налагаемыми самой эпохой) без различия социального происхождения и вероисповедания, обучение молодых дворян полезным наукам оставалось в числе приоритетов венгерских властей. Решая крупномасштабные задачи строительства национальной школы, выстраивая преемственную иерархию учебных заведений, государство не забывало и о привилегированных учебных заведениях. К концу правления Марии Терезии дворянские коллегии и конvikты представляли собой разветвленную и одновременно соподчиненную структуру. В основании ее находились мелкие, предназначенные для местного дворянства и зажиточного бюргерства учебные заведения под управлением экс-иезуитов или пиаристов, а на вершине этого здания красовалась подлинная гордость венгерских властей — Терезианская дворянская академия в Буде.

Терезианская академия в Буде: «не хуже, чем в Вене»

Если взять за точку отсчета открытие Терезианского коллегиума в Вене в 1746 г., то создания отвечающей современным требованиям рыцарской академии венгерское дворянство ждало почти тридцать лет, а если припомнить положенный под сукно проект аббата Оддо Коптика, то более полувека. Введение в действие «Системы образования» 1777 г., сопровождавшееся реорганизацией главного (и единственного полного) университета страны — Трнавского и его переводом в «сердце страны», Буду, выполнявшую столичные функции в домохачской Венгрии, поставили вопрос о создании также «общенациональной» дворянской академии, организационно и учебно-методически связан-

ной с университетом. Так появился на свет проект будайской дворянской Терезианской академии, которая за короткий срок превратилась в самое престижное учебное заведение королевства, куда считали за честь направить своих детей аристократы и дворяне из Наследственных провинций. В отличие от вверенных пиаристам Сенцкого политико-экономического коллегия или вацкого Терезианума, историю которых в свое время досконально изучили историки — члены ордена, Терезианская академия в Буде как королевское учебное заведение, просуществовавшее всего неполные восемь лет, так и не обрела достойного места в исследованиях по истории Венгрии XVIII в. Между тем этот проект (на его воплощение во всей полноте венгерским властям не хватило времени) заслуживает особого внимания.

В январе 1777 г. венгерский канцлер Ференц Эстерхази в особой ноте на имя императрицы изложил видение вновь создаваемой дворянской академии, на учреждение которой, как говорилось в тексте документа, было недавно дано высочайшее устное дозволение. Во-первых, будайская Терезианская академия изначально должна была создаваться как составная часть Будайского университета и подчиняться верховному руководству и надзору университетского сената. Директору академии вменялось в обязанность ежегодно отчитываться перед университетом о состоянии финансов, сенат в свою очередь осуществлял постоянный надзор за содержанием и ходом учебного процесса. Деятельность университета в целом находилась в ведении венгерского Наместнического совета, и высшее образование для привилегированных и непривилегированных сословий, хотя и оставалось организационно разделенным, оказывалось, таким образом, полностью синхронизированным и поставленным под государственный контроль.

Во-вторых, канцлер выражал намерение укомплектовать профессорско-преподавательский состав университета в целом и дворянской академии в частности самыми компетентными кадрами, при этом префекты, на плечи которых по традиции ложилась рутинная работа не только по надзору за поведением и прилежанием воспитанников, но и по подготовке их к занятиям, должны были набираться из наиболее способных людей без учета их социального статуса (что прежде всего следует понимать как терпимость к бывшим иезуитам, чьи педагогические таланты заслуживали дальнейшего общественно полезного применения). И в самом деле, в университете и в Терезианской академии властям удалось собрать лучших ученых и преподавате-

лей. В их числе был вновь назначенный ректор — аббат (бывший иезуит) Джованни-Баттиста д'Идзо, начинавший в 1754 г. префектом в венском Терезиануме, преподававший там военную и гражданскую архитектуру и в 1774 г. повышенный до вице-директора академии⁷⁴. Оказались там и уже знакомые читателю историк Дёрдь Праи, физик, один из разработчиков «Системы образования» Пал Мако, экономист Людвиг Миттерпахер и его брат-математик Йозеф (Йожеф) Миттерпахер (пять лет прослуживший в Терезиануме префектом) и некоторые другие⁷⁵.

В-третьих, канцлер предлагал установить число пансионеров, находящихся в академии на полном довольствии за счет королевского фонда, в пятьдесят человек, происходящих из дворянских и магнатских семей. Однако поскольку на тот момент академия располагала только переданными ей фондами двух трнавских конвиктов, то до создания полноценного университетского фонда (императрица пообещала передать на эти цели богатое венгерское аббатство Печварад) число пансионеров предполагалось ограничить тридцатью воспитанниками, включая тех 12 юношей, которые переводились из Трнавы. Кстати, на их место в Трнаву впоследствии были отправлены 12 воспитанников бывшего иезуитского будайского конвикта. После создания Терезианской академии последний прекратил свое самостоятельное существование, будучи преобразованным в архигимназию и органически встроенным в университет на правах факультета *humaniora*⁷⁶. Подобный обмен воспитанниками между Будой и Трнавой недвусмысленно свидетельствовал о том, что Трнава передавала функции первого учебно-воспитательного центра древней венгерской столицы. Для главного университета Венгрии императрица уступала свой Будайский дворец, считавшийся королевской резиденцией, но по большей части пустовавший, поскольку Мария Терезия не имела намерения переезжать в Буду, как она обещала сословиям в 1741 г. Один из флигелей дворца предназначался для Терезианской академии: в нем должны были жить и заниматься юные воспитанники.

Поскольку будайский Терезианум, как и любое современное ему учебное заведение, нуждался в привлечении дополнительных финансовых средств, были нужны платные воспитанники. Предполагалось, что их число будет равно числу пансионеров, т. е. пятидесяти, и принимать их намеревались, как и в венском Терезиануме, изо всех Габсбургских земель, и даже из-за границы, если объявятся желающие. Особо подчеркивалось,

что по сравнению с пансионерами платные воспитанники должны получать такие же условия проживания и питания, заниматься по тому же учебному плану и носить одинаковую с пансионерами униформу. Вообще, внешний вид воспитанников, точнее, униформа (она должна была свидетельствовать об их принадлежности к лучшему учебному заведению королевства) с самого начала являлась предметом особой заботы венгерских властей. Принцип, которым руководствовались власти, был отказ от роскоши в пользу «опрятного и приличного» вида воспитанников. Канцлер также предлагал (опять-таки в соответствии с практикой той эпохи) разработать специальный значок — он прикреплялся бы к сюртуку пансионеров в напоминание о том, что они своими талантами заслужили особую милость получить королевскую стипендию⁷⁷.

Императрица в резолюции на тексте ноты согласилась с предложениями канцлера, подчеркнув, что во все времена в академию должны приниматься «преимущественно дети обедневших венгерских 20 магнатов и 20 дворян», а также 10 сыновей служащих Казенной палаты, при этом последним не обязательно обладать дворянским титулом. Таким образом, стипендиальные схемы, выработанные и прекрасно зарекомендовавшие себя в предшествующие десятилетия, были в полной мере использованы при создании будайской Терезианской академии. Этот вывод подтверждает и введенная через год фиксированная квота в шесть стипендий для молодых дворян из Трансильвании. То есть вновь создаваемое учебное заведение должно было стать для Венгрии тем, чем был для владений Габсбургского дома в целом венский Терезианум, а именно местом воспитания новых поколений государственных мужей в духе служения общему благу.

Торжественное открытие академии было назначено на октябрь 1777 г. Между тем предстояло в мельчайших деталях обсудить ее будущее устройство. В Учебной комиссии при Наместническом совете разгорелись нешуточные дискуссии по вопросам устройства учебного заведения, которое все единодушно мечтали сделать образцовым. Автором внесенной на рассмотрение концепции был экс-иезуит, эстергомский каноник Ференц Шплени. Старший брат тех четверых Шплени, которые обучались в венском Терезиануме в 50–60-е годы XVIII в., он в юности вступил в Общество Иисуса, служил префектом в венском Пазманеуме, в 1761 г. был переведен в Терезианум, где в то время обучался его брат Йозеф, и покинул стены коллегии-

ма одновременно с братом, в 1764 г. Орден направил Ференца Шплени преподавать этику и каноническое право в Трнаве, где он с 1768 г. и вплоть до роспуска ордена иезуитов в 1773 г. возглавлял Трнавский конвикт.

Концепция Шплени основывалась прежде всего на опыте и идеальных представлениях иезуитов о том, как должно быть организовано образцовое элитарное учебное заведение. Перед глазами каноника постоянно возникал пример не понаслышке знакомого ему венского Терезианума — в его понимании вершины совершенства. Для Наместнического совета мнение Шплени было неocenимо в практических вопросах — решении о размещении юношей по камерадам, о том, сколько и каких префектов приставлять к ученикам разных классов, как наилучшим образом спланировать учебный день. Однако все, что касалось блеска и величия вновь создаваемой школы и не в последнюю очередь выражалось в жаловании дирекции, раздутом штате сотрудников, изготовлении дорогостоящей униформы учащихся, призванной служить лишним подтверждением их исключительного социального статуса, и пр., в корне расходилось с концепцией большинства членов Учебной комиссии.

Шплени исходил из того, что на лучшую дворянскую академию королевства не следует жалеть средств, что нашло выражение в смете расходов, предусматривавшей годовое жалование директору в размере 1 200 фт., заместителю директора — 600 фт., пяти префектам — по 300 фт. каждому, при этом помимо собственно жалования на «содержание» этих семерых должностных лиц следовало выделить дополнительные 1 120 фт. (на них те бы питались, справляли себе одежду, оплачивали расход свечей и дров и пр.). Учебная комиссия была вынуждена урезать и многие из бюджетных статей или перераспределить некоторые суммы, предусмотренные каноником. Так, жалование директора устанавливалось в размере 800 фт., его заместителя — 500, а пятерым префектам назначалось по 310 фт. То же можно сказать и об обслуживающем персонале: повару жалование сокращалось со 150 до 120 фт., заведующему винным погребом повышалось с 50 до 60 фт., было также решено нанять вместо трех поварят (которым платили бы по 24 фт. в год двоих, но за 30 фт.⁷⁸

По вопросу о совместных занятиях кавалеров из Терезианской академии и студентов-простолоюдинов из Будайского университета Шплени категорично заявил, что смешение с юношами низкого происхождения «опасно» для молодых дворян. Комиссия

же рассудила, что существующая в стране система учебных заведений и стипендиальных фондов не предполагает обязательного строгого отделения дворян от недворян уже по той причине, что обедневшие дворянские семьи не в состоянии оплатить обучение своих детей в престижных конвиктах и коллегиумах и вынуждены посылать сыновей в более скромные школы, где те должны обучаться совместно с бюргерами и даже крестьянами. Мелкие стипендиальные фонды по причине нехватки финансов не справлялись с задачей раздельного обучения дворян и недворян. Что же касается будайского Терезианума, то академия не располагала достаточными средствами, чтобы продублировать лекции университетского цикла в академии, оплатив при этом двойную по сути работу профессоров. Было решено, что кавалеры из Терезианума впредь будут посещать лекции в университете в сопровождении и под надзором префектов⁷⁹.

Таким образом, руководство комиссии одновременно обеспечило дворянскому юношеству академии университетский уровень образования и (пусть и по прагматическим соображениям) объективно способствовало размыванию сословных границ в обучении. Вместе с тем официальные документы, регламентировавшие впоследствии порядок зачисления в пансионеры будайской академии, непременно включали дворянское происхождение в число необходимых при приеме требований. Так, в проекте жалованной грамоты будайского Терезианума 1780 г. в последний момент на полях было сделано важное дополнение о том, что соискатели стипендий должны предоставлять не только аттестат об успеваемости и прилежании, но и «выданное уполномоченным ведомством» «свидетельство о дворянском происхождении, если в этом возникнут сомнения»⁸⁰. Иными словами, в дипломе главной дворянской школы королевства еще раз закреплялся принцип сословно понимаемой социальной справедливости.

Как отмечалось выше, о престиже учебного заведения не в последнюю очередь судили по внешнему виду воспитанников. Учебная комиссия в мельчайших деталях обсуждала, во что должны быть одеты воспитанники будайской Терезианской академии. Ференц Шплени считал, что платье кавалеров должно символизировать блеск и славу первой академии королевства и одновременно напоминать об их принадлежности к «венгерской нации», поэтому настаивал на фасоне, схожем с парадной одеждой венгерского дворянина. Воспитанникам полагался бы подбитый мехом ментик, долман и перевязь, изготовленные

из дорогих качественных материалов. Однако к концу 1770-х годов от дорогостоящей униформы отказались даже в венском Терезиануме, поэтому доломан и перевязь признали излишней роскошью и остановили свой выбор на отороченном мехом мундире (иногда именуемом в документах фраком или сюртуком), камзоле и панталонах как форме одежды, наиболее близкой к форме венгерских пехотных офицеров, а также напоявившей ту униформу, что носили воспитанники Терезианского коллегіума в Ваце. Одновременно, чтобы долше сохранить опрятный вид платья, рекомендовалось предусмотреть два варианта униформы, для зимы и для лета. Впоследствии, рассмотрев эскизы, выполненные в одном или нескольких контрастных цветах (красный, зеленый, красно-зеленый, сине-красный, синий), императрица остановила свой выбор на синем с красной подкладкой, который более всего соответствовал общепринятым в монархии Габсбургов стандартам (возможно, потому, что был одновременно торжественным, недорогим и практичным в носке): в синие камзолы и штаны были одеты воспитанники венского Терезианума, Лёвенбурговского конвикта, целого ряда других дворянских школ⁸¹.

В то же время главное, в чем сходились и каноник Шплени, и Учебная комиссия, было стремление воспитывать в академии «полезных граждан и государственных мужей», а потому зачислять (как в пансионеры, так и в платные воспитанники) только тех, кто показал себя способным учеником и был в состоянии представить официальный и достоверный аттестат об успеваемости, который бы самым внимательным образом изучался членами университетского сената. Те же, кто окажется не в состоянии справляться с учебной программой академии, должны отчисляться, чтобы на их место могли прийти более способные и достойные⁸². Подробнее формализация требований к поступающим в учебные заведения королевства и ее последствия будут рассмотрены в главе «Талант и его документальное подтверждение»; пока же необходимо отметить, что вслед за Сенцем и Вацем, где при зачислении полагалось обращать внимание на склонность ребенка к учебе, здесь успеваемость включается в число критериев отбора. В представлении Венгерской канцелярии на высочайшее имя от 17 октября 1777 г., содержащем имена кандидатов на королевские стипендии в будайском Терезиануме, прямо говорилось, что «при приеме в этот привилегированный королевский фонд имеют значение не

столько материальные затруднения, сколько заслуги родителей и способности и склонности отроков»⁸³.

Весть об открытии в древней столице королевства Буде дворянской академии вызвала живейший интерес и воодушевление как в кругах аристократии, так и в рядах мелких чиновников Казенной палаты. К октябрю 1777 г. поступило 82 заявления о принятии в пансионеры будайского Терезианума 97 мальчиков и юношей, поскольку многие родители в надежде пристроить хотя бы одного сына просили сразу за двоих, троих и даже четверых. Из семерых просителей-аристократов баронесса Лужински ходатайствовала о трех своих сыновьях, бароны Габор Шплени и Флориан Хорецкий — о двоих. По мере прохождения бумаг по инстанциям, вплоть до высочайшего утверждения списка пансионеров, представительство аристократических семейств сокращалось по «социально справедливому» принципу по одному сыну от каждого родителей. В числе счастливиц оказались племянник Адама Патачича, калочайского архиепископа и по совместительству члена университетского сената, Фридрих Патачич (переведенный, напомним, по настоянию матери в Буду из Вены), Рудольф Лужинский и Мориц Сермаж, за которых просили их овдовевшие матери, кузены Ференц и Винце Шплени, сыновья генералов братьев Габора и Ласло Шплени. О том, что это было именно попыткой придерживаться социально понимаемой справедливости, свидетельствует окончательное число зачисленных в пансион аристократов: шесть вместо предполагавшихся на первый раз семнадцати. Оставшиеся вакантными места из «магнатской» квоты были перераспределены в пользу дворянства, прежде всего служилого и в первую очередь тех, чьи сыновья демонстрировали документально подтвержденные успехи в учебе.

Конкурс на стипендии из дворянской квоты был три человека на место. Из 62 прошений, в которых речь шла о 75 юношах, в пансионеры будайского Терезианума было зачислено 25, при этом две кандидатуры, внесенные в окончательный, подаваемый на высочайшее утверждение список, первоначально отсутствовали в числе соискателей. Большинство отцов (или ходатайствующих родственников) принадлежали к служилому дворянству: чиновники Венгерской канцелярии, Наместнического совета, судебных палат, комитатских администраций и пр. Встретилось и несколько армейских и лейб-гвардейских офицеров. Наконец, в лучших традициях социальной опеки комитатские собрания поддержали «самовыдвижения» сирот из чис-

ла членов своих дворянских сообществ. Как и в случае с просителями-магнатами, любые попытки пристроить в академию сразу двоих сыновей (близких родственников) в конечном счете пресекались: если поначалу венгерский канцлер не возражал против того, чтобы в академию были приняты два племянника вдовы Кристины Майтени — Йозеф и Карой Амбро, то по настоянию императрицы на место, поначалу отданное Карою, был утвержден «конвертит Кашпар Гици».

В подлинных фаворитах оказались чиновники Венгерской канцелярии: из восьми ходатаев высочайшей милости сначала удостоились шестеро, а в последний момент к ним добавился седьмой — неперемный персонаж нашей книги Михай Ваш: ему передали стипендию, предназначавшуюся барону Хорецки. Единственный родитель из числа канцелярских служащих, кому не посчастливилось пристроить сына в будайский Терезианум, Янош Харшани, уже через год удостоился зачисления своего отпрыска в Лёвенбургский конвикт. В числе прочих удачливых просителей оказались родственники венгерских лейб-гвардейцев Михай Матейчек и Ласло Лендваи, дети судебных чиновников Карой Тахи, Янош Абафи, Иштван Малик, родня служащих комитатских администраций Антал Околичани, Янош Квашаи, Гашпар Очкаи. В то же время власти выказали снисхождение к сыну вдовы Сентивани и дворянина Медери, за которых ходатайствовали комитатские собрания.

Третьей категорией пансионеров, по повелению императрицы, стали сыновья камеральных служащих дворянского и недворянского происхождения как из самой Казенной палаты (советник Йозеф Бачак, секретарь Имре Хавор, префект Тайной казначейской кассы Шустер), так и из связанных с ней ведомств (сборщик налогов из Токая Михай Балаш, камеральный инспектор из Пресбурга Андреас (Андраш) Склабиг, арендатор казенных имений Лукас Лазар). В последний момент в текст представления на высочайшее имя был вписан племянник директора будайской почты Фридриха (Фридеша) Хагена — Леопольд (Липот) Херман⁸⁴. В результате общее число стипендий для сыновей камеральных служащих по стране возросло до двадцати: шесть в переведенном из Сенца в Тату политико-экономическом коллегииуме, четыре в вацком Терезиануме и (в идеале) десять в будайской академии.

В представлении Венгерской канцелярии особо оговаривалось, что те, кому не посчастливилось попасть в лучшее учебное заведение королевства, будут по мере возможности помещены

в другие (подразумевалось: менее престижные) коллегии и конвикты. Таким образом, Венгрия обрела исправленную и дополненную копию венского Терезианума как элитарной школы, предназначенной в первую очередь для сыновей особо ценных властями и лично императрицей государственных мужей. Хотя на бумаге путь в будайскую академию не был закрыт для сыновей «простых» служилых дворян, более того, их дети всегда были в ней представлены немалым числом, но на практике сыновья чиновников центральных ведомств оказывались в преимущественном положении как с точки зрения аттестатов об успеваемости (советник Венгерской канцелярии обладал несравнимо лучшими возможностями, чем комитатский нотари́й), так и с точки зрения весомости вклада в «общее благо». Можно утверждать, что прием ребенка в пансионеры более или менее престижного учебного заведения находился в прямой зависимости от общественного веса родителя, его способности мобилизовать связи при дворе и выбрать удачный момент для подачи прошения. Разворачивавшиеся в стенах Венгерской канцелярии и Наместнического совета дискуссии по вопросам заполнения вакантных мест в будайском Терезиануме подтверждают это предположение.

Уже в январе 1778 г. венгерским властям пришлось искать достойного кандидата на образовавшееся в будайском Терезиануме вакантное место. Одним из первых было рассмотрено ходатайство Эстер Шустрик, вдовы администратора 16-ти Сепешских городов Пала Тисты, просившей зачислить в пансионеры академии своего единственного сына, хорошую успеваемость которого подтверждал присовокупленный к прошению аттестат, и одновременно положить ей, «чей супруг скончался, неся королевскую службу», скромную пенсию⁸⁵. Вскоре появились и новые просители: профессора будайского Терезианума Людвиг и Йозеф Миттерпахеры, чей покойный брат Иоганн оставил вдову с многочисленным потомством. Анна Миттерпахер еще в декабре 1777 г. лично обращалась в Наместнический совет, но, скорее всего, не упомянула своего родства с заслуженными педагогами, а чиновники Учебной комиссии постановили, что «поскольку означенный Миттерпахер не происходит из древнего дворянского рода, снискавшего славу на ниве государственной службы, на вакантное место в упомянутой академии для утверждения Ее Священнейшему Величеству назначается старший сын светлейшего господина советника и администратора

Колбушицки»⁸⁶. Заступничество дядьев за осиротевшего племянника возымело больше действия, и канцлер Эстерхази лично просил императрицу оказать высочайшую милость и зачислить мальчика в пансионеры из средств фонда венгерской дворянской лейб-гвардии, недавно созданного для того, чтобы повысить шансы простых венгерских дворян, желающих впоследствии поступить на военную или гражданскую службу, получить базовое образование⁸⁷.

Однако кандидатуры Тисты и Миттерпахера не выдержали конкуренции с возникшим в феврале 1778 г. третьим просителем — советником и директором администрации Наместнического совета, к тому же членом Учебной комиссии, в прошлом долгие годы служившим в Венгерской канцелярии, Ференцем Шкерлецем. В представлении комиссии, в частности, говорилось: «Мы предлагаем для милостивого утверждения на данное вакантное место дворянского отрока Йожефа, сына Ференца Шкерлеца... отдающего все силы высочайшей службе Вашему Священнейшему Величеству, многие годы похвально исполнявшего свои обязанности на различных должностях и снискавшего за это немалые заслуги, а также имеющего многочисленное потомство, тем более что из прилагаемого аттестата следует, что упомянутый юноша обладает прекрасными задатками и достиг заметных успехов в учебе»⁸⁸. В результате в Буду отправился сын советника Шкерлеца, а Тиста, Миттерпахер и другие появившиеся к тому времени кандидаты были включены в список тех, кого следовало иметь в виду, если в Терезиануме освободится еще одно или несколько мест. Никто, правда, не гарантировал, что более скромным соискателям не придется в очередной раз уступить своим удачливым сверстникам — сыновьям титулованных отцов.

В сложившихся обстоятельствах многие родители выражали готовность оплачивать обучение своих сыновей в Буда, лишь бы дать детям уникальную возможность стать выпускниками самой престижной дворянской школы Венгрии. К тому же зачисление в платные воспитанники в будущем не закрывало перед ними возможности перевести ребенка в пансионеры при образовании вакансий. Так поступили Элек Хуняди и его супруга, графиня Францишка Фештетич, (о них говорилось в главе «Искусство просить»). Их сын Ференц два года проучился в академии на деньги родителей, а в 1779 г., когда стены Терезианума покинул Янош Езерницки, отец обратился в Наместнический

совет с просьбой перевести юношу в пансионеры. Однако в том же 1779 г. с таким же ходатайством обратился и влиятельный чиновник Йозеф Асалаи, просивший о зачислении в королевские пансионеры будайского Терезианума своего сына Ласло.

Йозеф Асалаи, уроженец комитата Боршод, происходил из семьи, получившей дворянство в 1625 г. Отец его Ференц участвовал в освободительной войне под предводительством князя Ференца II Ракоци, по окончании которой перешел на сторону Габсбургов и принял католичество. Сам Йозеф Асалаи впоследствии при каждом удобном случае упоминал о своей рекаатолизации. Так, в прошении о повышении ему жалования, поданном в 1769 г. на имя вице-канцлера графа Д. Фекете, он мимоходом замечал, что протестантская родня его ненавидит⁸⁹. В двадцать лет Йозеф среди первых был принят в венгерскую дворянскую лейб-гвардию, где прослужил с 1760 по 1765 г., в том числе в особом инсбрукском полку эрцгерцога Леопольда⁹⁰. Затем Асалаи поступил на службу в Наместнический совет и по роду своей деятельности (хотя у чиновников этого ведомства не было четкой специализации) не раз решал вопросы, связанные с реформой образования. В конце 60-х годов именно ему пришлось заниматься вопросами, связанными с инкорпорацией Фельдварского аббатства в фонд Трнавского университета. Не случайно, что в 1777 г. Асалаи, включенному в состав университетского сената, было вверено руководство вновь созданным фондом Будайского университета, и именно на его плечи была возложена работа по подготовке передачи фонду южно-венгерского аббатства Печварад, которая была успешно осуществлена в 1780 г.⁹¹

Несмотря на то что в середине апреля 1779 г. сенат Будайского университета получил две заявки на заполнение образовавшейся в Терезиануме вакансии, как только Йозеф Асалаи обратился с просьбой зачислить в академию своего сына Ласло, сенаторы без колебания отклонили кандидатуры Ференца Хуняди (сына судебного ассессора комитата Комаром)⁹², Игнаца Шаги (сына протонотария из Наместнического совета) и даже сироты Пала Тисты (о его приеме на первое же вакантное место соответствующее решение было принято еще год назад⁹³), чтобы испросить королевскую стипендию не для кого иного, как Асалаи-младшего. «Из поданного ходатайства нам стало известно, — писали сенаторы в ноте к наместнику герцогу Альберту, — что сей отрок не только весьма одарен и прекрасно учится, чем заслужил себе звание первого ученика класса грам-

матики Пресбургской гимназии, но и снискал себе славу многими иными душевными свойствами, к тому же заслуги отца его на государственной службе, в том числе перед нашим королевским университетом, которые он изложил нам в своем прошении, не дают нам права оставить без внимания, посему мы молим Ваше королевское Высочество и Наместнический совет, соблаговолите со всей милостью и щедростью, принимая во внимание как достойные похвалы службы просящего, так и вызывающие восхищение способности мальчика, остановить свой высочайший выбор на этом отроке и предложить его для утверждения Ее Священнейшему Величеству»⁹⁴.

Того же мнения придерживалась и Венгерская канцелярия. Правда, к маю 1779 г. имя сына Асалаи в официальных бумагах поменялось с Ласло на Игнаца (что скорее всего было ошибкой переписчиков), но суть оставалась неизменной. «Те, кто в органах власти, забыв о доме и семье, трудятся на благо Отечества, — писал вице-канцлер Карой Палфи, — должны получать утешение вперед остальных». И хотя канцелярия признавала, что отцы прочих кандидатов тоже имеют немалые заслуги на поприще королевской службы, все, что могли сделать для них венгерские власти, это иметь их в виду при возникновении очередных вакансий⁹⁵. Таким образом, сочетая в духе времени принцип вознаграждения отцовской верной службы с требованием пристального внимания к успеваемости сына, власти с полным правом удовлетворили ходатайство Йозефа Асалаи.

Резко контрастирует со случаем Асалаи решение по ходатайству мелкого дворянина Миклоша Нада, отставного военного из комитата Гёмёр. Он просил зачислить одного из своих сыновей по имени Пал в будайский Терезианум, принимая во внимание свою многолетнюю службу и принадлежность к «истинной», т. е. католической вере. Вердикт канцелярии, вынесенный в конце мая месяца того же года, гласил: «Поскольку королевская академия в Буде была милостиво основана для выдающихся кандидатов и сыновей заслуженных отцов, к каковым вряд ли может быть отнесен означенный проситель... который к тому же не предоставил достоверного аттестата об одаренности и успеваемости своего сына, сие ходатайство не подлежит дальнейшему рассмотрению»⁹⁶. Сходное решение было вынесено по ходатайству военного комиссара Иоганна (Яноша) Герстля, просившего принять двоих своих сыновей в будайский или вацский Терезианум: поскольку в эти заведения «должны приниматься

обладатели не подвергаемого сомнению дворянского титула и сыновья родителей, обладающих заметными заслугами перед государем и Отечеством, а проситель никоим образом таковым не является, его ходатайство рассмотрению не подлежит»⁹⁷.

«Никаких особых заслуг перед Венгрией...»

Современные историки все чаще приходят к выводу, что в раннее Новое время этническое самосознание играло относительно малую роль, тогда как семья, сословная корпорация, народ, политические и церковные институты обладали колоссальным значением. Примером того, как такие формы массового сознания успешно изучаются на материале других европейских народов, может служить книга английского историка К. Кидда «Британские идентичности до национализма: Этничность и нация в Атлантическом мире, 1600–1800 гг.». Для максимально точного описания идентичностей той эпохи Кидд отказывается от анахроничного, по его мнению, термина британского социолога Э. Смита «этноцентризм» (поскольку в словаре той эпохи не было слова «этнос») и предлагает использовать понятие «регнализм» (от латинского *regnum* — страна, королевство), впервые употребленное медиевистом С. Рейнольдс⁹⁸. Как неоднократно отмечалось выше, в Венгрии раннего Нового времени мадьяры, славяне и немцы в идеологии и социальной политике элит не противопоставлялись, но сосуществовали не только в рамках средневековой венгерской нации (*natio Hungarica*), объединявшей господствующий класс, но и в контексте более широкого понятия *Hungari*, включавшего всех жителей королевства Венгрия.

Со вступлением в 1777 г. в силу «Системы воспитания и образования», официально провозгласившей, что образование всех населяющих королевство народностей и всех (как господствующей, так и терпимых) конфессий относится к ведению государства, венгерская политическая элита, и прежде рьяно защищавшая государственно-правовой суверенитет *королевства* в рамках монархии, получила как дополнительные аргументы в пользу обособленности Венгрии в ряду Габсбургских земель, так и новые инструменты (централизованная система управления учебными заведениями, стандартизированные учебные про-

граммы и пособия, предписанные к применению на территории всей страны), с помощью которых открывались возможности воспитания в следующих поколениях подданных, в официальных документах все чаще именовавшихся гражданами, сознания своей принадлежности к Венгерскому королевству с его уникальными природно-географическими данными, неповторимой политико-правовой системой, славной историей. Это был еще не национализм, но, несомненно, регнализм, сплавивший жителей поверх уже ясно осознававшихся на бытовом уровне этнических и социальных границ.

Выше не раз говорилось о том, сколь решительно и педантично протестовали власти королевства против произвольного распоряжения венгерскими стипендиальными квотами в Терезиануме и Лёвенбурговском конvikте. В случае с будайской дворянской академией, если Венгерская канцелярия была в состоянии повлиять на принятие окончательного решения, формальный отказ получал не только венский двор, но и высокопоставленные венгерские чиновники, которые пытались таким образом поощрить или вознаградить своих подчиненных «невенгерской государственной принадлежности». В 1778 г., когда губернатор Фиуме⁹⁹ граф Йозеф Майлат обратился в Венгерскую канцелярию с просьбой принять сына горожанина Алоизия Орландо в будайский Терезианум, сына Антона Ганса — в Лёвенбурговский конвикт, двух сыновей Марка Берсона — в какое-нибудь гражданское учебное заведение в Венгрии, ему было отказано под тем предлогом, что стипендиальные фонды при упомянутых учебных заведениях королевства созданы исключительно для венгерских дворян¹⁰⁰.

Причины постоянных разногласий и взаимных упреков в отношениях между венским двором и венгерскими властями в вопросах допуска «венгров» в учебные заведения Австро-Чешских наследственных провинций и «немцев» в школы Венгерского королевства коренились в различном понимании того, на какую территорию реально распространялась их юрисдикция. Иными словами, двор рассматривал всю территорию монархии как единое пространство. Имелось в виду, что учащиеся отдельных школ перемещаются по воле властей из одного заведения в другое в соответствии с высшими соображениями общественного блага, зато венгерские власти, что в данном случае логично, не имели никакого права вмешиваться или влиять на политику в сфере образования в Наследственных землях. В 1773 г., когда в Венгерскую канцелярию поступило прошение от проживавшей

в Венгрии Катарины Штробль, вдовы барона Кильмансега, надевавшейся испросить стипендию из основанного предками ее покойного супруга Кильмансеговского фонда при Лёвенбургском конvikте, ее ходатайство было передано Чешско-Австрийской канцелярии, которая одна могла распределять эти стипендии¹⁰¹. Когда в 1779 г. венгерский лейб-гвардеец Карой Мозеш Йоаннович-Сакабент ходатайствовал перед канцелярией о зачислении его брата в Терезианскую военную академию в Винер-Нойштадте, то получил ответ, что это учебное заведение не входит в компетенцию венгерских властей¹⁰². Последние считали, что в данных обстоятельствах, по крайней мере, переданные в их распоряжение венгерские квоты в общеимперских учебных заведениях и находящиеся в их ведении дворянские школы на территории королевства по закону зарезервированы именно для венгерских соискателей благородного происхождения.

Неудивительно, что когда речь заходила о зачислении в Трнавский дворянский конвикт иностранцев да еще и с физическими недостатками, позиция венгерских властей оставалась непреклонной. В 1777 г. президент Придворного военного совета граф А. Хадик обратился к Венгерской канцелярии с просьбой принять участие в судьбе сына некоего старшего лейтенанта Бьянки — увечье ноги не позволяло молодому человеку поступить в Винер-Нойштадт, куда принимались «только юноши здоровые, крепкие и годные к военной службе». В Трнаве же, продолжал Хадик, дворяне обучаются гражданским наукам, потому означенный Бьянки сможет там стать полезным членом общества. Возмущение венгерских властей нашло выражение в ноте канцлера, в которой, в частности, говорилось: «Поскольку Трнавский конвикт с самого своего основания был предназначен для венгерского дворянского юношества, посему означенный отрок Бьянки зачислен туда быть не может»¹⁰³.

Если в Наследственных провинциях действовала Терезианская военная академия (в ней были более или менее пропорционально представлены юноши из всех Габсбургских коронных земель), то в Венгрии не было ни одного военного учебно-воспитательного заведения. В связи с переездом университета из Трнавы в Буду и закрытием трнавских дворянских конвиктов в 1777 г. было принято решение о переводе из штирийского города Петтау в Трнаву сиротского приюта для солдатских детей и превращении его в подобие кадетского корпуса на сто воспитанников, в котором бы те получали среднее образование и навыки в военном деле. При этом, похоже, австрийские и венгер-

ские власти имели разные представления о будущем данного приюта. В Вене полагали, что наиболее талантливых кадетов из Трнавы следовало направлять в Винер-Нойштадт, где они имели бы несравненно больше возможностей совершенствоваться в военном искусстве, а нерадивых кадетов из Терезианской военной академии, наоборот, отсылать в Трнаву, чтобы те не отнимали хлеб у своих более пригодных к офицерской стезе сверстников¹⁰⁴.

Расхождение венской и венгерской концепций становится очевидным из следующего примера. В 1778 г. комитат Абауй обратился в Венгерскую канцелярию с прошением направить в Винер-Нойштадт двух сыновей асессора судебной палаты Андраша Пуки — 19-летнего Йожефа и 18-летнего Тамаша на том основании, что отец долгие годы верой и правдой служил в родном комитате, и двое других его сыновей посвятили себя военной карьере¹⁰⁵. Однако в Вене таковые основания сочли недостаточными. Резолюция Марии Терезии гласила: «В Винер-Нойштадт ни одного, скорее уж в Трнаву». При этом поручалось обсудить с казначеем А. М. Майером, имеют ли братья Пуки, не будучи солдатскими сиротами, право обучаться в приюте бесплатно, или же их отцу придется оплачивать их пребывание в Трнаве¹⁰⁶. Так, соискателю было предложено взять на себя расходы по обучению юношей в менее престижной школе.

В многовековом споре политической элиты Венгрии с венским двором о праве королевства сохранять государственно-политическую целостность, предполагавшую единую систему административного и финансового управления, судопроизводства и образования, «Ratio educationis» стало дополнительным аргументом в пользу регналистских устремлений и одновременно инструментом конструирования этого самого единого и неделимого пространства. В рамках же самих земель короны св. Стефана права, сходные с правами венгерской политической нации, признавались только за обладавшими средневековой государственностью хорватами. Введение стипендиальных квот для хорватских дворян в вацком Терезиануме и создание Загребского королевского школьного округа в границах располагавшего ограниченным суверенитетом королевства Хорватия-Славония объективно способствовало дальнейшей консолидации политической хорватской нации вокруг регналистских атрибутов самостоятельности. На пост верховного директора округа был назначен Миклош Шкерлец, который гармонично сочетал хорват-

скую и венгерскую идентичность с чувством принадлежности к монархии Габсбургов¹⁰⁷. В 1783 г. во время обсуждения кандидатур на батасекские стипендии в венский Терезианум он заявил, что Загребский комитат предложил кандидатуру «юного графа Петера Кеглевича, происходящего из славного и уважаемого как за военную, так и за гражданскую службу семейства Кеглевичей, сколь древнего, столь ныне и стесненного в средствах, который тем более достоин представления Ее Величеству, что средства этого фонда уже давно не выделялись кому-либо из хорватов»¹⁰⁸.

С восхождением на престол Иосифа II в конце 1780 г. конфликт между Веной и Венгрией только углубился. Если Мария Терезия до конца своих дней питала особую симпатию к венгерскому дворянству и в особенности к аристократии, чутко откликаясь на нередкие просьбы представителей славных, но находящихся в затруднительном финансовом положении родов оказать им вспомоществование хотя бы в форме королевской стипендии детям, то Иосиф II, напротив, вынашивал планы в корне пересмотреть систему, при которой сыновья пользуются теми или иными благами не в силу присущих лично им талантов, но за заслуги своих отцов.

В 1781 г. на четыре вакантных места в будайском Терезиануме канцелярия предложила двух магнатских и двух дворянских детей. У каждого были веские основания рассчитывать на снисхождение к их семейным обстоятельствам. Одним был сирота граф Миклош Форгач, отпрыск «древнего и славного рода, снискавшего величайшие заслуги на церковном, государственном и военном поприщах», за него, живописуя его успехи в учебе, ходатайствовал комитат Нитра, и сам верховный директор школьного округа граф Ф. Балашша полагал, что мальчик вполне достоин учиться если не в венском, то в будайском Терезиануме¹⁰⁹. В Вене, по обыкновению, на данный момент вакантного места не было, поэтому Учебная комиссия постановила зачислить Миклоша Форгача в академию в Буде¹¹⁰.

Другим магнатом был назван граф Шамуэль Дежёфи, сын не кого иного, как того самого Иштвана Дежёфи, который сам некогда учился в Терезианской и затем Савойской академиях и чья история рассказана в главе «Недоросль». Сыновья человека, растратившего доставшееся ему от родителей наследство и обремененного долгами (их уплатой занималась Венгерская канцелярия и даже лично императрица), вызывали сочувствие и сострадание у венгерских властей, которые прямо ссылались

не только на заслуги этого древнего рода, но и на «общеизвестную бедность отца»¹¹¹.

В числе двух дворян были сын венгерского полковника Габора Плетриха — Ласло, и сын вице-ишпана комитата Сабольч Пала (названного по ошибке Яношем) Золтана — Яноша, т. е. того самого Пала Золтана, кто одним из первых удостоился чести получить батасекскую стипендию в венский Терезианум¹¹².

Иосиф II счел кандидатуры двух дворян подходящими для зачисления в Будайскую академию, в то время как вместо двух магнатских детей предложил (что стало полной неожиданностью для канцелярии) сыновей некоего подполковника Пеллегрини (в документах так и не появится собственное имя мальчика) и штабного хирурга Бертранда Росберского из чешского Градец-Кралова. В подобных случаях Венгерская канцелярия прежде никогда не отделялась молчанием, не смолчал канцлер и на этот раз, тем более что Пеллегрини был дворянином, но не был венгром, а Росберский не был ни дворянином, ни венгром. «Главной причиной основания... дворянской Терезианской академии при Будайском университете было то, что, для молодежи благородного происхождения в обширном королевстве Венгрия не было ни одной подобной академии, в которой бы преподавались всяческие науки и искусства, необходимые для служения общему благу, а также можно было бы получить правильное и присущее статусу воспитание, потому соответствующий уровень воспитания и образования было решено давать в означенной Будайской академии» — писал он.

Однако император нарушил не только регналистский принцип распределения стипендий, что давало канцлеру возможность просить, «чтобы по крайней мере этого Росберского поместили бы по Вашей милости в какое-нибудь другое учебное заведение в Германских (т. е. Австро-Чешских. — О. Х.) Наследственных провинциях, где таковых заведений больше, чем в Венгрии, и в которых венгры не могут получать стипендии». Иосиф II пренебрег закрепленным в законе требованием предоставлять официальное свидетельство об успеваемости ребенка. «Те, кто желает быть принятым в академию на стипендию или за плату, — писал Эстерхази, — должны предоставить достоверное свидетельство о чистоте нравов, успехах в учебе и достаточных способностях, чтобы [в академию] не попадали бы [молодые люди] с дурными наклонностями, от чего может воспоследовать порча многочисленных невинных юношей, таким образом... благоволите потребовать, чтобы родители предоставили достоверные свидетельства по форме, принятой в этой академии»¹¹³.

Вердикт императора гласил: «Моя последняя резолюция остается без изменений». Однако комизм ситуации заключался в том, что ни Пеллегрини, ни Росберский так и не приступили к занятиям в Буде, и год спустя Венгерская канцелярия, составившая список соискателей, в котором вновь, как и год назад, фигурировал сирота и отличник граф Миклош Форгач, была вынуждена поинтересоваться: «Поскольку два пансионера, утвержденных в прошлом году Вашим Священнейшим Величеством, Пеллегрини и Росберский, в означенной академии так и не объявились, и ни они сами, ни их родители или родственники не обращались ни с какими просьбами к директору академии, мы со своей стороны на шесть имеющихся в наличии вакантных мест предлагаем следующих кандидатов...»¹¹⁴ Тем не менее в 1782 г. Иосиф вновь утвердил кандидатуру Росберского на замещение очередного вакантного места в будайском Терезиануме¹¹⁵, и похоже, что на этот раз юноша к занятиям все-таки приступил, поскольку М. Ковачич упоминает его в списке венгерских стипендиатов, продолжавших учебу в школах монархии на 1786 г., как студента права в Вене¹¹⁶.

Приводившиеся выше примеры того, как центральные исполнительные органы королевства отстаивали права венгерских претендентов на королевские стипендии из венгерских квот, полностью согласуются с регналистским принципом устройства монархии Габсбургов. В то же время, поскольку формальное соответствие требованию членства в *natio Hungarica* порой оказывалось фикцией (вспомним случаи с выходцами из Наследственных провинций, обладавшими венгерским индигенатом и претендовавшими на этом основании на венгерские стипендиальные места в имперской столице), власти королевства все чаще трактовали принадлежность к венгерской нации как инкорпорацию в местные сословные институты, принадлежность к местным элитам, участие в жизни страны в форме несения гражданской или военной службы на ее территории. Отсюда все те, кто использовал венгерский индигенат в корыстных целях неуплаты налогов с приобретенных в Венгрии поместий или «злоупотребления» правом на одну из королевских стипендий, предназначенных для «венгров», выводились за рамки политической *natio Hungarica*. Этническая же компонента возникла спонтанно, в тех случаях, когда нежелание предоставлять престижную стипендию тому или иному соискателю стремились оправдать, несмотря на наличие у него политического права, его смутно осознаваемой лингвистической и культурной инакостью. Вот несколько характерных примеров.

В 1779 г. в Венгерскую канцелярию обратился Франц Антон Грансберг, прежде служивший в Комиссии по реинкорпорации Темешвара (до 1779 г. напрямую подчиненного Вене), а затем переведенный в Галицию. Под тем предлогом, что его сын, обучавшийся в вацком Терезиануме, находился слишком далеко от отца, служивший в имперской столице Грансберг просил выделить мальчику стипендию в одну из дворянских школ Вены. Однако канцлер Эстерхази хотя и признал, что ходатай «является человеком заслуженным, и в самом деле прекрасно зарекомендовал себя, работая в Комиссии по реинкорпорации», тем не менее полагал, что дальнейшую судьбу его сына, раз отец теперь служит в Галиции, должна решать Чешско-Австрийская канцелярия¹¹⁷. Поскольку в распоряжении венских властей также не оказалось «свободной» стипендии, мальчика в конце концов приняли в Лёвенбургский конвикт из средств Тайной казначейской кассы императрицы¹¹⁸. Иными словами, иноземец, отдавший несколько лет службе, прямо или косвенно имевшей касательство к Венгерскому королевству, мог бы рассчитывать на благодарность «венгерской нации» в виде стипендии в одно из учебных заведений, но, меняя место службы, он утрачивал и ту весьма условную связь с Венгрией, к которой мог апеллировать до сих пор.

В 1782 г. крайний аристократ граф Йоганн Непомук Ауэрсперг обратился к императору с прошением о зачислении своего одиннадцатилетнего сына в пансионеры будайского Терезианума, где тот уже целый год обучался как платный воспитанник. Отец привел причины, по которым ему могла быть оказана высочайшая милость, в том числе бедность его древнего и знатного рода, многочисленное потомство обоого пола, коему он не в состоянии был дать приличествующее образование, заслуги его отца (доводившегося мальчику дедом), сорок лет жизни отдавшего службе общему благу, наконец, наличие у семейства венгерского графского титула¹¹⁹. Упомянутый в прошении отец просителя — граф Йозеф Ауэрсперг — в 1771 г. был назначен на пост губернатора Трансильвании и в том же году получил венгерский графский титул. Наверняка у венского двора было достаточно инструментов навязать венгерским властям удобную им кандидатуру, но, возможно, выделение в конечном счете стипендии для внука бывшего трансильванского губернатора стало признанием вклада его деда в общее благо (пусть даже не самой Венгрии, а «другого отечества», Трансильвании).

Напротив, приведенный в предыдущей главе случай с сыном отставного советника Венгерской казенной палаты Карла

Герамба, когда юноша в 1783 г. сначала был зачислен в пансионеры будайского Терезианума, затем — под парадоксальным предлогом, что у его отца «нет никаких особых заслуг в отношении Венгрии», — рекомендован в батасекские стипендиаты венского Терезианума и наконец вновь перенесен в будайский список после того, как престижная венская стипендия потребовалась другому венгерскому аристократу, показывает, что в тех случаях, когда венгерские власти могли игнорировать ходатайства от тех, кого им было удобно считать иностранцами, они с охотой это делали. По иронии краткая справка о роде Герамбов в труде «Семейства Венгрии» Ивана Надя начинается словами: «Как следует из звучания самого имени, это чужая кровь...»¹²⁰

Таким образом, трактовка «национальности» просителя, вопрос о его праве считаться членом политической венгерской нации по-прежнему оставались во многом произвольными и зависели от информированности тех, кто принимал решение, их благорасположенности, а также регулирующего вмешательства венского двора, с большей или меньшей степенью настойчивости рекомендовавшего сделать исключение для того или иного соискателя.

Талант и его документальное подтверждение

«Универсальный лексикон» Цедлера определял талант как «совокупность природных дарований и способностей»¹²¹. Исследователь немецкого Просвещения А. Ла-Вопа пишет, что в теориях эпохи талант был исходным материалом, достававшимся человеку еще до того, как вступали в действие условности иерархически организованного общества. Сила таланта как критерия для социального ранжирования заключалась в статусе элементарной силы более ранней, чем социальные условности. Талант как таковой отрицал в рамках самой природы мистику биологического наследия и наследуемого социального превосходства¹²². В рационально организованном обществе, где государство заботилось о том, чтобы вклад каждого в общее благо был максимальным, не могли не придавать особое значение раннему выявлению таланта. Идеологи европейского Просвещения англичанин Дж. Локк и немец Х. Вольф сходились во мнении,

что талант и свойства натуры можно выявить уже с первых дней жизни новорожденного. В ходе профессиональной деятельности талант преобразовывался в заслуги и, таким образом, становился «универсальным платежным средством социального обмена», сводя человеческую деятельность во всем ее многообразии к единственному источнику энергии и творческой активности, но в то же время к делению на мириады типов и степеней, позволявших индивидам зарабатывать их собственную толику «заслуг» за эквивалентную меру «служб»¹²³.

Как мы видели на примерах из практики распределения стипендий или найма на работу, речь о таланте ребенка или молодого соискателя той или иной должности заходила крайне редко. Постепенное проникновение педагогических идей Просвещения в нормативные документы и административные практики — вопрос, заслуживающий специального, более пристального изучения. Пока же констатируем, что 60-е — начало 70-х годов XVIII в. были переходной эпохой, когда отживающие и пробивающие себе дорогу явления сосуществовали в причудливой комбинации. В главе «Накопление заслуг, подсчет достоинств» речь шла о том, как в сознание венгерской элиты постепенно внедрялся принцип прямой зависимости между личными, относимыми не к семье, а к индивиду заслугами и точным, едва ли не количественно измеряемым объемом полагающейся за это монаршей милости. При том, что в сфере социальной и культурной политики прежние критерии наделения стипендиями в престижные дворянские школы, такие как бедность, сиротство и обращение в католическую веру, сохранялись, одновременно они все решительнее оттеснялись в тень императивом вознаграждать достойных отцов бесплатной учебой для их детей. В целом, в терезианскую эпоху, несмотря на то, что меритократическое измерение личности и ее деятельности все активнее внедрялось в самые разные сферы общественной жизни и массового сознания, сохранялся принцип, при котором обладающий заслугами субъект не совпадал с объектом вознаграждения за заслуги.

В то же время не менее справедливо будет начинать искать истоки радикальных реформ Иосифа II в сфере образования и стипендиальной политики, превративших талант и прилежание в главные критерии социальной поддержки, еще в правлении Марии Терезии. Сведения об успеваемости детей, желающих поступить в то или иное учебное заведение монархии в форме

официально заверенного аттестата, требовалось предоставлять всегда. Однако интересовалось таким аттестатом прежде всего руководство учебного заведения, в то время как Наместнический совет и Венгерская канцелярия взвешивали заслуги соискателя, оценивали степень его нужды или актуальность вознаграждения стипендией в данных конкретных обстоятельствах. Как мы помним, в 1751 г. в числе тех, чье имя даже не удостоилось упоминания в списке ходатаев, был мелкий чиновник Наместнического совета Янош Еленфи — единственный, предоставивший аттестат об успеваемости своего сына. То новое, что появилось в конце 70-х годов XVIII в. и было связано с подготовкой и введением в действие «Ratio educationis», был верховный контроль со стороны государства в лице его уполномоченных представителей — окружных верховных директоров за успеваемостью и прилежанием детей тех родителей, которых двор и венгерские власти вознаграждали подобным образом.

В своих прошениях родители и до 1777 г. как минимум сообщали, в каком классе учится ребенок, нередко стремились в выгодном свете представить его успехи и даже прикладывали к ходатайству официальные аттестаты с предыдущего места учебы. Возможно, ссылки на способности к наукам чаще звучали в прошениях о зачислении в Сенцкий политико-экономический коллегийум, потому что там требовались начальные знания немецкого языка и точных наук, или в открытый в конце 60-х годов вацский Терезианум, который надеялись превратить в лучшее учебное заведение королевства. Так, в 1769 г. вдова мелкого чиновника Венгерской казенной палаты Барбара (Борбала) Пухнер, в частности, писала: «Я смиреннейше молю, дабы... сына моего Франца 14 лет от роду, показывающего в учебе, согласно присовокупленному свидетельству отца-профессора Ордена Иисуса, не последние результаты, что позволяет питать по этому поводу добрые надежды, зачислить на будущий учебный год в пансионеры королевского коллегийума Вацкого фонда»¹²⁴. Между тем большинство прошений так и оставалось в рамках традиционной для того времени практики апелляции скорее к отцовским заслугам, нежели к талантам и склонностям сыновей. Похоже, что цитируемое ниже ходатайство, поданное в 1774 г. вдовой Терезией Блате, едва ли не единственное, в котором просительница, даже не упомянув, в какой должности служил ее покойный супруг в Венгерской казенной палате, целиком посвятила свое письмо талантам сына: его взялся обучать геометрии лично отец-ректор коллегийума в Сенце, но поскольку

бедствующему и нищенски одетому юноше учение едва шло в прок, то мать просила зачислить его в стипендиаты фонда, «чтобы он, изучив геометрию, мог так или иначе приносить общественную пользу, себе же добыть на хлеб»¹²⁵.

Можно предположить, что интерес властей к талантам и способностям ученика появился там и тогда, где и когда образование переставало быть формой «утешения» родителя, но превращалось в инструмент поощрения ребенка, которому вскоре предстояло приступить к несению полезных государю служб. Не случайно, что пристальное внимание к успеваемости власти начали проявлять в тех случаях, когда в число преподаваемых предметов включались политико-камеральные науки, овладеть ими было невозможно без элементарных способностей к математике или языкам (преподавание велось на немецком, по учебнику Зонненфельса). Прослушавшие соответствующий курс за казенный счет затем поступали на королевскую службу, и в планы властей не входило заботиться о работе для недоучек или лентяев. Напомним, что при поступлении в Сендский политико-экономический коллегиум полагалось сообщать, имеет ли соискатель *склонности, способности и необходимые познания* в преподаваемых там науках.

Зонненфельсов курс обучения политико-камеральным наукам в Трнавском университете (как и повсюду в монархии) изначально строился так, что в расчет принимались не отцовские заслуги, а исключительно знания самого студента. Размер стипендии напрямую зависел от оценки на экзамене и свидетельства об успеваемости, выдаваемого университетским профессором. Но даже эта меритократическая схема имела филантропические черты. В 1775 г. императрица предложила сенату Трнавского университета: «Если среди тех, кто считается достойным субсидии, обнаружатся такие, кто располагает достаточными финансовыми средствами, пусть на их место назначаются более бедные, но в равной мере заслуживающие субсидию». Учебная комиссия при Наместническом совете, взвесив все «за» и «против», возразила: «Нет особой необходимости принимать во внимание большую или меньшую степень нужды. Ведь субсидии для тех, кто императорско-королевской резолюцией зачислен в слушатели одного курса, назначаются без учета материального благосостояния, но полагаются всем, отлично зарекомендовавшим себя в учебе, а посему вперед других заслужившим поощрение». Венгерская канцелярия, однако, поддержала императрицу, положив, что при одинаковых успехах

в учебе стипендии достоин *тот, кто беднее*¹²⁶. Можно сказать, что так забота о неимущих, всегда считавшаяся свойством доброго монарха, постепенно обрела черты современной политики социальной защиты населения.

Понимание, что более способные ученики обладают лучшими задатками для того, чтобы в будущем вносить свой вклад в «общее благо», заставляло власти со всей серьезностью подходить к превращению требования обязательного предоставления аттестатов в непереносимое условие выделения королевских стипендий. В письменно оформленном мнении Учебной комиссии по поводу открытия в Буде Терезианской академии, в частности, говорилось: «Не следует зачислять в пансионеры мало годных к учебе детей, поскольку в будущем они должны вырасти в полезных граждан государства, посему комиссия сочла необходимым ввести следующее распоряжение, а именно: что родители, которые ходатайствуют о зачислении своих детей в пансионеры носящего высочайшее имя фонда, должны присовокупить к своим прошениям аттестаты о способностях и успехах в учебе, подписанные обучающими их детей профессорами»¹²⁷. Летом 1777 г. последовали новые резолюции, определявшие порядок зачисления в пансионеры будайского Терезианума и иных королевских фондов, где также содержалось требование присовокуплять к ходатайству аттестат об успеваемости и прилежании, заверенный преподавателями и местным директором¹²⁸. В сентябре, когда политико-экономический коллегийум из не подлежавшего восстановлению здания в Сенце переехал в Тату, последовало новое распоряжение Наместнического совета: «Если в каком-либо комитате имеются молодые дворяне, знающие немецкий язык и желающие получить королевскую стипендию в это учебное заведение, пусть таковые, заручившись необходимым аттестатом о примерном поведении и склонности к учебе, как можно скорее заявят о себе»¹²⁹.

Необходимость документального подтверждения успеваемости и прилежания была в очередной раз подтверждена в жалованной грамоте будайской Терезианской академии от 1780 г. Там говорилось: «Чтобы отроки, на чье обучение ушло столько средств и сил, становились способными к несению полезной государю и Отечеству службы и затраченные на них деньги не пропадали втуне, мы постановляем, чтобы те, кто желает видеть своих детей или вверенных их заботам родных или сирот принятыми в сию королевскую академию, путь предоставят достоверное свидетельство о врожденных наклонностях и дей-

ствительных успехах в тех науках, которые эти отроки в настоящее время изучают, а также о свойствах их характера, выданное директором посещаемой ими гимназии»¹³⁰.

В 1770-е годы в Наместническом совете и Венгерской канцелярии окончательно оформилась (выработанная ранее, во времена Комиссии по делам благочестивых фондов) процедура сбора и предварительного рассмотрения ходатайств от желающих получить королевскую стипендию. Сначала в Учебную комиссию стекались и систематизировались все подобные прошения, поданные частными лицами, комитатами, церковными иерархами, верховными директорами королевских школьных округов и т. д. К началу сентября каждого года комиссия составляла и направляла в Венгерскую канцелярию список с краткими аннотациями по каждому заявлению, которому присваивался порядковый номер (даже если в ходатайстве речь шла более, чем об одном ребенке). В канцелярии на основе предложенного списка и с учетом рекомендаций комиссии, верховных королевских директоров и иных компетентных в этих вопросах лиц составлялась нота. В ней в заведенном иерархическом порядке (от самого престижного учебного заведения, венского Терезианума, до самых малых конвиктов Венгрии) на высочайшее утверждение императрице предлагались достойные, по мнению чиновников, кандидатуры по числу вакантных мест. После поименного утверждения стипендиатов, нередко с собственноручно наложенными Марией Терезией резолюциями, Наместнический совет издавал и распространял императорско-королевские резолюции с именами тех, кто получил королевскую стипендию (правда, порой не в то учебное заведение, куда изначально желал попасть).

В 1760–1770-е годы многие родители сопровождали свои ходатайства необходимым аттестатом, однако если в 1775 г. из 70 прошений, сведенных Учебной комиссией в единый список, наличие у ребенка аттестата с прежнего места учебы так или иначе упоминалось только в 30 случаях, то в 1779 г. сведения об аттестате отсутствовали уже только в 25 случаях из 80. При этом те, кто не предоставлял документ к назначенному сроку, получали суровый отказ. В их числе оказался, например, ходатайствовавший за своего сына лейб-гвардеец Игнац Сердахеи: «Поскольку не было присоединено необходимое достоверное свидетельство о способностях и успеваемости в учебе, а также данные о характере [ребенка], и проситель, обещавший таковое предоставить, не сдержал обещания, _посему оное прошение

рассматриваться не будет»¹³¹. Похожий ответ ожидал Магдольну Понграц, супругу полковника Дёрдя Фекете (полного тезки венгерского вице-канцлера), растившую двух сыновей от первого брака, каковых, прося снизить к их сиротству, она надеялась поместить в будайский или вацский Терезианум: «Просительница... не смогла предоставить необходимое свидетельство о склонностях и успехах в учебе двух своих сыновей, поэтому ее ходатайство приниматься во внимание не будет»¹³².

Сам факт зачисления в учебное заведение не означал более, что руководство будет закрывать глаза на отсутствие необходимых задатков и прилежания. Уже в 1781 г. последовали первые исключения из будайского Терезианума. Директор академии и университетский сенат приняли решение об исключении дворянина Иштвана Малика «из-за дурных наклонностей и отсутствия успехов в учебе», и также по причине «отсутствия изменений к лучшему», и на вакантное место был принят более достойный кандидат. В ноте Венгерской канцелярии на высочайшее имя подчеркивалось: «Те, кто желает быть принятым в академию, на стипендию или за плату, должны предоставить достоверное свидетельство о чистоте нравов, успехах в учебе и достаточных способностях, чтобы [в академию] не попадали бы [молодые люди] с дурными наклонностями, от чего может последовать порча многочисленных невинных юношей»¹³³.

Аргументация, почему тот или иной проситель заслуживал королевской милости в форме стипендии, в целом не претерпела в конце 70-х годов XVIII в. существенных изменений. Как для властей, так и для самих просителей заслуги перед государем и отечеством, крайняя бедность, сиротство и обращение в католическую веру продолжали служить необходимыми условиями для зачисления в то или иное учебное заведение, но вместе с тем достаточными эти весьма уважительные причины все чаще становились только тогда, когда соединялись с неоспоримыми доказательствами способности к обучению. Если в прежние годы можно было просто сослаться на горечь сиротского хлеба, то теперь все чаще акцент делался именно на блестящую успеваемость и немалые надежды, подаваемые соискателем. В 1780 г. дворяне комитата Нитра писали: «Судьба маленького сироты графа Миклоша Форгача, а также его достойные восхищения успехи в классе грамматики, поскольку с самого начала текущего учебного года он постоянно числится на втором месте в первом классе успеваемости... вкупе с его добрым нравом

подвигли нас к тому, чтобы позаботиться о его дальнейшей судьбе и поспособствовать его устройству [в какое-либо учебное заведение]»¹³⁴.

В этих условиях родители и опекуны прежде всего заботились о том, чтобы получить для своих чад с прежнего места учебы максимально возможный комплиментарный отзыв об успеваемости и прилежании. Вот что было написано в аттестате Ласло Асалаи, история зачисления которого в будайскую Терезианскую академию была рассказана в предыдущей главе. «Дворянин и подающий прекрасные надежды юноша Ласло Асалаи, — писал директор Франц Файхер, — обучающийся в главной королевской гимназии в Пресбурге в первом классе грамматики, показал образцы прекрасных наклоностей и усердия, а также среди 140 учеников отличился настолько, что всегда назывался в числе первых в первом классе успеваемости, и на публичном экзамене по изучавшимся в первом семестре предметам, проходившем в присутствии сиятельного господина графа верховного директора школьного округа (Ференца Балашша, друга и начальника Асалаи. — О. Х.) столь бойко отвечал на все поставленные вопросы, что заслужил особое одобрение всех собравшихся. Что касается его характера, то он честен, чист, в высшей степени соответствует требованиям учебной дисциплины и дворянского воспитания»¹³⁵. Пожалуй, можно считать такой аттестат образцом одной из самых высоких оценок склонностей и успехов в учебе.

Похвальный аттестат не уравнивал шансы «простых» просителей с возможностями влиятельных чиновников, подобных отцу Асалаи, но давал надежду, что высокий отзыв школьного начальства будет замечен и оценен по достоинству. Янош Черски, сын управляющего имениями аббатства Тапольца, получил положительную характеристику от директора пиаристской гимназии в Кишсебене: «Дворянин и юноша, подающий лучшие надежды, Янош Черски, испросил письменное свидетельство о своей жизни и учебе, в ответ на каковое обращение мы заявляем, что в нашей гимназии он учится во втором классе *humaniora* и среди самых успевающих 18 учащихся по всем предметам в первом семестре был первым в первом классе успеваемости. Что касается характера, то он всегда проявлял себя честным, непорочным, мягким и ласковым мальчиком, достойным той милости и той благосклонности, для получения каковых испрашивает покровительства».

Однако отцу мальчика показалось недостаточным приложить к своему довольно пространному прошению (в нем он подробнейшим образом описал свой жизненный путь) цитированный выше аттестат, посему гордый успехами сына Черски-старший присовокупил к ходатайству два письма, собственноручно написанные мальчиком отцу (на латыни) и матери (по-венгерски) по случаю праздника Пасхи. Идеальный почерк (заслуга пиаристов) и безупречный стиль писем должны были убедить ответственных чиновников в том, что ребенок обладает необходимыми талантами и прилежанием. В письме, перед отправкой, несомненно, просмотренном кем-то из педагогов, в фразе «об экзамене, который был 7-го текущего месяца, я не думаю, что если позже от преподающего отца-ректора милостивый сударь батюшка *все узнает*, мне нужно писать еще что-нибудь», было сделано небольшое исправление: «*обо всем будет проинформирован*»¹³⁶. В таком виде прошение было подано в Наместнический совет, и по тем или иным причинам Янош Черски-младший получил стипендию в будайский Терезианум¹³⁷.

К началу 1780 г. поток заявлений от ходатаев самого разного социального происхождения, просивших за своих детей, за чьими плечами были далеко не сопоставимые по уровню преподавания школы и гимназии, буквально захлестнул Учебную комиссию, поэтому власти приняли решение о некоторой децентрализации процедуры отбора. Опубликованная 17 мая 1780 г. резолюция гласила, что «отныне те юноши, что обращаются за вспомоществованием какого-либо благочестивого фонда или конвикта, свои прошения вместе с аттестатом об успеваемости и прилежании должны направлять верховному директору того королевского школьного округа, в ведении которого находится посещаемое в настоящее время учебное заведение»¹³⁸. В обязанности же директоров вменялось направлять ходатайства далее в Учебную комиссию, сопроводив каждое при этом рекомендательной характеристикой.

Так, в июне 1780 г. верховный директор Будайского округа Антал Вёрёш в подобной сопроводительной записке писал: «Как следует из предоставленного директором школы аттестата, отрок Янош Ковач учится настолько хорошо, что в первом классе успеваемости постоянно занимает похвальное место, обладает непорочным характером и показал себя достойным подобной рекомендации. Следует принять к сведению, что его отец не располагает необходимыми средствами для того, чтобы дать сыну приличествующее образование, посему считаю, что успехи

упомянутого отрока Яноша Ковача в учебе и его примерное поведение являются основаниями, чтобы он был принят в пансионеры королевского фонда для обедневших дворян»¹³⁹.

После того как верховные школьные директора завершали предварительный отбор достойных соискателей и их проверку на предмет соответствия формальным требованиям зачисления в пансионеры, Учебной комиссии и затем Венгерской канцелярии оставалось только выбрать из тех, кто в той или иной мере был способен к учебе, достойных по все тем же социально ориентированным критериям бедности при несомненных заслугах или сиротстве, служащем препятствием к получению образования отпрыску славного рода. Это не означает, что при принятии решения в пользу той или иной кандидатуры не делались попущения или исключения, и в каждом конкретном случае скрупулезный анализ круга знакомств соискателя, установление имен его возможных высоких покровителей может сказать о механизме получения заветной стипендии больше, чем аттестат с прежнего места учебы, однако несомненным достижением последних лет правления Марии Терезии стало прочное закрепление в идеологии и практике требования выявлять таланты, способные в будущем принести пользу государству, и только после этого наделять стипендией тех, кто больше всего нуждается в этом по филантропическим соображениям.

Покровители и благодетели

Никакие таланты не возвысят человека в государстве без угождения людям; если не хочешь служить им, то они не дадут тебе способа служить и самому отечеству.

Н. М. Карамзин.

«Чувствительный и холодный»

До начала 1970-х годов изучение института патроната и отношений «патрон—клиент» не вызывали интереса ни у историков, ни у социологов или антропологов. Преимущественное внимание уделялось бюрократическим или рыночным структурам, считавшимся протагонистами современной, рациональной модели общественного устройства¹⁴⁰. Между тем в новых исследованиях по истории Франции, как говорилось выше, было убедительно показано, что внешне обезличенная, универсальная

бюрократическая машина (на ее эффективности, как считалось ранее, зиждилось величие и могущество Франции в эпоху Людовика XIV) оказалась на деле сложной системой «клиентских сетей», формировавшихся по принципу персональной верности и объединявших родовую аристократию, старое провинциальное дворянство и даже дворянство мантии, продвижение которых по службе напрямую зависело от способности заводить связи¹⁴¹. Очевидно, что если даже в образцовой административной монархии патримониальные отношения, уходящие корнями в глубь веков, играли более важную роль, чем относительно новая бюрократическая пирамида, то понимание политических процессов и социокультурных явлений в Габсбургской монархии невозможно без учета взаимодействия множественных, нередко пересекавшихся и порой конкурировавших друг с другом клиентел во главе с влиятельными патронами.

Сословное общество, где закрепление в социальной иерархии и улучшение социального статуса зависело от благоволения всемогущих покровителей, было, говоря языком современной социологии, миром «патронов», «клиентов» и «посредников» («брокеров»). Первые защищали зависимых от них людей, открывая им доступ к материальным благам, обеспечивая карьерный рост, ограждая от недоброжелателей и врагов. Вторые добровольно хранили верность своим покровителям, оказывали им всевозможные услуги, за что могли рассчитывать на покровительство и требовать помощи и поддержки. Между патронами и клиентами нередко стояли посредники, помогавшие заинтересованным сторонам найти друг друга и обменяться услугами¹⁴². Описываемый таким образом тип социальных взаимоотношений можно обнаружить в самых разных сферах австрийского и венгерского общества XVIII в.: при дворе, в бюрократическом аппарате, суде и армии. Не стала исключением и сфера образования.

В условиях, когда формальные, стандартные для всех критерии оценки деловых качеств и механизмы замещения публичных должностей только вырабатывались, венский двор и высокопоставленные чиновники не видели противоречия в том, чтобы основывать выбор достойных кандидатур на королевские стипендии на мнении тех, кому доверяли и к кому прислушались. Выше уже говорилось, что посредниками, а иногда патронами и посредниками в одном лице, выступали влиятельные сановники, церковные иерархи, прославленные военачальники. Именно они склоняли чашу весов в пользу того или иного

соискателя, тем самым пополняя ряды благодарных подданных государя и своих верных клиентов. Ниже на примере двух верховных директоров королевских школьных округов рассматриваются формы взаимодействия занимавших высокие должности аристократов и мелких дворян, которые своей успешной карьерой оказывались обязаны всесилию своих патронов в степени не меньшей, чем своим талантам, знаниям и умениям.

Ференц Балашша

Многokrатно упоминавшийся на страницах книги граф Ференц Балашша принадлежит к числу ключевых, но не оцененных по достоинству политических фигур в истории взаимоотношений Венгерского королевства и династии Габсбургов. Его роль в обществе чаще становилась объектом публицистической критики, патриотического негодования¹⁴³, нежели вдумчивого и по возможности беспристрастного научного анализа. Известный прежде всего из-за своей не знавшей границ преданности Габсбургам и идее более тесной инкорпорации Венгрии в монархию, Балашша еще при жизни стал фигурой скорее негативно нарицательной, о котором судят по его готовности служить Вене, нежели отдают должное его искреннему интересу к судьбам языка и культуры¹⁴⁴. Его чаще небезосновательно обвиняют в склонности к интригам, забывая при этом, что он, вознесенный на вершины могущества и открыто презираемый многими, оказывал деятельную и часто безвозмездную помощь обращающимся к нему за покровительством, материальной помощью просветителям, литераторам, священникам, мелким чиновникам.

Его переписка с кабинет-секретарем императрицы К. Мак-Ненни в 1760-е годы свидетельствует о глубоком неприятии такой политической системы, где дворянство безраздельно господствовало над низшими сословиями и не подчинялось распоряжениям центральной власти. Ф. Сабо называет Балашша в числе наиболее ярких «апостолов» просвещенного абсолютизма, считавших, что только путем «реформ сверху» можно облегчить положение простых налогоплательщиков, вынужденных брать на себя часть общественных расходов, от оплаты которых уклоняется дворянство. Он ассоциировал с системой сословного представительства такие понятия, как «тирания», «дикость», «жестокость», и сурово критиковал дворянство, превратившее выборные должности в комитатской администрации в источник

личной наживы. В одном из писем Ф. Балашша жаловался, что не имеет возможности служить короне «свободно и открыто» и обязан под давлением общественного мнения выполнять свои обязанности «тайно, исподтишка, постоянно лукавя»¹⁴⁵. Вступление в силу того или иного закона, полагал он, а также назначение на ключевые посты должно поэтому зависеть от воли мудрого монарха, а не отдаваться на откуп сословиям, озабоченным сохранением своего исключительного статуса. Подобная позиция не могла вызвать в среде венгерского дворянства ничего, кроме раздражения, отчуждения, возмущения.

Однако нельзя, вслед за современниками, отказывать Балашша в искренней любви к родной стране только из-за того, что безоглядная преданность Габсбургской династии (недаром его излюбленное слово — «рвение») всегда стояло в его письмах впереди такого понятия, как «любовь к Отечеству»¹⁴⁶. В одном из писем к К. Мак-Ненни в апреле 1763 г. Ф. Балашша предложил проект рабочего кабинета для императрицы, который предполагалось обставить в венском Хофбурге или в королевском дворце в Пресбурге. Стены кабинета должны были украшать портреты всех венгерских королей и таблички с кратким описанием их правления. Балашша полагал, что подобный кабинет не только создаст необходимую атмосферу для плодотворной работы государыни, но и станет своеобразной «наглядной агитацией» для молодых Габсбургов — будущих правителей Венгрии. Юные эрцгерцоги и эрцгерцогини, гуляя по залам дворца, привыкали бы смотреть на Венгрию как на составную часть владений Габсбургского дома и усваивали бы основополагающие нормы венгерского законодательства. Таким образом, даже слепо преданный династии Ференц Балашша стремился зримо включить Габсбургов в венгерскую государственно-правовую и историко-культурную традицию¹⁴⁷.

В этих взглядах нетрудно разглядеть стремление совместить верность Венгрии с верностью династии, чему его учили еще в Терезиануме. Не случайно Ференц Балашша обычно называется в числе наиболее успешных и знаменитых выпускников: переступив в 1752 г. порог Фавориты бедным родственником влиятельного дядюшки, он уже два года спустя «на удивление и к немалому удовольствию ученой и высокородной публики», почтившей своим присутствием Терезианский коллегиум, сдавал публичный экзамен по физике, маркшейдерии, математике, истории и географии, этике и естественному праву и даже

посвятил императрице небольшой ученый трактат «Подлинный образ и описание мантии венгерского короля св. Стефана». За успехи в учебе и прилежание честолюбивый и талантливый юноша по традиции получил медальон с портретом императрицы на золотой цепи из рук куратора коллегіума графа Й. Й. Кевенхюллера¹⁴⁸. Последний, 1755-й, год Балашша провел в выведенной из-под руководства иезуитов Терезианской рыцарской академии, где продолжил изучение права, оплачивавшееся из средств Тайной казначейской кассы¹⁴⁹. Написанная им обширная диссертация по истории римского права также была издана на средства казны и 8 сентября представлена на публичном экзамене¹⁵⁰.

Большинство биографических справочников утверждают, что чин камергера Ференц Балашша получил уже в 1756 г. — такой чести в столь юном возрасте чаще удостоивались сыновья влиятельных аристократов. Однако в его личном архиве сохранилось письмо от дяди, полковника Габора Балашша, датированное 14 марта 1758 г., в котором тот поздравлял племянника с высоким назначением¹⁵¹, а согласно регистрационной книге камергерских назначений Ференц Балашша получил камергерский ключ только в 1759 г.¹⁵² Так или иначе, в 27 лет он уже был камергером и занимал высокую и ответственную должность советника Наместнического совета, чего иные добивались годами упорного труда, медленно продвигаясь от одной должности к другой. К его мнению всегда (даже порой не разделяя его) прислушивался Кауниц, считая барона Балашша глубоким знатоком венгерских общественно-политических отношений. Со временем становилось все очевиднее, что Венгрию из Вены часто видели именно глазами Балашша, а его суждение о том или ином человеке могло стать решающим при назначениях на должность или выделении королевской стипендии.

Выше, в разделе «Конкуренция за доступ к образованию», подробно рассказывалось о случае Анатала Мадочани, который, похоже, был обязан своим зачислением в Терезианум если не исключительно, то в известной степени Ференцу Балашша. Скорее всего, барона связывала с семейством Мадочани давняя дружба, точно так же, как он был весьма дружен с коллегой по Наместническому совету, весьма ценным при венском дворе советником Анталом Брунsvиком. Когда сыновья Брунsvика обучались в венском Терезиануме, именно Балашша, часто бывая по делам в Вене, в том числе заходя в свою *alma mater*,

заботливо справлялся о делах юных Антала и Йожефа, а когда мог, то и лично присутствовал на их публичных экзаменах. Гордый отец в 1765 г. радостно сообщал барону в одном из писем, что пятнадцатилетний Йожеф на недавнем экзамене в коллегииум держал речь на латинском языке в присутствии ученых мужей, представителей клира, специально приглашенной публики и даже иноземных гостей, в том числе герцога Гонзага¹⁵³.

Балашша, не имевший своих детей, испытывал к братьям Брунсвикам отеческую привязанность, они же платили ему искренним восхищением. Когда Антал получил задание перечислить условия, необходимые для успешной поездки молодого дворянина в чужие страны (об этом уже говорилось выше), в ряду таковых он назвал наставника, похожего на господина Балашша¹⁵⁴. В черновиках писем сохранился набросок, помеченный «Брунсвику младшему» (возможно, имеется в виду Антал), датированный архивистами 1791 г. В нем Балашша называл адресата «дражайшим сыном» и подчеркивал свою отеческую к нему любовь и привязанность¹⁵⁵. Во взрослой жизни братья, сами превратившиеся во влиятельных сановников, не только постоянно взаимодействовали с ним по служебным вопросам, но и обращались за советом, рекомендацией или с просьбой оказать содействие одному из своих доверенных лиц¹⁵⁶. Патроны своих клиентов, Балашша и братья Брунсвики, несомненно, доверяли друг другу, считая взаимные услуги залогом прочной дружбы. Ведь слово «дружба» в ту эпоху, справедливо отмечает Т. Винкельбауэр, обозначало отношения между двумя равноправными субъектами, из которых один оказывался более влиятельным или обладал правом принимать важные решения¹⁵⁷.

Другую группу в ряду корреспондентов Балашша, обращавшихся к нему с различными просьбами, касавшимися детей или близких родственников, составляли клиенты в полном смысле этого слова — чиновники центральных правительственных ведомств — Венгерской канцелярии, Наместнического совета и Венгерской казенной палаты, а также лично знакомые с ним мелкие провинциальные дворяне. Разветвленная сеть знакомств позволяла высокопоставленным чиновникам, подобным Балашша, брать на себя роль то патрона, то посредника и быстро находить людей с необходимыми личными и деловыми качествами для исполнения собственных поручений или заполнения той или иной вакансии. Клиенты же влиятельных аристократов прилагали все усилия, чтобы наилучшим образом вы-

полнить любое, мало-мальски важное поручение и таким образом заслужить еще большее доверие и благоволение. Так, в письмах Балашша можно встретить десятки посланий, подобных тому, что он получил от кавалерийского капитана Пала Битто, принадлежавшего к влиятельному в Пресбургском комитате роду, упоминавшемуся в главе «Искусство просить». Корреспондент писал графу о том, что по его просьбе подыскал офицера, владеющего латинским, немецким и немного словацким¹⁵⁸. Так из тесного сотрудничества и взаимных услуг складывалась повсеместно распространенная практика, при которой заслуги родителей и достоинства ребенка доводились до сведения тех, от кого зависело принятие важных решений.

Письма из личного архива Балашша свидетельствуют, что он начал играть роль связующего звена между венскими и венгерскими властями в вопросах стипендиальной политики задолго до того, как в 1777 г. получил должность верховного директора королевского школьного округа. Более того, отчасти прекрасное знание венгерских реалий, широчайший круг знакомств и опыт в решении подобных проблем в должности советника Наместнического совета могли предопределить этот (весьма удачный) выбор. Приведем несколько примеров. Письмо упоминавшегося выше Берната Кончека, датированное 1761 г., свидетельствует о том, что барон имел прямое отношение к зачислению сына советника, Лайоша, в венскую Савойскую академию, где мальчик не только изучал право под руководством П. Й. Ригера, но и удостоился чести держать речь на публичном экзамене, в которой восславил императрицу и заверил ее в давней верности его рода династии и своей готовности служить габсбургскому трону¹⁵⁹. Когда же в конце 1776 г. Балашша оказался облечен полнотой власти в подведомственном ему Пресбургском школьном королевском округе, то просьбы стали еще более определенного свойства, как в случае с юношей Бурианом, сыном управляющего одного из имений Брунсвиков. В своем письме Брунсвик-старший досконально описывал успехи мальчика в школе: выпускник класса риторики, славится прилежанием и добрым нравом, и просил на этом основании зачислить его в подведомственную Балашша школу (не уточняется, в какую), желательно на полный пансион¹⁶⁰.

Далеко не всегда барон оказывался в состоянии или прилагал достаточно усилий для того, чтобы помочь ходатаю. В 1777 г., как только стало известно, что в Буде создается Терезианская

академия, вице-ишпан комитата Сабольч Пал Золтан, который около четверти века назад вместе с самим Балашша был зачислен в венский Терезианум, написал письмо своему однокашнику, ставшему к тому времени верховным директором королевского школьного округа и вице-президентом Учебной комиссии. Золтан поведал, что дворянское собрание родного комитата уже рекомендовало его сына к зачислению в престижную академию, принимая во внимание бедность родителей и заслуги предков, и просил поспособствовать прохождению кандидатуры сына. Возможно, Золтан просто опоздал и с ходатайством, и со своей личной просьбой: в то время как его письмо к Балашша датировано 18 октября 1777 г., представление канцелярии на высочайшее имя без упоминания имени Золтана было составлено днем раньше¹⁶¹.

Вера во всемогущество Балашша была, судя по всему, настолько велика, что к нему за содействием обращались даже те, кто, казалось, сам мог вполне рассчитывать на испрашиваемую милость. В 1782 г. один из коллег по Учебной комиссии, верховный директор Бестерцебаньского королевского школьного округа епископ Франц Берхтольд, ходатайствовавший о зачислении своего племянника барона Йозефа Вайса в пансионеры будайского Терезианума, предпочел заручиться поддержкой Балашша. Получив подтверждение о приеме, Берхтольд поспешил заверить последнего, что «относит это событие всецело на счет милостивого содействия его сиятельства»¹⁶². Исследователи механизмов патроната справедливо отмечают, что подобные заверения не всегда стоит принимать на веру. Большинство дворян были клиентами многих патронов, поэтому одновременно рассылали письма с теми или иными просьбами в несколько адресов и столь же последовательно благодарили всех своих покровителей; даже если прекрасно понимали, что обязаны милостью кому-то другому¹⁶³.

Нередко среди личной корреспонденции и официальных писем, адресованных Балашша, встречаются копии (и даже оригиналы) прошений на высочайшее имя, как это произошло с ходатайством графа И. С. Хамаре о зачислении его сына в вацский Терезианум¹⁶⁴. Напротив, письма, адресованные лично Балашша, где отправитель благодарил за содействие, в нескольких копиях встречаются и в личном архиве барона, и в бумагах Венгерской канцелярии, и в материалах Учебной комиссии при Наместническом совете, как в случае с письмом полковника Йозефа Сёрени, сына которого в 1780 г. зачислили в батасек-

ские пансионеры венского Терезианума¹⁶⁵. Кстати, прежде Сё-рени-младший обучался в знаменитом пиаристском конвикте в Нитре, расположенном на территории Пресбургского королевского школьного округа, руководимого Балашша. Воспитанник Сёрени был едва ли не единственным венгром, чье обучение оплачивалось из средств венской Тайной казначейской кассы, хотя прямых подтверждений того, что к этому имел отношение лично Балашша, по-видимому, не существует¹⁶⁶.

Поистине безграничные возможности высокого чиновника могли оказаться полезны не только тем, кто желал получить королевскую стипендию, но и тем, кто рассчитывал записать своих сыновей в армию или венгерскую лейб-гвардию. В 1777 г. советник канцелярии Йозеф Кельц искал протекции Балашша в вопросе зачисления своего сына, обучавшегося в то время в Терезианской военной академии в Винер-Нойштадте, лейтенантом в престижный полк герцога Альберта. Сам Кельц был тем советником канцелярии, который наиболее часто реферировал вопросы, связанные с распределением королевских стипендий и, несомненно, взаимодействовал с Балашша как вице-президентом Учебной комиссии. В письме отец не жалел эпитетов: «Юноша он видный, хорошо сложен и крепок и к тому же настолько образован, что не без оснований надеюсь: со временем он станет добрым и полезным членом общества». В постскриптуме Кельц приписал: «Упомянутый сын мой говорит на латыни, по-немецки, по-французски и по-венгерски». Прошло чуть больше месяца, и советник уже благодарил Балашша за содействие в представлении юноши лично герцогу¹⁶⁷.

Интересен и другой пример. Дворянин Иштван Хавор, управляющий имениями графа Иштвана Зичи, попросил Ференца Балашша помочь с зачислением своего сына Йозефа в полк графа Антала Каройи (о нем подробно рассказывается ниже). Несмотря на то что дядя самого просителя, генерал-лейтенант Ласло Хавор, прославился ратными подвигами в годы Войны за испанское наследство, отец все-таки посчитал, что в таком деле протекция всемогущего барона не будет лишней. В январе 1780 г. Балашша обратился с письмом к верховному директору Надьварского и Унгварского королевских школьных округов и владельцу кавалерийского полка графу Анталу Каройи, прося зачислить кадетом «подающего большие надежды» Йозефа Хавора, «юношу, исключительно одаренного как телесно, так и духовно, обладающего знаниями необходимых языков, сведущего в науках и принадлежащего к древнему дворянскому

роду». Из письма также следовало, что Йозеф уже успел послужить у вице-ишпана комитата Пресбург и в королевском фиске¹⁶⁸. Каройи не преминул исполнить просьбу Балашша, и в мае того же года Иштван Хавор в самых восторженных выражениях благодарил своего патрона¹⁶⁹. Скорее всего, подобно многим современникам, выбирая между статской и военной службой, и отец, и сын склонялись в пользу последней. Более того, служба в полку Каройи была лишь одной из рассматривавшихся карьерных возможностей, потому что примерно в то же время их родной комитат Пресбург представил юношу Йозефа Хавора к зачислению в венгерскую лейб-гвардию, однако в августе 1780 г. поступил официальный отказ¹⁷⁰.

В 1780-м, в год смерти императрицы, Ференц Балашша был возведен в графское достоинство и стал кавалером среднего креста св. Стефана. При Иосифе II, особо ценившем беспристрастных служителей общего блага, нечувствительных к голосу венгерской патриотической оппозиции, граф Балашша в 1783–1785 гг. занимал должность президента Венгерской казенной палаты и хранителя короны. Именно при его содействии и участии главную регалию королевства в 1784 г. в нарушение венгерских законов вывезут за пределы страны, в Вену. В 1785 г. Балашша стал фэйшпаном пяти хорватско-славонских комитатов (Зала, Кёрёш, Варажд, Серем и Загреб), был назначен хорватским баном и одновременно королевским комиссаром по Загребскому округу. Административная реформа Иосифа II в Венгрии, заключавшаяся в том, чтобы над многовековой, неподконтрольной королевской властью системой дворянского комитатского самоуправления надстроить десять более крупных округов во главе с королевскими комиссарами, вызвала в стране крайнее неудовольствие, тем более что ей предшествовали такие недружественные по отношению к сословиям мероприятия, как запрет комитатам вступать друг с другом в переписку и введение немецкого языка в качестве государственного. Как уже отмечалось выше, на должности комиссаров император предпочитал видеть лично преданных, высоко компетентных в делах управления людей, и не случайно одним из них оказался именно Ференц Балашша.

После смерти императора в 1790 г. и бурных политических событий, повлекших за собой частичное восстановление прав и свобод сословий при Леопольде II, Балашша удалился со всех прежних должностей, получив от нового императора важное поручение создать придворную Иллирскую канцелярию по об-

разу венгерской или чешско-австрийской. Этот центральный совещательный орган должен был полностью отстранить венгерские сословия от контактов с югославянскими народами королевства и подчинить населенные ими территории напрямую Вене. Однако в 1792 г. опыт создания канцелярии был признан неудачным, Балашша формально отошел от дел, жил в Вене, Пресбурге и своем имении Кеккё¹⁷¹. И все-таки он, по-видимому, не утратил ни прежней активности, ни доли прежнего влияния. Как и раньше, Балашша способствовал зависимым от него людям и оказывал услуги влиятельным знакомым. Так, в 1792 г. в письме к Ференцу Шплени, ставшему к тому времени вацким епископом, он просил принять на учебу в Вац сына своего управляющего¹⁷². Напротив, когда в 1797 г. по приказанию императора Франца II вновь распахнул свои двери распущенный в 1784 г. венский Терезианум, советник Наместнического совета Янош Бачо не только обратился к директору академии с просьбой о выделении его сыновьям, выпускникам класса философии, стипендии из венгерской квоты, но и послал копию ходатайства именно к Ференцу Балашша, сопроводив заверениями, что желает видеть сыновей «небесполезными государю» и «нужными Отечеству»¹⁷³.

Антал Каройи

Каройи во второй половине XVIII в. были одним из самых богатых и влиятельных аристократических католических родов в восточной Венгрии¹⁷⁴. Восхождение семейства к вершинам могущества, напомним, в известной мере определил Шандор Каройи (1669–1743) — генерал армии мятежного Ракоци и архитектор Сатмарского мира. Уже в 1711 г. Каройи был возведен в графское достоинство и пожалован обширными поместьями, а в 1723 г. получил звание действительного тайного советника. В 1734 г. на собственные средства он снарядил кавалерийский полк. В нем его сын Ференц начал военную службу, приняв участие в Войне за польское наследство. В знак признания выдающихся заслуг старого Каройи в 1741 г. императрица Мария Терезия вручила ему фельдмаршальский жезл.

Не меньше, чем на воинском поприще, прославился Каройи и на ниве просвещения и благотворительности: в его владениях действовали школы под руководством отцов-пиаристов и больницы для бедных, немалые средства сам Каройи и его супруга Кристина Баркоци жертвовали на католическую церковь¹⁷⁵.

Когда их единственная дочь Клара безвременно овдовела, дед с бабкой взяли на себя заботы о шестерых внуках, в том числе четверых мальчиках, которых сначала направили в Пресбург, затем перевели в пиаристский коллегийум в своем родовом имении, наконец, поместили в пользовавшиеся заслуженной славой пиаристские коллегийумы в Нитре и Пеште¹⁷⁶. Особое внимание к образованию и культуре унаследовал их единственный сын Ференц, подобно отцу сочетавший ратные подвиги в годы Семилетней войны с покровительством наукам в мирное время. Имя и авторитет отца обеспечили ему блестящую карьеру при венском дворе: в 1745 г. Ференц Каройи получил звание действительного тайного советника, а в 1756 г. титул королевского стольника.

Граф Антал Каройи (1732–1791) пошел по стопам отца и деда: в 19 лет получил звание майора в гусарском полку Каройи, в 22 года был возведен в императорско-королевские камергеры, начало Семилетней войны встретил в звании полковника, конец же войны — генералом и кавалером ордена Марии Терезии. После смерти отца в 1758 г. к нему перешла наследственная должность фэйшпана комитата Сатмар. Граф жертвовал крупные суммы на учебные заведения и восстановление разрушенных войной городов и крепостей, в годы неурожая поставлял по самым низким ценам зерно в горнопромышленные районы Верхней Венгрии. В 1775 г., как некогда его отец, Каройи получил должность королевского стольника. Не случайно, что в 1776 г., когда власти выбирали достойных кандидатов на должности верховных директоров королевских школьных округов, выбор пал на Антала Каройи. Сам же Каройи, как глава комитата Сатмар, владелец гусарского полка, директор школьного округа, щедрый меценат и высоко ценимый при дворе аристократ, обладал широкими возможностями для того, чтобы помогать обращающимся к нему за помощью, в том числе в деле приема в учебные заведения, на военную службу или в дворянскую лейб-гвардию, которую в конце жизни (1787–1791 гг.) ему предстояло лично возглавить.

Государственному мужу и меценату Анталу Каройи не раз посвящали приветственные речи и восторженные стихи¹⁷⁷. В 1782 г. Йозеф Урмени в приветственной речи по поводу вступления графа Каройи в должность фэйшпана комитата Бихар вознес ему достойную хвалу: «Нет такой области общего блага, где бы ваше сиятельство не трудилось бы не покладая рук к выщей пользе и славе. Кто не знает беспримерной привержен-

Граф Антал Каройи

ности вашего сиятельства Господу и священной религии, для укрепления которой в вверенном Вам комитате делаете все возможное? Кому не ведомы выказанная в битвах с врагами отвага, в дни же мира — неустанные труды и заслуги на ниве служения общей пользе? Насколько похорошел комитат, обретя новые поселения и полезные здания, получив плавное течение укрепленных в своих берегах рек, но в чем Ваша слава воистину не превзойдена, это добрые дела на благо местного дворянства. Это могут подтвердить многие из тех, кто получил образование в различных науках, а потом нашел себя в военной ли, в гражданской ли службе при отеческом содействии вашего сиятельства. На своем опыте смог убедиться Бихарский комитат, что ваше сиятельство не забывает даже о самых малых детях, заботясь об их воспитании и образовании, понимая, что ничто не принесет больше пользы милой Родине, чем воспитание подрастающего поколения, из коего со временем выйдут подлинные сыны Отечества»¹⁷⁸.

Разносторонняя деятельность Антала Каройи на высоких постах, несомненно, способствовала распространению учености и развитию системы учебно-воспитательных заведений во вверенных ему комитатах и королевских школьных округах, однако не менее интересна роль графа в судьбах отдельных людей, для которых образование и карьера часто зависели от его деятельного участия в судьбах тех, кто был связан с ним лично или с его семьей узами патроната. Список тех, кто в разные годы служил в полку Каройи и рассчитывал на особую заботу и внимание со стороны своего начальника и покровителя, косвенно подтверждает предположение, что венгерское общество было консолидировано не только горизонтально в рамках юридически очерченных и родственно скрепленных сословных групп, но и вертикально, по линии клиент—патрон. Высокая социальная мобильность как один из признаков общества, основанного на меритократических ценностях, достигалась при помощи и с использованием по сути феодальных институтов и практик.

Из числа воспитанников Терезианума в полку Каройи начинали служить, например, генерал барон Янош Михай Шплени и мелкий дворянин Михай Бобок¹⁷⁹. Чести стать кадетами этого полка добивались для своих родных лично знакомые с графом служилые дворяне. Советник Наместнического совета Йожеф Кельц, о котором выше шла речь в связи с его попытками при посредничестве Ференца Балашша поместить сына в полк

герцога Альберта, в том же 1777 г. не раз писал и к графу Каройи, в данном случае по поводу одного из своих родственников. «Осмеливаюсь смиренно напомнить Вам о бедном Имре Новаковиче, который уже несколько лет служит кадетом в полку вашей светлости и, как я слышу, ведет себя примерно, и попросить продвинуть его по службе, каковую милость я по мере скудных сил моих постараюсь отблагодарить». Когда же двумя годами позже его собственный сын-офицер прибыл на службу в комитат Сабольч, заботливый отец не преминул приписать в одном из писем: «Покорнейше рекомендую сына моего вашей светлости»¹⁸⁰. Барон Габор Шплени-младший, мечтавший поступить в полк Яноша Палфи, просил о протекции все того же графа Каройи: «Мой отец обременен столь многочисленным потомством, что просто не знает, на что направить свои заботы... Высочайшие милости и немалое доверие, оказываемые Вам двором, убеждают меня, что вашему сиятельству это дастся легче, чем моему отцу, которому вновь и вновь приходится о чем-то просить»¹⁸¹.

На деятельную помощь графа рассчитывали и те из его клиентов, кто желал пристроить сыновей в дворянские коллегии и конvikты. Пал Золтан, тот самый выпускник венского Терезианума, служивший вице-ишпаном в комитате Сабольч, не сумев, по всей видимости, в 1777 г. поместить одного из сыновей в пансионеры только что открывшейся будайской Терезианской академии при содействии Ференца Балашша, в 1781 г., когда подрос его второй сын Янош, обратится к своему начальнику и патрону графу Анталу Каройи с просьбой поспособствовать отправить юношу на учебу в Буду¹⁸². Похоже, что Каройи дал великолепную рекомендацию мальчику, поскольку этот факт был особо отмечен в представлении Венгерской канцелярии на высочайшее имя. В документе говорилось, что Янош Золтан рекомендуется «как за службу его предков, так и за выдающиеся дарования самого отрока, и в не меньшей степени принимая во внимание то обстоятельство, что в столь отдаленных областях королевства возвращается столь достойное юношество»¹⁸³.

В числе тех мелких дворянских родов, кого к Каройи привязывали давние узы клиентской верности, были дворяне Клубушицки из комитата Сатмар и Черей из Трансильвании. Речь идет о том самом советнике Трансильванской канцелярии Фаркаше Черей, который, пользуясь расположением императрицы и широчайшим кругом знакомств при дворе, так успешно

раздобывал стипендии для своего многочисленного мужского потомства. Напомним, что в венском Терезиануме в разное время обучались его сыновья Лёринц, Шамуэль и Фаркаш, в вацском Терезианском коллегииуме — Ференц, Пал и тот же Шамуэль, когда же венгерские и трансильванские власти договорились об обучении шестерых выходцев из княжества в Буде, в Терезианскую академию поступили Элек и упомянутые Пал и Шамуэль. Семейства Черей и Каройи также объединяла их горячая приверженность к католической вере. Похоронив Черей в 1782 г. его вдова Клара Борош, переживая финансовые затруднения, в своих письмах умоляла Каройи выкупить конфискованное в счет уплаты долгов имение Ташнад, чтобы только оно не досталось «проклятым кальвинистам»¹⁸⁴.

Оставшись одна с восьмерыми детьми, Клара Борош, как и многие вдовы, искала и находила поддержку у влиятельных покровителей семьи, и не в последнюю очередь Антала Каройи, который взял на службу к себе в полк ее сына Пала. Старший сын Лёринц, поступивший по стопам отца на службу в Трансильванскую канцелярию, отрекомендовал младшего брата так: «Юноша окончил класс юриспруденции в главном будайском дворянском учебном заведении; его возраст, телосложение и способности говорят о том, что он годится для службы Марсу на поле брани»¹⁸⁵. А уже в мае 1783 г. вдова Черей писала графу: «Покорнейше благодарю Вас за великую доброту и милость, которые Вы мне сообразовали явить, приняв участие в судьбе моего сына, и смиренно прошу Ваше сиятельство не оставлять его в своем покровительстве; щедро выделенные Вами ему на униформу 60 фт. я уже отослала, а что до денег, то буду в месяц ему высылать по золотому, что в год составит двенадцать, и молю Вас, прикажите, чтобы денег мальчику ни на руки, ни в долг не давали»¹⁸⁶.

История самого младшего сына Клары, Шамуэля, поведана им самим в письме к графу Каройи: «По высочайшей милости Ее императорско-королевского Величества покойной императрицы Марии Терезии, я был направлен в Вац, где вместе с двумя другими своими братьями часто имел честь беседовать с сыном Вашего сиятельства (речь идет о Пепи Каройи. — О. Х.). Оттуда я, единственный изо всех, был переведен в венский Терезианум, где пробыл всего год, и, наконец, вместе еще с пятью кавалерами для дальнейшего постижения наук был зачислен в основанный Ее императорско-королевским Величеством покойной императрицей Терезианум в Буде. Именно тогда и произошло

горчайшее событие: лишившись родного отца, я превратился в бедного сироту... Сразу после этого печального события мой старший брат Пал, окончив учебу, поступил кадетом в полк вашего высокографского сиятельства. Теперь же, поскольку Его императорско-королевское Величество [Иосиф II] после смерти своей матери все основанные ею фонды соизволил распустить, я, повинувшись своему стремлению, которое вынашивал с ранних лет — верой и правдой служить государю и Отечеству, и в соответствии с волей моей матушки, на 16-м году жизни поступил кадетом в полк высокородного графа Шамуэля Дюлаи, где без нареканий нес службу вот уже второй год»¹⁸⁷.

Другим семейством — его члены также не одно десятилетие испытывали на себе отцовскую заботу и покровительство Каройи — были Клобушицки. Их мелкий дворянский род вел свое происхождение из верхневенгерского комитата Тренчен, однако ветвь, о которой пойдет речь ниже, в конце XVII — XVIII в. проживала в комитатах Берег и Сатмар, и представители этого семейства занимали должности в комитатской администрации или подчиненных Казенной палате ведомствах: Гашпар Клобушицки служил сборщиком тридцатины в Мункаче, его сын Ласло получил должность исправника Берегского и Сатмарского комитатов, в 60-е годы председательствовал в королевской судебной палате в Дебрецене. У Ласло Клобушицки от жены Анны Кенде было пятеро сыновей и одна дочь. Так или иначе, в судьбе едва ли не каждого из них огромную и даже решающую роль не раз играл граф Антал Каройи.

Второй по рождению сын Ласло Клобушицки, Антал (1739–1826), начинал секретарем (не по протекции ли Каройи?) у влиятельных аристократов, один за другим занимавших должность верховного судьи, Йожефа Иллешхази и Миклоша Палфи. Нет сведений о том, где и какое Антал получил образование (возможно, в Трнаве, где служили его старший брат и дядя по материнской линии), но сохранились его письма не только на венгерском языке, но и латинском, немецком и французском языках. В 1764 г., в знак признательности своему патрону, Клобушицки перевел на венгерский и посвятил Иллешхази детскую книжку «Le livre des enfants». В 1770 г. молодой человек получил должность в Наместническом совете. Кто поспособствовал назначению, Каройи или Иллешхази, неизвестно, но под Рождество первый получил благодарное письмо от Клобушицки: «Ваше сиятельство уже столько раз было источником, и зачинателем, и постоянным пособником моего счастья, за что я неиз-

менно почтительно благодарен, вот и теперь смиренно благодарю за мое новое назначение, а именно за должность секретаря в высочайшем [Наместническом] совете, которую вот только на днях я получил по милости Ее Величества»¹⁸⁸. Однако в Пресбурге молодой человек пробыл недолго — уже в марте 1771 г. он получил должность секретаря Венгерской канцелярии. Не будучи в силах поверить своему счастью, Клобушицки писал: «Как бы не повернулась моя судьба, останусь ли я в Пресбурге или повезет перебраться в Вену, я тут и там с неизменной верностью и ревностью останусь преданным слугой вашего сиятельства». И далее: «Хотя в Вашем милостивом письме Вы ни словом не обмолвились о своей роли в моем назначении, я не сомневаюсь, что обязан этим великой милости вашей светлости, неразрывно связанной с благородством Вашего сердца»¹⁸⁹.

Как и сотни бедных дворян, поступающих на комитатскую или королевскую службу по причине отсутствия источников к существованию, Клобушицки не мог рассчитывать на маломальски значимую должность без протекции сильных мира сего, но он и ему подобные не могли также обходиться и без регулярной (как правило, безвозмездной) финансовой помощи своих аристократических патронов. Постоянный мотив в письмах Клобушицки — жалобы на бедность и, как следствие, беспомощность и незащищенность. Он нередко называет себя «бедняком» и даже решает пенять на судьбу, которая была бы еще горше, не будь у него и его семьи покровительства графа. «Раз сподобил нас Бог родиться в низкой доле, не пристало нам краснеть за свою нищету, ведь не можем же мы предъявить иск самому Господу, за то что не все равны в милости его»¹⁹⁰. Например, в 1771 г., не успев поблагодарить Каройи за содействие в переводе в Вену, он уже просил изыскать возможность ссудить ему крупную сумму — беспроцентно или под низкий годовой процент — для выкупа родовой деревеньки в Тренченском комитате, о чем безнадежно мечтал еще его покойный отец.

Отличительной особенностью отношений клиентов и патронов был не только принцип добровольных взаимных услуг, но и глубоко личная, даже родственная связь. Обращение к графу Каройи не только как к патрону, но и отцу (после того как Ласло Клобушицки покинул этот мир) было чем-то несравненно большим, нежели формальное свидетельство уважения. Летом 1772 г. тридцатитрехлетний Антал решил жениться: «Пришло, наконец, время выбирать, оставаться ли мне навсегда холостяком или найти себе жену». О своей невесте, приемной дочери

придворного агента Антала Прускаи, он поспешил рассказать Каройи: что больше всего ценит в своей избраннице ее нравственную чистоту, что она не простолюдинка, но и не может похвастаться дворянским происхождением, зато «что ей не было дано при рождении, она получила по милости государыни, которая дозволила ее отчиму удочерить и объявить законной наследницей»¹⁹¹. Ожидая летом 1774 г. своего первенца, Антал Клобушицки писал Каройи: «Осмеливаюсь смиренно просить ваше сиятельство, соблаговолите младенцу моему, коли родится мальчик, стать крестным отцом, если же будет девочка, дозвольте милосердно, чтобы ее крестила сиятельная графиня. Это даже не потребует от Вас личного присутствия, для меня же это будет величайшей милостью вне зависимости от того, на кого Вы возложите эту миссию, например, если позволите, я предложил бы агента Керестури или, по обстоятельствам, его жену, которые исполнили бы за Вас эту обязанность»¹⁹². В генеалогических справочниках упоминается один-единственный сын Анатала — Карой. Возможно, это и был тот самый долгожданный первенец, получивший имя в честь рода, в течение нескольких поколений благодетельствовавшего его семье.

Другой из братьев Клобушицки был напрямую обязан графу Каройи образованием и дальнейшей карьерой. Сначала тот оплатил обучение мальчика в Терезианском коллегииуме в Ваце. «Ваше сиятельство желали знать, — писал в апреле 1769 г. Антал Клобушицки, — во сколько обойдется годичное пребывание моего брата в вацком Терезиануме. Только что я получил достоверные сведения, что предположительно за проживание, питание, обучение и одежду или униформу... согласно последнему распоряжению Ее Величества, придется заплатить 230 фт., и половину этой суммы необходимо внести еще до середины учебного года. Может, однако, статься, что у юноши, желающего содержать себя в чистоте и опрятности, в течение года возникнут мелкие расходы, на которые от такого щедрого покровителя, как ваше сиятельство, можно было бы ожидать по самым скромным расчетам еще 30 фт. Посему со всем моим смирением прошу и уповаю к милости вашего сиятельства, в отношении моего поименованного братика, по крайней мере выделить эти 260 фт.». В конце письма Клобушицки высказывал надежду, что все те четыре года, что юному Йозефу, по расчетам брата, предстояло пробыть в Ваце, граф Каройи не откажет ему в милости¹⁹³.

Благодарный Йозеф Клобушицки не забывал ежегодно поздравлять своего патрона с именинами в ученических письмах

на латыни и по-венгерски, написанных по лучшим образцам эпистолярного стиля, преподаваемого пиаристами в Ваце. «Если мое письмо на радость всей стране застанет Вас в добром здравии, — писал он в 1771 г., — то позвольте от чистого сердца пожелать Вам того, о чем я ежедневно молю Господа: чтобы он ваше сиятельство за многие добрые дела укрепил телесно и духовно, утешил долголетием и, даровав многие годы жизни, щедро осенил светом святого покровителя»¹⁹⁴.

Когда в 1772 г. Йозеф закончил учебу в Ваце, старший брат Антал полагал, что юноше, возможно, не помешало бы год пожить в Вене, чтобы овладеть немецким и «попробовать на вкус *ius civile*». Однако на семейном совете было решено сразу же направить Йозефа в Трнавский университет, чтобы там он прослушал курс наук на философском факультете, а затем в течение как минимум двух лет основательно изучил столь необходимое для успешной бюрократической карьеры венгерское право¹⁹⁵. Там он находился бы под надзором родственника по материнской линии — отца-регента конвикта св. Адальберта, а также «под присмотром родни» — трое из братьев Клобушицки были священниками. Но и здесь пригодилась материальная помощь от графа Каройи: Антал испросил для начинающего студента 150 фт. на неизбежные расходы первых месяцев пребывания в городе¹⁹⁶. Все те годы, что Йозеф провел в Трнавe, старший брат не устал информировать Каройи о его академических успехах и заверять в серьезности намерений самым основательным образом подготовить юношу к службе¹⁹⁷. Повзрослев и приобретя сноровку в латинском слоге, Йозеф по-своему трогательно отблагодарил покровителя — сочинил и посвятил Каройи оду «Поэт — меценату, отмечающему именины». Это ученическое стихотворение, воспевавшее достоинства графа, было написано в жанре центона, т. е. было произведением, причудливо составленным из отдельных стихов, заимствованных из (в данном случае) Горация¹⁹⁸.

По окончании учебы в 1777 г. Йозеф Клобушицки попал на службу в администрацию губернатора Фиуме, города, который по праву считался одним из интеллектуальных центров Венгерского королевства, где в дружеском кругу блестящие представители венгерской политической элиты — Йозеф Подмањицки, Миклош Шкерлец и др. обсуждали смелые проекты экономических и социальных реформ. Познакомиться с ними, набираться опыта и расширять под их влиянием свой кругозор было несомненной удачей для Клобушицки. Однако Каройи оставался для него, как в свое время и для старшего брата, не

только покровителем в делах карьеры, но и мудрым советчиком и вторым отцом. Задумав жениться, Йозеф, как некогда Антал, не преминул поделиться в письме к графу самыми сокровенными мыслями: «Верно говорят, то, что найдешь дома, нечего искать на стороне, поэтому я, став жителем Фиуме, не стремлюсь больше приглядывать себе невесту в другом месте, поскольку познакомился с барышней Каролиной Носки, старшей дочерью покойного старшего вахмистра Носки и внучкой генерала Люмаги. В ней немало достоинств и соответствующих моему вкусу похвальных качеств, так что по воле Господа и с ведома моей матушки и братьев я выбрал себе суженую»¹⁹⁹.

В 1770 г. Йозеф был переведен на службу секретарем в Наместнический совет, где в 1775 г. его включили в состав Учебной комиссии, и, таким образом, молодой человек, не понаслышке знавший, какой ценой дается бедным дворянским семьям образование многочисленного потомства, получил возможность самолично решать судьбы десятков подобных ему молодых людей, ждавших от комиссии сочувствия к их доле²⁰⁰. В 1788 г. за примерную службу он был повышен до советника, в 1801 г. вновь получил назначение в Фиуме — на этот раз на должность губернатора, а с 1810 и до самой смерти в 1826 г. занимал должность фёйшпана комитата Боршод.

Роспуск Общества Иисуса в 1773 г. означал поворот в судьбе одного из трех братьев Клобушицки, избравших себе духовную карьеру. Если самый старший из них, Дёрдь, пополнил ряды духовенства и впоследствии дослужился до каноника в Надьвараде, четвертый — Петер — стал калочайским архиепископом, то третий, Ласло, принял решение сменить сутану на офицерский мундир. «Брат Ласло как раз сейчас в Вене ждет назначения, — писал Антал в июле 1774 г., — и Ее Величество выразила высочайшее удовольствие в том, если он начнет службу в пехоте, и вдобавок поинтересовалась, к службе в каком полку у него лучше лежит душа и к кому из владельцев собственных воинских частей он испытывает большее доверие. На что с нашей стороны последовал ответ, что с Божией помощью все мы выросли под крылом и покровительством графа Каройи, и мой братец воспринял бы с глубочайшей благодарностью, если бы Ее Величество приписало его к полку вашего сиятельства. Весьма вероятно (о чем нас на днях должны известить), полк вашего сиятельства вскоре пополнится еще одним кадетом, так что если его военная судьба не распорядится иначе, имею честь рекомендовать отеческой заботе и руководству вашей светлости моего бедного братца»²⁰¹.

В конце августа 1774 г. прошение Ласло Клобушицки было удовлетворено, и он отбыл к месту службы в полк Каройи, где постоянно испытывал отеческую заботу своего благодетеля, сам же никогда не забывал поздравить его с Рождеством, Пасхой или именинами. Сердобольный Антал внимательно следил за успехами брата и не упускал случая замолвить за него словечко: «За продвижение моего брата Ласло по службе, которым он всецело обязан особой отеческой заботе вашего сиятельства, мы благодарим от всего сердца, поелику же доподлинно стало известно, что в полку вашего сиятельства после кончины господина капитана Ушовича на вакантную должность будет назначен один из старших лейтенантов, смиренно рекомендую вашему сиятельству поименованного брата моего, уповая, что при возможности не преминете оказать ему содействие». Не прошло и трех недель, как искренне или притворно удивленный Антал вновь писал к Каройи: «Поскольку ваше сиятельство соблаговолили назвать брата моего старшим лейтенантом, я смею полагать, что случилось это из милости вашего сиятельства, и выражаю Вам свою нижайшую благодарность, если только нескрываемая радость моя не вызвана опиской Вашего секретаря»²⁰².

Сам Антал Клобушицки в 1777 г. получил новое назначение — должность администратора 16 сепешских городов, освободившуюся после смерти Пала Тисты (того самого, сын которого так и не был принят в число пансионеров будайского Терезианума). Должность эта была по сути сравнима с фёйшпанской, требовала от ее носителя выполнения представительских функций и формального соответствия требованиям высокого статуса. Теперь уже Клобушицки обращался к Каройи с просьбой продать ему подешевле породистых лошадей из графской конюшни. По мере продвижения по карьерной лестнице он сам постепенно превращался в благодетеля и покровителя тех, кто оказывался в зависимости от него, и вот уже в 1778 г. он рекомендует высокому вниманию и благосклонности графа Каройи нотариуса Сепешской казенной палаты Яноша Бардоши. Когда же в 1779 г. у Бардоши подрос сын, Антал, прекрасно учившийся в конvikте соседнего Лёче, Клобушицки обратился в Наместнический совет с просьбой о приеме мальчика в Трнавский конвикт или будайский Терезианум²⁰³. Не известно, был ли юноша зачислен в конвикт Трнавы, но в 1782 г. Клобушицки в новом прошении опять просил о зачислении достойного сына заслуженного отца в будайскую Терезианскую академию²⁰⁴.

Возможно, причиной, по которой Бардоши-младший так и не получил королевскую стипендию, было его недворянское

происхождение. В представлении Учебной комиссии на всех искателей за 1779 г. говорилось, что, согласно аттестату директора гимназии в Лёче, юноша демонстрирует великолепные успехи в учебе, обладает непорочным нравом и ведет себя в соответствии с нормами и установлениями заведения, однако поскольку выделение стипендий из камеральных квот находилось в ведении Казенной палаты, зачисление его в будайский Терезианум не входило в компетенцию Наместнического совета и Венгерской канцелярии. Не помогло и ходатайство за мальчика Антала Клобушицки²⁰⁵. В данном случае важно, однако, что венгерская бюрократическая элита, нередко вознаграждая в той или иной форме своих преданных клиентов, мыслила внесловными категориями, полагая, что доступ к качественному образованию должен открываться на основе способностей и прилежания вне зависимости от благородства происхождения.

То, что это не был единичный случай, подтверждает и позиция графа Йозефа Халлера, сменившего в 1782 г. Антала Каройи на посту верховного директора королевских школьных округов. Двумя годами ранее, в 1780 г., Халлер писал Каройи: «Человек, чье прошение я присовокупляю к письму, поскольку надеюсь, что дело его при моем содействии может быть положительно решено: это достойный и услужливый человек, но положение осложняется тем, что он не принадлежит к дворянскому сословию. Я знаю, что в Буде и Ваце сыновья камеральных служащих, согласно королевской резолюции, обучаются совместно с дворянами, а на будущий год, я слышал, такой же порядок будет введен в Сентанне²⁰⁶. По этому вопросу мне не к кому обратиться, кроме как к милости Вашего сиятельства»²⁰⁷.

В речи, произнесенной в 1791 г. на венгерском языке за упокой души Антала Каройи, калочайский архиепископ Петер Клобушицки напомнил слушателям: «У меня перед глазами встают как национальные, так и латинские школы, которым он предоставлял здания, не жалел собственных средств на учеников и немалые суммы давал... не забывал прибавлять жалование учителям, для того же, чтобы дети еще прилежнее постигали науки, он снабжал их книгами, подарками, одеждой, питанием... Короче: известно о том всей стране, что сам он с младых ногтей неустанно совершенствовался в науках и прославился благодаря глубине своих познаний и широкой начитанности; так что науки и те, кто ими занимается, нашли в его лице деятельного помощника и пособника»²⁰⁸.

Далее тон архиепископа, продиктованный, возможно, личными воспоминаниями и примером родных братьев, стал еще

более теплым: «Перед моим взором проходите вы, древние дворяне и дворянские роды; вам безжалостное время уготовило бедность и нужду. Если бы сейчас вы находились на моем месте, не потребовалось бы более достоверного и более впечатляющего подтверждения тому, какое у него было большее и не знающее преград в патриотическом служении сердце. Вы поведали бы о его многочисленных и разнообразных добрых делах, которые он; не кичась этим, свершал, спасая вас от бедности и нищеты, не стремясь ни к чему, кроме как к вашей пользе и благу Отечества. Вы, повторяю, о ком я веду речь, в числе тысяч и тысяч благодарных принесли свои слезы на это священное место, где предан земле ваш заботливый и милосердный отец»²⁰⁹.

В режиме строжайшей экономии

Сколько тут перемен было! То он от них все отнимал, то возвращал; то паки отнимал и паки возвращал.

Из письма Екатерины II к Г. А. Потемкину

Сотрудничество венского двора с религиозными орденами на ниве просвещения было с самого начала мерой вынужденной. Раздражение государственных мужей из ближайшего окружения императрицы непомерными тратами и «неумением», в их понимании, жить по средствам находило выход задолго до роспуска Общества Иисуса в 1773 г. Напомним, что только финансовые затруднения, связанные с ведением Семилетней войны, помешали удачно осуществить отделение Терезианума от одноименного иезуитского коллегияума. Когда же в 1769 г. в другом учебном заведении, Восточной академии, проверка выявила нерациональное расходование средств ее ректором отцом-иезуитом Йозефом Францем, поставившим эту по сути высшую дипломатическую школу на грань банкротства, навести порядок в управлении и финансах было поручено только что вернувшемуся из-за границы амбициозному графу А. Пергену, который не колеблясь продал за долги часть имущества академии, спасая то, что можно было спасти. Последовавшие затем меры по частичному и далее фактически полному слиянию Терезианской и Савойской академий, предпринятые Марией Терезией в 70-е годы, были также направлены на повышение эффективности расходования имевшихся средств.

Теми же принципами руководствовалась императрица, когда в 1776 г. одобрила перераспределение Тойфенбаховских сти-

пендий в пользу дворянского конвикта в Ольмюце. В 1777 г. по инициативе сословий коронной земли и с одобрения Марии Терезии питавший прежний Ольмюцкий конвикт Фердинандовский фонд, предназначенный как для светских пансионеров, так и для семинаристов, сливался с фондом Тофенбаховским, конвикт преобразовывался в исключительно дворянский, а для семинаристов выделялись специальные средства и особое здание. Следующим шагом по централизации и более рациональной организации учебного процесса стал в 1778 г. перевод дворянского конвикта, семинарии и университета в столицу Моравии — Брюнн. Примечательно, что одним из прагматических аргументов служило более раннее приобщение воспитанников к государственной службе, поскольку именно в Брюнне находился земельный сейм.

Принципиально важные перемены произошли с объединенным Ольмюцко-Брюннским конвиктом в 1780 г., когда административно-финансовое управление заведением и приписанными к нему поместьями и иными источниками дохода было передано барону Эммануилу Штильфриду. Умелый организатор и грамотный хозяйственный руководитель, он сумел разработать меры жесткой экономии более рационального использования имеющихся ресурсов в приписанном к конвикту имении Дюрнхольц, направленные на существенное увеличение бюджета. Штильфрид вникал в мельчайшие детали, будь то урожайность с гектара пахотных угодий или введение новейших технологий в пивоварении и производстве вина. Он превратил заготовку древесины из убыточной в рентабельную, покончив со старой практикой, когда ежегодно в лесах валили деревьев ровно на 1 000 гульденов вне зависимости от того, сколько годных к рубке деревьев было на самом деле. По его инициативе специальная комиссия должна была определять объемы рубки древесины и организовать ее переработку прямо на месте, что существенно повышало доходность отрасли. Не забыл Штильфрид и о введении более дешевых методов стирки белья и даже о распродаже поношенной одежды пансионеров, скромные средства от которой (по сравнению с доходами от хозяйственной деятельности) также пополняли бюджет²¹⁰.

В данном контексте принципиально важно подчеркнуть, что курс на жесткую экономию, вытекавшую из него централизацию и концентрацию учебных заведений начался еще при Марии Терезии. Вступление на габсбургский престол Иосифа II означало продолжение той же финансовой политики, но более жесткими методами. Отличие же между матерью и сыном за-

ключалось в принципиально разном отношении к дворянскому образованию как таковому и к закрытым учебным заведениям и пансионам, где дети, оторванные от родителей и привычной для них семейной обстановки, были вынуждены постигать науки, находясь под строгим и неусыпным надзором педагогов и наставников. Императрица была до конца своих дней уверена в том, что элитарные школы должны реформироваться, но ни в коем случае не закрываться, поскольку в обществе, где дворянство сохраняло ведущие позиции, осуществление реформ шло по пути поднятия образовательного уровня привилегированных сословий, а не постановки их в жесткие условия конкуренции с простолюдинами, не менее, а порой даже и более подготовленными к выполнению тех или иных функций в государстве. Император же в терезианской системе дворянского образования видел прежде всего недостатки и анахронизмы. Он не испытывал никакой симпатии к великолепному Терезиануму и его высокородным воспитанникам, тяготился регулярными аудиенциями, которые двор давал воспитанникам привилегированных венских школ и в 1781 г., под предлогом траура по покойной императрице, поспешил их отменить. Его раздражала дорогостоящая униформа, поэтому уже в 1782 г. он приказал, чтобы в стенах академии воспитанники носили одежду, купленную родителями, а для появления на публике обзавелись скромным черным сюртуком²¹¹.

Негативное отношение императора к пансионам разделял и поддерживал новый глава Учебной комиссии Готфрид ван Свитен, сын выдающегося реформатора Герхарда ван Свитена и выпускник венского Терезианума. В соответствии с новейшими веяниями эпохи и не в последнюю очередь под влиянием филантропических педагогических идей Жан-Жака Руссо, прежде всего его «Эмиля»²¹², Иоганна Беренгарда Базедова и Иоганна Генриха Песталоцци²¹³ он выступал за обращение не столько к разуму, сколько к таким чувствам воспитанников, как честь и совесть. Он также считал, что ребенка необходимо было вырвать из гнетущей среды закрытых школ и вернуть в семью, к любящим и заботливым родителям, которым предстояло наилучшим образом организовать его (не обязательно исключительно домашнее) образование²¹⁴. Система учебных заведений должна была потерять свой ярко выраженный сословный характер. То, что уже давно ощущали и постепенно вводили на практике реформаторы терезианской эпохи, а именно преимущественное внимание к задаткам, склонностям, усидчивости, складу характера ребенка, вскоре найдет свое категоричное выражение в

распоряжении императора распределять стипендии на основании двух главных критериев — талантов и прилежания²¹⁵.

Между тем самой животрепещущей проблемой оставался дефицит финансов. Учебный фонд Наследственных провинций и бюджеты главных дворянских школ страдали от жесточайшей нехватки средств. Суммы, которой располагала Учебная комиссия после роспуска Ордена Иисуса, включая доходы от продажи учебников и проведения театральных представлений и маскарадов, едва хватало только на главные начальные и нормальные школы в городах, в то время как для тривиальных школ в сельской местности средств так и не нашлось²¹⁶. На таком фоне успехи директора объединенного ольмюцско-брюннского конвикта барона Эммануила Штильфрида были тем более впечатляющими и заслуживающими пристального внимания властей. В 1782 г. Иосиф II повелел объединить успешно функционировавший Брюннский конвикт и Терезианско-Савойскую академию под руководством Штильфрида. Объединение сопровождалось переводом воспитанников из Брюнна в Вену. Так, племяннику барона Йозефу Фештетичу, сыну его сестры Каэтаны, удалось попасть в имперскую столицу, а далее заботливый брат обещал добиться для него при первой возможности батасекской стипендии, несмотря на то, что Фештетичи были далеко не бедствовавшим аристократическим родом²¹⁷. Другим последствием объединения учебных заведений стало постепенное вытеснение пиаристов с административных и преподавательских должностей: Штильфрид хотел видеть вокруг себя доверенных и проверенных людей.

Лёвенбургский конвикт также давно вызывал недовольство императора. В 1781 г. он потребовал от руководства конвикта строгого отчета в том, откуда взялся колоссальный долг казне, составлявший 46 700 гульденов. Пиаристы пытались объяснить, что причиной тому стал прием новых воспитанников для покрытия бюджетного дефицита и новые долги, вызванные необходимостью расширять конвикт, чтобы принять новых воспитанников, однако логика подобных аргументов оставила императора равнодушным. В июне 1782 г. последовало распоряжение о переводе лучших учеников (вместе с причитающимися на их обучение и содержание стипендиями) из Лёвенбургского конвикта, невзирая на то, дворяне они или бюргеры, в Терезианско-Савойскую академию. Пиаристы, преподававшие в конвикте, переводились в другие школы ордена. Здание подлежало продаже. Только назначение новым австрийским канцлером графа Йозефа Хотека, который был одним из выпускников Лёвенбургского

конвикта, спасло заведение от полного расформирования и банкротства. При посредничестве канцлера в ноябре того же года Иосиф разрешил конвикту продолжить свою полезную деятельность при условии, что пиаристы предложат приемлемый план ликвидации задолженности. В качестве неотложных мер пиаристы продали часть недвижимости и находившихся на балансе конвикта земельных участков²¹⁸.

Власти Венгрии были далеки от проведения радикальных реформ, подобных тем, что замыслил император, прежде всего потому, что более многочисленное, чем в Наследственных провинциях, и более политически влиятельное дворянство нуждалось в разветвленной инфраструктуре привилегированных учебных заведений. Но и там в повестке дня стояло повышение эффективности использования имевшихся в распоряжении короны финансов. Не случайно именно в конце 1770-х годов зашла речь об объединении вацкого Терезианума с будайской Терезианской академией, и в недрах Учебной комиссии начали разрабатывать единый регламент объединенного заведения²¹⁹. Инициативы венгерских властей были направлены в первую очередь на изыскание дополнительных источников финансирования и создание новых стипендиальных мест. В этой связи интересен малоизвестный проект спонсирования учебы венгерских провинциальных дворян из средств венгерской лейб-гвардии. В 1777 г. в Вене было принято решение сократить число гвардейцев со 120 до 60 человек и расформировать корпус, расквартированный в Милане. Венгерская канцелярия предложила использовать высвобождающуюся сумму в более чем 17 000 фт. для оплаты обучения венгерских юношей в будайской Терезианской академии и других школах королевства экономическим наукам и языкам, с тем чтобы они затем, набравшись в течение нескольких лет практического опыта в органах управления родных комитатов, вступали бы в лейб-гвардию более подготовленными для ответственной службы в имперской столице²²⁰. Получив высочайшее одобрение императрицы, Венгерская канцелярия разослала директорам дворянских конвиктов запросы и в ответ получила точную калькуляцию расходов на содержание одного пансионера²²¹.

К сожалению, материалы Венгерской канцелярии и Наместнического совета не позволяют с уверенностью утверждать, как осуществлялся этот проект на практике и сколько провинциальных дворян сумели воспользоваться такой возможностью. Однако в данном контексте представляется не менее важным само намерение обращать любые высвобождавшиеся суммы и

использовать любые возможности для повышения образовательного уровня провинциального дворянства. В 1780 г., словно в подтверждение тому, что лейб-гвардия была своеобразным университетом для венгерской дворянской молодежи, по инициативе канцлера Кауница и с ведома сопровителя Иосифа был разработан проект создания особой курьерской службы, состоявшей из лейб-гвардейцев, которая должна была постепенно прийти на смену уже существовавшей обычной курьерской службе. Специально отобранным, способным и сообразительным, молодым венграм, регулярно направлявшимся с секретными депешами в европейские столицы к находившимся там послам и посланникам австрийского двора, предписывалось вести дорожные журналы, где записывать обо всех достойных упоминания впечатлениях от путешествия. В случае, если курьер считал необходимым довести до сведения руководства какие-либо факты, явления, наблюдения политического характера, таковые по возвращении следовало суммировать в подаваемом командованию специальном рапорте²²². В 80-е годы XVIII в. курьеры из лейб-гвардейцев начали регулярно курсировать между Веной и европейскими столицами, однако пока не удалось установить, подавались ли ими соответствующие рапорты.

Между тем император Иосиф II все решительнее склонялся к радикальным реформам в сфере образования. К 1783 г. была разработана, а в течение 1784 г. осуществлена коренная реорганизация системы учебных заведений, непосредственно затронувшая и привилегированные школы для дворян. Первыми «жертвами» реформ пали Терезианские академии в Вене и Буде. Они были закрыты, а их воспитанники переведены в другие школы монархии. Принадлежавшие венскому Терезиануму обширная библиотека, дорогостоящее оборудование для проведения физических опытов, коллекции минералов, гербарии и пр. были переданы другим учебным заведениям, а здание отошло к Инженерной академии. Части воспитанников венского Терезианума было позволено остаться в Вене и продолжить учебу в коллегии св. Барбары. Большинство венгерских дворян из венской и будайской Терезианских академий выбрали в качестве места учебы Пресбургский университет. Нередко нововведения пагубно сказывались на учебном процессе. Гимназия в Брюнне — одна из старейших школ Моравии — в 1782 г. была выселена из занимаемого помещения, отданного императором под казарму, вплоть до 1783 г. ютилась по разным монастырским подворьям, пока наконец не получила здание, которое

«своими темными и мрачными помещениями мало подходило для этих целей» и где «некоторые классы были слишком малы для занятий»²²³.

Во главу угла йозефинской школьной системы был положен принцип, согласно которому каждый юноша, достигший соответствующего возраста, имел право учиться в любом учебном заведении монархии Габсбургов по своему выбору, если его успеваемость и прилежание, подтвержденные официальным аттестатом, соответствовали требованиям выбранного им учебного заведения. Декретами 1784 г. вводились единые для всей страны стипендии трех категорий. Для венгерских дворян источником стипендий первой категории служили доходы аббатства Батасек, венгерская доля стипендиального фонда Лёвенбургского конвикта и доходы аббатства Печварад. Поскольку размер стипендии по сравнению с терезианской эпохой был существенно урезан, то число стипендиатов первой категории удвоилось, составив 97 человек. Стипендии второй категории на территории Венгрии складывались из доходов конвикта в городке Сентанна и вацкого Терезианума, из них субсидировались 84 стипендиата. Учебно-стипендиальные фонды всех остальных учебных заведений были приписаны к третьей категории, на которую ежегодно приходилось 250 государственных стипендий. Характерно, что желая упростить доступ к образованию именно для наименее обеспеченных слоев населения, Иосиф распорядился направлять капитализацию процентов по вкладам стипендиального фонда на создание как минимум 426 дополнительных учебных мест именно в третьей, и без того самой многочисленной категории²²⁴.

Стипендии первой категории предназначались для дворян и составляли 260 фт. в год. Стипендии второй (200 фт.) и третьей (160 фт.) категорий могли выделяться дворянам лишь в качестве исключения. Таким образом, резервируя стипендии для привилегированного сословия, император на деле гарантировал талантливым недворянам доступ к бесплатному образованию в учебных заведениях второй и третьей категории. Если ранее размеры стипендии прежде всего определялись исходя из реальной суммы затрат на одного ученика и размеров стипендиального фонда, то отныне устанавливалось столь дорогое сердцу Иосифа II единообразие: исчезала пропасть между элитарными столичными академиями, с одной стороны, и бедными провинциальными конвиктами, с другой.

Для лучшего контроля за доходами и расходами все государственные, частные и корпоративные фонды объединялись в еди-

ный национальный фонд (отдельно для Австро-Чешских провинций и для Венгрии). В императорском декрете говорилось, что с роспуском ордена иезуитов многие их капиталы перешли в ненадежные руки, управление другими оказалось слишком дорогим и беспорядочным, так что государство недосчиталось крупных сумм. Поэтому весь стипендиальный фонд Венгрии, сформированный из фондов различных академий и конвиктов, вверялся Наместническому совету, который должен был осуществлять верховное управление и надзор над всеми финансами и недвижимой собственностью²²⁵.

Основанием получения стипендии мог служить единственно аттестат с отметками за успеваемость и прилежание. Согласно существовавшей в то время практике, ученики, в зависимости от успехов в учебе, делились на три класса успеваемости. Получавшие только высшие баллы причислялись к самой высокой категории отличников. Те, чьи успехи оценивались как второй класс, не имели права на государственную стипендию и оставались на второй год. Опускавшиеся до третьего класса подлежали отчислению. Строгое разъяснение властей гласило: «Существует немалая разница между получением и потерей стипендии: получение или повышение происходит постепенно, начиная с самой низкой категории, когда же стипендиат первой категории пренебрегает учебой, то он не постепенно деградирует до второй или третьей категории, но немедленно лишается стипендии и теряет сразу все»²²⁶.

«Если намерения, которыми руководствовался император Иосиф в своих реформах, были, как известно, самыми добрыми, — писали в 1878 г. авторы юбилейного сборника по истории Брюннской гимназии, — то последствия им вовсе не соответствовали»²²⁷. С одной стороны, император стремился к тому, чтобы в университетах учились только лучшие из лучших, с другой — вменил в обязанность всем желающим занять какую бы то ни было государственную должность предъявлять свидетельство об окончании отечественного коллегіума или университета. Вследствие этого противоречия даже весьма посредственные «дарования» стремились поступить в университет и с максимальной поспешностью его окончить. Иосиф требовал, чтобы учителя строго придерживались рекомендованных учебных планов и не смели ни на йоту отступать от текстов учебников. Это не привело к желанному единому стандарту образования, зато вызвало стагнацию в педагогической среде, где любая свежая мысль и разумное нововведение бездушно подавлялись.

Император стремился свести к минимуму финансовые злоупотребления со стипендиальными фондами и предписал, чтобы родители лично являлись за деньгами в центральную стипендиальную кассу. Получалось, что родители со всех концов страны были вынуждены за свой счет ежегодно отправляться в путь за деньгами или поручать эту миссию доверенным лицам.

К концу 1780-х годов стало очевидно, что в результате многочисленных перемен и нововведений цель, которую ставил Иосиф, так и не была достигнута. 9 февраля 1790 г. император повелел учредить специальную комиссию для скорейшего изменения всей системы высшего образования, однако еще до того, как были сделаны первые указания по выполнению императорского приказа, 20 февраля 1790 г., Иосиф II скоропостижно скончался. При Леопольде II и Франце II было сохранено (с некоторыми изменениями) главное достижение школьных реформ Иосифа II — единая общенациональная система стипендий, но произошло частичное восстановление инфраструктуры терезианской эпохи: многие учебные заведения, прежде снижавшие себе заслуженную славу и безжалостно распущенные императором, вновь открывали свои двери для дворянской молодежи. Своеобразным символом возвращения к лучшим достижениям уходящего столетия стало восстановление в 1797 г. венского Терезианума.

Таким образом, и Мария Терезия, и Иосиф II разными, порой диаметрально противоположными методами стремились поставить школьную и стипендиальную систему под государственный контроль и подчинить образование общественным нуждам. В то же время, если в эпоху правления Марии Терезии, несмотря на все большее внимание, уделявшееся способностям и склонностям ребенка, доступ в престижные учебные заведения продолжал оставаться частным случаем монаршей милости к заслуженным родителям, то при Иосифе, перестав быть элитарным, образование, — пусть не всегда на практике, но в официально провозглашенном властями принципе, — должно было стать уделом талантливых и прилежных учеников. После смерти реформатора терезианская система не была восстановлена в полном объеме. Объяснение связано прежде всего с организационными и финансовыми трудностями, но и с тем обстоятельством, что дворянство, зарезервировав элитарную модель образования в форме венского Терезианума для высших слоев, уже могло реализовывать свои потребности в образовании в учебных заведениях, лишенных атрибутов сословной исключительности.

Примечания

¹ *Melton J. V. H. Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988. P. 77.*

² См., например: *Grimm G. Die Schulreform Maria Theresias, 1747–1775. Das österreichische Gymnasium zwischen Standeschule und allgemein bildender Lehranstalt im Spannungsfeld von Ordensschulwesen, theresianischem Reformabsolutismus und Aufklärungspädagogik. Frankfurt a. M. etc., 1987. S. 93; Melton J. V. H. Op. cit. P. XXII; Kowalská E. Theresianische und josephinische Schulreformen und deren Bedeutung für die Entwicklung der slowakischen Nation // Die maria-theresianischen und josephinischen Reformen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der Slowakei. Bratislava, 1998. S. 67.*

³ *Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994. P. 191–192.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Мадаруага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 786–788; Polz P. Theodor Janković und die Schulreform in Rußland // Die Aufklärung in Ost- und Südosteuropa. Köln; Wien, 1972.*

⁶ *Szabo F. A. J. Op. cit. P. 194.*

⁷ *Melton J. V. H. Op. cit. P. 211.*

⁸ *Allgemeine Schulordnung für die deutschen Normal-, Haupt- und Trivialschulen im sämmtlichen Kayserl. Königl. Erbländern. Wien, 1774.*

⁹ Цит. по: *Митрофанов П. П. Деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907. С. 729.*

¹⁰ Там же.

¹¹ *Fináczy E. A magyarországi közoktatás története Mária Terézia korában. Bp., 1899. 2. köt. 61. old.*

¹² *Schlecht L. Gratian Marx; Studien-Reformator in Österreich // Neues Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst. II. (XXI.) Jahrgang. 89. Wien, 1830. S. 701–705.*

¹³ *Dittrich C. F., Weingartner L., Schwippel C. Geschichte des deutschen Staats-Ober-Gymnasiums in Brünn von der Gründung desselben im Jahre 1578 bis zum Jahre 1878. Festschrift zur Jubelfeier seines 300-jährigen Bestandes. Brünn, 1878. S. 54.*

¹⁴ *Klingenstein G. Bildungskrise: Gymnasien und Universitäten im Spannungsfeld theresianischer Aufklärung // Maria Theresia und Ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todestages / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980. S. 221.*

¹⁵ *Klingenstein G.* Der Aufstieg des Hauses Kaunitz. Studien zur Herkunft und Bildung des Staatskanzlers Wenzel Anton. Göttingen, 1975. S. 137–138.

¹⁶ См.: *Grimm G.* Elitäre Bildungsinstitution oder «Bürgerschule»? Das österreichische Gymnasium zwischen Tradition und Innovation, 1773–1819. Frankfurt. M. etc., 1995. С проблемой регулирования и даже ограничения доступа к образованию для беднейших слоев населения власти сталкивались и век спустя. См., например: *Коэн Г.* Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX — начале XX в. // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / Под. ред. Т. М. Исламова, А. И. Миллера. М., 1995. С. 155–199.

¹⁷ HHStA. Kabinettsarchiv. Alte Kabinettsakten. Karton 1. Copia Vortrages des Baron von Kressel.

¹⁸ *Schwarz J.* Geschichte der k. k. Theresianischen Akademie von ihrer Gründung bis zum Curatorium Sr Excellenz Anton Ritter von Schmerling, 1746–1865. Wien, 1890. S. 14.

¹⁹ *Schwarz J.* Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie in Wien vom Jahre 1746 bis 1778. Wien, 1897. S. 137–138.

²⁰ *Schwarz J.* Die niederen und höheren Studien an der k. k. Theresianischen Akademie in Wien. Teil I // Jahresbericht über das Gymnasium an der k. k. Theresianischen Akademie. Wien, 1903. S. 23–25.

²¹ Vorstellung der Literargeschichte, der Matematik und Historie, nach welcher an der k. k. theres. sav. Ritterakademie die Herren Achaz v. Petteneck, Franz v. Menschengen, Joseph Freyherr v. Gebler auf der öffentlichen garelischen Bibliothek den 22. Augusti 1782, geprüftet werden. Wien, 1782.

²² См.: MOL. A 39. 3479, 3692, 4667/1775.

²³ Ibid. 176/1782.

²⁴ См.: Album. S. 37, 41.

²⁵ HKA. KZAB. № 261 (1774–1777). Fol. 133; № 262 (1778–1782). Fol. 2.

²⁶ MOL. A 39. 6993/1778.

²⁷ Не удалось установить, все ли то время, что Ф. Патачич пробыл в Вене (с 1771 по 1777 г.), он был батасекским пансионером.

²⁸ MOL A 39. 4702, 6340/1777.

²⁹ Ibid. 206/1778.

³⁰ *Wagner H.* Royal Graces and Legal Claims: the Pension Payments of Maria Theresa and Their Withdrawal by Joseph II // Intellectual and Social Developments in the Habsburg Empire from

Maria Theresa to World War I / Ed. by S. B. Winters, J. Held. London; New York, 1975. P. 18.

³¹ MOL. A 39. 5913/1772.

³² Ibid. 6993/1778.

³³ Ibid. 3233/1780.

³⁴ Ibid. 4006/1777.

³⁵ Ibid. 5321; 5968; 5969/1774.

³⁶ Ibid. 5775; 6118/1776.

³⁷ НКА. KZAB. № 261. (Jahre 1774–1777). S. 130, 132.

³⁸ MOL. A 39. 5775; 6118/1776.

³⁹ Ibid. 9774/1783.

⁴⁰ Рима-Сомбат — совр. Рима-Собота в Словакии.

⁴¹ MOL. 5930/1779.

⁴² Ibid. 9774; 10078/1783.

⁴³ См. квитанции за обучение отдельных студентов из Трансильвании: Ibid. В 2. 2085/1781.

⁴⁴ Ibid. 841/1776.

⁴⁵ Ibid. 1043/1776.

⁴⁶ Ibid. 1686/1776.

⁴⁷ Ibid. 1658/1777. В документах канцелярии упоминается дворянин Иштван Габорфи, в то время как в квитанциях, которые венские власти направляли в канцелярию, и позднее в «Альбоме» М. Геммель-Флишбаха в те же годы (1777–1779) фигурирует Пал Габорфи. Возможно, что речь идет об одном и том же студенте.

⁴⁸ Ibid. 1707/1777.

⁴⁹ Ibid. 1167/1778.

⁵⁰ Ibid. 946/1779.

⁵¹ В 1779 г. в документах Трансильванской придворной канцелярии и венгерского королевского Наместнического совета юноша именуется Андрашем Габорфи, хотя речь идет о студенте, переводимом из венского Терезианума. Возможно, в очередной раз произошла путаница.

⁵² О приеме трансильванских дворян в будайскую Терезианскую академию см. в материалах венгерского Наместнического совета: MOL. C 67. 1779. Universitas Budensis. Fasc. 30. 159 cs. №. 2, 14, 80, 85, 90, 93.

⁵³ Ibid. В 2. 1160/1780.

⁵⁴ См., напр.: Ibid. А 39. 3277/1774; 2479/1776; 2260/1782.

⁵⁵ НКА. KZAB. № 261 (1774–1777); № 262 (1778–1782).

⁵⁶ MOL. А 39. 4933/1774.

⁵⁷ Ibid. 4111/1778.

⁵⁸ Ibid. 5549/1782.

⁵⁹ *Csóka J. L. Mária Terézia iskolareformja és Kollár Ádám. Pannonhalma, 1936. 61. old.; Idem. Ratio educationis korszaka // Magyar művelődéstörténet. IV. köt. Barokk és felvilágosodás. S. l. et a. 453–481. old.*

⁶⁰ *Mészáros I. Az iskolaügy története Magyarországon 996–1777 között. Bp., 1981. 657. old.*

⁶¹ Бестерцебаня (в немецкой традиции Нойзоль) — совр. Банска Быстрица в Словакии.

⁶² Унгвар — совр. Ужгород в Украине.

⁶³ *Madzsar I. Első tankerületi beosztásunk keletkezése // Magyar Pedagógia. A Magyar Pedagógiai Társaság havi folyóirata. Bp., 1922. XXXI. évf. 6. sz. 97–108. old.*

⁶⁴ *Kosáry D. Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. Bp., 1980. 414. old.*

⁶⁵ См., например: MOL. A 39. 2157/1770.

⁶⁶ *Madzsar I. Vörös Antal a budai tankerület első főigazgatója (1728–1802) // A Budapesti Tankerület 3. számú értesítője 1921–1922. Bp., 1922. 88–93. old.*

⁶⁷ *Ratio educationis. Az 1777-i és az 1806-i kiadás magyar nyelvű fordítása / Fordította, jegyzetekkel és mutatykkal ellátta Mészáros I. Bp., 1981.*

⁶⁸ О новом школьном уставе и его значении для лютеран Верхней Венгрии см.: *Kowalská E. Evanjelické A. V. spoločenstvo v 18. storočí. Hlavné problémy jeho vyvoja a fungovania v spoločnosti. Bratislava, 2001.*

⁶⁹ *Kornis Gy. Magyarország közoktatásügye a világháború óta. Bp., 1927. 9. old.*

⁷⁰ *Ratio educationis. 76. old.*

⁷¹ Ibid. 123; 130–131 old.

⁷² *Melton J. V. H. Op. cit. P. 229.*

⁷³ *Kornis Gy. Op. cit. 11. old.*

⁷⁴ См., напр.: *Izzo J. B. Elementa architecturae militaris, Vindobonae, 1765; Idem. Anleitung zur bürgerlichen Baukunst zum Gebrauche der deutschen Schulen in den kaiserl. königl. Staaten. Wien, 1777.*

⁷⁵ *Szentpétery I. A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935.*

⁷⁶ *Szalay Gy. A királyi egyetemi katolikus gimnázium története, 1687–1937. Bp., 1937. 59. old.*

⁷⁷ MOL. A 39. 501/1777.

⁷⁸ Ibid. 4964/1777. P. 227–228.

⁷⁹ Ibid. 2895/1777. P. 8–9.

- ⁸⁰ Ibid. 1503/1780.
- ⁸¹ Ibid. 2895/1777. P. 21–23.
- ⁸² Ibid. 2895/1777. P. 25.
- ⁸³ Ibid. 5396/1777.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ibid. 290/1778.
- ⁸⁶ Ibid. C 67. 1778. Protocolla. 3 cs. 71. old.
- ⁸⁷ Ibid. A 39. 331/1778.
- ⁸⁸ Ibid. 1230/1778.
- ⁸⁹ Ibid. E 584. Fekete család levéltára. 41. cs. Fekete György – alkancellári iratai. № 63. Nagyszombati egyetem dunaföldvári uradalma és az egyetem pénzgazdálkodása, 1769–1773.
- ⁹⁰ Testőrség. 5. old.
- ⁹¹ MOL. A 39. 1503/1780.
- ⁹² Скорее всего, Ференц Хуняди впоследствии все-таки был зачислен в пансионеры Терезианской академии, поскольку в бумагах канцелярии проходит информация об образовании вакантного места после того, как в 1782 г. юноша покинул стены этого учебного заведения. См.: Ibid. 7164/1782.
- ⁹³ Ibid. 2469/1779.
- ⁹⁴ Ibid. C 67. 1779. Universitas Budensis. Fasc. 30. 159 cs. № 11.
- ⁹⁵ Ibid. A 39. 2567/1779.
- ⁹⁶ Ibid. 2891/1779.
- ⁹⁷ Ibid. 4179/1779.
- ⁹⁸ Kidd C. *British Identities Before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800*. Cambridge, 1999. P. 288.
- ⁹⁹ Фиуме — совр. Ријека в Хорватии.
- ¹⁰⁰ MOL. A 39. 2603/1777.
- ¹⁰¹ Ibid. 1914/1773.
- ¹⁰² Ibid. 3858/1779.
- ¹⁰³ Ibid. 1508/1777.
- ¹⁰⁴ Петтау — совр. Птуй в Словении.
- ¹⁰⁵ HHStA. *Handbillettenprotokolle*. Bd. 11. *Protokollum separatum aller erlassenen allerhöchsten Handbillets von November 1774 bis Ende December 1778*. № 384. S. 325.
- ¹⁰⁶ MOL. A 39. 3712/1778.
- ¹⁰⁷ См.: Nikola Škrlec *Lomnicki, 1729–1799*. Zagreb, 1999–2001. Sv. 1–3.
- ¹⁰⁸ MOL. A 39. 8596/1783.
- ¹⁰⁹ Ibid. C 67. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182 cs. № 14, 65.
- ¹¹⁰ Ibid. A 39. 3252/1780; C 67. 1781 Protocolla. 6 cs. P. 687.

- ¹¹¹ Ibid. A 39. 5187/1781.
- ¹¹² Ibid. 5312/1781.
- ¹¹³ Ibid.
- ¹¹⁴ Ibid. 6879/1782.
- ¹¹⁵ Ibid. 7164/1782.
- ¹¹⁶ Merkur von Ungarn, oder Litterarzeitung für das Königreich Ungarn und dessen Kronländer. Herausgegeben von einer Gesellschaft patriotischer Liebhaber der Litteratur auf das Jahr 1786. Viertes Heft. Pest, 1786. S. 405.
- ¹¹⁷ MOL. A 39. 4463/1779.
- ¹¹⁸ Ibid. 5027/1779.
- ¹¹⁹ Ibid. 1452/1782.
- ¹²⁰ Nagy I. Magyarország családai czimerekkel és nemzedékrendi táblákkal. Pest, 1858. 4. köt. 365–366. old.
- ¹²¹ Zedler J. H. Grosses Vollständiges Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste. Leipzig; Halle, 1744. Bd. 41. S. 1561.
- ¹²² La Vopa A. Grace, Talent and Merit: Poor Students, Clerical Careers and Professional Ideology in Eighteenth-Century Germany. Cambridge, 1988. P. 173.
- ¹²³ Ibid. P. 172.
- ¹²⁴ НКА. UC. Fasc. 41. Subd. Stiftungen. 787. № 113 ex Oct. 1769. Fol. 380.
- ¹²⁵ Ibid. № 108 ex Sept. 1774. Fol. 292.
- ¹²⁶ MOL. A 39. 690/1775
- ¹²⁷ Ibid. 2895/1777. P. 25–26.
- ¹²⁸ Цит по: ŠOAB. ŽBDP. Т. 96. S. 647. Резолюция № 3222 от 23 июня 1777 г.
- ¹²⁹ Цит по: Ibid. S. 720.
- ¹³⁰ MOL. A 39. 1503/1780.
- ¹³¹ Ibid. 3857/1779.
- ¹³² Ibid. 4209/1779.
- ¹³³ Ibid. 5312/1781.
- ¹³⁴ Ibid. C 67. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182. cs. № 14.
- ¹³⁵ Ibid. Fasc. 30. 159 cs. № 10.
- ¹³⁶ Ibid. A 39. 5468/1783.
- ¹³⁷ Ibid. 9286/1783.
- ¹³⁸ Цит. по: Ibid. C 67. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182. cs. No. 47.
- ¹³⁹ Ibid. № 79.
- ¹⁴⁰ Eisenstadt S. N., Roniger L. Patron-Client Relations as a Model of Structuring Social Exchange // Comparative Study in Society and History. An International Quarterly. 1980. Vol. 22. P. 42–43.

¹⁴¹ См., например: *Harding R. R. Anatomy of Power Elite: the Provincial Governors of Early Modern France*. New Heaven, 1978; *Beik W. Absolutism and Society in Seventeenth-Century France. State Power and Provincial Aristocracy in Languedoc*. Cambridge, 1985.

¹⁴² *Kettering Sh. The Historical Development of Political Clientelism // Journal of Interdisciplinary History*. 1988. Vol. XVIII. № 3. P. 425–426.

¹⁴³ См. пространную жалобу комитата Загреб на Ф. Балаша: *Repraesentatio Congregationis I. Comitatus Zagrabienensis*. Zagreb, 1790. P. 3–10.

¹⁴⁴ Примечательно, что на страницах авторитетнейшего труда по истории культуры Венгрии в XVIII в. Ференц Балаша удостоился единственного упоминания. (См.: *Kosáry D. A Művelődés... 414. old.*). В то же время сам Д. Кошари одним из первых призвал к пересмотру роли тех представителей венгерского дворянства, которые рассматривали проведение реформ только в союзе с Веней. См.: *Idem. Felvilágosult abszolútizmus — felvilágosult rendiség // TSz*. 1976; *Idem. Aufgeklärter Absolutismus — aufgeklärte Ständepolitik: Zur Geschichte Ungarns im 18. Jahrhundert // Südost-Forschungen*. 1980. Vol. XXXIX.

¹⁴⁵ ННStA. Nachlaß Nenny. Karton 2. Письмо от 26.I.1766.

¹⁴⁶ *Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000.*

¹⁴⁷ См.: ННStA. Nachlaß Nenny. Karton 1. Письмо от 15. IV. 1763.

¹⁴⁸ WD. 1754. № 81.

¹⁴⁹ НКА. HZAB. № 240. 1755. S. 497.

¹⁵⁰ *Schwarz J. Die niederen und höheren Studien*. I. S. 15–16.

¹⁵¹ MOL. P 1765. 49. cs. 22. t. № 392.

¹⁵² ННStA. Oberstkämmererams. Reihe betreffend Kämmerer-Ernennungen (Serie F). Bd 4. Kämmererindex, 1723–1785.

¹⁵³ MOL. P 1765. 54. cs. 22. t. № 1609.

¹⁵⁴ Ibid. № 1607.

¹⁵⁵ Ibid. 41. cs. 21. t. № 419.

¹⁵⁶ См., например, рекомендацию, данную Михаю Надю, желавшему получить место управляющего коронным владением Эберхард: Ibid. 54. cs. 22. t. № 1620.

¹⁵⁷ *Winkelbauer Th. Fürst und Fürstendiener. Gundaker von Liechtenstein, ein österreichischer Aristokrat des konfessionellen Zeitalters*. Wien; München, 1999. S. 207. S. 263.

¹⁵⁸ MOL. P 1765. 52. cs. 22. t. № 1019.

¹⁵⁹ Письмо Б. Кончека к Ф. Балашша от 7.V.1761 см.: Ibid. 60. cs. 22. t. № 5033. Речь Л. Кончека, произнесенную 15.V.1761, см.: *Cironus I. Paratitla in tres priores libros decreta alium Gregorii IX. nunc primum in Germania edita, cum praefatione de Corporis Iuris Canonici receptione...* Vindobonae, 1761 (Приложение).

¹⁶⁰ MOL. P 1765. 54. cs. 22. t. № 1616.

¹⁶¹ Ср.: Ibid. 86. cs. 22. t. № 9783; A 39. 5396/1777.

¹⁶² Ibid. P 1765. 51. cs. 22. t. № 919.

¹⁶³ *Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France*. Oxford; New York, 1986. P. 13–18.

¹⁶⁴ Идентичные по содержанию письма без даты хранятся в личном архиве Ф. Балашша (См.: MOL. P 1765. 54. cs. 22. t. № 1872) и бумагах за 1774 г. Комиссии по делам благочестивых фондов при Наместническом совете (См.: Ibid. C 39. Lad. A. Fasc. 22).

¹⁶⁵ См: Ibid. A 39. 3233/1780; C 67. 1780. Universitas Budensis. Fasc. 12. 182. cs. № 27; P 1765. 83. cs. 22. t. № 8913.

¹⁶⁶ НКА. KZAB. № 262: Jahre 1778–1782. S. 41.

¹⁶⁷ MOL. P 1765. 65. cs. 22. t. № 4494–4495.

¹⁶⁸ Ibid. P 398. № 03113.

¹⁶⁹ Ibid. P 1765. 60. cs. 22. t. № 3362.

¹⁷⁰ ŠOAB. ŽBDP. T. 92. S. 385.

¹⁷¹ Кеккё — совр. Модры Камень в Словакии.

¹⁷² MOL. P 1765. 45. cs. 21. t. № 2025.

¹⁷³ Ibid. 48. cs. 21. t. № 274.

¹⁷⁴ Историю семьи см.: *Éble G. A nagykárolyi gróf Károlyi család leszármazása a leányági ivadékok feltüntetésével*. Bp., 1913.

¹⁷⁵ См. интересный документ эпохи — переписку III. Каройи с женой, Кристиной Баркоци: *Károlyi Sándor levelei feleségéhez, 1704–1724 / Szerk. Kovács Á. Debrecen, 1994.*

¹⁷⁶ *Berkeszi I. A gróf Haller fiúk iskoláztatása a XVIII. század első felében*. Bp., 1883.

¹⁷⁷ См., например, стихотворение П. Аньоша «Истинный патриот», написанное в 1778 г. *Anyos P. Válogatott művei*. Bp., 1984. 39–42. old.

¹⁷⁸ *Ürményi J. Beszédje, melyet a' nagy méltóságú Grófhhoz, nagy-károlyi Károlyi Antal urhoz, Ő Excellentiájához && mint királyi fő-commissáriushoz: Ez az egybe gyűltt Nemes Bihar Vár-Megyének Rendeihez, 's Státussaihoz midőn Ugyan N. Bihar Vár-Megyének Fő-Ispányi méltóságában nagy pompás készüllettel bé-iktattatnék, Szent János Havának XIII-dik napján mondott*. Nagy-Váradon, 1782. 8. old.

¹⁷⁹ MOL. P 398. № 66604; 7912.

- ¹⁸⁰ Ibid. № 38161; 38163; 37164.
- ¹⁸¹ Ibid. № 66610.
- ¹⁸² Ibid. № 82576.
- ¹⁸³ Ibid. A 39 5187/1781.
- ¹⁸⁴ Ibid. P 398. № 11060.
- ¹⁸⁵ Ibid. № 11066.
- ¹⁸⁶ Ibid. № 11059.
- ¹⁸⁷ Ibid. № 11068.
- ¹⁸⁸ Ibid. № 40055.
- ¹⁸⁹ Ibid. № 40057.
- ¹⁹⁰ Ibid. № 40062.
- ¹⁹¹ Ibid. № 40059.
- ¹⁹² Ibid. № 40069.
- ¹⁹² Ibid. № 40054.
- ¹⁹³ Ibid.
- ¹⁹⁴ Ibid. № 40416.
- ¹⁹⁵ Ibid. № 40062.
- ¹⁹⁶ Ibid. № 40061.
- ¹⁹⁷ Ibid. № 40069.
- ¹⁹⁸ Ibid. № 40418.
- ¹⁹⁹ Ibid. № 40424.
- ²⁰⁰ См. протоколы учебной комиссии: Ibid. C 67. 1777–1782. *Protocolla*. 2–7. cs.
- ²⁰¹ Ibid. P 398. № 40069.
- ²⁰² Ibid. № 40080; 40081.
- ²⁰³ Ibid. № 40078; C 67. 1779. *Universitas Budensis*. Fasc. 30. 159 cs.
- ²⁰⁴ Ibid. A 39. 1320/1782.
- ²⁰⁵ Ibid. C 67. 1779. *Universitas Budensis*. Fasc. 30. 159 cs.
- ²⁰⁶ Сентанна — совр. Сынтана в Румынии.
- ²⁰⁷ MOL. P 398. № 25482.
- ²⁰⁸ *Klobusiczky P.* Halottas beszéd, melyet azon alkalmatossággal, midőn néh. Nagy-Károlyi gróf Károlyi Antal úr 1791. eszt. gyászoz egyházi szertartással eltemettetett, utánnaváló napon Szent-Mihály havának 26. Kaplonyban mondott. Pest; Pozsony, 1792. 17. old.
- ²⁰⁹ Ibid. 19–20. old.
- ²¹⁰ *Wallner J.* Geschichte des Convictes in Olmütz von der Gründung bis zur Vereinigung mit der k. k. Theresianischen Akademie in Wien, 1566–1782. Brünn, 1903.
- ²¹¹ *Brendler A.* Das Wirken P. P. Piaristen seit Ansiedelung in Wien im Collegium in der Josefstadt, zu St. Thekla auf der Wieden und im Löwenburg'schen Convicte. Wien, 1896. S. 241.

²¹² *Rousseau J.-J. Emile ou de l'éducation // Oeuvres complètes. Paris, 1969. Vol. IV.*

²¹³ См.: *Soëtard M. Pestalozzis Pädagogik am Schnittpunkt zwischen Aufklärung und Pietismus // Das Kind in Pietismus und Aufklärung. Beiträge des Internationalen Symposiums vom 12.–15. November 1997 / Hrsg. von J. N. Neumann, U. Sträter. Tübingen, 1999. S. 309–320.*

²¹⁴ Cp.: *Mairbäurl G. Die Familie als Werkstatt der Erziehung. Rollenbilder des Kindertheaters und soziale Realität im späten 18. Jahrhundert. München, 1983.*

²¹⁵ MOL. A 39. 4152/1784.

²¹⁶ *Wangermann E. Aufklärung und staatsbürgerliche Erziehung. Gottfried van Swieten als Reformator des österreichischen Unterrichtswesens 1781–1791. Wien, 1978. S. 50.*

²¹⁷ MOL. Festetics család levéltára. P 259. 3 d. Emmanuel Stillfried levelei. Письмо от 9.XI.1783.

²¹⁸ *Brendler A. Op. cit. S. 244.*

²¹⁹ MOL. A 39. 6702/1779.

²²⁰ Ibid. 5663/1777.

²²¹ Ibid. 5947; 6091; 6120/1777.

²²² Ibid. 1477/1780. См. также: *Balázs É. Egy forrás margójára // Európa vonzásában. Emlékkönyv Kosáry Domokos 80. születésnapjára / Szerk. Glatz F. Bp., 1993.*

²²³ *Dittrich C.-F. et al. Op. cit. S. 64.*

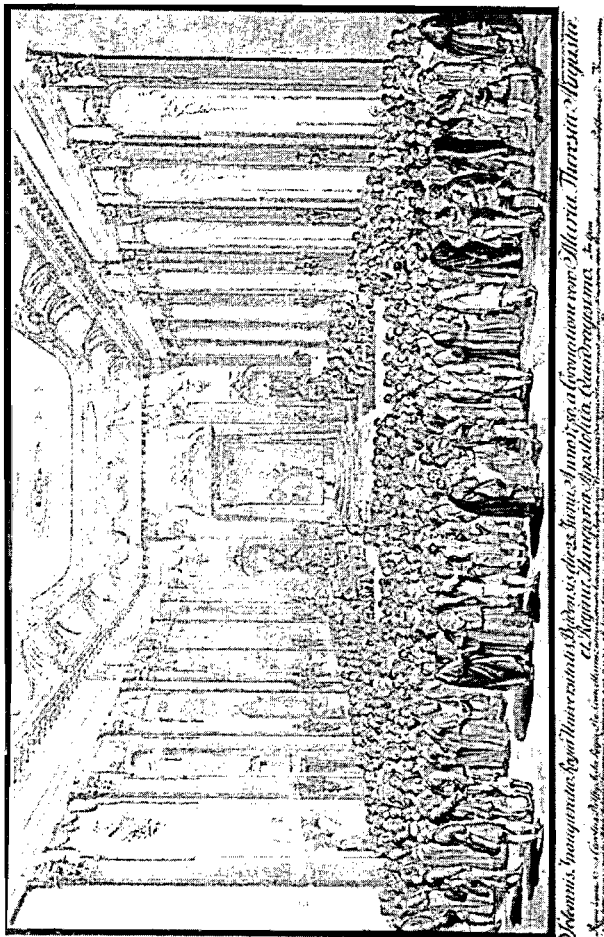
²²⁴ *Merkur von Ungarn... S. 382–383.*

²²⁵ Ibid. S. 365–366.

²²⁶ Ibid. S. 388.

²²⁷ *Dittrich C.-F. et al. Op. cit. S. 60–61.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальное открытие университета в Бонне. 1780 г.

«Я не смог добиться поступления детей в Терезианский коллегийум, ибо все стипендиальные места уже заняты, но император обещал мне первую же вакансию. Тем не менее, поскольку не в моих интересах мириться с тем сомнительным образованием, которое они получают в настоящее время, я нашел еще один способ достигнуть цели, о нем я буду иметь честь сообщить Вам подробнее по приезде», — писал в декабре 1797 г. своей матери Каетане Штильфрид венгерский офицер Йозеф Фештетич, тот самый, что когда-то скрупулезно отчитывался перед родителями о своих мельчайших расходах¹. Итак, элиты монархии по-прежнему нуждались в привилегированном учебном заведении, где юные аристократы заводили бы дружбу, делали первые самостоятельные шаги при дворе, совершенствовались в полезных будущим государственным мужам науках. Именно поэтому осенью 1797 г. началась вторая жизнь венского Терезианума, и как прежде родители прилагали все усилия, чтобы их сын был зачислен в прославленную школу. Однако о реставрации старой системы учебных заведений для дворян в прежнем виде речь уже не шла. Если во второй половине XVIII столетия в закрытых сословных школах им преподавались науки, знание которых возвышало дворянство над простолюдинами, то плодами реформ 1770-х годов стало включение многих из этих предметов в обязательные программы всех сословных гимназий и университетов.

Сопоставительный анализ коллегийумов, конвиктов, академий, возникших в годы правления Марии Терезии, убеждает, что, приступив к созданию образовательной инфраструктуры для дворянского сословия, венский двор и венгерские власти эмпирически искали оптимальные модели учебных заведений, удовлетворяющих целям проведения экономических и политических преобразований в монархии и учитывающих социальные практики, культурные запросы и духовные потребности различных слоев дворянства. Содержание учебных программ в привилегированных школах всех типов диктовалось необходимостью воспитания грамотных и лояльных служащих для различных уровней королевской администрации и органов сословного самоуправления, а организационные формы свиде-

тельствовали об особом, предначертанном лишь благородному юношеству, пути к знаниям. Реформы, сопровождавшиеся все расширявшимся вмешательством государства в школьное дело (прежде находившееся в ведении католической церкви), поставили перед властями проблему четкого определения критериев отбора кандидатов на стипендии и открыли перед дворянским сообществом невиданные ранее возможности карьерного роста, в основе которого лежало бы образование.

На первом этапе реформ, с середины 40-х и до начала 60-х годов XVIII в., венский двор решал задачу создания классической рыцарской академии. Следуя проверенным и великолепно зарекомендовавшим себя немецким образцам, власти позволили Обществу Иисуса создать дворянский Терезианский коллегийум, в котором наставление по стандартному учебному плану иезуитов дополнялось бы лекциями по экономике, праву, занятиями языками, совершенствованием в непререкаемых для благородного юношества «дворянских упражнениях». Терезианум и другие столичные элитарные школы пропагандировали в среде аристократии и дворянства уникальное сочетание врожденного благородства с превосходством, основанным на высокой образованности. Особое покровительство, оказываемое данным учебным заведениям венским двором, заставляло родителей во всех владениях Габсбургского дома и даже Священной Римской империи направлять туда своих детей. Юные же воспитанники, блистая на торжественных публичных экзаменах по имперскому праву, всеобщей истории или военной инженерии в присутствии императрицы и первых лиц государства, служили лучшим доказательством того, что дворянин обязан овладеть началами наук.

К началу 60-х годов XVIII в. явственно обнаружилась необходимость качественного улучшения профессиональной подготовки широких слоев служилого дворянства, поэтому на втором этапе реформ образовательной инфраструктуры — вплоть до середины 1770-х — еще большее значение приобрели инициативы, направленные на обеспечение доступа к образованию для тех слоев дворянства, которые на протяжении поколений занимали ключевые должности в комитатских администрациях или служили в таких центральных правительственных органах, как Венгерская канцелярия, Наместнический совет или Казенная палата. Наиболее заметными вехами на пути административной и культурной интеграции Венгрии в монархию Габсбургов стали Сенцкий политико-экономический коллегийум

(замышлявшийся как единое для всей монархии специализированное учебное заведение по подготовке управленцев и финансистов), повсеместное преподавание двухгодичного стандартного курса политико-камеральных наук и вацский Терезианский коллегийум (он перенес на венгерскую почву методики, зарекомендовавшие себя в его венском прототипе).

Зачисление в стипендиаты, обещающее отцам избавление от части материальных забот и дававшее сыновьям шанс обрести профессиональную и социальную состоятельность, превращалось (что подтверждает современные теории о дисциплинирующем характере власти в раннее Новое время) в форму поощрения лояльности и исполнительности дворянских подданных и, в конечном итоге, в инструмент социального контроля над ними. Таким образом, государственные интересы совпадали с частными устремлениями отдельных семейств и категорий населения, а повышение образовательных стандартов постепенно меняло облик политической элиты. Дворяне, в свою очередь, с удивительным прагматизмом откликались на подобные, сулившие в будущем немалые выгоды, инициативы властей, умело задействовали доступные им механизмы патроната для попадания в престижные школы, точно выбирали аргументацию и стиль в ходатайствах о выделении стипендий. Достижение государством своих социальных и политических целей нередко становилось возможным благодаря уходящим корнями в феодальное прошлое структурам клиентелы.

Торжество новых приоритетов в образовании, ориентированном на подготовку лояльных профессионалов, и стремление дворянства вписаться в меняющиеся реалии общественной жизни с особой очевидностью проявились в систематизированном преподавании политико-камеральных наук, внушавших будущим чиновникам центральных и местных органов власти базовые принципы администрирования и финансового управления, демографической, социальной и культурной политики. Овладение курсом становилось лучшей рекомендацией при приеме на службу, и высокий конкурс на стипендиальные места, а также неуклонный рост вольных слушателей этих дисциплин свидетельствует об озабоченности венгерского дворянства сохранением своего ведущего положения в обществе, умелом использовании всех доступных ему механизмов, прежде всего механизмов патроната, для попадания в когорту «полезных», ценимых властями подданных через получение профилированного образования.

Тесное взаимодействие венского двора и венгерских властей, ответственных за распределение стипендий, с патронами и посредниками, мнению которых о тех или иных соискателях доверяли и к чьим рекомендациям прислушивались, особенно ярко иллюстрирует живучесть старых социальных форм и практик, поставленных на службу государственным интересам и подчиненных задачам реформирования общества. Семейственность или, говоря словами австрийского социолога Г. Штиммера, корпоративный непотизм, тесно связанный со средневековыми обычаями передачи рода профессиональной деятельности по наследству, становился формой филантропической поддержки, например детям и сиротам камеральных служащих, и гарантировал наделение королевскими стипендиями «достойных сыновей заслуженных отцов». Такие непрямые формы использования власти по причине своей объективной выгоды всем заинтересованным сторонам сохранялись даже на фоне введения все новых требований к соискателям.

Третий этап, с середины 70-х до середины 80-х годов XVIII в., ознаменовался коренными изменениями в системе образования в целом. Роспуск ордена иезуитов, секуляризация их собственности позволили на высвободившиеся средства провести крупномасштабную школьную реформу, направленную на систематизацию и стандартизацию содержания образования (при учете и сохранении региональной специфики), преобразование отдельных ступеней, постановку школы под все более жесткий контроль властей и на службу интересам государства. Целый ряд дисциплин, прежде доступный лишь в Трнавском университете и нескольких специализированных дворянских учебных заведениях (например политико-камеральные науки), вошли в обязательные программы гимназической ступени образования. Раньше привилегированные школы защищали социальный статус и общественный вес дворянского сословия за счет преподавания эксклюзивного набора предметов. Теперь эти школы, занимавшие все более скромное место в спектре учебных заведений королевства, давали дворянству возможность вписаться в меняющееся общество путем попадания в защищенный от конкуренции с простолюдинами сегмент образования.

При оценке социальной и культурной роли дворянских школ монархии во второй половине XVIII в. следует отметить три обстоятельства: во-первых, привилегированные учебные заведения с успехом выполняли свою изначальную функцию социа-

лизации элит при дворе и придавали большой динамизм последующей карьере воспитанников, во-вторых — независимо от изначальных намерений властей, «национальные» стипендиальные квоты объективно вносили вклад в консолидацию национальных и наднациональных сообществ, в-третьих — расширяя интеллектуальные горизонты дворянства и повышая его культурные запросы, дворянские учебные заведения постепенно меняли функции и облик этого сословия.

Удачное сравнение двора раннего Нового времени с «биржей» или «ярмаркой» патроната, принадлежащее немецкому историку Р. Ашу, можно с полным правом применить к привилегированным школам монархии. Обучение в дворянских коллегиумах и конвиктах, особенно в столице, как и служба в рядах венгерской дворянской лейб-гвардии предоставляли шанс завести полезные знакомства, проявить свои таланты и способности перед потенциальными патронами. Королевские стипендии, сохраняя свой филантропический характер — вспомоществование несчастным сиротам и впадшим в бедность родителям, все отчетливее обретали функцию социального контроля: получение стипендии становилось для «накопившего заслуги» отца поощрением, а для подающего надежды сына — шансом с ранних лет обратить на себя внимание монарха или начальника, подтвердить свое право на достигнутое предками общественное положение и, возможно, превзойти их на ниве служения государю и отечеству. Пусть не все, кто попадал на эту «ярмарку», смогли в будущем дослужиться до высоких должностей, важно, что венский двор и венгерские власти в середине XVIII в. включили доступ к образованию в число механизмов, регулирующих вступление в элиту и до известной степени повышающих социальную мобильность.

Этнически пестрый состав дворянских школ свидетельствует, что дорога к знаниям вела дворян из различных земель и провинций монархии к более тесной интеграции в будущую общеевропейскую элиту и одновременно консолидации в находившиеся в стадии формирования национальные сообщества. Представительство (нередко формально квотируемое) выходцев из различных коронных земель Габсбургского дома изначально было продиктовано стремлением гарантировать равные возможности для земель и провинций монархии. Отдаленной задачей такого «плавильного котла» было воспитание культурно гомогенизированной и политически лояльной элиты для

обретавшей черты централизованного государства монархии². Не случайно в венгерском массовом сознании в XIX в. венский Терезианум (не всегда справедливо) представлялся в образе питомника лишенной национальных чувств и слепо преданной династии Габсбургов аристократии. Стипендиальные места для выходцев из Нижней Австрии и Венгрии, итальянских владений и Бельгии, Штирии и Моравии, распределяемые с целью соблюдения баланса между «нациями», мыслились как центростремительный фактор в единой монархии. В то же время совместное обучение не только создавало уникальную среду для культурного взаимодействия и взаимообогащения будущих первых лиц при дворе и в администрациях земель и провинций, но и объективно способствовало формированию у учащихся национального самосознания и просвещенного патриотизма.

Развитие и расширение системы новых учебных заведений шло параллельно с важными, до поры подспудными сдвигами во взаимоотношениях государя и его дворянских подданных. Место эмоционально окрашенной вассальной верности и милости сюзерена, уходивших корнями в феодальную политическую культуру, занимали рациональные, четко сформулированные властями требования к компетентности и исполнительности. В таких условиях особое значение приобретала школа, где аристократов и сыновей мелких дворян в разных уголках монархии учили ответственному исполнению обязанностей в аппарате управления, армии и на дипломатической службе, прививали стремление к превосходству, основанному исключительно на личных достоинствах. Преобразования в сфере культуры принадлежат к тому роду социальных процессов, результаты которых становятся ощутимыми годы, если не десятилетия спустя³. Это в полной мере относится и к школьным реформам Марии Терезии.

Реформы Иосифа II в 80-е годы XVIII в. были бы невозможны, не окажись в рядах их многочисленных сторонников не только когорта протестантов, которые посещали лучшие университеты Европы, но и католиков, получивших образование в дворянских школах монархии, где учили служить общему благу⁴. Общественный подъем «эпохи реформ» во второй четверти XIX в. имел в качестве одного из источников своих успехов осознание массой дворянства прагматической необходимости учиться и, как следствие, постепенное изменение социального и культурного облика политической элиты. В современной венгерской историографии акцент нередко делается на сословном эгоизме

и узости кругозора подавляющей массы провинциального дворянства⁵, и все-таки именно благодаря реформе образования ширились ряды тех, кто жаждал экономических и социальных преобразований.

Несмотря на очевидные расхождения в методах проведения реформ между Марией Терезией и Иосифом II, как было показано выше, их объединяло стремление повысить общественную отдачу образования и одновременно если не минимизировать, то оптимизировать затраты на него. В конечном итоге многое из того, что радикально, в течение нескольких лет, осуществил Иосиф, подспудно десятилетиями готовилось в царствование его матери. Так, централизация финансов и управления ими не были бы возможны без создания Учебного фонда и распоряжающейся его средствами Учебной комиссии при Наместническом совете. С другой стороны, двух монархов характеризовали противоположные подходы к образованию для дворянского сословия как таковому: Мария Терезия пыталась изменить облик феодальной элиты с помощью привилегированных учебных заведений, Иосиф же, напротив, хотел построить современное общество, в котором нет места элитарному образованию.

Нельзя утверждать, что уходящая корнями в эпоху Контрреформации, медленно эволюционировавшая и постепенно усовершенствовавшаяся терезианская модель противоречила основным принципам просвещенческих реформ или что жестко централизованная йозефинская модель была единственным способом постановки школы на службу нуждам государства и общества. Сведение к минимуму юридически гарантированного, исключительного права дворян на доступ к элитарному образованию в длительной перспективе вело к тому, что в XIX в. привилегированные учебные заведения в Венгрии так и не возродились в своем былом великолепии, и те, кто не мог или не желал давать детям дорогостоящее домашнее образование, направляли их учиться в смешанные школы, гимназии, университеты, в силу чего преодолевалась былая сословная замкнутость венгерского общества. Таким образом, именно Иосиф II, правда ценой отказа от многих успешных практик предшествующего правления, ускорил внедрение меритократических критериев и ценностей, когда попадание в элиту уже не определялось правом рождения, но могло быть заслужено через образование, где школьная система, расширенная до границ национального сообщества, сама становилась инструментом его создания.

Примечания

¹ MOL. P. 259. Festetics Pálné. 1. d. Письмо Йозефа Фештетича от 4.XII.1797.

² По оценкам Г. Штиммера, около половины высших должностных лиц Австрийской империи во второй половине XIX в. были выпускниками Терезианской, Военной, Восточной или Инженерной академий. См.: *Stimmer G. Eliten in Österreich 1848–1970. Wien; Köln; Graz, 1997. Bd. 1.*

³ *Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994 P. 185–186; Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618–1815. P. 167.*

⁴ *Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An Experiment in Enlightened Absolutism. Вр., 1997.*

⁵ См., например: *Poór J. Adók, katonák, országgyűlések, 1796–1811/12. Вр., 2003.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Album — *Gemzell-Flischbach M.* Album der k. k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Verzeichnis sämtlicher Angehörigen der k. k. Theresianischen Akademie (ehemals k. k. Theresianische Ritterakademie)... mit kurzen biographischen Daten. Wien, 1913

AUW — Archiv der Universität Wien

CJH — Corpus Juris Hungarici

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

HKA — Hofkammerarchiv

HtK — Hadtörténelmi Közlemények

HZAB — Hofzahlamtsbücher

KZAB — Kammerzahlamtsbücher

LK — Levéltári Közlemények

MOL — Magyar Országos Levéltár

MPRKL — Magyar Piarista Rend Központi Levéltára

OSZKK — Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára

ÖC — Österreichisches Camerale

PML — Pest Megyei Levéltár

SNA — Slovenský Národný Archív

ŠOAB — Štátny Oblastný Archív v Bratislave

Sz — Századok

Testőrség — *Hellebronth K.* A magyar testőrségek névkönyve, 1760–1918. Bp., 1940

TSz — Történelmi Szemle

UC — Ungarisches Camerale

WD — Wienerisches Diarium

ZHF — Zeitschrift für Historische Forschung

ŽBDP — Župa Bratislavská. Decretalni protokol

ŽBKP — Župa Bratislavská. Kongregačné pisomnosti

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные и рукописные ИСТОЧНИКИ

I. Budapest, Magyar Országos Levéltár

«A» szekció — Magyar Királyi Kancellária Levéltára:

A 1. Originales referadae.

A 6. Insinuata Cancellariae Bohemicae et Cancellariae Bohemico-Austriacae.

A 7. Insinuata Directioni in publicis et cameralibus.

A 34. Conceptus referadarum.

A 35. Conceptus expeditionum.

A 39. Acta generalia.

A 57. Libri Regii.

A 79. Index individuorum Cancellariae.

«B» szekció — Erdélyi Kancelláriai Levéltár:

B 2. Acta generalia.

«C» szekció — Helytartótanácsi Levéltár:

C 23. Circularia impressa.

C 39. Acta fundationalia.

C 42. Acta miscellanea.

C 67. Departamentum litterario-politicum.

«E» szekció — Magyar Kamarai Levéltár:

E 47. Cancellariae et registraturae negotiae.

E 584. Fekete család levéltára.

– Fekete György iratai.

– Fekete János iratai.

«F» szekció — Gubernium Transylvanicum Levéltára:

F 46. Ügyiratok.

F 305. A Gubernium levéltári hivatalának iratai.

«P» szekció — Családi levéltárak:

P 68. Brunswick család levéltára.

P 86. Dessewffy család levéltára. A család által lajstromozott iratok.

- Dessewffy István kiskorú fiainak az elszámolásai. D. I. 61.
- Dessewffy Sámuelhez intézett levelek. D. I. 101.
- P 91. Dessewffy család levéltára. Missiles.
- P 245. Festetics Pál levéltára.
- P 259. Festetics Pálné levéltára.
- P 398. Károlyi család levéltára. Missiles.
- P 507. Nádasdy család levéltára.
 - Nádasdy Lipótnéhez címzett levelek.
 - Nádasdy Ferenc horvát bánhoz címzett levelek.
- P 527. Orczy család levéltára. Missiles. II. Correspondentia familiaris et oeconomica Samuelis Haller.
- P 1314. Batthyányi család levéltára. Missiles.
- P 1503. Károlyi Antal levéltára.
- P 1765. Balassa Ferenc levéltára.

II. Budapest, Pest Megyei Levéltár

- IV-1-a. Pest-Pilis-Solt Vármegye Közgyűlési Jegyzőkönyvek.
- IV-1-c/1. Királyi és Helytartótanácsi Rendeletek.

III. Budapest, Magyar Piarista Rend Központi Levéltára

Intimata Consilii Regii in diversis negotiis ad Collegium Szempziensis.

IV. Budapest, Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára

Fol. Lat. 1823. «Cortesiae Hungaricae». Formularium titulorum epistolarum conscribendarum pro usu Cancellariae Regiae Hungaricae.

Fol. Lat. 1853. Formularia styli judicialis in foris inclyti regni Hungariae usitati, et familiaris ac epistolici.

Fol. Lat. 1855. Formularium siue stylorum, qui in diversis negotiis publicis vel privatis per dicasteria politica, fora iudiciaria, ecclesiastica, academica, comitatensia, civitatensia, etc. Hungariae expediri consueverunt, formulae.

Fol. Lat. 1858. Formulare styli juridici et politici 1720-1730.

Quart. Lat. 2887. Exertitia correcta primi et secundi anni humanistarum.

Quart. Lat. 2964. Exertitia correcta per diversos conscripta.

V. Wien, Haus-, Hof und Staatsarchiv

Staatsratsprotokolle. Vol. 1-70.

Kabinettsarchiv:

Alte Kabinettsakten.

Handbillettenprotokolle.

Oberstkämmereramt:

Geheimes Kammerzahlamt. Bd. 3–4. Hauptbücher, 1763–1769.

6. Reihe betreffend Kämmerer-Ernennungen.

VI. Wien, Hofkammerarchiv

Österreichische Gedenkbücher.

Hungarische Expedition.

Hoffinanz. Registerbücher. 1751–1753. Protocolle. Bd. 1227, 1231, 1233, 1237.

Geheimes Kameralzahlamt. Hofzahlamtsbücher. 1749–1759. Bd. 234–244.

Geheimes Kameralzahlamt. Kammerzahlamtsbücher. 1774–1781. Bd. 261–262.

Österreichisches Camerale. Fasc. 1. Bd. 1–5; Fasc. 4. Bd. 58–62.

Ungarisches Camerale. Fasc. 1. Bd. 1–4; Fasc. 39. Bd. 781; Fasc. 41. Bd. 787–790. Subd. Stiftungen.

VII. Wien, Archiv der Universität Wien

Matricula Universitatis Viennensis. IX. 1716–1746.

Archive der akademischen Nationen. Ungarische nation. Bd. 2. 1632–1772.

VIII. Bratislava, Slovenský Národný Archív

Rod Erdödy. Korrespondencia. Juraj Leopold Erdödy.

Rod Brunšvik–Chotek. Korrespondencia.

IX. Bratislava, Štátny Oblastný Archív v Bratislave

Župa Bratislavská. Dekretálni protokol. 1758–1780.

Župa Bratislavská. Kongregačné pisomnosti. 1761–1770.

Опубликованные источники

Actus publicus oder öffentliche Übungen aus denen militärischen Wissenschaften, welche... in dem Freyherrl. Chaosischen Stift sich befindenden Ingenieurs-Scholaren zum erstenmahl gehalten werden [Wien, 1739].

Allgemeine Schulordnung für die deutschen Normal-, Haupt- und Trivialschulen im sämmtlichen kayserl. königl. Erbländern. Wien, 1774.

[*Bánffy G.*] De eo quod jure naturae illicitum est an etiam sit invalidum? Dissertatio cum annexis Corollariis, quam Illustrissimus Dominus Georgius Comes Banffi de Losontz publice defendendam suscepit praeside Josepho Antonio de Martini in Coll. Caes. Regio Theresiano et in Academia Ducali Sabaudica juris interprete. Vindobonae, 1766.

[*Batthyány J.*] Exercitatio academica de Conciliis altero iuris ecclesiastici fonte quam sub sacratissimis auspiciis Augustissimae Romanorum Imperatricis Mariae Theresiae... in Regia Nobilium-Academiae cum annexis ex universo iure corollariis defendendam suscepit illustrissimus Dominus Iosephus Comes de Bathyan... Vindobonae, 1757.

Bognár K., Kiss J. M., Varga J. A Nagyszombati Egyetem fokozatot szerzett hallgatói, 1635–1777. Bp., 2002 (Fejezetek az Eötvös Loránd Tudományegyetem történetéből. 25).

Brunswick A. Questiones ex Quinquaginta Libris Digestorum ad quas perillustris Dominus Antonius a Brunswick in Collegio Regio Theresiano sub examine publico respondebit, et adjectas ex jure civili ac canonico assertiones propugnabit. Vindobonae, 1765.

Corpus Juris Hungarici — Magyar Törvénytár, 1000–1895. Bp., 1899.

Bonbardi M. Topographia magni regni Hungariae. Viennae, 1750.

Bürokrácia és közigazgatási reformok Magyarhonban / Közreadta Csizmadia A. Bp., 1979.

Denis M. Die Merkwürdigkeiten der k. k. garellischen öffentl. Bibliothek am Theresiano. Wien, 1780.

Draskovics M. Materia tentaminis publici... in Collegio Theresiano Societatis Jesu. Viennae Austriae, 1754.

Ehrensfels C., von. Sätze aus der allgemeinen Einleitung in die Staatswissenschaft, aus der Polizey, und Handlungswissenschaft... Tyrnau, 1771.

Entwurf des königlichen Collegii Theresiani unter dem glorreichsten Schutz und allergnädigsten Befehl Ihre kaiserlich- und königlichen Majestät Mariae Theresiae Römischen Kayserin... zu Erziehung der adelichen Jugend unter der Obsorg Patrum Societatis Jesu in Wien im Jahr 1746. errichtet. Wien, 1746.

Fazekas I. A bécsi Pazmaneum magyarországi hallgatói, 1623–1918 (1951). Bp., 2003.

Fekete J. Materia tentaminis publici... in Collegio Regio Theresiano Societatis Jesu. Vindobonae, 1756.

Gemmell-Flischbach M. Album der k. k. Theresianischen Akademie (1746–1913). Verzeichnis sämtlicher Angehörigen der k. k. Theresianischen Akademie (ehemals k. k. Theresianische Ritterakademie)... mit kurzen biographischen Daten. Wien, 1913.

Geusau A. Geschichte der Stiftungen, Erziehungs- und Unterrichtsanstalten in Wien von den ältesten Zeiten bis auf gegenwärtiges Jahr. Wien, 1803.

Hadik A. Tentamen quod ex praelectionibus mathematicis tum publicis quam privatis... Vindobonae, 1779.

Husztly I. Jurisprudentia practica seu commentarius novus in jus Hungaricum. Libri III. Tyrnavie, 1766.

Jugend-früchte des k. k. Theresianum. Erste–Zweite Sammlung. Wien, 1770–1772.

Justi J. H. G., von. Staatswirtschaft oder Systematische Abhandlung aller ökonomischen und Kameralwissenschaften die zur Regierung eines Landes erfordert werden. Leipzig, 1758. T. 1–2.

Justi J. H. G., von. Der Grundriß einer guten Regierung in fünf Büchern. Frankfurt; Leipzig, 1759.

Justi J. H. G., von. Anweisung zu einer guten Deutschen Schreibart und allen in den Geschäften und Rechtsachen vorfallenden schriftlichen Ausarbeitungen zu welchen Ende allenthalben wohlausegearbeitete Proben und Beyspiele beygefüget werden. Wien, 1774.

Kálnoky L. Materia tentaminis publici... in Collegio Regio Theresiano. Vindobonae, 1761.

Kercselich B. A. Scriptorum. Annuae 1748–1767. Zagrabiae, 1901 (Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium. Vol. XXX).

[*Khevenhüller-Metsch J. J.*] Aus der Zeit Maria Theresias. Tagebuch des Fürsten Johann Josef Khevenhüller-Metsch, Kaiserlichen Obersthofmeisters / Hrsg. von R. Khevenhüller-Metsch, H. Schlitter. Wien; Leipzig, 1907–1972. Vol. I–VIII.

Kiss J. M. Magyarországi diákok a bécsi egyetemen, 1715–1789. Bp., 2000.

Klobusiczky A. Materia tentaminis publici... in Collegio Theresiano Societatis Jesu. Vindobonae, 1758.

Klobusiczky P. Halottas beszéd, melyet azon alkalmatossággal, midőn néh. Nagy-Károlyi gróf Károlyi Antal úr 1791. eszt. gyászos egyházi szertartással eltemettetett, utánaavaló napon Szent-Mihály havának 26. Kaplonyban mondott. Pest; Pozsony, 1792.

Lakatos V. Festetics György gróf plánuma fia neveléséről // Magyar Középiskola. 1910. 3. évf. 4. sz.

Legújabb meg bővített és meg jobbitatott magyar és német levelező könyv, vagy részszerént regulákból, részszerént példákból álló oktatás. Pest, 1815.

Madocsányi A. Propositiones ex geometria et ex physica experimentalis quas in Ducali Sabaudica Nobilium Academia publice periclitationi exponunt per illustres Domini Florianus de Madocsányi et Antonius de Madocsányi. Vindobonae, 1761.

Madocsányi A. Questiones e quatuor libris instit. Justin. ad quas... in Collegio Regio Theresiano suo tentamine publico respondit. Vinodbonae, 1762.

Magyar neveléstörténeti szöveggyűjtemény / Szerk. Mészáros I. Bp., 1974.

Magyarországi piarista iskolai színjátszás forrásai és irodalma 1799-ig / Sajtó alá rend. és szerk. Kilián I. Bp., 1994.

Martini C. A. Ordo historiae juris civilis praelectionibus institutionum praemissus atque in usum auditorii vulgatus quem in Regia Nobilium Academia propugnavit illustrissimus respondens Fraciscus L. B. Balassa de Balassa Gyarmath. Viennae Austriae, 1755.

Die Matrikel der Universität Wien. Im Auftrag des Akademischen Senats herausgegeben vom Archiv Universität Wien. VI. Band. 1689/90 — 1714/15 / Bearbeitet von K. Mühlberger, W. Schuster. Wien; Köln; Weimar, 1993.

Mednyánszky J. Fragen aus dem ganzen teutschen Staatsrechte woraus der adeliche Herr Johann Freyherr von Mednyanszky vor einer adelich- und gelehrten Versammlung in der k. k. thesesianischen Ritterschule sich öffentlich prüfen ließ t. Wien, 1768.

Merkur von Ungarn, oder Litterarzeitung für das Königreich Ungarn und dessen Kronländer. Herausgegeben von einer Gesellschaft patriotischer Liebhaber der Litteratur. Pest, 1786–1788.

[*Mitterpacher L.*] Entwurf der oekonomischen Kenntnisse, welche in dem k. k. Theresianum der adeligen Jugend beygebracht werden. Wien, 1773.

[*Mitterpacher L.*] Entwurf der ökonomischen Studien in der k. k. thesesianischen Akademie. Wien, 1775.

Nachricht von der kaiserl. königl. thesesianisch-savoyschen Ritterakademie in Wien. Wien, 1783.

Perényi I. Materia tentaminis publici... in Academia Regia Theresiana. Vindobonae, 1775.

Pray G. Annales veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum. Vindobonae, 1761.

Pray G. Annales Regum Hungariae ab anno Christi CMXCVII ad annum MDLXIV deducti ac maximam partem ex scriptoribus

coaevis, diplomatibus, tabulis publicis, et id genus litterariis instrumentis congesti. Vindobonae, 1766–1767. Pars I–IV.

Ratio educationis. Az 1777-i és az 1806-i kiadás magyar nyelvű fordítása / Fordította, jegyzetekkel és mutatókkal ellátta Mészáros I. Bp., 1981.

Regium Theresianum Collegium nobilium anno 1770. Viennae, 1770.

Retteggy Gy. Emlékezetre méltó dolgok, 1718–1784 / Bevezető tanulmány és jegyzetek Jakó Zs. Bukarest, 1970.

Soarius C. Cypriani Soarii e Societate Jesu artis rhetoricae Libri III... Orationes Ciceronis majores, ac Virgilii, Horatii, Juvenalis etc selecta, quae in Gymnasiis Soc. Jesu praelegi solent in schola rhetoricae. Tyrnavie, 1763.

Sonnenfels J., von. Grundsätze der Policey, Handlung und Finanzwissenschaft. Wien, 1765.

Sonnenfels J., von. Das Bild des Adels. Eine Rede womit in der k. k. savoyischen Ritterakademie am 4. November 1767 das Studium angefangen worden. Wien, 1767.

Sonnenfels J., von. Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771.

Sonnenfels J., von. Über den Geschäftsstil. Die ersten Grundlinien für angehende österreichische Kanzleybeamten. Wien, 1784.

Staud G. A magyarországi jezsuita iskolai színjátékok forrásai I. köt. 1561–1773. Fontes ludorum scenicorum in scolis S. J. Hungariae. Pars Prima. Bp., 1984.

Schwartner M. Scriptores rerum Hungaricarum veteres ac genuini. Vindobonae, 1766–1768. Pars 1–3.

Szabó M., Tonk S. Erdélyiek egyetemjárása a korai újkorban 1521–1700 / Szerk. Keserű B. Szeged, 1992 (Fontes Rerum Scholasticarum. IV).

Szabó M., Szögi L. Erdélyi perigrinusok 1701–1849. Marosvásárhely, 1998.

Ürményi J. Beszédje, mellyet a' nagy méltóságú grófhoz, nagykárolyi Károlyi Antal urhoz, Ó Excellentiájához && mint királyi fő-commissáriushoz: Ez az egybe gyűltt Nemes Byhar Vár-Megyének Rendeihez, 's Státussaihoz midön Ugyan N. Bihar Vár-Megyének Fő-Ispányi méltóságában nagy pompás készülettel béiktattatnék, Szent János Havának XIII-dik napján mondott. Nagyváradon, 1782.

Versuch über Grundsätze des Stils in privat, und öffentlichen Geschäften. Wien, 1782

Vorschriften für die Präfecten in der theresianischen und savoyischen Akademie. Wien, 1780.

Vorstellung der Literargeschichte der Matematik und Historie, nach welcher an der k. k. theres. sav. Ritterakademie die Herren Achaz v. Petteneck, Franz v. Menschengen, Joseph Freyherr v. Gebler auf der öffentlichen garelischen Bibliothek den 22. Augusti 1782 geprüftet werden. Wien, 1782.

Wienerisches Diarium. 1746–1784.

Zanchi J. Philosophia mentis et sensuum ad usus academicos accomodata... quem illustrissimus Dominus Andreas e Comitibus Berényi de Karancs Berény dum in Regio Theresiano S. J. Nobilium Collegio Philisophiam universam publice propugnaret... Viennae, 1750.

Zedler J. H. Grosses Vollständiges Universal-Lexikon aller Wissenschaften und Künste. Bd. 1–69. Leipzig; Halle, 1732–1754.

Zsoldos A. Matricula Universitatis Tyrnaviensis, 1635–1701 (A Nagyszombati egyetem anyakönyve, 1635–1701). Bp., 1991.

Избранная литература

История Венгрии: В 3-х т. / Под ред. В. П. Шушарина, Т. М. Исламова, А. И. Пушкаша. М., 1971–1972. Т. 1–2.

Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991.

Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.). М., 1971.

Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

История Словакии / Под ред. Э. Манновой. Перев. со словацк. и англ. Научн. ред. русск. перев. Ю. В. Богданов. М., 2003.

Митрофанов П. П. Оппозиция реформам Иосифа II в Венгрии. СПб., 1905.

Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги. СПб., 1907.

Митрофанов П. П. История Австрии. СПб., 1910. Ч. 1.

Мыльников А. С. Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997.

Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г. / Под ред. Т. М. Исламова, В. И. Фрейдзона, И. И. Лещиловской. М., 1980.

Фрейдзон В. И. История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. СПб., 2001.

Хаванова О. В. Просвещенные монархи Екатерина II и Иосиф II: Опыт сопоставления // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998.

Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000.

Хаванова О. В. Венгрия в составе монархии Габсбургов во второй половине XVIII в.: «имперская» и «национальная» идентичность // Европейские монархии в прошлом и настоящем. СПб., 2001.

Хаванова О. В. «Хунгарская» и «мадьярская» проекции венгерской нации в общественной жизни и системе образования в конце XVIII века // Славяноведение. 2003. № 4.

Allgemeine deutsche Biographie. Leipzig, 1875–1912. Vol. 1–56.

Arneht A., von. Geschichte Maria Theresias. Wien, 1863–1879. Vol. 1–10.

Aufklärung, Absolutismus und Bürgertum in Deutschland / Hrsg. von F. Kupitsch. München, 1976.

Der aufgeklärte Absolutismus / Hrsg. von K. O. von Aretin. Köln, 1974.

The Austrian Enlightenment and its Aftermath / Ed. by R. Robertson, E. Timms. Edinburgh, 1972.

Balázs É. Berzeviczy Gergely — a reformpolitikus (1763–1795). Bp., 1967.

Balázs É. Freimaurer, Reformpolitiker, Girondisten // Beförderer der Aufklärung in Mittel- und Osteuropa: Freimaurer, Gesellschaften, Clubs / Hrsg. von Balázs É., L. Hammermayer et al. Berlin, 1979.

Balázs É. Latinität als Charakteristikum des Adels in Osteuropa // Opuscula finnougriica Göttingensia. 1983. № 1.

Balázs É. Bécs és Pest-Buda a régi századvégén. Bp., 1987.

Balázs É. Egy forrás margójára // Európa vonzásában. Emlékkönyv Kosáry Domokos 80. születésnapjára / Szerk. Glatz F. Bp., 1993.

Balázs É. Hungary and the Habsburgs, 1765–1800: An Experiment in Enlightened Absolutism. Bp., 1997.

Ballagi A. A magyar királyi testőrség története különös tekintettel irodalmi működésére. Pest, 1872.

Bayer V. Političko-kameralni studij u Hrvatskoj u XVIII stoljeću (1769–1776) // Zbornik pravnog fakulteta. Zagreb, 1967: XVII. Br. 2.

Benda K. Emberbarát vagy hazafi? Tanulmányok a felvilágosodás korának magyarországi történetéből. Bp., 1978.

Benda K. A magyar köznemesség művelődési törekvései a XVIII. században // A Nograd megyei muzeumok évkönyve. 1981. VII. évf. Sálgotarján, 1981.

Benda K. Mária Terézia királynő a magyar történetírásban // TSz. 1981. 24. évf. 3 sz.

Berkeszi I. A gróf Haller fiúk iskoláztatása a XVIII. század első felében. Bp., 1883.

Bernard P. From the Enlightenment to the Police State. The Public Life of Johann Anton Pergen. Chicago, 1991.

Bezerédj I. Rosty Ferenc levelei 1764–1765. évi pozsonyi országgyűlésből // Dunántúli Szemle. Szomathely, 1943 (Dunántúli Szemle Könyvei. 205. sz.).

Bíró F. A felvilágosodás korának magyar irodalma. Bp., 1998.

Bitskey I. Hungariából Rómába. A római Collegium Germanicum Hungaricum és a magyarországi barokk művelődés. Bp., 1996.

Bittó B. A Sárosfalvi- és Nádasdy Bittó- és a vele vérrokon báró Bary család. Bp., 1931.

Blanning T. C. W. Joseph II and Enlightened Despotism. Bristol, 1971.

Bleech K. Adelserziehung auf deutschen Ritterakademien: die Lüneburger Adelsschulen 1655–1850. Frankfurt a. M., 1977. T. 1–2 (Europäische Hochschulschriften. Reihe III. Geschichte und ihre Hilfswissenschaften. Bd./Vol. 89).

Brendler A. Das Wirken P. P. Piaristen seit Ansiedelung in Wien im Collegium in der Josefstadt, zu St. Thekla auf der Wieden und im Löwenburgischen Convicte. Wien, 1896.

Brezinka W. Pädagogik in Österreich. Die Geschichte des Faches an den Universitäten vom 18. bis zum Ende des 20. Jahrhunderts. Bd. 1. Einleitung. Schulwesen, Universitäten und Pädagogik im Habsburger-Reich und in der Republik. Pädagogik an der Universität Wien. Wien, 2000.

Brückner J. Staatswissenschaften, Kameralismus und Naturrecht. Ein Beitrag zur Geschichte der Politischen Wissenschaft im Deutschland des späten 17. und frühen 18. Jahrhunderts. München, 1977.

Cicalek Th. Beiträge zur Geschichte des Theresianums. Wien, 1872.

Conrads N. Ritterakademien der frühen Neuzeit. Bildung als Standesprivileg im 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen, 1982.

Conrads N. Bildungswege zwischen Schlesien und Wien. Ein historischer Überblick vom Mittelalter bis zur Aufklärung // Archiv für schlesische Kirchengeschichte. 1992. № 50.

Coreth A. Pietas Austriaca. Ursprung und Entwicklung baroker Frömmigkeit in Österreich. Wien, 1956.

Csetri E. Fridvaldszky János. A köz hasznára — az ég kegyelmével. Fridvaldszky János a jezsuita és feltaláló, 1730–1784. Bp., 2003.

Csóka J. L. Mária Terézia iskolareformja és Kollár Ádám. Pannonhalma, 1936 (A pannonhalmi főiskola könyvei. 5).

Csóka J. L. A Ratio edicationis korszaka // Magyar művelődéstörténet / Szerk. Domanovszky S. IV. köt. Barokk és felvilágosodás. s. a. et l.

Csorba S. Bessenyei György világa. Bp., 2000.

Czeke M. Gróf Brunszvik Teréz ősei és oldalági rokonsága. Adatok a grófi Brunszvik-család történetéhez. Bp., 1935 (Magyar női szemle könyvtára. 1).

Daróczy Z. Családtörténeti apróságok. Grassalkovich János // Turul. 1931. XLV. köt.

Demel W. Europäische Geschichte des 18. Jahrhunderts. Ständische Gesellschaft und europäisches Machtsystem im beschleunigten Wandel (1689/1700–1789/1800). Stuttgart, 2000.

Dewald J. The European Nobility, 1400–1800. Cambridge, 1996.

Dickson P. G. M. Finance and Government under Maria Theresa 1740–1780. Oxford, 1987. Vol. 1–2.

Dickson P. G. M. Monarchy and Bureaucracy in Late Eighteenth-Century Austria // English Historical Review. 1995. April.

Dittrich C. F., Weingartner L., Schwippel C. Geschichte des deutschen Staats-Ober-Gymnasiums in Brünn von der Gründung desselben im Jahre 1578 bis zum Jahre 1878. Festschrift zur Jubel-Feier seines 300-jährigen Bestandes. Brünn, 1878.

Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München, 1998.

Duindam J. F. J. Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Dynastic Rivals: 1550–1780. Cambridge, 2003.

Éble G. A cserneki és tarkói Dessewffy család. Genealógiai tanulmány. Bp., 1903.

Éble G. A nagykárolyi gróf Károlyi család leszármazása a leányági ivadékok feltüntetésével. Bp., 1913.

Eckhart F. A jog- és államtudományi kar története, 1667–1935. Bp., 1936 (A Királyi Magyar Pázmány Péter–Tudományegyetem története. II. köt.).

Ember Gy. Der Österreichische Staatsrat und die ungarische Verfassung 1761–1768 // Acta Historica. 1932.

Ember Gy. A M. Kir. Helytartótanács ügyintézésének története, 1724–1848. Bp., 1940.

Encyclopaedia of the Enlightenment / Ed. by A. Ch. Kors. Oxford, 2003. Vol. 1-4.

Engelbrecht H. Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. Wien, 1984.

Engelbrecht H. Zum Wirken des Piaristenordens in Österreich // Retrospektiven in Sachen Bildung. Klagenfurt, 1998. R. 2 (Studien). № 22.

Enlightened Absolutism. Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe / Ed. by H. M. Scott. London, 1990.

The Enlightenment World / Ed. by M. Fitzpatrick et al. London; New York, 2004.

Erdély története 1606-tól 1830-ig / Szerk. Makkai L., Szász Z. Bp., 1986.

Eszterházy J. Az Eszterházy család és oldalágainak leírása. Bp., 1901.

Evans R. J. W. Maria Theresa and Hungary // Enlightened Absolutism. Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe / Ed. by H. Scott. London, 1990.

Evans R. J. W. Joseph II and Nationality in the Habsburg Lands // Enlightened Absolutism. Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe / Ed. by H. Scott. London, 1990.

Evans R. J. W. Der Adel Ungarns in der Habsburgermonarchie im 18. Jahrhundert // Der europäische Adel im Ancien Régime. Von der Krise der Ständischen Monarchien bis Revolution (ca. 1600-1789) / Hrsg. von R. G. Asch. Köln; Weimar; Wien, 2001.

Fallenbüchl Z. A Szepesi Kamara tiszttviselői XVII-XVIII. században // LK. 1968. 38. évf. 2 sz.

Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tiszttviselői a XVII. században // LK. 1969. 39. évf. 2. sz.

Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tiszttviselői a XVIII. században // LK. 1970. 41. évf.

Fallenbüchl Z. A sóügyi hivatalnoksága Magyarországon a XVIII. században // LK. 1979. 2. sz.

Fallenbüchl Z. A Magyar Kamara tiszttviselői II. Józseftől a polgári forradalomig: 1780-1848 // LK. 1972. 43. évf.

Fallenbüchl Z. Ungarische Staatswissenschaft und Beamtenausbildung im 18. Jahrhundert // Wissenschaft und Recht der Verwaltung seit dem Ancien Régime. Ius Commune. Sonderheft 21. Frankfurt a. M., 1984.

Fallenbüchl Z. Mária Terézia magyar dikaszterialis tanácsosai 1740-1780 // Országos Széchényi Könyvtár Évkönyve. Bp., 1984-1985.

- Fallenbüchl Z.* Mária Terézia magyar hivatalnokai. Bp., 1989.
- Fallenbüchl Z.* Állami (királyi és császári) tisztviselők a 17. századi Magyarországon. Adattár. Bp., 2002.
- Felhő I., Vörös A.* A helytartótanácsi levéltár. Bp., 1961.
- Fertig L.* Die Hofmeister. Ein Beitrag zur Geschichte des Lehrerstandes und der bürgerlichen Intelligenz. Stuttgart, 1979.
- Fináczy E.* A magyarországi közoktatás története Mária Terézia korában. Bp., 1899. 1–2. köt.
- Fináczy E.* Az újkori nevelés története (1600–1800). Vezérfonal egyetemi előadásokhoz. Bp., 1927.
- Fraknoi V.* Gróf Széchényi Ferenc, 1754–1820. Bp., 1902 (Magyar Történelmi Elétrajzok. 18).
- Gál E.* Az Orczy-család társadalmi és gazdasági felemelkedése a 18. században és a 19. század első felében // Mátrai Tanulmányok. Gyöngyös, 1993.
- Gálos R.* Bessenyei György életrajza. Bp., 1951.
- Gatti F.* Geschichte der k. k. Ingenieur- und k. k. Genie-Akademie, 1717–1869. Wien, 1901.
- Gecsényi L.* Magyar diákok a bécsi tartományi iskolában a 16. század második felében // TSz. 1992. 34. évf. 1–2. sz.
- Geschichte der Universität in Europa. Bd. 2. Von der Reformation zur Französischen Revolution (1500–1800) / Hrsg. von W. Rüegg. München, 1996.
- Glösmann C.* Das pädagogische Jahrhundert — Konzepte der Erziehung und Bildung im allgemeinen und am Beispiel der Soldatenkinder zur Zeit Maria Theresias. Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades der Philosophie eingerichtet an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. 1997 (рукопись).
- Godsey W. D., jr.* Quarterings and Kinship: The Social Composition of the Habsburg Aristocracy in the Dualist Era // The Journal of Modern History. 1999 (March). Vol. 71. № 1.
- Godsey W. D., jr.* Vom Stiftsadel zum Uradel. Die Legitimationskrise des Adels und die Entstehung eines neuen Adelbegriffs im Übergang zur Moderne // Eliten um 1800. Erfahrungshorizonte, Verhaltensweisen, Handlungsmöglichkeiten / Hrsg. von A. V. Hartmann, M. Morawiec, P. Voss. Mainz, 2000.
- Grimm G.* Die Schulreform Maria Theresias, 1747–1775. Das österreichische Gymnasium zwischen Standesschule und allgemeinbildender Lehranstalt im Spannungsfeld von Ordensschulwesen, thesianischem Reformabsolutismus und Aufklärungspädagogik. Frankfurt a. M. etc., 1987.

Grimm G. Stabilisierung versus Mobilisierung. Zum sozio-politischen Funktionswandel höherer Bildung in Österreich im 18. Jahrhundert // *Bildung, Staat, Gesellschaft im 19. Jahrhundert. Mobilisierung und Disziplinierung.* Im Auftrage der Freiherr-vom-Stein-Gesellschaft / Hrsg. von K. E. Jeismann. Stuttgart, 1989 (Nassauer Gespräche der Freiherr-vom-Stein-Gesellschaft. Bd. 2).

Grimm G. Elitäre Bildungsinstitution oder «Bürgerschule»? Das österreichische Gymnasium zwischen Tradition und Innovation, 1773–1819. Frankfurt a. M. etc., 1995.

Guglia E. Das Theresianum in Wien. Wien, 1912.

Guglia E., Taschner R. Das Theresianum in Wien: Vergangenheit und Gegenwart. Wien; Köln; Weimar, 1996.

Hammerstein N. Jus und Historie. Ein Beitrag zur Geschichte des historischen Denkens an den deutschen Universitäten im späten 17. und im 18. Jahrhundert. Göttingen, 1972.

Hammerstein N. Aufklärung und katholisches Reich. Untersuchungen zur Universitätsreform und Politik katholischer Territorien des Heiligen Römischen Reichs deutscher Nation im 18. Jahrhundert. Berlin, 1977 (Historische Forschungen. Bd. 12).

Hammerstein N. Die deutschen Universitäten im Zeitalter der Aufklärung // ZHF. 1983. Bd. 10.

Hegedűs L. A Theresianum magyar alapítványai történetéhez // Sz. 1878.

Hegyí F. A szenci piarista közgazdasági főiskola (1763–1776) // A Magyar Kegyestantórend Debreceni Calasanci Szent József Intézete Kereskedelmi Középkolájának Évikönyve. Debrecen, 1941.

Hegyí F. A Szenci Collegium Oeconomicum, 1763–1776–1780 // Irodalmi Szemle. Pozsony, 1983. 26. sz.

Hegyí F. A szenci piarista Collegium Oeconomicum könyvtára // Magyar Könyvszemle. 1978.

Hegyí F. Új adatok a Tatai Piarista Kollégium XVIII. századi történetéhez // Piaristák Magyarországon 1642–1992. Rendtörténeti tanulmányok / Szerk. Holl B. Bp., 1992.

Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991.

Heiss G. Standeserziehung und Schulunterricht. Zur Bildung des niederösterreichischen Adelligen in der frühen Neuzeit // «Der ganzen Welt ein Lob und Spiegel»: Das Fürstenhaus Liechtenstein in der frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Oberhammer. Wien; München, 1990.

Hellebronth K. A magyar testőrségek névkönyve, 1760–1918. Bp., 1940.

Hengl M. Das Schul- und Studienwesen Österreichs im aufgeklärten Absolutismus. Studienhofkommission — Schulwirklichkeit — Schulbauten. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Geistes- und Kulturwissenschaftlichen Fakultät der Universität Wien. 2001 (рукопись).

Hengst K. Jesuiten an Universitäten und Jesuitenuniversitäten. Zur Geschichte der Universitäten in der Oberdeutschen und Rheinischen Provinz der Gesellschaft Jesu im Zeitalter der konfessionellen Auseinandersetzung. Paderborn u. a., 1981 (Quellen und Forschungen aus dem Gebiet der Geschichte. Neue Folge. Heft 2).

Herrlitz H.-G. Studium als Standesprivileg. Die Entstehung des Maturitätsproblem im 18. Jahrhundert. Lehrplan- und gesellschaftsgeschichtliche Untersuchungen. Frankfurt a. M., 1973.

Herrmann U. Aufklärung und Erziehung. Studien zur Funktion der Erziehung im Konstitutionsprozeß der bürgerlichen Gesellschaft im 18. und frühen 19. Jahrhundert in Deutschland. Weinheim, 1993.

A History of University in Europe. Vol II. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / Ed. by H. de Ridder-Symones. Cambridge, 1996.

Hochedlinger M. Austria's Wars of Emergence: War, State and Society in the Habsburg Monarchy, 1683–1797. London; New York, 2003.

Hóman B., Szekfi Gy. Magyar történet. Bp., 1935. 4–5 köt.

Horváth M. Magyarország történelme. Bp., 1873. 7. köt.

Igálffy-Igály L. Gedruckte Dissertationen, Prüfungsfragen, wissenschaftliche Abhandlungen von Absolventen der k. k. Theresianischen Ritterakademie aus der Zeit von 1752 bis 1864 wie auch einigen Absolventen der Savoyischen Ritterakademie. 1972 (рукопись).

Igálffy-Igály L. Das Theresianum — seine Wandlungen zu Lebzeiten seiner Stifterin // Maria Theresia und ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todestages / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980.

Illéssy J. A magyar királyi nemes testőrség felállítása 1760-ban // HtK. 1895. 8. évf.

Im Hof U. Das Europa der Aufklärung. München, 1995.

Ingrao Ch. The Problem of «Enlightened Absolutism» and the German States // The Journal of Modern History. 1986. Vol. 58 (Supplement).

Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618–1815. Cambridge, 2000.

Jeismann K.-E. Friedrich der Große und das Bildungswesen im Staat des aufgeklärten Absolutismus // *Analecta Fridericiana* / Hrsg. von J. Kunisch et al. Berlin, 1987 (ZHF. Beiheft 4).

Jogi professzorok emlékezeté. A Pázmány Péter tudományegyetem jogi kari szemináriumainak emlékezetén az egyetem alapításának háromszázéves jubileuma alkalmából. Bp., 1935.

Kail O. Ritterakademien im Rahmen adeliger Standeserziehung. Ein Aufriß ihrer Entwicklungs- und Bildungsgeschichte unter besonderer Berücksichtigung der benediktinischen Ritterakademie im Stift Kremsmünster. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades an der Geisteswissenschaftlichen Fakultät der Universität Salzburg. 1990 (рукопись).

Károlyi B. Nemesei akadémia terve a múlt század első feléből // Sz. 1884.

Kelle J. Die Jesuiten-Gymnasien in Österreich. Vom Anfange des vorigen Jahrhunderts bis auf die Gegenwart. Prag, 1873.

Kelle J. Die Jesuiten-Gymnasien in Oesterreich. München, 1876.

Khavanova O. Hungarian Applicants to Noble Academies of the Theresian Age: Background, Motivations, Career Opportunities // Das achtzehnte Jahrhundert und Österreich: Jahrbuch der Österreichischen Gesellschaft zur Erforschung des 18. Jahrhunderts. Wien, 2001. Bd. 16.

Khavanova O. From Theresianum in Vienna to the Theresian Academy in Buda: an Interrupted Reform of Noble Education, 1740–1780 // *The First Millennium of Hungary in Europe* / Eds. Papp K., Barta J. Debrecen, 2002.

Khavanová O. Longing for Modern Education or Desire of Social Prestige? Hungarian Nobles in Vienna, 1750s — 1780s // *Hatalom és kultúra. Az V. Nemzetközi Hungarológiai Kongresszus (Jyväskylä, 2001. augusztus 6–10.) előadásai* / Szerk. Jankovics J., Nyerges J. Bp., 2004. II. köt.

Kisparti J. A Váci Theresianum története. Vác, 1914.

Kleinau E., Opitz C. Geschichte der Mädchen- und Frauenbildung. Bd. 1. Vom Mittelalter bis zur Aufklärung. Frankfurt a. M.-New York, 1996.

Klingenstein G. Vorstufen der thesesianischen Studienreformen in der Regierungszeit Karls VI. // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. 1968. Bd. 76.

Klingenstein G. Der Aufstieg des Hauses Kaunitz. Studien zur Herkunft und Bildung des Staatskanzlers Wenzel Anton. Göttingen, 1975.

Klingenstein G. Despotismus und Wissenschaft. Zur Kritik norddeutscher Aufklärer an der österreichischen Universität 1750–1790 // Formen der europäischen Aufklärung. Untersuchungen zur Situation von Christentum, Bildung und Wissenschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von F. Engel-Janosi, G. Klingenstein, H. Lutz. Wien, 1976 (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 3).

Klingenstein G. Bildungskrise: Gymnasien und Universitäten im Spannungsfeld thesesianischer Aufklärung // Maria Theresia und ihre Zeit. Zur 200. Wiederkehr des Todestages / Hrsg. von W. Koschatzki. Wien, 1980.

Koltai A. A Pálffyak és a piaristák. A bajmóci uradalom katolizációja és a privilegyei piarista kollégium első éveit // Pálfióvci v novoveku. Vzostup významného uhorského šľachického rodu. Bratislava-Bp., 2004.

Kornis Gy. Magyarország közoktatásügye a világháború óta. Bp., 1927.

Kornis Gy. A magyar művelődés eszményei, 1777–1848. Bp., 1927. 1. köt.

Kosáry D. Felvilágosult abszolútizmus — felvilágosult rendiség // TSz. 1976.

Kosáry D. Aufgeklärter Absolutismus — aufgeklärte Ständepolitik: Zur Geschichte Ungarns im 18. Jahrhundert // Südost-Forschungen. 1980. Vol. XXXIX.

Kosáry D. Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. Bp., 1980.

Kosáry D. Die ungarische Unterrichtsreform von 1777 // Ungarn und Österreich unter Maria Theresia und Joseph II. Neue Aspekte im Verhältnis beider Länder. Wien, 1982.

Kowalská E. Theresianische und josephinische Schulreformen und deren Bedeutung für die Entwicklung der slowakischen Nation // Die maria-theresianischen und josephinischen Reformen und ihre Bedeutung für die Entwicklung der Slowakei. Bratislava, 1998.

Kowalská E. Pro bono publico: Enlightenment, Religion, Education and the State in Northern Hungary // Human affairs. Bratislava, 1992. № 1. Vol. 2.

Kulcsár K. II. József császár utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlavóniában és a Temesi Bánságban, 1768–1773. Bp., 2004.

Lange E. Gróf Hadik Károly // HK. 1927. XXVIII. köt.

Leibetseder M. Die Kavaliertour. Adelige Erziehungsreisen im 17. und 18. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2004 (Beihefte zum Archiv für Kulturgeschichte. Heft 56).

Liptak S. Zur Praxis von Erziehung und Wissenschaft: Wandlungen im polnischen Schulwesen im 18. Jahrhundert // Formen

der europäischen Aufklärung. Untersuchungen zur Situation von Christentum, Bildung und Wissenschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von F. Engel-Janosi, G. Klingenstein, H. Lutz. Wien, 1976 (Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Bd. 3).

Madzsar I. Első tankerületi beosztásunk keletkezése // Magyar Pedagógia. A Magyar Pedagógiai Társaság havi folyóirata. Bp., 1922. XXXI. évf. 6. sz.

Madzsar I. Vörös Antal a budai tankerület első főigazgatója (1728–1802) // A Budapesti Tankerület 3. számú értesítője. 1921–1922. Bp., 1922.

Mágánok, birtokosok, címerlevelesek / Szerk. Odor I., Pálmány B., Takács P. Debreczen, 1997 (Rendi Társadalom — Polgári Társadalom. 9).

Magyarország története 1686–1790 / Szerk. Ember Gy., Heckenast G. Bp., 1989.

Mairbäurl G. Die Familie als Werkstatt der Erziehung. Rollenbilder des Kindertheaters und soziale Realität im späten 18. Jahrhundert. München, 1983 (Sozial- und wirtschaftshistorie Studien. Bd. 16).

Mályusz E. Magyarország története a felvilágosodás korában / Szerk., az utószót és a jegyzetelet írta Soós I. Bp., 2002.

Marczali H. Mária Terézia tanügyi reformjai // Budapesti Szemle. Bp., 1882. 34. köt. 68. sz.

Marczali H. Magyarország története II. József korában. Bp., 1885–1888. I–III. köt.

Marczali H. A katonai Mária Terézia-rend körül. Bp., 1934 (Értekezések a történeti tudományok köréből. XXV. 2 sz.).

Mayer A. Die ständische Akademie in Wien // Blätter des Vereins für Landeskunde von Nieder Österreich. Wien, 1888. Jg. 22.

Melton J. V. H. Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988.

Mészáros I. Az iskolaügy története Magyarországon 996–1777 között. Bp., 1981.

Mészáros I. A magyar nevelés- és iskolatörténet kornológiája, 996–1996. Bp., 1981.

Mészáros I. Magyarország iskolatípusok, 996–1990. Bp., 1995 (A magyar neveléstörténet forrásai. VI).

Miskolczi I. A kegyes-tanítórendiek privilégiumának története. Vác, 1907 (Művelődéstörténeti értekezések. 26. sz.).

Molnár A. A közoktatás története Magyarországon a 18. században. Bp., 1881.

Morvay Gy. Galánthai gróf Fekete János, 1741–1803. Bp., 1903.

Motley M. Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton (NJ), 1990.

Mueller Ch. L. The Estates of Styria, 1740–1848. A Century of Transition. Charlottesville (Va), 1980.

Munck Th. The Enlightenment: A Comparative Social History, 1721–1794. London, 2000.

Müller R. A. Aristokratisierung des Studiums? Bemerkungen zur Adelsfrequenz an süddeutschen Universitäten im 17. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 1984. № 10.

Müller R. A. Der Fürstenhof in der Frühen Neuzeit. München, 1995.

Nagy I. Magyarország családai czímerekkel és nemzedékrendi táblákkal. Pest, 1857–1865. 1–12. köt.

Neugebauer W. Absolutischer Staat und Schulwirklichkeit in Brandenburg-Preußen. Berlin, 1985.

Nickisch R. M. G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Mit einer Bibliographie zur Briefschreiblehre (1474–1800) Göttingen, 1969. (Palaestra. Untersuchungen aus der deutschen und englischen Philologie und Literaturgeschichte. Bd. 254).

Osterloh K. H. Joseph von Sonnenfels und die österreichische Reformbewegung im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus. Lübeck; Hamburg, 1970.

Österreich in Europa der Aufklärung / Hrsg. von G. Klingenstein, R. G. Plaschka. Wien, 1985. Bd. 1–2.

Pálffy G. A magyar nemesség bécsi integrációjának színterei a 16–17. században // Tanulmányok Szakály Ferenc emlékére / Szerk. Fodor P., Pálffy G., Tóth I. Gy. Bp., 2002.

Paulsen F. Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters zur Gegenwart. Leipzig, 1919. Bd. 1–2.

Pfudel E. Die Geschichte der Königl. Ritter-Akademie zu Liegnitz. Faks.-Nachdr. des Sonderh. 1908. Hofheim/Taunus, 1994.

Plettenbacher O. Über Uniformen und Degen thesianischer Zöglinge // Jahresbericht 1979/80 im Gedenkjahr unserer Stifterin Kaiserin Maria Theresia. Wien, 1980.

Poten B. Geschichte des Militär-Erziehungs- und Bildungswesens in den Landen deutscher Zunge. Bd. 3. Österreich. Berlin, 1893 (Monumenta Germaniae Paedagogica. Bd. XV).

Press V. «Denn der Adel bildet die Grundlage und die Säulen des Staates». Adel im Reich, 1650–1750 // «Der ganzen Welt ein Lob und Spiegel»: Das Fürstenhaus Liechtenstein in der frühen Neuzeit / Hrsg. von E. Oberhammer. Wien; München, 1990.

Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheitz, T. Winkelbauer. Wien, 2003 (Ergänzungsband 44. der Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung).

Rechberger von Rechkron J. Das Bildungswesen im österreichischen Heere vom Dreißigjährigen Kriege bis zur Gegenwart. Wien, 1882.

Reichenbach C. Geschichte des Gymnasiums zu Iglau. III. Teil. Gesch. d. Gymn. von seiner Übernahme in die Staatsverwaltung 1773 bis zur Reorganisation 1848. Iglau, 1901–1903.

Religion und Religiosität im Zeitalter des Barock / Hrsg. von D. Breuer. Wiesbaden, 1995. Bd. 1–2.

Schimert P. The Hungarian Nobility in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // The European Nobilities in the Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by H. Scott. London, 1995. Vol. 2.

Schindling A. Bildung und Wissenschaft in der frühen Neuzeit 1650–1800. München, 1994.

Schlecht L. Gratian Marx, Studien-Reformator in Österreich // Neues Archiv für Geschichte, Staatenkunde, Literatur und Kunst. II. (XXI.) Jahrgang. 89. Wien, 1830.

Schleiß E. Baugeschichte des Theresianums in Wien. Wien etc., 1998.

Schuppener G., Maćák K. Prager Jesuiten-Mathematik von 1600 bis 1740. Leipzig, 2002.

Schwarz J. Geschichte der k. k. Theresianischen Akademie von ihrer Gründung bis zum Curatorium Sr Excellenz Anton Ritter von Schmerling, 1746–1865. Wien, 1890.

Schwarz J. Geschichte der Savoy'schen Ritter-Akademie in Wien vom Jahre 1746 bis 1778. Wien, 1897.

Schwarz J. Die niederen und höheren Studien an der k. k. Theresianischen Akademie in Wien. Teil I–II // Jahresbericht über das Gymnasium an der k. k. Theresianischen Akademie. Wien, 1903–1904.

A Selmeczi M. K. Bányász- és Erdész-Akadémia évszázados fennállításának emlékkönyve, 1770–1871. Selmece, 1871.

Shek Brnardić T. The Enlightened Officer at Work: The Educational Projects of the Bohemian Count Franz Joseph Kinsky (1739–1805). A Dissertation in History. 2004 (рукопись).

Smith J. M. The Culture of Merit. Nobility, Royal Service, and the Making of Absolute Monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996.

Staatsdenker im 17. und 18. Jahrhundert / Hrsg. von M. Stolleis. Frankfurt a. M., 1977.

Staatskanzler Wenzel Anton von Kaunitz-Rietberg, 1711–1794. Neue Perspektiven zu Politik und Kultur der europäischen Aufklärung / Hrsg. von G. Klingenstein, F. A. J. Szabo. Graz, 1996.

Stimmer G. Zur Herkunft der höchsten österreichischen Beamenschaft — Die Bedeutung des Theresianums und der Konsularakademie // Student und Hochschule im 19. Jahrhundert. Studien und Materialien / Hrsg. von O. Neuloh, W. Rüegg. Göttingen, 1974 (Studien zum Wandel von Gesellschaft und Bildung im Neuzehenden Jahrhundert. Bd. 12).

Stimmer G. Eliten in Österreich 1848–1970. Wien; Köln; Graz, 1997. Bd. 1–2 (Studien zu Politik und Verfassung. Bd. 57).

Schooling and Society: Studies in the History of Education / Ed. by L. Stone. Baltimore (Md.), 1976.

Stöckl J. Zur Geschichte der Stadt und des Piaristengymnasiums in Kremsier. Festschrift aus Anlaß des 200-jährigen Bestandes des Gymnasiums. Kremsier, 1887.

Svoboda J. Die thesesianische Militär-Akademie zu Wiener-Neustadt und ihre Zöglinge von der Gründung der Anstalt bis auf unsere Tage. Wien, 1894–1897. Bd. 1–3.

Szabó D. A herceg Festetics-család története. Bp., 1928.

Szabo F. A. J. Kaunitz and Enlightened Absolutism, 1753–1780. Cambridge, 1994.

Szabó M. A Szentgyörgyi piarista kollégium története. Szeged, 1910 (Művelődéstörténeti értekezések. 38. sz.).

Szádeczky L. A Haller grófok nemzetiség-könyve // Turul. 1886. IV. köt.

Szalay Gy. A királyi egyetemi katolikus gimnázium története, 1687–1937. Bp., 1937.

Szentpétery I. A bölcsészettudományi kar története, 1635–1935. Bp., 1935. (A Királyi Magyar Pázmány Péter-Tudományegyetem története. IV. köt.).

Takáts S. A főváros alapította Budapesti piarista kollégium története. Bp., 1895.

Tóth I. Gy. «Mivelhogy magad írást nem tudsz...» Az írás térhódítása a művelődésben a kora újkori Magyarországon. Bp., 1996 (Társadalom- és művelődéstörténeti tanulmányok. 17).

Tóth I. Gy. Der wechselnde Spielraum des ungarischen Adels im 17./18. Jahrhundert // Ständefreiheit und Staatsgestaltung in Ostmitteleuropa. Übernationale Gemeinsamkeiten in der poli-

tischen Kultur vom 16.–18. Jahrhundert / Hrsg. von J. Bahlcke, H.-J. Böhmberg, N. Kersken. Leipzig, 1996.

Tóth I. Gy. Bildung und adelige Hofhaltung in Westtransdanubien im 17. und 18. Jahrhundert // Adelige Hofhaltung im österreichisch-ungarischen Grenzraum (vom Ende des 16. bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts). Eisenstadt, 1998.

Tóth I. Gy. Literacy and Written Culture in Early-Modern Central Europe. Bp., 2000.

Udvardy L. Az egri érseki jogliceum története, 1740–1896. Eger, 1898.

Varga K. Gödöllői kastély évszázadai. Bp., 2000.

Vávrová-Štibraná I. A pozsonyi Notre Dame-zárda nemesi növénydekeinek portréi a 18. század harmadik negyedéből // Művészettörténeti Értesítő. 2001. LI. 1–2. sz.

Vocelka K. Glanz und Untergang der höfischen Welt. Repräsentation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien, 2001 (Österreichische Geschichte 1699–1815 / Hrsg. von H. Wolfram).

Vörös K. Zmeskáll Miklós udvari titkár élete és pályafutása // LK. 1974. 44.–45. évf.

Wagner H. Royal Graces and Legal Claims: the Pension Payments of Maria Theresa and Their Withdrawal by Joseph II // Intellectual and Social Developments in the Habsburg Empire from Maria Theresa to World War I / Ed. by S. B. Winters, J. Held. London-New York, 1975.

Wallner J. Geschichte des Convictes in Olmütz von der Gründung bis zur Vereinigung mit der k. k. Theresianischen Akademie in Wien, 1566–1782. Brünn, 1903.

Walter F. Aufklärung und Politik am Beispiel Österreichs // Österreich in Geschichte und Literatur. 1965. Jg. 9.

Wangermann E. Aufklärung und staatsbürgerliche Erziehung. Gottfried van Swieten als Reformator des österreichischen Unterrichtswesens 1781–1791. Wien, 1978.

Wilson P. H. Absolutism in Central Europe. London; New York, 2000.

Wolf H. Das Schulwesen des Temesvarer Banats im 18. Jahrhundert. Gründung und Ausbau in Geiste des aufgeklärten Absolutismus. Baden bei Wien, [1935] (Veröffentlichungen des Wiener Hofkammerarchivs / Hrsg. von J. Kallbrunner).

Wunderlich H. Studienjahre der Grafen Salm-Reifferscheidt (1780–1791). Ein Beitrag zur Adelserziehung am Ende des Ancien Régime. Heidelberg, 1984 (Beiträge zur Geschichte der Literatur und Kunst des 18. Jahrhunderts. Bd. 8).

Wurzbach C., von. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben. Wien, 1856–1891. Bd. 1–60.

Zachar J. A katonai pálya mint karrierlehetőség a XVIII századi Magyarország előtt. Történeti-statisztikai adalék a társadalmi mobilitás kérdéséhez // Írott és tárgyi emlékek kutatója. Emlékkönyv Bánkúti Imre 75. születésnapjára / Szerk. Mészáros K. Bp., 2002.

Závodszy L. Viczay Mihály, a műgyűjtő és Pray György barátságára // Katolikus Szemle. 46. köt. I. félév. Bp., 1932.

Závodszy L. Grassalkovich-ok // Turul. 1931. XLV. köt.

Olga Khavanova

**Fathers' Merits and Sons' Talents:
Hungarian Nobles in the Privileged Schools
of the Habsburg Monarchy, 1746–1784**

Resume

The monograph considers the policies of Austrian enlightened absolutism in the sphere of elite education in the second half of the eighteenth century. It describes the scholarship funds and criteria of admission to noble schools, shows how education might perpetuate upward mobility and how it was turning into a prerequisite of preservation of their privileged status for the elites of the Monarchy. It also investigates the role of education in the complicated correlation between the sense of belonging to a political nation and the birth of national consciousness.

The comparative analysis of the history of noble schools created in the age of Maria Theresa proves, that in the second half of the eighteenth century the Viennese court and Hungarian authorities had been empirically looking for optimal institutional forms — taking into consideration social practices and cultural endeavours of different layers of the noble estate — to make education serve the goals of economic and political reforms in the Monarchy. The curricula had to contribute to the upbringing of competent and loyal servants for different bodies of the royal and county administration, especially in Hungary, less than a half a century since it was pacified after the large-scale Rákóczi War of Independence (1703–1711). The school reforms were characterised by the ever widening interference of the state in the educational sphere, which had traditionally belonged to the competence of the Catholic church. This policy made the authorities face the task of formulating the clear-cut criteria of admission and gave the noble community unprecedented career opportunities due to education.

Chapter One describes the period from the mid-1740s to the beginning of the 1760s. The Vienna Theresianum founded in 1746 became a proving ground for pedagogical, administrative and financial experiments as well as a model to follow for similar institutions. The name of the empress given to the college was at the same time the sign of its exclusiveness and of the ruler's self-proclaimed right to intervene in the otherwise closed and uncontrolled Jesuit school. Its quick success could be explained by a persuasive form of propagating the remarkable junction of pre-eminence by birth with superiority through erudition: aristocrats and lesser nobles alike were eager to place their offspring in such colleges due to their proximity to the court, and their sons, having their public examinations in the presence of the ruler were themselves the best propagators of the indispensability of learning. The chapter scrutinises the social composition of pupils with special attention paid to Hungarians, searches for regularities and peculiarities of admission, analyses controversies between political nations competing for the scholarship quotas, reconstructs the inner world of a pupil from family correspondence, and compares careers of the graduates.

Chapter Two is devoted to the period from the 1760s to the first half of the 1770s, when the evident need for better professional training and a higher degree of obedience to the norms and rules common for the whole of the Monarchy accelerated the foundation of special schools for those layers of the noble estate, which had traditionally held offices in the royal and county administration. The chapter discusses two paradigms of admission to royal scholarships: one, going back to the age of Counter-Reformation, sought to give priority to converts to Catholicism, orphans and impoverished, but deserving nobles; the other, rooted in the practices of the Theresian age, stressed the parents' needy standing as a requirement and their merits as a sufficient condition of rendering support in the form of a royal scholarship. The educational infrastructure of this period is portrayed through the spectrum of schools ranging from the elitist Theresianum in Vienna to the Political-Economic College in Szenc and the Theresian College in Vác. The chapter considers the forms and functions of pupils' involvement in court ceremonial, and approaches the issue of social mobility through education (and its limits) in the case of recently ennobled royal servants.

Chapter Three portrays the age of great changes — the dissolution of the Society of Jesus in 1773, the introduction of the general

School Ordinance of 1774 for the Hereditary Lands and the *Ratio Educationis* of 1777 for Hungary, and the abolition of the Theresian system of the privileged schools under Joseph II. The chapter highlights the most ambitious project of the Hungarian authorities — the foundation of the Buda Theresian Academy in 1777, designed to provide the noble elite of the kingdom with a college challenging the noble academies of Vienna. The chapter studies the political and cultural context of «national» contradictions while distributing royal scholarships, and possible correlations between regnalistic principles of scholarship quotas and the eventual birth of national consciousness. It also illustrates how formal requirements, such as certificates proving the capacities and diligence of the pupil, were gaining ground and turning into the basic criterion of admission even in parallel with the desire to encourage worthy fathers or console deserving families. The chapter discusses the problem of clientelism and patronage networks serving both the channels of access to privileged schools for smaller nobles and the mechanism used by the authorities to select worthy candidates based on the recommendations of reliable brokers. Finally the chapter summarises the innovations introduced by Joseph II in order to deprive the school system of its exclusive character and open it up to talent.

To summarise: the noble schools of the Theresian age were peculiar «patronage markets», where young nobles got an opportunity to go through earlier socialisation and demonstrate their abilities and talents to their potential sponsors at the court and in office. Royal scholarships, while preserving their initial philanthropic function were gradually acquiring the function of social control, propagating a direct dependence between individual and family merits on the one hand, and adequate remuneration for them on the other: The usual practice of reserving quotas for the representatives of different lands and provinces of the Monarchy first designed to assure equal access to education for the local elites had soon turned into a factor of both melting the nobilities into the supranational elite, and of disseminating national sentiments. The orientation of these schools in bringing up new generations of royal and county servants had been little by little widening intellectual horizons and changing the cultural aspirations of the noble estate: the feudal loyalty of a vassal was replaced by the unambiguous requirement of competence and professionalism of the authorities and conscious and responsible devotion to the public good. The radical social reforms of Joseph II in the 1780s would

have been hardly possible if many sincere adherents of the ideas of the Enlightenment had not been educated not only in the Protestant universities of Western Europe, but also in the noble schools of the Monarchy.

Despite the obvious discrepancy between Maria Theresa and Joseph II in methods and principles of carrying out the educational reforms, both monarchs were striving to make education serve the state and optimise costs. In the long run many of Joseph's initiatives, including the centralisation of school finances and their management, had been prepared by the decades of slow evolution during the reign of his mother. Yet the two monarchs had different approaches to the problem: if Maria Theresa was trying to change the profile of the feudal elite through state-controlled education in the privileged schools, Joseph was determined to build a society with no elitist schools. One cannot say, that the return to the Age of Counter-Reformation, slowly transforming the Theresian model, had contradicted the basic principles of enlightened reforms, or that the egalitarian Josephine model was the only way to make the school serve the needs of the state and society. Minimization of the legally guaranteed, exclusive right of the nobility to enjoy elitist education caused the overall decline of privileged schools, and in the nineteenth century those nobles who could not or did not want to give their children expensive private education, had to send them to non-noble colleges, high schools and universities. Thus Joseph II, although having abolished the successful practices of the previous reign, nevertheless eased the triumph of meritocratic values, when membership in the political elite was not determined exclusively by the right of birth, but could be acquired through education, and where the school system widened until the borders of the national community were turned into the instrument of its construction.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абафи Лайош* 170
Абафи Янош 321
Абрахамфи Йозеф 204
Айхольд Кристиан 300
Альмаши Даниэль 307
Альмаши Игнац, воспитанник 242
Альмаши Игнац, генерал 242
Альберик Монтекассинский 256
Альберт Саксен-Тешенский, герцог 242, 324, 351, 357
Альтан Генрих 106
Амаде, род 70
Амбро Йозеф 321
Амбро Карой 321
Андерсон Мэтью С. 19
Андраши Иштван 91
Аньош Пал 382
Аппони Антал 241
Аристотель 67
Асалаи Ласло 324, 325, 340
Асалаи Йозеф 324, 325, 341
Ауэрсперг, обрешталмейстер 89
Ауэрсперг Иоганн Баптист 106
Ауэрсперг Иоганн Непомук 333
Ауэрсперг Йозеф 333
Ауэрсперг Франц 106
Аш Геральд Р. 18, 391

Б

- Байер Владимир* 274
Балаж Эва 48
Балаш Михай 321
Балашша, род 37, 99
Балашша Габор 137, 347

- Балашша Пал 99
Балашша Ференц 99
Балашша Ференц, воспитанник 99, 138, 144, 149, 150, 169, 184, 185, 187, 190, 246, 279, 310, 330, 341, 345-353, 356, 357, 381, 382
Балашша Шандор 138
Балашши Балинт 99
Балинтит Иштван 123, 124
Балог Карой 179
Баница Иоганн Петер 88
Банфи, род 121, 124
Банфи Денеш 124,
Банфи Денеш, воспитанник 124, 125, 179
Банфи Дёрдь, воспитанник 124, 125, 179, 236, 241
Банфи Дёрдь, губернатор 124, 201
Бардоши Йозеф 134, 135, 142, 151
Бардоши Янош 364
Баринаи Ласло, воспитанник 107, 140, 141, 148, 168
Баринаи Ласло, советник 140
Батка Ласло 215
Батта Ласло 134
Баттяни, род 37, 111, 137, 178, 299
Баттяни Адам 130, 168, 208
Баттяни Антал 179, 214, 276
Баттяни Винце 263, 299
Баттяни Игнац 105, 214, 274
Баттяни Имре 314
Баттяни Имре, председатель Септемвирального суда 105, 179, 214

- Баттяни Йожеф 263, 299
 Баттяни Йожеф Дёрдь 105, 214, 263, 276, 299
 Баттяни Каетан 276, 299
 Баттяни Карой Йожеф 106, 234
 Баттяни Лайош 129, 137, 182
 Бачак Йожеф 321
 Бачмеден Дёрдь 138
 Бачо Янош, сирота 204
 Бачо Янош, советник 353
 Бек Христиан 81
 Бекерс Матиас 120
 Бекерсы, род 120
 Беккариа Чезаре 24
 Бендик Йожеф 261
 Бендик Петер 261
 Бендик Ференц 261
 Берени, род 70, 90, 161
 Берени Андраш 89, 90, 148, 161, 232, 279
 Берени Тамаш 90
 Бернридер Иоганн 307
 Бернридер Йозеф 307
 Берсон Марк 327
 Берхтольд Франц (Ференц) 310, 350
 Бетлен Габор 179
 Бетлен Имре 179
 Бетлен Йожеф 179, 270, 304, 305
 Бетлен Ката 124
 Бешенеи Дёрдь 153
 Бистрицен Ласло 216, 229
 Битто Дёрдь 267
 Битто Игнац 128, 266
 Битто Йонаш 267
 Битто Константин 129, 130
 Битто Лайош 267
 Битто Михай 267
 Битто Пал 349
 Битто Тит 267
 Битто Янош 267
 Блате Терезия 336
 Блек Клаус 46
 Бобок Михай, воспитанник 141, 148, 154, 206, 356
 Бобок Михай, советник 141
 Боден Йозефа 253
 Бодо Дёрдь 128, 129
 Бонбарди Микеле 239
 Борнемиса Йожеф 180
 Борнемиса Янош 180
 Борош Иштван 145
 Борош Лайош 138
Брезинка Вольфганг 43
 Брудерляйн Иоганн (Янош) 226
 Брудерляйн Теодор (Тодор) 226
 Брунsvик Антал, воспитанник 37, 182, 184, 185, 233, 236, 240, 270, 271, 347-349
 Брунsvик Антал, советник 144, 179, 182, 233, 347
 Брунsvик Йожеф 179, 347, 348
 Брунsvик Янош 270
 Брунsvики, род 37, 111, 270
 Будаи Ласло 154
 Будаи (Реваи) Магдольна 134
 Будаи Пал 134, 135, 142, 154
 Будаи Тамаш 136
 Будаи Ференц 134, 135
 Бьянки, старший лейтенант 328
- В**
- Вагнер Ханс* 55, 91, 102
 Ваи Адам, повстанец 90, 91
 Ваи Адам, судья 90, 91
 Ваи Иштван 90, 91, 97, 205
 Вайн Антон 306
 Вайс Йозеф 350
 Вайс Петер 134
 Ван Свитен Герард 81, 82, 89, 182
 Ван Свитен Готфрид 290, 368
 Варади Дёрдь 204
 Варади Йожеф 249
 Варади Карой 223
 Варади Ласло 222
 Варади Янош 223
 Ваш Йожеф 245
 Ваш (Каман) Мария Терезия 245
 Ваш Михай 36, 110, 111, 114, 116, 117, 216, 226, 245, 307, 321

- Ваш Пал 245
 Ваш Янош 216, 217, 245
 Велецки Иштван 128
 Велла, воспитанник 142
 Вельзерсхаймб Леопольд 300
 Вербёци Иштван 69
 Вёрёш Антал 310, 311, 342
Вёрёш Карой 97, 98
 Вернер Михель (Михай) 198
 Вечеи Анна Мария 118
 Вечеи Зигберт 141, 148
 Вечеи Игнац 149, 302
 Вечеи Имре 303
 Вечеи Йожеф 149
 Вечеи, Ласло 303
 Вечеи Шандор 303
 Вечеи Ференц 149
 Видош Йожеф 205, 206
 Видош Янош 205, 206
 Виндицгрец Антон Бальта-
 зар 88
Винкельбауэр Томас 66, 274,
 348
 Витман Йозефа 251
 Владислав I, польский ко-
 роль 165
 Вольтер 108
 Вольф Христиан 21, 22, 334
Вольфрам Хельмут 18
Воцелка Карл 17, 18, 54, 79
 Вульфен Йожеф 105
- Г
- Габани Йожеф 248
 Габани Тамаш 248, 249
 Габорфи Иштван 305, 306, 377
 Габсбурги, династия 27, 28, 48,
 50, 64, 65, 67, 73, 77, 78, 90,
 97, 98, 105, 119-122, 143, 178,
 186, 238, 239, 240, 244, 259,
 267, 345, 346, 392
 Гайсрук Антон 132
 Ганс Антон 327
 Гарелли Пий Николай 81
 Гаснер Адам 307
 Гаснер Йозеф (Йожеф) 307
 Гаснер Людвиг (Лайош) 307
- Гаснер Иоганн (Янош) 307
 Геблер Йозеф 298
 Геблер Тобиас 287
Геммель-Флишбах Макс 32,
 161, 163, 206, 270
 Герамб Карл (Карой) 303, 304,
 334
 Герамбы, род 303, 304, 334
 Гёргей Дёрдь 204
 Герстль Иоганн (Янош) 325
Гечени Лайош 65
 Гици Кашпар 321
 Гомер 292
 Гонзага, герцог 348
 Гораций 362
 Горчаков Александр Михайло-
 вич 110, 150, 163, 164
 Гостони Иштван 224, 225
 Гостони Иштван, воспитан-
 ник 224, 225
 Гостони Йожеф 224, 225
 Гостони Пал 224, 225
 Грабарич Жужанна 205
 Грансберг Франц Антон 333
 Грашалкович Антал 89
Гримм Геральд 44
 Гринер Георг Франц 126
 Гроций Гуго 88
- Д
- Дахауэр Георг (Дёрдь) 253, 254
 Дашкова Екатерина Романов-
 на 272
 Де Биль (Дебиль) Людвиг 83, 84
 Деаки Антал 196, 197, 248, 249
 Дедински Клара 204
 Дедински Янош 204
 Дедович Янош 129
 Дежёфи, род 111
 Дежёфи Иштван 131
 Дежёфи Иштван, воспитан-
 ник 36, 103, 105-118, 131,
 163, 216, 330
 Дежёфи Йожеф 118
 Дежёфи Шамуэль 118, 330
 Дежёфи Шамуэль, фёнш-
 пан 105, 110, 111, 117

- Дельпини Игнац 250
 Демосфен 292
 Денис Михель 183
 Дёри Габор 107, 149
 Дзанки Джузеппе 232, 279
 Диксон Петер 49, 50
 Длхолуцки Пал 250
 Добаи Жигмонд, воспитан-
 ник 100, 101, 105, 107, 150
 Добаи Жигмонд, судья 100,
 101, 105
 Добаи Тамаш 150
 Добаи Янош 207
 Домбаи Михай 216, 217, 307
 Домокош Йозеф 305
 Драут Иоганн (Янош) 201
 Драшкович Йозеф 164
 Драшкович Миклош 43, 141,
 148
Духхардт, Ханс 18
 Дюлаи (Халлер) Каролина 211
 Дюлаи Ференц 211
 Дюлаи Шамуэль 359
 Дюлафи, Ласло 232
- Е**
- Езерницки Янош 323
 Екатерина II, российская импе-
 ратрица 18
 Еленфи Игнац 163
 Еленфи Янош 101
 Еленфи Янош Леонард 101,
 163, 336
- З**
- Зала, Иоганн 183
 Зальм Йозеф 56, 164
 Зальм Карл 88
 Зальм Франц 56, 164
Захар Йозеф 151
 Зееберг, род 201
 Зиглер Иоахим Карл 232
 Зичи, род 70, 178
 Зичи Жигмонд 105, 154
 Зичи Иштван 351
 Зичи Карой 241
 Зичи Миклош 179, 210, 276
- Зичи Ференц, воспитанник 236,
 238-240
 Зичи Ференц, епископ 210
 Зичи Янош, воспитанник 105,
 106
 Зичи Янош, советник 105, 210
 Золтан Пал 101, 350, 357
 Золтан Янош 331, 357
 Золтаны Чепейские, род 101
 Зонненфельс Йозеф 15, 22, 175,
 176, 181, 184, 227, 257, 337
- И**
- д'Идзо Джованни-Баттиста 315
 Иллешхази Йозеф 359
Иллеши Янош 154
Инграо Чарльз 23
 Иосиф, эрцгерцог — см. Иосиф II
 Иосиф I, император Священной
 Римской империи 72
 Иосиф II, император Священной
 Римской империи 18, 22, 23,
 30, 43, 76, 106, 149, 194, 227,
 228, 231, 232, 234; 236, 238,
 239, 241, 265, 273, 286, 288,
 289, 299, 303, 304, 330, 331,
 335, 352, 359, 367, 369-374,
 392, 393
 Иштван I Святой, венгерский ко-
 роль 91, 238
- Й**
- Йоаннович-Сакабент Карой Мо-
 зеш 328
 Йон Алайош 246
 Йон Имре 246
 Йон Хенрик 245, 246
- К**
- Када Пал 224
 Казмер Агоштон 110
 Кайдачи, сёстры 264
 Кайдачи Йозеф 264
 Кайдачи Шандор 129, 264, 282
 Калазанца Иосиф 131
 Кальмюнцер Мария Тере-
 зия 133

- Кальноки Антал 179, 180
 Кальноки Лайош 179, 236, 238
 Капринаи Иштван 232, 280
 Карл, эрцгерцог 232
 Карл VI, император Священной Римской империи 46, 77, 81, 97, 126, 140, 224, 231
 Карл VII, император Священной Римской империи 78
 Каройи, род 37, 108, 111, 353
 Каройи Антал 101, 116, 117, 168, 310, 351, 352, 354-365
Каройи Арпад 76
 Каройи Йозеф (Пеппи) 36, 104, 108-110, 112, 115-118, 358
 Каройи (Баркоци) Кристина 353
 Каройи Ференц 101, 353, 354
 Каройи Шандор 97, 162, 264, 353
 Карпер Иоганн 251
 Кауниц-Ритберг Венцель Антон 24-26, 46, 144, 145, 177, 176, 227, 266, 286, 289, 290, 294, 347, 371
 Кауницы, род 46
 Квашаи Янош 321
 Кевенхюллер-Метч Иоганн Йозеф 62, 80, 87, 115, 153, 179, 268, 347
 Кевенхюллер-Метч Фердинанд 107
 Кеглевич Иоанна 187
 Кеглевич Йозеф 100
 Кеглевич Петер 330
 Кеглевич Янош 91
 Кеглевичи, род 70, 330
 Кельц Йозеф 351, 356
 Керестури Йозеф 361
 Керчелич Бальтазар 177
Кидд Колин 326
 Кильмансег, барон 327
 Кинмайер Алоизий 263
 Кинский Фердинанд 89
 Кирхберг — см. Шаленберг Франциска Поликсена
Кишпарти Янош 246, 281
 Клигль Александр 301
 Клигль Игнац 301
 Климент XIV, папа римский 289
Клингештайн Грете 15, 45, 46, 67, 83, 293
 Клобушицки, род 357
 Клобушицки (Кенде) Анна 359
 Клобушицки Антал 359-365
 Клобушицки Гашпар 359
 Клобушицки Дёрдь 363
 Клобушицки Йозеф 361-363
 Клобушицки Карой 361
 Клобушицки Ласло 359, 360
 Клобушицки Ласло, воспитанник 363, 364
 Клобушицки Петер 363
 Клохомер (Клохамер) Иоганн (Янош) 196
 Ковач Янош 342, 343
 Ковачич Мартон Дёрдь 332
 Коллар Адам Франтишек (Франц, Ференц) 292, 308, 309
 Коллер Франц (Ференц) 138, 232
 Коллоредо Антон 227
 Коллоредо Венцель 107
 Колонич Зигмунд 91
 Колонич Йозеф (Йозеф) 91, 148
 Колонич Карл Йозеф (Карой Йозеф) 148
 Колонич Ладислаус (Ласло) 91, 148
 Колонич Сигизмунд 85, 91, 148, 198
 Кольбер Жан-Баптист 77
Конрадс Норберт 46
 Кончек Бернат, секретарь 128, 134, 167, 349
 Кончек Бернат, дворянин 128, 129, 167
 Кончек Йозеф 129, 167
 Кончек Лайош 349, 382
 Коптик Оддо 74, 75, 76, 84, 313
 Корниш (Халлер) Анна 211
Корниш Дюла 42, 43, 311
 Корниш Жигмонд 180

- Корниш Жигмонд, воспитанник 180, 211
 Корниш Имре 120, 211
 Корниш Михай 106, 107, 120
 Корниши, род 120
 Котман Антон (Антал) 145
 Кох Игнац, кабинет-секретарь 89
 Кох Игнац, таможенный служащий 250
 Кохари, род 70
Кошари Домокош 47, 272, 310, 381
 Краль Бенедикт (Бенедек) 252-254, 281
 Краль Игнац 252
 Краль Йозеф (Йожеф) 252
 Краль Матиас (Матяш) 252-254, 281
 Крас Франц (Ференц) 250
 Крессель Игнац 290, 295, 308
 Кристиани Джованни-Франческо 106
 Кристль Терезия 263
 Кроненберг Антон 221
 Кроненберг Иоганн Баптист 221
 Кронштайн Теодор 181, 295
 Кульчар Иштван 189
 Кун Ласло, кадет 128
 Кучер Йозеф 251
 Кучер Мартин 251
 Кюнцлер Йозеф 220
- Л
- Ла-Вона Энтони* 45, 334
 Лагузиус Иоганн Георг 301
 Лагузиус Леопольд 301
 Лазар Антал 179
 Лазар Ласло 179
 Лазар Лукас 321
 Лайош (Людовик) I, венгерский и польский король 94, 238
 Лантьери Иоганн Каспар 295, 297, 305
 Ла-Ну Франсуа де 64
 Лаудес Карл 220
 Ла-Шалотэ Луи-Рене 288
- Лёвенбург Алоизия 132
 Лёвенбург Иоганн Якоб 132, 133, 142
 Ледерер Пауль 263
 Лендваи Ласло 321
 Леопольд I, император Священной Римской империи 90, 124
 Леопольд II, император Священной Римской империи 189, 301, 324, 352, 374
 Липпай Дёрдь 69
 Лихтенштайн Гундакер 66
 Лобковиц Йозеф 227
 Ловоровские, род 132
 Лойола Игнатий 131
 Локк Джон 334
 Лоши Имре 69
 Лужинский Георг 187
 Лужинский Йозеф 187
 Лужинский Рудольф 320
 Лухсенфельд Михель 111
 Людовик I Венгерский — см. Лайош I
 Людовик XIV, французский король 16, 66, 230, 344
 Людовик XVI, французский король 241
 Люмага, генерал 363
- М
- Мадарас Антал 129
 Маджар Имре 310
 Мадочани Антал 37, 144, 148, 154, 169, 170, 347
 Мазур Янош 213
 Майер Альберт Михель 329
 Майлат Йожеф 327
 Майтени Кристина 321
 Мак-Ненни Корнелий 345, 346
 Мако Пал 182, 271, 308, 309, 315
Макхарди Карин 64
 Малик Иштван 321, 340
 Малосег Георг 251
 Мандли Янош 213
 Мардшлегер фон Нойталь Йозеф 220

- Мардшлегер фон Нойгаль Франц 220
- Мария, венгерская королева 94
- Мария Антония, эрцгерцогиня — см. Мария Антуанетта
- Мария Антуанетта, французская королева 241
- Мария Кристина, эрцгерцогиня 231, 242
- Мария Терезия, императрица 23, 27, 30–32, 34, 41–44, 49, 53, 54, 66, 75, 77, 78–80, 83, 84, 86, 89–91, 95–96, 98, 101, 105, 122, 127, 129, 131, 133, 134, 136, 140–142, 145, 155, 161, 162, 174, 178, 187, 193, 194, 199, 200, 204, 207–210, 213, 216, 226, 228, 230–234, 236, 238–244, 248, 250, 279, 287–289, 292, 296, 297, 301, 302, 313, 315, 321, 330, 335, 339, 343, 353, 354, 366–368, 374, 387, 393
- Мария Терезия Фелицитас, герцогиня Савойская 84, 127
- Марковицки Йозеф 307
- Марковицки Пал 136, 307
- Марковицки Ференц 220
- Маркс Грациан 16, 292, 293, 297, 312
- Мартини Карл Антон 88, 279, 290–292, 308
- Мartiнович Игнац 155
- Марфи Иштван 250
- Марцали Хенрик* 226
- Мате Дёрдь 228
- Матейчек Михай 321
- Матиас I, император Священной Римской империи 66
- Матяш I Корвин, венгерский король 238
- Маяс Элемер* 43
- Медери, дворянин 321
- Меднянски Пал 302
- Меднянски Янош Непомук, воспитанник венского Терезианума в 1761–1768 гг. 179, 190, 269, 272
- Меднянски Янош Непомук, воспитанник венского Терезианума в 1778–1779 гг. 302, 303
- Меланхтон Филипп 256
- Мелтон Джеймс В. Х.* 17, 25, 44, 174, 293
- Меншенген Франц 298
- Мерше Синеийский, кадет 128
- Месарош Иштван* 44
- Мигацци Кристоф 115, 172–174, 183, 190, 191, 198, 242, 295
- Микеш (Халлер) Жужанна 211
- Микеш Антал 211
- Микеш Жигмонд 106, 107, 120
- Микеш Иштван 120
- Микеш Михай 211
- Микеш Янош 305
- Миксат Кальман 106
- Мильтон Джон 272
- Митицки Герман Филипп 128
- Миттерпахер Анна 322
- Миттерпахер Йозеф (Йозеф) 315, 322
- Миттерпахер Людвиг (Лайош) 182, 271, 315, 322
- Миттерпахер Иоганн (Янош) 322
- Михалец Иштван 217
- Модьороши Антал 248
- Мозер Иоганн (Янош) 252
- Мозер Йозеф (Йозеф) 250
- Мозер Карл 126, 127
- Мокош Н., воспитанник 263
- Мольнар Аладар* 41
- Монтани Йозеф 183
- Мор Йозеф (Йозеф) 145, 146, 307
- Мор Леопольд 145
- Мор Феликс 145, 146
- Мороц Криштоф 128
- Мотли Марк* 12
- Муратори Лодовико-Антонио 173
- Мюллер Райнер А.* 13
- Мюллер Франц Ксавьер 118

Н

- Надашди, род 70
 Надашди Липот 93, 95, 135, 143, 151
 Надашди Михай 102, 236
 Надашди Ференц, воспитанник 303, 304
 Надашди Ференц, фёйшпан 303, 304
 Надашди Ференц, хорватский бан 102, 130, 148, 151, 164
 Надь Антал 273
Надь Иван 163, 267, 334
 Надь Иштван 138, 261, 262
 Надь Йозеф 262
 Надь Ласло 129
 Надь Миклош 325
 Надь Михай 215, 381
 Надь Шандор 129
 Наместовски Андраш 253
 Наместовски Янош 253
 Недецки Адальберт 95, 107, 148, 222
 Недецки Игнац 154
 Недецки Карой 93-95, 99, 107, 154, 162, 122
 Недецки Ласло 94
 Недецки Тамаш 222
 Немети Антал 195
 Ницки, род 90
 Ницки Анна 107
 Ницки Дёрдь 107
 Ницки Йозеф 89, 90, 148
 Ницки Криштоф 310, 311
 Новакович Имре 357
 Нойлант Франц Ксавьер 300
 Носки Каролина 363
 Ньютон Исаак 292

О

- Околичани, род 134
 Околичани Имре 222
 Орбан Пал 201
 Орландо Алоизий 327
 Очкаи Гашпар 321

П

- Пазмань Петер 42, 68
 Палочаи Янош 205
Палфи Геза 68
 Палфи Карой 325
 Палфи Миклош 143, 359
 Палфи Янош 357
 Пархамер Игнац 288
 Патачич Адам 301, 320
 Патачич Катарина 301, 320
 Патачич Фридрих (Фридеш) 301, 320
 Пацовски Липот 249
 Пеклер Йозеф 233
 Пеллегрини, полковник 331, 332
 Перген Иоганн Антон 66, 288, 289, 295, 366
 Перени, род 161
 Перени Имре, воспитанник венского Терезианума в 1748-1754 гг. 91
 Перени Имре, воспитанник венского Терезианума в 1774-1776 гг. 302
 Перени Пал 212, 262
 Песталоцци Иоганн Генрих 368
 Петки Йозеф 271
 Петр Леопольд, герцог Тосканский — см. Леопольд II
 Петрарка Франческо 256
 Петраш Франц 179, 186
 Петтенек Ахац 298
 Печи Габор 310
 Печи Имре 129, 130
 Печи Янош 128
 Пещуров Александр Никитич 110
 Пикер Иоганн Баптист 81, 232
 Плавт 242
 Плетрих Габор 331
 Плетрих Ласло 331
 Плеттенберг Франц 106
 Плювинель Антуан 64
 Подманицки Йозеф 362
 Понграц, братья 195, 212

Понграц Антал 250
 Понграц Гашпар 143
 Понграц Магдольна 340
 Понграц Пал 212, 262
Потен Бенедикт 127
 Праи Дёрдь 181, 186, 236, 238,
 280, 315
 Прато Игнац 106
 Прускаи Антал 163, 361
 Пуки Андраш 329
 Пуки Йозеф 329
 Пуки Тамаш 329
 Пуффендорф Самуэль 21, 218
 Пухнер Барбара (Борбала) 336
 Пухнер Франц Антон (Ференц
 Антал) 251, 336

Р

Раефф Марк 23
 Разумовский Андрей Кирилло-
 вич 74
 Раковски Янош 207
 Ракоци Ференц II, трансильван-
 ский князь 27, 90, 97, 324,
 354
 Реваи, род 69, 134, 135, 141
 Реваи Имре 207
 Реваи (Околичани) Ката 134–136
 Реваи Лайош 134, 135
 Реваи Ласло 141
 Реваи Марк 206, 207
 Реваи Мозеш 143, 206
 Реваи Шандор 134
Рейнольдс Сьюзен 326
 Реттеги Дёрдь 124, 125
 Рибич Антал, советник 187
 Рибич Антон (Антал), воспитан-
 ник 186
 Рибич Георг Рудольф 187
 Рибич Йозеф (Йозеф) 186
 Ригер Пауль Йозеф 88, 181–296,
 349
 Рихтхаузен Иоганн — см. Хаос
 Иоганн, барон
 Росберский Бертран 331, 332
 Рот Андреас (Андраш) 205

Рот Михель (Михай) 205
Рошер Вильгельм 16, 19
 Рошти Жигмонд 137
 Рошти Иштван 137
 Рошти Ласло 137
 Рошти Пал 137, 155, 302
 Рошти Ференц 137
 Рошти Янош 155, 302
 Руссо Жан-Жак 368

С

Сабо Франц 23, 143, 345
 Салаи Ката 222
 Светич Якаб 93, 94
 Севинье Мари де Рабютен-
 Шанталь 56
 Сегеди Янош 143
 Секей Иштван 130
Секфю Дюла 42
 Сентивани, вдова 321
Сентпетери Имре 42, 69
 Сердахеи Игнац 339
 Сёрени Йозеф, воспитан-
 ник 302, 350, 351
 Сёрени Йозеф, полковник 302,
 350
 Сермаж Мориц 320
 Сермаж Петер 177
 Сечени Ференц 149, 161, 186, 190
 Синей-Мерше Пал 167
 Сирмаи (Дежёфи) Клара 118
 Сисенбек Антон 251
 Склабиг Андреас (Андраш) 321
Смит Энтони 326
Смит Джей М. 11, 222
 Софокл 292
 Стараи Имре 100, 101
Стоун Лоуренс 11
 Суньоги Пал 130

Т

Тагани Фердинанд 263
 Тагани Янош 263
 Такач Йозеф 189
 Тангль Филипп Якоб 288
 Таубер Карл 144

- Тахи Карой 321
Ташнер Роберт 56
 Тёкёли Имре 90, 97
 Телски, род 124
 Телеки Пал 123, 179
 Телеки Тамаш 179
 Телеки Ференц 123, 124, 148, 179
 Телеки Янош 123, 179
 Терней, род 223
 Терней Иштван 223
 Терстьянски Даниэль 308
 Тиста Пал 323, 324, 364
 Тойфенбах Рудольф 178, 296
 Тольнаи Антал 11
 Томази Антонио 235
 Томазиус Христиан 21, 218
 Тороцкаи Йозеф 270
Тот Иштван Дёрдь 48
 Тот Ласло 128, 129
 Траутмансдорф, барон 178
 Траутсон Иоганн Йозеф 87, 108
 Тргович Юдит 253
- У**
- Ульфельд Корфиц Антон 76
 Урмени Йозеф 226, 308, 311, 354
- Ф**
- Фаи Габор, воспитанник 101, 205
 Фаи Габор, советник 100
 Фаи Криштоф 100, 101
 Файхер Франц 341
Фалленбюхль Золтан 49, 145, 146, 158, 192, 240, 244, 281
 Фейерпатаки Ласло 197
 Фекете Дёрдь, вице-канцлер 106, 107, 117, 118, 300, 308, 324, 340
 Фекете Дёрдь, полковник 340
 Фекете Ференц 300
 Фекете Янош 37, 106, 107, 116, 117, 233, 300
 Фельбигер Иоганн Игнац 287, 288, 290, 291, 308
- Фердинанд I, император Священной Римской империи 65, 96
 Фелькель Антон 288
 Ферлер, секретарь 138
 Фештетич Дёрдь 188, 189
 Фештетич Игнац 299
 Фештетич Йозеф 37, 116, 369, 387
 Фештетич (Штильфрид) Каэтана 387
 Фештетич Карой 210, 299
 Фештетич Ласло 189
 Фештетич Пал 149, 188, 210, 262
 Фештетич Ференц 260, 299
 Фештетич (Драшкович) Францишка 210
 Фештетичи, род 178, 210, 260
 Фидлер Иоганн Михель (Янош Михай) 248
Финаци Эрнё 41, 55, 131, 203, 207, 291, 292, 308
 Фирмиан Леопольд 286, 287
 Фоглар Имре 100
 Фома Аквинский 67
 Фоньо Янош 222
 Форгач Миклош 330, 332, 340
 Форгачи, род 70
 Фрайтаг Перегрин 106
Фракноу Вильмош 161, 186, 187, 272
 Франц I, император Священной Римской империи 78, 91, 234, 240
 Франц II, император Священной Римской империи 189, 353, 374
 Франц Йозеф, иезуит 366
 Франц Стефан Лотарингский — см. Франц I
 Фрегенберг Леопольд 232
 Фрёлх Эразм 181
 Фридрих II, прусский король 18, 19, 23, 290
 Фромиллер, воспитанник 142
Фуко Мишель 17, 18, 25
 Фьяски Галеацио 106

X

- Хавор Имре 321
 Хавор Иштван 351, 352
 Хавор Йозеф 351, 352
 Хавор Ласло 351
 Хаген Иоганн 105
 Хаген Фридрих (Фридеш) 321
 Хадик Андраш, воспитанник 199, 242, 302
 Хадик Андраш, генерал 199, 242, 301, 302, 328
 Хадик Карой 199
 Хадик Янош 301
 Хадики, род 140, 178
 Хазенёрль Иоганн Георг — см. Лагузнус
Хайду Лайош 162
Хайндль Вальтрауд 50
 Халлер Антал 120, 232, 305
 Халлер Борбала 124
 Халлер Жофия 120, 211, 262
 Халлер Йозеф, воспитанник венского Терезианума в 1768—1771 гг. 149, 232, 241, 365
 Халлер Йозеф, воспитанник венского Терезианума в 1771—1775 гг. 270
 Халлер (Каройи) Клара 354
 Халлер Шамуэль 245
 Халлер Янош 211
 Халлеры, род 37, 111
 Хамаре-Харбувал Иоганн Йозеф 187
 Хамаре-Харбувал Иоганн Сигизмунд 187, 350
 Хаос Иоганн, барон 126, 166
 Хардег Карл 112
 Харрах Франц Ксавьер 232
 Харрах Фридрих 232
 Харшани Янош 307, 321
 Хатош Ференц 219
 Хаугвиц Фридрих Вильгельм 20, 21, 129, 137, 141
 Хёдеси, род 136
 Хёдеси Андраш 136—138
 Хёдеси Антал 136, 139, 168
 Хёдеси Шандор 136—139, 168
Хеди Ференц 41, 197
Хеллебронт Кальман 150, 153, 170, 282
 Хенеи Винце 36, 110, 112, 115, 117
 Хентер Жигмонд 120
 Хентер Игнац 306
Хеншолл Николас 18
 Херляйн Карл (Карой) 300
 Херляйн Франц Ксавьер 300
 Херман Леопольд (Липот) 321
 Херц Иоганн Давид 237, 239
 Хершинг Сигизмунд (Жигмонд) 128, 129
 Хесс Игнац 44, 291
 Хетей Андраш 168
 Хлавач Имре 221
 Хлавач Янош 221
 Хольцман Антон 163
Хоман Балинт 42
 Хомоки Имре 129, 130, 136, 168
 Хорват Андраш 128
Хорват Михай 161
 Хорват-Станшичи, род 206
 Хорецкий Флориан 320, 321
 Хоринский Михель 107
 Хотек Йозеф 369
 Хуняди Ференц 262, 263, 323, 324, 379
 Хуняди (Фештетич) Францишка 262, 263, 323
 Хуняди Элек 262, 263, 323
 Хусти Иштван 69

Ц

- Цедлер Иоганн Генрих 218, 334
 Цицерон Марк Тулий 65, 67, 256, 292

Ч

- Чаки, род 121, 178
 Чаки Имре 91, 234, 238, 239
 Чаки Янош 305
 Чеконич Йозеф 307

- Черей, род 201, 357
 Черей (Борош) Клара 358
 Черей Лёринц 202, 358
 Черей Пал 306, 358, 359
 Черей Фаркаш (Вольфганг), воспитанник 304, 305, 358
 Черей Фаркаш (Вольфганг), советник 201, 202, 304, 357
 Черей Ференц 202, 358
 Черей Шамуэль 304, 306, 358
 Черей Элек 306, 358
 Чернович Михай 98
 Черски Янош 341, 342
 Черски Янош, воспитанник 342
 Чока Лайош 309
 Чорба Игнац 228
- Ш**
- Шаги Игнац 324
 Шайнович Янош 186
 Шаленберг Франциска Поликсена, баронесса Кирхберг 84
 Шандор Йозеф 91
 Шарлах Йозеф (Йожеф) 250
 Швартнер Мартин (Мартон) 236, 240
Шварц Иоганн 40, 72
 Шварц Иоганн (Янош) 248
 Шеленбург, супруги 84
 Шерени, род 70
 Шерфенберг Цецилия 300
 Шиманович Йожеф 225
 Шиманович Клара 225
 Шиманович Симон 225
Шимерт Петер 54
 Ширль фон Ширендорф Христиан Юлиус 70
 Шкерлец Йожеф 323
 Шкерлец Миклош 329, 362
 Шкерлец Ференц 323
 Шмид Карл Антон 251
 Шомшич Пал 128
 Шплени, род 140, 141
 Шплени Винце 320
 Шплени Габор 140, 148, 169, 320, 357
 Шплени Габор Антал 105, 140, 357
 Шплени Йожеф, воспитанник венского Терезианума 105, 107, 140, 141, 149, 169, 316
 Шплени Йожеф, воспитанник Трнавского конвикта 303
 Шплени Ласло Якаб 140, 148, 320
 Шплени Михай 105, 107, 140, 143, 148, 169
 Шплени Ференц, воспитанник 320
 Шплени Ференц, эстергомский каноник 149, 316-319, 353
 Шплени Янош 105, 107, 140, 149, 141, 169, 303
 Штильфрид Эммануил 284, 367, 369
Штиммер Гернот 390, 394
 Штраллер Йожеф 269
 Штробль Катарина 328
 Шубиц Франц 106
 Шубиц Пал 128
 Шустер Карл (Карой) 321
 Шустрик Эстер 322
- Э**
- Эбле Габор* 163
Эванс Роберт 54
Экхарт Ференц 42, 275
Элиас Норберт 229
 Эльбеи Антал 258
 Эльбеи Ласло 259
 Эльбеи Шандор 259
Эмбер Дёзё 49
 Эммануил Савойский, герцог 84
Энгельбрехт Хельмут 43
 Энгельхаус Мария Непомук 151, 152
 Эразм Роттердамский 256
 Эрдёди, род 70, 178
 Эрдёди Йожеф, воспитанник венского Терезианума в 1753-1755 гг. 210

Эрдёди Йожеф, воспитанник
венского Терезианума в
1767–1774 гг. 183

Эрдёди Лайош 208

Эрдёди Липот 107

Эрдёди Янош 221

Эренфельс Каспар 269

Эреш Йожеф 303, 304

л'Эритье Мишель 191

Эрши Имре 260

Эрши Лайош 260

Эрши Ференц 260

Эрши Эржебет 260, 261

Эстерхази, род 69, 178, 302

Эстерхази Казмер 236

Эстерхази Ласло 300, 302

Эстерхази Ференц 145, 190,
191, 197, 210, 216, 300, 314,
322, 331, 333

Эстерхази Янош 271

Эстрайх Герхард 17, 18, 25, 52

Ю

Юсти Иоганн Генрих Готлоб 22,
53, 56, 81, 148, 218, 235, 257

Я

Ябланци Йожеф 216, 306

Якобфи Миклош 201

Янкович де Мириево Теодор (Фё-
дор) 287

Содержание

От автора	5
Введение	9
Учиться — всегда пригодится... ..	11
Рукописи горят	32
Образование — зеркало эпохи?	40
Часть I. Всякое начало трудно	61
Что стоит создать рыцарскую академию	63
Венский Терезианум — поле для эксперимента	77
Самые первые	89
«Недоросль»	102
Сыны «другого отечества»	119
За стенами Терезианума	125
Сироты и кадеты Хаосовского фонда	126
Как завещал граф Лёвенбург	131
Желаемое и действительное	139
Конкуренция за доступ к образованию	139
Военные и статские	147
Часть II. Образование как привилегия и насущная необходимость	171
Венский Терезианум — модель для подражания	177
Венский опыт на венгерской почве	190
Политико-экономический коллегийум в Сенце	191
Терезианский коллегийум в Ваце	198
«Тому, кто беднее...»	202
Конвертиты	203
Сироты	207
Обедневшие дворяне	213
Накопление заслуг, подсчет достоинств	217
Государевы очи	229
Приравненные к дворянам	243
Искусство просить	255

Часть III. Социальная справедливость для дворянского сословия	283
Государственное руководство школой в масштабе страны	285
Венский Терезианум «без иезуитов»	295
Национальной элите — национальную систему образования	308
«Ratio educationis»: обучая — просвещать	308
Терезианская академия в Буде: «не хуже, чем в Вене»	313
«Никаких особых заслуг перед Венгрией...»	326
Талант и его документальное подтверждение	334
Покровители и благодетели	343
Ференц Балашша	345
Антал Каройи	353
В режиме строжайшей экономии	366
Заключение	385
Список сокращений	395
Источники и литература	396
Resume	419
Указатель имен	423

Contents

Acknowledgements	5
Introduction	9
Non scholae sed vitae discimus... ..	11
Manuscripts perish	32
Education as a mirror of the age?	40
Part I. Omne initium difficile	61
What it takes, to create a noble academy	63
The Vienna Theresianum — a proving ground for experiments	77
The very first ones	89
«The Minor»	102
Sons of «the other Homeland»	119
Outside the Theresianum	125
Orphans and cadets of the Baron Chaos Foundation	126
As Count Löwenburg bequeathed	131
Desired and reality	139
Contest for access to education	139
Military and civic	147
Part II. Education as a privilege and bad need	171
The Vienna Theresianum — a model to follow	177
The Viennese experience on Hungarian soil	190
The Szenc Collegium Politico-Economicum	191
The Vác Theresian College	198
«To the poorer one...»	202
Converts	203
Orphans	207
Impoverished nobles	213
Accumulation of merits, evaluation of worth	217
Sovereign's gaze	229
Equal with nobles	243
The art of begging	255

Part III. Social justice concerning the noble estate	283
State control over education in the whole of the country	285
The Vienna Theresianum «without Jesuits»	295
The national educational system — to the national elite	308
«Ratio educationis»: teaching through enlightening	308
The Buda Theresian Academy: «not worse, than in Vienna»	313
«No special merits in regard to Hungary...»	326
Talent and its documental proof	334
Patrons and benefactors	343
Ferenc Balassa	345
Antal Károlyi	353
In terms of rigid economy	366
Conclusions	385
Abbreviations	395
Sources and literature	396
Resume	419
Index	423

Ольга Владимировна Хавапова

ЗАСЛУГИ ОТЦОВ И ТАЛАНТЫ СЫНОВЕЙ:

*венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов
1746–1784*

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Редакторы *Н. В. Павлова, К. В. Большакова*
Дизайн обложки и обработка иллюстраций *И. Н. Граве*
Корректор *Н. М. Баталова*
Оригинал-макет *Е. С. Буракова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 336-45-32

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Подписано в печать 02.02.2006. Формат 60x88¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 27. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 154.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
Издательства СПбГУ, 199061, СПб., Средний пр. В. О., д. 41.

Printed in Russia

Монография посвящена истории образовательной инфраструктуры для венгерских дворян в монархии Габсбургов во второй половине XVIII столетия. Привилегированные учебные заведения и их благородные воспитанники, политика распределения королевских стипендий и интриги, сопровождавшие зачисление в коллегииумы и конвикты, принцип вознаграждения детей за отцовские заслуги и требование поощрять в юношах таланты и способности, пути и формы сохранения дворянской исключительности на фоне все более острой конкуренции с высокообразованными разночинцами, обретение национальной идентичности в «плавильных котлах» элитарных школ – вот лишь некоторые из тем, рассмотренных в этой книге.

